Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области Московский государственный областной университет
(МГОУ)

На правах рукописи

Соколова Алина Юрьевна

Системоцентрическое описание нефинитных форм английского глагола: опыт диахронического исследования

Специальность 10.02.04 – Германские языки

Диссертация на соискание ученой степени доктора
филологических наук

Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор,
Аверина Анна Викторовна

Мытищи – 2021

Оглавление

Введение……... 4
Глава 1. Теоретические основы системоцентического функционально-стилистического исследования нефинитных форм……. 21
1.1 Изменчивость грамматического строя языка под влиянием экстра- и интралингвистических факторов…… 21
1.2 Диахроническая типологическая константа аналитичности как закономерность влияния экстралингвистических факторов на ускорение внутриязыковых изменений…… 29
1.3 Глагольный комплекс аспектуальность – темпоральность – модальность в свете системоцентрического подхода……. 34
1.4 Способы выражения глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность в праиндоевропейском и древних германских языках……... 64
1.5 Основные принципы функционально-стилистического диахронического исследования нефинитных форм……. 78
Выводы по главе 1……... 82
Глава 2. Участие нефинитных форм в выражении аспектуальных и модальных значений в древнеанглийский период……... 86
2.1 Языковая ситуация в раннесредневековой Англии……... 86
2.2 Аспектуальные и модальные функции инфинитива…… 95
2.3 Аспектуальная семантика причастия I…… 143
2.4 Аспектуальная семантика причастия II……... 163
Выводы по главе 2……... 188
Глава 3. Участие нефинитных форм в выражении аспектуальных и модальных значений в среднеанглийский период……..... 192
3.1 Языковая ситуация в Англии в средние века..... 192
3.2 Перераспределение аспектуальных и модальных функций инфинитивов..... 196

3.3 Становление аспектуальных функций причастия I..... 234
3.4 Становление аспектуальных функций причастия II..... 271
Выводы по главе 3..... 287
Глава 4. Участие нефинитных форм в выражении значений глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность в новоанглийский период..... 292
4.1 Языковая ситуация новоанглийского периода..... 292
4.2 Преобразование модальных функций инфинитивов..... 294
4.3 Развитие аспектуально - темпоральных функций причастия I..... 310
4.4 Развитие аспектуально - темпоральных функций причастия II..... 317
4.5 Основные структурные принципы организации нефинитной парадигмы глагола и формирования глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность в новоанглийский период……..... 326
Выводы по главе 4..... 333
Глава 5. Причины перераспределения функций нефинитных форм глагола в истории английского языка: экстралингвистические факторы как катализатор внутриязыковых изменений..... 336
Выводы по главе 5..... 363
Заключение..... 365
Список литературы..... 373
Приложение А…….. 429
Приложение Б……... 438
Приложение В…….. 446

Введение

Настоящее исследование посвящено системоцентрическому описанию нефинитных форм английского глагола в диахронии.

В предлагаемой работе на примере нефинитной парадигмы глагола наглядно продемонстрировано, что грамматический строй английского языка имеет собственную траекторию развития и является частью системы, в которой изменение одного элемента под влиянием интра- и экстралингвистических факторов приводит к преобразованию других.

Степень разработанности проблем, представленных в диссертации, недостаточна в связи с многоплановостью и комплексностью исследуемого языкового явления. В немногочисленных работах по истории английского языка неличным формам глагола отводится всего несколько параграфов в разделе, посвященном глаголу, констатируется лишь наличие тех или иных неличных форм, указывается их происхождение и дается краткая характеристика через указание на их связь с именными частями речи [Бруннер, 2003; Ильиш, 1958; Смирницкий, 1955; Ярцева, 1978; Barber, 2009; Baugh, 2002; Burnley, 2000; Gelderen, 2006; Hogg, 2008; Momma, 2008; Mustanoja, 2016; Pyles, 1971; Ringe, 2014; Wright 1908]. На данный момент внимание исследователей было сосредоточено на изучении и описании функций отдельных нефинитных форм в истории английского языка. До сих пор не проводилось специальных интегративных исследований, посвященных становлению видо-временной системы английского глагола с учетом развития функций нефинитных форм, которые бесспорно являются базовыми элементами аналитических глагольных форм. К тому же в лингвистической науке назрела потребность в комплексном описании факторов, повлиявших на перераспределение функциональной нагрузки нефинитных форм и преобразование видо-временной аналитической системы английского глагола. Базовые положения настоящего исследования заложены в научных трудах об изменчивости языка как системы и каждого его уровня в отдельности, влиянии интра- и экстралингвистических факторов на развитие

языка [Бодуэн де Куртенэ, 1963; Виноградов В. В., 1952; Виноградов В. В., 1975; Гумбольдт, 1984; Мечковская, 2000; Мечковская, 2009; Пауль, 1960; Поливанов, 1968; Потебня, 1941; Потебня, 1958; Потебня, 1968; Серебренников, 1968; Серебренников, 1970; Ярцева, 1976]. К наиболее значимым внеязыковым факторам языкового развития относятся языковые контакты. Социолингвистические и структурные характеристики контактных языков рассматриваются в трудах У. Вайнрайха [Вайнрайх, 1972], М. В. Дьячкова [Дьячков, 1987, 1988], Т. М. Николаевой [Николаева, 1984], Е. В. Перехвальской [Перехвальская, 2006), Дж. Арендса [Arends, 1994], П. Бэккера [Bakker, 1995], Д. Бикертона [Bickerton, 1984], Н. Боретцки [Boretzky, 1983], Т. Гивона [Givon, 1979, 1984, 2018], Ч. Фергюсона [Ferguson, 1971], О. Есперсена [Jespersen, 1922], Б. Жозефа [Joseph, 1980], Д. Хаймса [Hymes, 1971], И. Ханкока [Hancock, 1977], Р. Холла [Hall, 1962, 1966], Дж. Холма [Holm, 2000], П. Кейя [Kaye, 2003], А. Кайэ [Kay, 1974], К. Лефебвра [Lefebvre, 2006], А. Мейе [Meillet, 1921], П. Мюльхойслера [Mühlhäusler, 1986], С. Ромейне [Romaine, 1988, 1994], М. Себба [Sebba, 1997], Дж. Сигла [Siegel, 2004], С. Томасона [Thomason, 1991, 2001, 2003], Л. Тодда [Todd, 1974, 1984], П. Траджилла [Trudgill, 1996, 2010]. Несмотря на значительную освещенность данных вопросов, в большинстве случаев из рассмотрения исследователей упускается взаимодействие экстралингвистических факторов и внутренних стимулов языкового развития, которое оказало значительное влияние на становление уникальной видо-временной и модальной систем английского глагола.

Различные аспекты глагольных категорий модальности, темпоральности и аспектуальности затрагиваются в большом количестве исследований. В отечественном языкознании это, прежде всего, работы А. В. Авериной [2009, 2010, 2013, 2019], М. Я. Блоха [Блох, 1976, 2000], А. В. Бондарко [Бондарко, 1971, 1976, 1979, 1996, 2001, 2013, 2015], В. В. Виноградова [Виноградов В. В., 1952, 1975], В. Г. Гака [Гак, 1977, 2000], Г. А. Золотовой [Золотова, 2002, 2005], В. Д. Климонова [Klimonov, 2008; Климонов, 2011], К. В. Колшанского [Колшанский, 1961], Т. П. Ломтева [Ломтев, 1979], О. И. Москальской [Москальская, 1981;

Moskalskaja, 2004], В. З. Панфилова [Панфилов, 1977], В. А. Плунгяна [Плунгян, 2003], Ю. С. Степанова [Степанов, 1981] и других исследователей; в зарубежном языкознании — работы В. Абрахама [Abraham, 2002, 2003, 2008, 2010, 2011], Дж. Байби [Bybee, 1985, 1987, 1994], Ш. Балли [Балли, 2011], Р. Дета [Deth, 1998], Б. Комри [Comrie, 1976, 1985], Э. Лайсс [Leiss, 1992, 2000, 2008], Ф. Палмера [Palmer, 2001, 2014], Р. Якобсона [Jakobson, 1957] и других лингвистов. Однако прослеживается отсутствие комплексного рассмотрения глагольных категорий, которое наиболее четко проявляется в диахронии.

Описание нефинитной парадигмы глагола, как, впрочем, и любой другой части грамматического строя современного английского языка, характеризуется солидной историей исследований. Нефинитные формы в современном английском языке рассмотрены глубоко в работах отечественных и зарубежных лингвистов – В. Г. Адмони [Адмони, 1988], Т. Б. Алисовой [Алисова, 1970] Л. С. Бархударова [Бархударов, 1975], М. Я. Блоха [Блох, 1976, 2000], Г. А. Вейхмана [Вейхман, 2006], И. П. Ивановой [Иванова, 1981], А. И. Смирницкого [Смирницкий, 1956, 1957, 1959], А. Ю. Соколовой [Соколова, 2009, 2009a, 2018f], М. Джуса [Joos, 1964], Р. Квёрка [Quirk, 1971, 1982], Дж. Лича [Leech, 1983], Дж. Паллума [Pullum, 1999], М. Свона [Swan, 2002], Б. Стренга [Strang, 1969], Г. В. Фаулера [Fowler, 1908]. Несмотря на это, до настоящего времени при изучении нефинитных форм возникает целый ряд спорных вопросов, ответы на которые трудно, а часто и невозможно найти в рамках традиционных подходов. Нефинитная парадигма английского глагола не только описывается традиционной лингвистической терминологией, сформировавшейся большей частью при описании греческого и латинского языков в грамматиках Доната и Присциана, но уподобляется аналогам прочих германских языков.

Однако преобразования, произошедшие в грамматике английского языка вследствие изменения способа его существования после норманнского завоевания 1066 г., очевидны. Попытки рассматривать грамматический строй современного английского языка, и, в частности, нефинитную парадигму глагола только как часть языка германского и, соответственно, стремление трактовать

изменения как плавную эволюцию англосаксонской грамматики скорее множат проблемы, в том числе и в методике преподавания языка, а не предлагают их разрешения. Описать грамматику современного английского языка как явление вполне самостоятельное, претерпевшее значительное преобразование – это назревшая необходимость. Все это определяет **актуальность** предпринятого в данной работе исследования.

В данной работе развитие парадигмы нефинитных форм предлагается рассмотреть с позиции формирования аспектуальности, темпоральности и модальности в истории английского языка.

Как известно, категории глагола претерпевают значительные изменения в ранние периоды развития германских языков. Если глагольная система индоевропейского праязыка представляет собой сложный комплекс видовременных синтетически выражаемых форм, то в парадигме глагола в системе общего прагерманского языка уже обозначаются процессы распада ранее функционировавшей системы, и намечается становление новых структурных черт. В ранние периоды истории германские языки развиваются почти равно- и однонаправленно. К общим направлениям развития глагольной парадигмы относится противопоставление двух различных по своим структурным принципам парадигм сильных и слабых глаголов и оппозиция двух унаследованных из индоевропейского праязыка синтетических временных форм – презенса и претерита.

Дальнейшие преобразования глагольной парадигмы во всех германских языках были связаны с формированием ее новых компонентов. Этот процесс, в основе которого лежат общие тенденции, носит индивидуальный характер в каждом германском языке. В более поздние периоды развития германских языков типологические расхождения все более усиливаются. Одной из наиболее значимых общих тенденций в истории германских языков является диахроническая типологическая константа аналитичности, образующаяся новыми типологическими характеристиками языка, которые вызваны процессом преобразования флективной морфологии, представляющим собой постепенное

упрощение флективных и синтетических парадигм и становление типологических черт аналитичности, агглютинации и корнеизоляции. Однако степень реализации и, следовательно, результаты действия этой константы в различных германских языках различны. Значительное влияние на проявление внутренних стимулов языкового развития оказывают экстралингвистические факторы. Диахроническая типологическая константа аналитичности – это реализация внутренних потенций отдельно взятого языка, триггером которой становятся внешние факторы языкового развития.

Внутренние противоречия грамматического строя усиливаются под воздействием особенностей эволюции иных языковых ярусов. В истории английского языка к таким преобразованиям относятся, во-первых, изменение акцентной структуры слова: закрепление силового ударения за корневым слогом вызывает ослабление, редукцию и отпадение конечных слогов. Во-вторых, лексические заимствования: проникновение большого числа иноязычных лексем, структурно чуждых старым словоизменительным схемам, оказывает значительное воздействие на их изменение / упрощение. По оценкам современных лингвистов, только 25 процентов общей лексики в современном английском языке имеет германское происхождение, причем почти половина этой лексики не была зафиксирована в древнеанглийском языке [Burn, 2006, p. 415].

В подобной ситуации нефинитные формы, одни из которых уже существовали и имели видовые различия, другие появились в момент преобразования прагерманской видовой системы, становятся основой для становления и формирования глагольной парадигмы. Именно нефинитные формы активно функционируют на разных этапах развития английского языка в разных соотношениях при реализации глагольных категорий аспектуальности, темпоральности и модальности.

Объект исследования работы – нефинитные формы глагола в английском языке. **Предмет** исследования — механизмы и закономерности, лежащие в основе перераспределения функций нефинитных форм глагола в истории английского

языка и преобразования системного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность английского глагола.

Под нефинитными (неличными) формами глагола в данной работе, вслед за В. Н. Ярцевой, понимаются отглагольные образования, которые объединены с глаголом общностью корневой морфемы, семантически отражающей обобщенное понятие глагола как выразителя действия или состояния, но обнаруживающие существенные отличия от глагольной парадигматики в плане категориальных грамматических признаков и синтаксической дистрибуции. Указанная группа включает в себя инфинитив, причастие I и II – отглагольные имена, противопоставленные парадигматическим (личным) формам глагола отсутствием морфологических показателей отнесенности к субъекту действия.

Нефинитные формы глагола относятся к наиболее подвижным (изменчивым) участкам языковой системы, анализ которых позволяет сформировать представление о тенденциях, лежащих в основе формирования аналитичности английского языка. Выбор для исследования нефинитных форм обусловлен их широким и разнообразным употреблением в памятниках письменности. Нефинитные формы захватывают несколько уровней языковой иерархии, сочетают в себе одновременно черты нескольких частей речи. В истории языка частеречные характеристики нефинитных форм преобразуются, а, как известно, процессы, связанные с развитием таких универсальных категорий, как предикативность, атрибутивность, субстантивность, приобретают типологическую значимость. К тому же одним их важнейших этапов языкового развития является развертывание видовременных оппозиций, выражавшееся в становлении новых, большей частью, аналитических грамматических форм глагола, в которых широко используются нефинитные формы.

Анализ семантики и функций нефинитных форм в различные исторические периоды развития английского языка определил **гипотезу** исследования, согласно которой изменение функциональной нагрузки нефинитных форм глагола в истории становления английского языка, происходящее под влиянием интра- и экстралингвистических факторов, тесно связано с формированием аспектуально-

темпоральной и модальной систем языка.

Цель исследования: системоцентрическое диахроническое описание нефинитных форм в различные периоды истории английского языка с учетом историко-культурных обстоятельств и языковой ситуации. Реализация диахронической типологической константы аналитичности приводит к фактическому разрушению сложившейся в древнеанглийский период глагольной системы и становлению новой глагольной парадигмы, которая характеризуется появлением новых, главным образом, аналитических видовременных и модальных форм, а также иным, по сравнению с древнеанглийским периодом развития английского языка, принципом формирования нефинитной парадигмы. В процессе исследования представляется необходимым установить причины значительной перестройки изучаемого языкового явления и выявить тенденции этого изменения и перспективы его дальнейшего развития.

Достижение поставленной цели требует от автора решения следующих **задач**:

1. Выявить семантику и функции нефинитных форм английского глагола на разных этапах развития английского языка.

2. Рассмотреть и сопоставить аспектуально-темпоральные и модальные характеристики английских нефинитных форм в диахронии.

3. Продемонстрировать зависимость между процессом упрощения флексий и падежной системы английского языка и преобразованием видо-временной системы глагола.

4. Разработать схему преобразования глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность в истории английского языка.

5. Показать взаимосвязь между распадом морфологически выраженной в глаголе категорией вида в древнеанглийском глаголе и формированием нефинитной и финитной парадигм глагола через перераспределение функций нефинитных форм и их участие в становлении глагольных категорий.

6. Описать экстра- и интралингвистические факторы, повлиявшие на формирование нефинитных форм глагола в английском языке.

7. Определить закономерности и механизмы, лежащие в основе взаимодействия внутриязыковых изменений и экстралингвистических факторов.

8. Представить схему взаимодействия экстралингвистических и интралингвистических факторов в процессе преобразования нефинитной парадигмы глагола.

Научная новизна диссертационного исследования:

- Впервые применены системоцентрический и функционально-стилистический подходы к исследованию перераспределения функций языковых явлений в диахронии. Это позволило раскрыть механизмы внутриязыковых изменений, обусловленных влиянием различных факторов.

- Впервые было выявлено и описано сложное взаимодействие экстралингвистических и интралингвистических факторов, реализующихся в виде диахронической типологической константы аналитичности.

- Разработаны принципы функционально-стилистического диахронического исследования, в соответствии с которыми становление и развитие грамматических явлений получили свое описание в различные исторические периоды с учетом историко-культурных обстоятельств и языковой ситуации.

- Впервые было продемонстрировано перераспределение функций нефинитных форм и грамматических значений в процессе диахронических изменений языка на разных уровнях его функционирования.

- Обнаружены в истории английского языка доказательные подтверждения сделанных ранее В. Абрахамом и Э. Лайсс наблюдений о перераспределении грамматических значений в системе глагола и имени в истории развития языка, получивших уточнение и определение в сформулированной М. Котиным концепции «категориальной конвергенции».

Для реализации поставленных целей и решения задач исследования был создан собственный корпус памятников письменности (см. Источники языкового материала) общим объемом более 8500 страниц, из которого методом сплошной функционально-репрезентативной выборки было выделено около 10000 контекстов употребления нефинитных форм. Языковой материал включает

тексты, в которых значимые тенденции развития языка в конкретный период его истории отражаются наиболее отчетливо. В работе используется традиционное деление истории английского языка на следующие друг за другом хронологические периоды: древнеанглийский язык – от появления первых зафиксированных памятников письменности до конца XI в.; среднеанглийский язык – XII - середина XV вв.; новоанглийский язык – с конца XV до конца XIX в.

Отбор текстов, послуживших материалом исследования, осуществлялся после проведения всестороннего анализа языковой ситуации каждого исследуемого периода.

В древнеанглийский период социальные и историко-культурные обстоятельства способствовали противопоставлению двух сосуществующих литературных традиций – предшествующей литературной традиции, отраженной в древнеанглийской поэзии и новой, которая постепенно формировалась под влиянием латинского языка и обрела свое выражение в древнеанглийской прозе.

В средние века языковая ситуация в Англии претерпевает значительные изменения. Если с конца XI по XIII вв. французский язык преобладал практически во всех высших сферах общения, то с конца XIII по XV вв. в Англии сосуществовали уже два почти функционально равноправных языка. Эта ситуация была переходной и ознаменовалась превосходством английского языка. Анализ языковой ситуации средневековой Англии дает основания выделить две группы текстов: письменные памятники раннего периода (1150 – 1250 гг.), отражающие начальные этапы изменений языковой системы, и более поздние тексты (от 1300 г.), в которых проявляются результаты начавшихся преобразований.

Новоанглийский период характеризуется вытеснением французского языка английским из всех сфер коммуникации и формированием английского литературного языка. Следовательно, для бóльшей объективности анализа отбор текстов для исследования необходимо осуществлять, обращая внимание и учитывая основные характеристики литературного языка данного этапа развития. Эти характеристики позволяют сформулировать следующие критерии отбора языкового материала: различная жанрово-стилистическая принадлежность

текстов, достаточная степень их обработанности и регламентированности, наддиалектный характер, отнесенность к разным последовательным этапам (векам) в рамках исследуемого периода.

Для решения поставленных задач в работе используется системоцентрический подход, в основе которого лежит представление о том, что язык является взаимосвязанной системой взаимоопределяющих единиц, и изменение каждого отдельного элемента этой системы, вызванное каким-либо экстралингвистическим фактором, ведет к изменению других элементов. По справедливодму замечанию В. Н. Ярцевой, невозможно вести наблюдения над отдельным фактом языка, не показывая места данного явления в системе языка в целом [Ярцева, 1976, с. 42]. Для практической демонстрации этого подхода, основоположником которого можно считать Ф. де Соссюра, на материале исследования используется метод сравнительно-исторического анализа, позволяющий наглядно продемонстрировать динамику развития изучаемого языкового явления на протяжении каждого периода истории языка и выделить особенности функционирования нефинитных форм в текстах разной функционально-стилистической направленности. Основной исследовательской методологией, используемой в настоящей работе, является сопоставительное изучение отобранных языковых фактов. При анализе отдельных языковых явлений применяются методы системного и компонентного анализа, методика семантического и лексического поля, языковой эксперимент, метод бинарных оппозиций и другие приемы лингвистического исследования. Сложность выбранного в качестве объекта изучения языкового материала, связанная, прежде всего, с учетом множества внешних и внутриязыковых факторов, а также с обращением непосредственно к языковым памятникам древнейших периодов и вызванная этим необходимость исключить влияние субъективного языкового опыта исследователя, обусловливает применение комплексного функционального подхода.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии теоретических положений изучения и объяснения сущности, конкретных

проявлений и механизмов категориально-грамматической интеграции на разных уровнях языковой системы в диахронии. В исследовании решается проблема становления и развития нефинитной парадигмы английского глагола в результате категориальной конвергенции через перераспределение функций нефинитных форм и их участие в становлении глагольных категорий. В работе представлен детальный, системный, разносторонний анализ изменений функциональной нагрузки нефинитных форм английского глагола в истории языка в результате процессов категориальной конвергенции с соответствующим описанием внутриязыковых механизмов, повлиявших на преобразование форм. Работа вносит существенный вклад в развитие теории категориальной конвергенции, сформулированной М. Л. Котиным и базирующейся на его исследованиях, а также работах В. Абрахама и Э. Лайсс, и содействует дальнейшей разработке проблем, связанных с вариантами перераспределения грамматических значений в диахронии. Полученные автором результаты существенно преобразуют распространённые в отечественной лингвистической традиции научные представления об истории становления темпорально-аспектуальных категорий английского глагола и вносят значительный вклад в германское языкознание.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования полученных результатов в практической деятельности, связанной с преподаванием различных лингвистических дисциплин: в курсах английского языка как иностранного, в теоретических курсах по общему и германскому языкознанию, грамматике и истории английского языка. Выводы и положения исследования могут быть применены при составлении методических и учебных пособий для студентов и преподавателей. Методы и подходы, разработанные и апробированные автором, могут быть учтены при разработке рекомендаций для проведения научных лингвистических исследований.

Основные теоретические положения, выносимые на защиту, можно сформулировать следующим образом:

1. Значительные преобразования в системе нефинитных форм в истории английского языка были вызваны внутриязыковыми изменениями, ускоренными в

результате воздействия экстралингвистических факторов.

2. Процесс становления нефинитной парадигмы глагола и перераспределения функций нефинитных форм тесно связан с изменением способов выражения значений взаимосвязанного и взаимозависимого глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность и развитием эпистемических модальных значений в английском языке.

3. Развитие нефинитной парадигмы глагола демонстрирует перераспределение грамматических значений в процессе диахронических изменений языка на разных уровнях его функционирования: утрата флексий в результате внутренних фонетических преобразований и языковых контактов приводит к реорганизации падежной системы английского языка, ведущей к изменению глагольного управления и к преобразованию видо-временной системы английского глагола.

4. Нефлективный инфинитив, функционировавший в качестве маркера предельности в видовой системе древнеанглийского глагола, постепенно утрачивает свою видовую функцию и становится элементом аналитической модальной конструкции, в рамках которой значение личной формы (претерито-презентного) модального глагола получает уточнение: простая форма нефлективного инфинитива указывает на базовую модальность, в то время как перфектный инфинитив, наделенный аспектуальными характеристиками завершенности и предшествования, становится маркером развивающихся эпистемических значений.

5. Флективный инфинитив, участвующий в древнеанглийский период в выражении оценочного или рекомендательного значения и наделенный формально выраженным показателем – частицей to, традиционно ассоциировавшейся с предельностью, становится потенциальным маркером базовой модальности и оценочности.

6. Причастие I на -nd, которое в древнеанглийский период в ряде случаев выражало лексическое аспектуальное значение процессуальности, в начале среднеанглийского периода значительно сокращает свои функции и постепенно

исчезает из языка, замещаясь ING-формой, которая, являясь по происхождению отглагольным существительными и наделенная агентивностью, вписывается в изменившийся порядок слов английского предложения и становится одним из базовых элементов темпорально-аспектуальной системы английского языка, выражающих континуальность.

7. Причастие II практически лишается атрибутивных и обстоятельственных функций и валентности, сохраняя и расширяя глагольный функционал. Значение завершенности, реализуемое причастием в сочетании с глаголами, становится переходной ступенью к развитию значения предшествования и результативности и позволяет ему участвовать в развивающихся темпорально-аспектуальных аналитических конструкциях со значением предшествования (перфект) и результативности (пассив).

8. Внутриязыковые изменения, повлиявшие на становление темпорально-аспектуальных и модальных категорий английского глагола, и ускорившие их проявление экстралингвистические факторы, реализуются в виде диахронической типологической константы аналитичности, степень и глубина которой определяют значительное своеобразие видо-временной системы английского языка.

Апробация результатов исследования Достоверность полученных результатов и выводов исследования основывается на всестороннем анализе и применении апробированной научно-методической базы, подтверждается наличием, спецификой и объемом исходного материала, а также опорой на применяемые в работе системоцентрический и функционально-стилистический подходы.

Промежуточные и окончательные результаты исследования регулярно представлялись научному сообществу на конференциях и научно-практических семинарах. К наиболее значимым из них относятся ‘The International Scientific Forum’ (Albania, 2013); круглый стол ‘Дискурсивные коды в коммуникативном пространстве’, посвященный 10-летнему юбилею электронного научного журнала ‘Мир лингвистики и коммуникации’ (Тверь, 2015); всероссийская научно-

практическая конференция с международным участием ‘Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России’ (Калуга, 2015); LII Международная научно-практическая конференция ‘Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии’ (Москва, 2016); XI Международная научно-практическая конференция ‘Научный форум: филология, искусствоведение и культурология’ (Москва, 2017); VI Международная научно-практическая конференция ‘Культурология, филология, искусствоведение: актуальные проблемы современной науки’ (Новосибирск, 2018); 3rd European conference on Languages, Literature and Linguistics (Austria, 2018); международная научная конференция ‘Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики’, организованная кафедрой профессионально-ориентированного языкового образования ФГБОУ ВО Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, 2018); ежегодная международная научно-практическая конференция ‘Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты’, посвященная памяти С. Г. Стерлигова, организованная кафедрой зарубежной лингвистики Института филологии и журналистики ННГУ им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, 2019); ежегодная международная научно-практическая конференция ‘Профессиональное лингвообразование’ (Нижний Новгород, 2019, 2020); ежегодная международная научно-практическая конференция ‘Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики’ (Тольятти, 2019, 2020).

Результаты исследования отражены в 19 научных статьях по теме диссертации, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ; в 3 статьях в международных индексируемых изданиях, включенных в наукометрические базы данных Scopus и Web of Science; в 1 монографии «Нефинитная парадигма английского глагола: диахроническое исследование в проспективной грамматике».

Материалы и выводы исследования активно применяются на занятиях по английскому языку, при написании методических статей и рекомендаций по

преподаванию английского языка. Основные теоретические положения регулярно излагались на заседаниях кафедры иностранных и латинского языков и профильного Методического Совета (МС) по преподаванию гуманитарных и социально-экономических дисциплин ТГМУ (Тверь, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020), практические аспекты исследования находили отражение в докладах на ежегодной международной конференции, организуемой кафедрой иностранных и латинского языков ТГМУ при непосредственном участии диссертанта ‘Медицинский дискурс: вопросы теории и практики’.

Структура, содержание и объем диссертационной работы полностью определяются целью и задачами исследования. Диссертация состоит из Введения, пяти глав, Заключения, Списка литературы, Списка источников языкового материала, Приложения А, Приложения Б, Приложения В. Работа содержит многочисленные текстовые примеры (более 800), рисунки (15) и таблицы (18).

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируются гипотеза, цель и задачи, определяются предмет и объект анализа, описывается материал и методы исследования, излагается новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, приводятся общие сведения об апробации работы и основных публикациях.

Первая глава «Теоретические основы системоцентрического функционально-стилистического исследования нефинитных форм» посвящена теоретическим основам диахронического исследования нефинитных форм. В ней рассматриваются вопросы, связанные с изменчивостью грамматического строя языка, влиянием на него экстра- и интралингвистических факторов; исследуются особенности универсального глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность, анализируется его специфика в индоевропейском праязыке, в прагерманских языках и в современном английском языке.

Главы 2, 3, 4 носят практический характер и позволяют установить аспектуально-темпоральные и модальные характеристики нефинитных форм английского глагола, а также определить причины их преобразований и сформулировать закономерности развития в древнеанглийский, среднеанглийский

и новоанглийский периоды развития английского языка, соответственно.

Во **второй главе** «Участие нефинитных форм в выражении аспектуальных и модальных значений в древнеанглийский период» выявляется семантика и функции, передаваемые нефинитными формами английского глагола в древнеанглийский период.

В **третьей главе** «Участие нефинитных форм в выражении аспектуальных и модальных значений в среднеанглийский период» анализируются аспектуально-темпоральные и модальные характеристики нефинитных форм в среднеанглийский период. В данный период исследуемые явления в силу сложившихся историко-культурных обстоятельств и языковой ситуации подвергаются наиболее значимым изменениям.

В **четвертой главе** «Участие нефинитных форм в выражении значений глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность в новоанглийский период» отмечается укрепление тенденций, наметившихся в развитии нефинитных форм английского глагола в среднеанглийский период. Резюмируются основные преобразования, произошедшие в нефинитной парадигме глагола и формировании глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность в истории английского языка.

В **пятой главе** «Причины перераспределения функций нефинитных форм глагола в истории английского языка: экстралингвистические факторы как катализатор внутриязыковых изменений» устанавливаются причины перераспределения функций нефинитных форм глагола в истории английского языка. Разрабатывается схема взаимодействия экстралингвистических и интралингвистических факторов в процессе преобразования нефинитной парадигмы глагола.

В **Заключении** подводятся итоги проведенного исследования и намечаются его дальнейшие перспективы.

В **Приложениях** приводится дополнительный корпус языкового материала, на который приводятся ссылки в основном тексте работы, классифицированный по диахроническому принципу: в приложении А – примеры употребления

нефинитных форм в древнеанглийский период, в приложении Б – примеры употребления нефинитных форм в среднеанглийский период, в приложении В – примеры употребления нефинитных форм в новоанглийский период.

Алгоритм исследования:

1. На первом этапе методом сплошной функционально-репрезентативной выборки из памятников древнеанглийского, среднеанглийского и новоанглийского периодов истории английского языка выделяются контексты употребления нефинитных форм, анализируются и формулируются формальные, семантические и функциональные особенности каждой нефинитной формы на всех этапах развития языка. Особое внимание уделяется участию / неучастию нефинитных форм в выражении значений глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность.

2. Далее изучаются преобразующиеся или зарождающиеся аспектуально-темпоральные и модальные характеристики английских нефинитных форм в каждый период истории английского языка.

3. На следующем этапе анализируются вызванные перераспределением функций нефинитных форм процессы преобразования глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность в английском языке в каждый временной отрезок и определяются тенденции и причины происходящих изменений.

4. Для уточнения причин прослеживается влияние экстралингвистических факторов на внутриязыковые изменения, в ходе которых претерпели изменения функции нефинитных форм глагола в английском языке.

5. На заключительном этапе исследования разрабатываются схемы преобразования нефинитной парадигмы глагола, глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность в английском языке, устанавливаются закономерности и механизмы, лежащие в основе взаимодействия внутриязыковых изменений и экстралингвистических факторов.

Глава 1. Теоретические основы системоцентического функционально-стилистического исследования нефинитных форм

Данная глава диссертационного исследования посвящена проблемам изменчивости грамматического строя языков и влиянию различных факторов на этот процесс. Рассматриваются закономерности взаимодействия экстралингвистических факторов и интралингвистических. В свете системоцентрического подхода настоящего исследования освещается важный вопрос об универсальности комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность, его специфике и особенностях в современном английском языке и его предках. Прописываются принципы функционально-стилистического диахронического исследования.

1.1 Изменчивость грамматического строя языка под влиянием экстра- и интралингвистических факторов

Языковая система в целом и каждая его отдельная подсистема представляют собой диалектическое единство стабильности и развития. Грамматический строй языка характеризуется постоянными преобразованиями и развитием, своеобразностью и устойчивостью [Соколова, 2019b]. Но важнейшее свойство языка заключается в его изменчивости [Гумбольдт, 1984, с. 70; Звегинцев, 1963, с. 131].

Одним из первых на историческую изменчивость языковой формы на примере развития грамматической структуры предложения указал А. А. Потебня. Принцип историзма, динамики языка – это один из важнейших принципов его концепции. А. А. Потебня отмечал изменчивость во времени грамматического строя, обусловленную развитием языка в целом [Потебня, 1958, с. 82–83]. Под исторической изменчивостью грамматической структуры А. А. Потебня понимал сложный и неоднонаправленный процесс постепенного преобразования исходной (первоначальной) структуры [Потебня, 1968, с. 275-276].

Этот процесс автор тесно связывал с развитием человеческого мышления, которое не сводится к системе неподвижных, извечных логических или психологических категорий, а представляет собой динамически развивающийся и закономерно протекающий, в связи с эволюцией языка, процесс.

Язык – это целостная система смысловых отношений, непрестанно изменяющаяся и формирующаяся. В нем все формы и категории взаимосвязаны. Наиболее явно взаимосвязь развития языка и мышления человека отражается в предложении, которое является основным, по мнению А. А. Потебни, связующим элементом речи и мысли. Именно развитие предложения тесно связано с процессом возникновения и преобразования грамматических категорий. А. А. Потебня выделяет ряд определенных стадий в развитии предложения, которые, по его мнению, в полной мере отражают развитие человеческого мышления: 1) период именных предложений, в которых в основном использовались имена существительные и прилагательные (древний период); 2) период глагольных предложений (современный этап). Историческое развитие и мышления, и языка необходимо рассматривать как последовательный процесс преобразования, а не как резкую смену или полное вытеснение одной системы другою. Принцип историзма, выдвинутый и разработанный А. А. Потебней на примере синтаксической системы языка, также подразумевает, что при рассмотрении грамматических структур однозначно следует учитывать тот период времени, к которому эти конструкции относятся.

Языковая система как целое и грамматический строй языка как его часть в процессе своего развития подвержены влиянию различных интралингвистических и экстралингвистических факторов [Соколова, 2019b].

Интралингвистические факторы – это внутренние источники языкового развития, конфликты и противоречия (антиномии), появляющиеся в самом языке на разных стадиях его развития. Разрешение любого из этих противоречий порождает новые столкновения, конфликты в языке, следовательно, их полное разрешение вообще невозможно, и именно они всегда будут являться постоянными стимулами внутреннего развития языка. [Русский язык и советское

общество, 1968, с. 24].

Можно выделить пять основных антиномий [Соколова, 2019b].

1. Антиномия «Говорящий – слушающий». Цель и у говорящего, и слушающего едина – достичь полного взаимопонимания, но реализуется она по-разному: говорящий пытается упростить процесс высказывания своих мыслей, а слушающий старается упростить собственное восприятие того, что было сказано. Это часто приводит к языковому конфликту. В процессе развития языка изменения происходят то в пользу слушателя, то в пользу говорящего. Однако всегда наблюдается некое равновесие: решение конфликта в пользу одной из сторон всегда компенсируется и для другой стороны.

2. Антиномия «Языковой узус – возможности языка как системы». Возможности, непосредственно заложенные в системе языка, гораздо шире принятых в обществе норм языкового употребления. В ряде случаев именно изменение нормы, её расширение приводит к преобразованиям определенного языкового яруса. И наоборот, нормы могут оказаться сравнительно устойчивыми, но зарождающиеся потребности выражения нового значения способствуют полной или частичной перестройке определенной языковой подсистемы.

3. Антиномия «Код – текст». Количественные характеристики текста и кода, как набора знаков языка и правил их сочетания для создания текста, находятся в отношениях пропорциональной зависимости: чем длиннее код, например из-за появления новых однокомпонентных лексических единиц, позволяющих заменить сложные многословные элементы, тем короче текст. Для развития лексики, как указывает Н. Б. Мечковская, характерны процессы усложнения кода, а в грамматической системе часто наблюдается обратный процесс – упрощение грамматических категорий [Мечковская, 2009, с. 92].

4. Антиномия «Означающее – означаемое». Означающее каждого языкового знака стремится получить новое значение и функции, а означаемое – иные, новые средства своего выражения. Это противоречие способствует развитию каждого языкового яруса, особенно грамматического строя, структура которого наиболее последовательно представлена бинарными оппозициями, большинство из

которых характеризуется асимметричностью [Русский язык и советское общество, 1968, с. 27].

5. Антиномия «Информационная функция языка – экспрессивная функция». Эти две функции реализуются абсолютно в разных направлениях. Для информационной функции характерно использование регулярных и однотипных единиц, понятие системы, правил и стандартов. Экспрессивная функция стремится, напротив, к наибольшей выразительности, нестандартности и отступлениям от нормы.

Список из пяти антиномий общего характера не является полным и окончательным. Каждый конкретный уровень языка, каждая отдельная языковая категория характеризуется своими частными, возможно преодолимыми, конфликтами и противоречиями. Антиномии, как базовые интралингвистические факторы, являются характерными чертами всех языков любого исторического периода. В отличие от них экстралингвистические факторы всегда являются следствием обстоятельств конкретного периода.

Экстра- и интралингвистические факторы взаимодействуют друг с другом в истории языка. Эта взаимосвязь может носить абсолютно различный характер. Механизмы взаимодействия и перехода экстралингвистических факторов в интралингвистические на данный момент не выявлены. Однако стоит подчеркнуть ряд закономерностей:

1. Любой этап языкового развития всегда подготовлен предыдущей стадией.

2. Новые социальные условия могут как ускорять процессы развития языка, так и сдерживать их.

3. Экстралингвистические факторы могут не только количественно повлиять на развитие языка, но и качественно, значительно преобразуя тенденции языкового развития.

Каждый отдельный уровень языка в разной степени подвержен изменчивости. Некоторые языковые ярусы, как например, грамматический, являясь более системными и организованными, изменяются сравнительно медленно и в бóльшей степени под воздействием внутренних тенденций

языкового развития. Однако не оспаривается и влияние экстралингвистических факторов на такие подсистемы, так как они являются частью языка как единого целого.

На язык влияет огромное количество экстралингвистических факторов. Н. Б. Мечковская классифицирует факторы по степени и глубине их воздействия [Мечковская, 2009, с. 98-120]:

геополитические отношения между народами

развитие средств и каналов передачи информации

фактор «экономии усилий»

фактор сознательного воздействия общества на язык.

Бесспорно, все эти факторы оказывают влияние на развитие языка. Однако степень их значимости, формы проявления, ограничения и затрагиваемые подсистемы языка вызывают лингвистические споры среди ученых [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 58; Мечковская, 2009, с. 118-119; Пауль, 1960, с. 372-378; Поливанов 1968, 81-84].

Действительно, абсолютно невозможно выстроить иерархию приведенных факторов по степени их влияния [Соколова, 2018а]. Однако, учитывая тот факт, что явления глобального масштаба, как например, появление диалектов и новых языков, происходят в процессе миграции населения, то наиболее значимым внешнеязыковым фактором можно считать языковые контакты [Schmidt, 1872, S. 13-42].

Б. А. Серебренников в истории языков подчеркивает наличие двух различных результатов языковых контактов — заимствование отдельных языковых элементов и смену языка в целом [Серебренников, 1970, с. 285]. В последнем случае происходит либо более или менее полноценное усвоение языка, либо неполноценное, в результате которого возникают контактные языки (пиджины и креолы).

Ученые, исследующие контактные языки, отмечают их значительное структурное сходство. М. Себба выделяет ряд структурных черт, свойственных любому контактному языку [Sebba, 1997, p. 54]. Согласно автору, в контактных

языках практически нет наиболее распространенных грамматических категорий, таких как, род, залог, число, время, падеж; грамматические значения выражаются аналитически – при помощи ограниченного набора служебных слов; лексический состав редуцирован, широко распространена полисемия (многие значения передаются метафорически), большинство лексем являются сложными (значения выражаются описательно).

Сара Томасон утверждает, что представление о структурном сходстве контактных языков – это миф [Thomason, 2001, p. 167]. По мнению С. Томасон, все контактные языки объединены лишь одним сходством – наличием «отрицательных признаков», иными словами немаркированностью лингвистических черт.

Объяснения наличия множества похожих черт в контактных языках можно найти в теориях моногенеза и полигенеза. Теория моногенеза объясняет сходство наличием единого первоначального источника контактных языков [Kaye, Tosco, 2003; Hancock, 1980]. С точки зрения теорий полигенеза, структурное сходство объясняется наличием единой модели развития языков из разных источников при соблюдении необходимых социолингвистических условий [Hall, 1962; Hall, 1966]. Наличие общих, универсальных схем построения контактных языков констатируется теорией универсалий [Todd, 1984; Bickerton, 1974; Bickerton, 1984]. Т. Гивон, развивая эту теорию, указывает на присутствие общих универсальных закономерностей на начальной стадии развития контактных языков в процессе диахронического процесса пиджинизации. Универсалии, по Т. Гивону, есть некий остаточный общий знаменатель низшего порядка, остающийся после исключения маркированных черт контактирующих языков [Givon, 2018, p. 15].

Не вдаваясь в подробности спора о сходстве и различии контактных языков, необходимо отметить как факт существенное преобразование грамматического строя языков вследствие языковых контактов. Как отмечает Е. В. Перехвальская [Перехвальская, 2006, с. 44], контактный язык имеет совершенно другую грамматическую структуру. Однако необходимо рассмотреть, как происходит это

преобразование, и какие стадии выделяются в данном процессе.

Согласно традиционному взгляду грамматический строй контактного языка образовался под воздействием такого механизма как упрощение [Arends, 1994; Bakker, 1995, p. 26; Boretzky, 1983; Ferguson, 1971a; Ferguson, 1971b; Hancock, 1980; Hymes, 1971, p. 84; Kay, Sankoff, 1974; Kaye, 2003; Lefebvre, 2006; Todd, 1974; Вайнрайх, 1972, с. 25-60; Дьячков, 1987; Дьячков, 1988; Клонова, 2007, с. 33].

Ученые часто по-разному трактуют сам термин «упрощение» [Siegel, 2004, p. 140]. Ряд лингвистов разграничивает упрощение (simplification) и редукцию (reduction) или «обеднение» (impoverishment) [Mühlhäusler, 1986; Hancock, 1977; Spears, Winford, 1997; Valdman, 1977]. Под упрощением понимается стандартизация нерегулярных форм и употреблений (regularization of irregularities), устранение избыточных грамматических категорий (например, рода или падежа), распространение аналитических конструкций [Trudgill, 1996, p. 6]; под редукцией – сокращение количества использованных языковых средств разных уровней (от фонетики до синтаксиса и стилистики) [Romaine, 1988, p. 44].

Термины «редукция» и «упрощение» обманчиво представляют процесс преобразования строя контактного языка как движение «от сложного к простому». Как полагает П. Кордер, начинающие изучать неродной язык не в состоянии упростить языковой код, который они еще не освоили. Следовательно, контактные языки представляют собой некую базу для усложнения языковой структуры, однако глубина усложнения определяется коммуникативными потребностями субъекта усвоения языка [Corder, 1977].

Теория прагматического кода, разработанная Т. Гивоном и подробно проанализированная в работах автора данного диссертационного исследования [Соколова, 2017а; Соколова, 2019; Соколова 2019а], предлагает подробное описание процесса развития контактных языков (пиджинизации). В рамках этой теории процесс образования контактных языков (пиджинов) представляется ни как упрощение, а как полное преобразование исходного языка: пройдя стадию «прагматического кода», которая представляет собой реализацию ряда

закономерностей языкового развития, таких как, например, становление фиксированного порядок слов (SVO: тема → рема), наличие сочинительной связи, упрощение флективной морфологии, своеобразное интонационное оформление последовательности «тема-рема» и др., язык вступает в новую стадию развития. При этом новая модель, по которой происходит дальнейшее развитие, абсолютно не схожа со структурной моделью ни исходного языка, ни языка, с которым осуществляется контакт [Givon, 1979, p. 225-226].

Теория, предложенная Талми Гивоном, находит поддержку в работах зарубежных и отечественных лингвистов [Дьячков, 1988, с. 131; Николаева, 1984, с. 111-119; Перехвальская, 2006, с. 46; Dalton-Puffer, 1995]. Отмечается, что этап прагматического кода, как некую исходную позицию эволюции проходят все контактные языки. На этой стадии язык почти полностью утрачивает свою грамматическую систему, а на следующем этапе в процессе синтактизации, то есть развития исходного кода по новым структурным правилам, начинает развивать абсолютно «новую» грамматику.

Проведенный анализ литературы, позволяющий обобщить различные точки зрения, дает основания утверждать, что основные тенденции изменения грамматического строя контактных языков, отмечаемые исследователями, представляют собой преобразования универсальных признаков, которые составляют, по сути, тип языка [McWhorter, 1998; McWhorter, 2007, p. 4; Дьячков, 1988, с. 128; Jespersen, 1922, p. 218-227; Holm, 2000, p. 174-191]. Данный процесс, естественно, происходит под влиянием внешних факторов (воздействие других языков), но и внутренние тенденций самого языка играют значительную роль. Как отмечал Б. Жозеф [Joseph, 1980, p. 368], языки могут модифицироваться только в те структурные типы и морфосинтаксические модели, которые наследуются языками и определены в рамках универсальной грамматики.

В продолжении исследования представляется необходимым установить, каким именно образом взаимодействуют внешние и внутренние факторы в процессе языкового развития.

1.2 Диахроническая типологическая константа аналитичности как закономерность влияния экстралингвистических факторов на ускорение внутриязыковых изменений

Одним из первых о константных признаках развития языковой системы на примере немецкого языка писал Ш. Зондерэггер [Sonderegger, 1979, S. 193-218]. В процессе развития языка Ш. Зондерэггер выделяет «константные тенденции развития» (konstante Entwicklungstendenzen) и «инконстантные признаки» (inkonstante Merkmale). Они различаются лишь на основании времени их воздействия в языке. Одни существуют непрерывно на протяжении всей истории языка, другие ограничиваются только определенным периодом. К константным тенденциям из истории немецкого языка автор относит: умлаут, редукцию неударных слогов, уменьшение количества сильных глаголов, изменение порядка слов и др. Среди инконстантных признаков – развитие вокализма в корневом слоге и консонантизма; соотношение между сильным и слабым склонением существительных и прилагательных.

Содержание и основные тенденции реализации диахронической типологической константы (далее в работе – ДТК) в словоизменительных системах ряда германских языков были описаны М. М. Гухман [Гухман, 1981, с. 61-150]. ДТК рассматривается как базовое понятие исторической типологии. Эта область языкознания ставит перед собой задачу выявления и анализа процессов развития типологических признаков языка. Понятие ДТК обозначает постоянные типологические тенденции, наблюдаемые в истории одного или нескольких языков. Изучение ДТК представляется универсальным методом, так как он позволяет не только описать уже произошедшие изменения в языке, но и предсказать основные тенденции языковых преобразований в будущем [Соколова, 2017].

ДТК – абстрактная модель, в которой объединены все действующие закономерности языковых преобразований. Она включает в себя свойственные отдельным языкам признаки, наличие которых не вызвано факторами

генетического родства или контактирования. Моделируемые процессы языкового развития не являются универсальными для всех языков, реальные модификации процессов преобразования языковых типов, описываемые ДТК, уникальны для каждого конкретного языка.

В истории германских языков ДТК образуется признаками нового структурного типа языка, которые вызываются процессом упрощения флективной морфологии. Постепенный распад флективных и синтетических парадигм и развитие явлений аналитичности, корнеизоляции и агглютинации моделируется в виде ДТК аналитичности [Гухман, 1981, с. 144-145]. Однако глубина и степень реализации, а, следовательно, и результат воздействия ДТК в различных германских языках не одинаковы. На основании материала, предложенного М. М. Гухман, можно представить наглядную ступенчатую схему, иллюстрирующую степень реализации общей типологической константы в германских языках (рис.1).

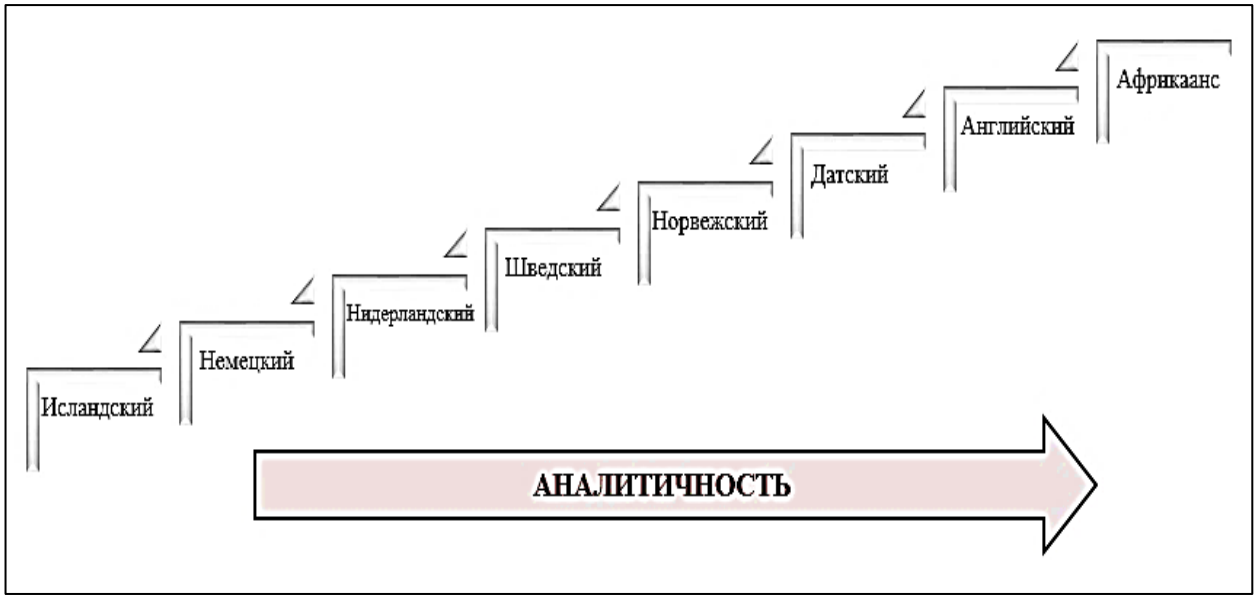

Рисунок 1 – Степень реализации общей типологической константы аналитичности в германских языках

Согласно схеме, максимальное проявление ДТК аналитичности находит в африкаансе. Как известно, по происхождению африкаанс является контактным языком. А. МакМаон называет такие языки как африкаанс креолоидными (creoloids), указывая на многочисленные изменения в них, вызванные языковыми

контактами (contact-induced changes) [McMahon, 1994, p. 268]. Д. Хесселинг в своих работах отмечает, что африкаанс остановился на полпути в процессе креолизации из-за особых социолингвистических условий [Hesseling, 1899]. Джон Холм в своем труде по пиджинам и креолам называет африкаанс полукреолом [Holm, 2000, p. 65-70]. М. М. Гухман отмечает, что именно в развитии двух германских языков – африкаанс и английского – отмечается значительное типологическое преобразование языковой системы, которое происходит под «стимулирующим влиянием внешнего фактора» [Гухман, 1981, с. 146]. Действительно, внешние факторы могли выступить стимулом многочисленных внутренних изменений в системе английского языка. Однако, как справедливо отмечает М. Л. Котин, зачастую контакт является лишь ускоряющим изменение, но не первичным фактором, его обусловливающим [Котин, 2018, с. 199].

Лингвисты, занимавшиеся проблемой диахронической типологической константы аналитичности, уделяют внимание фактическим результатам реализации константы в разных языках на отдельных языковых уровнях. Так, М. М. Гухман рассматривала ДТК германских языков на примере развития словоизменения. Диссертационное исследование И. В. Шапошниковой затрагивает межуровневые лексико-синтаксические процессы и явления аналитической номинации в английском языке [Шапошникова, 1999]. Д. Б. Никуличева посвятила свое исследование проявлению аналитической диахронической константы в сфере датского композитного словообразования [Никуличева, 2007]. В своей работе она демонстрирует соотношение между агглютинацией и фузией (по оси морфологии), между изоляцией и флексией (по оси синтаксиса), между синтетизмом и аналитизмом (по оси лексики). Под диахронической типологической константой аналитичности, которая проявляется на всех языковых уровнях путем реализации синтагматической стратегией дискретности, автор понимает сочетание техник аналитичности, корнеизоляции и агглютинации. Каждая составляющая семантики дискретности рассматривается лингвистами в отдельности [Драгунов, 1952; Дьячков, 1988; Гао Мин-кай, 1955; Горгониев, 1960-1961; Гузев, Бурыкин, 2007; Кацнельсон, 1940; Кацнельсон,

1986; Мельников, 1971; Плоткин, 1989; Родионов, 1987; Родионов, 1989; Реформатский, 1987; Скаличка, 1963; Скаличка, 1989; Солнцев, 1963; Солнцев, 1970; Солнцев, 1995; Худяков, 2005; Quirk, 1982].

Проанализировав все компоненты диахронической типологической константы аналитичности, совмещающей в себе особенности изоляции, агглютинации и аналитизма, можно сделать вывод о возможных языковых проявлениях, являющихся результатом развития диахронической типологической константы аналитичности в современных германских языках [Соколова, 2017], к которым относятся:

1. Раздельное выражение лексического и грамматического значений слова.
2. Высокая степень самостоятельности корня.
3. Морфологическая неизменяемость, проявляющаяся в малочисленности частных грамматических категорий.
4. Не соотнесенность аффиксальных элементов с конкретными частями речи.
5. Отсутствие грамматической полисемии аффиксов.
6. Четкая частеречная ориентация грамматических категорий.
7. Практически полное отсутствие таких синтаксических связей, как согласование и управление.
8. Преобладание аналитического (предложного) управления и примыкания.
9. Становление фиксированного порядка слов SVO.
10. Появление контекстуальнозависимой семантичности.
11. Расширение валентности разных классов слов и отсутствие четких границ между этими классами.
12. Синтаксическая равнозначность разных частей речи, допускающая преимущественное употребление определенных форм.
13. Распространенность субпредикации, то есть причастных и инфинитивных конструкций.

14. Полное или частичное отсутствие вводных элементов (союзов) в придаточных предложениях и других синтаксических оборотах.

15. Тенденция к ликвидации избыточности, которая приводит к факультативности грамматических показателей.

Приведенные признаки характерны для реализации диахронической типологической константы аналитичности во всех германских языках. Но степень их реализации и глубина охвата разнопланова.

Диахроническая типологическая константа аналитичности – это реализация внутренних потенций отдельно взятого языка, триггером которой становятся внешние факторы языкового развития. Диахроническая типологическая константа аналитичности представляется в работе как актуализация интралингвистического потенциала языка под влиянием экстралингвистических факторов. В подобной трактовке данный термин существенно расширяет свое значение, в котором он употреблен в работах М. М. Гухман, Д. Б. Никуличевой, И. В. Шапошниковой.

В системе самого общего прагерманского языка уже обозначаются процессы распада ранее функционировавшей системы и становление новых структурных черт. Эти противоречия грамматического строя усиливаются воздействием особенностей преобразования иных языковых ярусов. Наиболее значительными факторами в истории английского языка, способствующими преобразованию грамматической системы, стало изменение акцентной структуры слова и появление заимствованной лексики. Закрепление силового ударения за корневым слогом вызвало ослабление, редукцию, и отпадение конечных слогов [Кузьменко, 1991]. Проникновение большого числа иноязычных лексем, структурно чуждых старым словоизменительным схемам, оказывает значительное воздействие на их изменение / упрощение.

Таким образом, эти два явления способствовали развертыванию диахронической типологической константы аналитичности со всеми присущими ей вариантами языковой реализации в истории английского языка.

В настоящем исследовании предлагается проследить, каким образом диахроническая типологическая константа аналитичности, представляющая собой

закономерность, отражающую влияние экстралингвистических факторов на ускорение внутриязыковых изменений, реализуется при преобразовании нефинитной парадигмы глагола и формировании глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность в истории английского языка. В преддверии практической части исследования представляется необходимым раскрыть содержание данного комплекса и рассмотреть способы его выражения в праиндоевропейском и древнегерманских языках.

1.3 Глагольный комплекс аспектуальность – темпоральность – модальность в свете системоцентрического подхода

В современной германистике при рассмотрении вопросов, связанных с категориями глагола, особый интерес представляет изучение межкатегориальных связей [Бондарко, 2013; 2015] в общем, а конкретно взаимосвязь таких универсальных категорий, как категории модальности, темпоральности и аспектуальности. Рассмотрим основные характеристики данных категорий.

Понятие модальности является одним из тех сложных явлений, существование которых не оспаривается, но которые не имеют четко очерченного определения. Этот факт осложняется тем, что модальность – это термин, присущий не только различным разделам лингвистики, но и другим наукам, например, философии и логике. В отечественном языкознании основы понятия модальности были сформулированы в трудах В. В. Виноградова, А. В. Бондарко, К. В. Колшанского, Г. А. Золотовой, О. И. Москальской, В. Г. Гака, Ю. С. Степанова, М. Я. Блоха, Т. П. Ломтева, В. З. Панфилова, Д. Е. Барашевой, А. Н. Петровой, А.И. Исламовой [Виноградов В. В., 1975, с. 53-87; Колшанский, 1961, с. 94-98; Золотова, 2005; Москальская, 1981; Гак, 2000, с. 127-134; Степанов, 1981; Блох, 1976; Ломтев, 1979; Панфилов, 1977; Теория функциональной грамматики, 1990; Барашева, Петрова, 2018; Исламова, 2018].

В зарубежном языкознании основы изучения данной категории были заложены французским лингвистом Ш. Балли, который отмечал обязательность

присутствия модальности в высказывании [Балли, 2001, с. 44]. Подчеркиваемая Ш. Балли важность категории модальности в формировании высказывания способствовала ее активному изучению в настоящее время, а сложность и многоаспектность содержания этой категории привела к появлению множества различных взглядов и теорий.

Традиционно под модальностью понимается отношение содержания высказывания, устанавливаемое говорящим, к действительности, то есть отражение действительности через сознание говорящего [Аверина, 2010]. Формулируемое таким образом понимание модальности весьма неопределенно, что приводит к расхождениям в понимании модальности, которые касаются в основном объема и наименования типов модальных значений, их определения и классификации.

Для уточнения определения модальности применяются различные указатели на то, какое именно отношение к действительности имеется в виду. Г. А. Золотова, принимая за основу концепцию модальности В. В. Виноградова, выделяет несколько типов модальности: 1) объективная модальность, выражающая отношение содержания высказывания к действительности с позиции реальности / ирреальности; 2) субъективная модальность, передающая отношение говорящего к содержанию высказывания относительно критерия достоверности / недостоверности; 3) внутрисинтаксическая модальность, указывающая на отношение между субъектом действия и самим действием [Золотова, 2005, с. 140-157].

А. В. Бондарко [Теория функциональной грамматики, 1990, с. 59] предлагает включить в определение модальности указание на следующие признаки: актуальность / потенциальность (возможность, необходимость, гипотетичность и т. д.), достоверность, коммуникативная установка высказывания, утверждение / отрицание, засвидетельствованность (признак, названный Р. О. Якобсоном «evidentiality» [Jakobson, 1957; Якобсон, 1972, с. 101].

Как известно, большая часть исследований модальности была сосредоточена на различии между эпистемической и первичной (базовой)

интерпретацией модальных глаголов. Эпистемические интерпретации представляют собой класс интерпретаций, включающих ориентированность на говорящего, или модификацию истинности предложения, в то время как базовые интерпретации включают волеизъявление, способность, разрешение или обязательство выполнить действие или вызвать определенное положение дел [Palmer, 2001, p. 4-7; Palmer, 2014, p. 50-82; Lyons, 1977, p. 787-808].

В своем исследовании В. Д. Климонов приводит одну из наиболее распространенных классификаций модальных значений (которая будет использована и в настоящем исследовании), разделяя модальность на базовую и эпистемическую [Klimonov, 2008, p. 149-150]. Базовая модальность (BMod) выражает отношение субъекта высказывания к действию. Эпистемическая (субъективная) модальность (EMod) выражает оценку говорящим (который приравнивается к эпистемическому субъекту), с помощью которой оценивается реализация (шансы на реализацию) действия, упомянутого в высказывании. Субъект BMod является внутренним участником высказывания, тогда как субъект EMod характеризуется внешним участием субъекта по отношению к действию.

Под базовой модальностью В. Д. Климонов понимает различные модальные значения, которые в лингвистике имеют разные наименования, например:

• Диспозиционная модальность (DisM) (= алетическая модальность) относится к способностям или возможностям (умственным и физическим) субъекта как участника действия выполнять действия, обозначенные глаголом.

• Обстоятельственная модальность (CirM) (= модальность алетического потенциала) относится к действию, которое субъект вынужден выполнять в результате внешних обстоятельств, не зависящих от субъекта.

• Деонтическая модальность (DeoM) относится к действию, которое субъект выполняет в соответствии с социальными или моральными нормами.

• Желательная модальность (DesM) выражает желание субъекта (его выражение воли, намерения, попытки) выполнить действие, названное глаголом.

Разделение модальности на базовую и эпистемическую в большей части исследований не вызывает разногласий. Виды модальности – BMod и EMod,

впрочем, по-разному обозначаются в лингвистике. Например, базовая / эпистемическая (base / epistemic) у В. Д. Климонова [Klimonov, 2008]; деонтическая или волеизъявительная / эпистемическая (инферентная или субъективная) (deontic or volitional / epistemic (inferential or subjective) modality) у В. Абрахама [Abraham, 2002]; агентивная / локутивная (agentive (agent-oriented) modality / locutive (speaker-oriented) modality) у Дж. Байби [Bybee, 1994]; ирреальная модальность / оценочная модальность (non-real modality / evaluational modality) у В. А. Плунгяна [Плунгян, 2003, с. 308] или модифицирующая модальность / модальность определенности (modifying modality / modality of certainty) у Р. Дета [Deth, 1998]. В нашей работе мы будем оперировать термином базовая модальность применительно к таким модальным значениям как алетическая модальность (потенциальная возможность) и деонтическая модальность (модальность долженствования).

Классификация модальных глаголов Э. Лайсс, представленная на рисунке 2, представляет особый интерес:

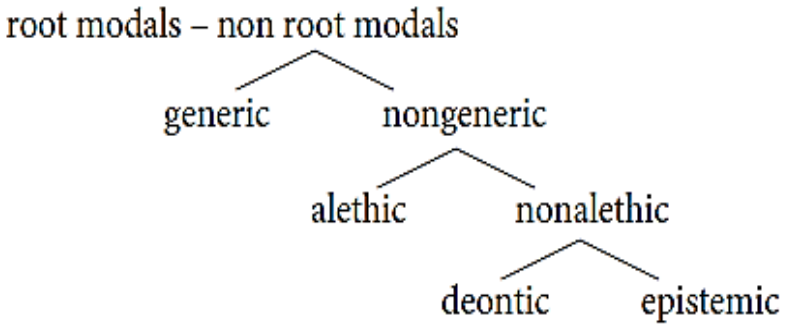

Рисунок 2 – Классификация модальных глаголов, предложенная Э. Лайсс [Leiss, 2008, p. 19]

Первичное разделение Э. Лайсс проводит на основании наличия у базовых модальных глаголов (non root modals) указания на будущее время (future-projecting) в отличие от значения «возможности действия» (potentiality) у прототипов модальных глаголов (root modals). Э. Лайсс использует термин «root modals» в узком смысле как прототипы модальных глаголов, имеющие полнозначное лексическое значение. Однако в широком смысле этот термин может употребляться наряду с термином «deontic modals» – деонтические модальные глаголы, которые противопоставляются эпистемическим. Значение

возможности, потенциальности действия в будущем – есть основа семантики деонтических модальных глаголов (обозначаемых Э. Лайсс как «non root modals»), которые могут употребляться в общем значении (generic) и в более конкретном контексте. Конкретность (определенность) более свойственна для функционирования модальных глаголов с деонтической модальностью.

Алетические модальные глаголы могут выражать объективное деотическое значение и субъективное эпистемическое значение [Leiss, 2008, p. 23]. Но основа их значения – возможность, потенциальность действия относительно будущего. Это потенциальность может трактоваться как возможность в узком смысле, необходимость (сильная возможность), обязательство (социальная необходимость = менее сильная возможность) или воля (личная необходимость = самая слабая степень возможности). Неалетическая модальность приравнивается к эпистемической.

К двум основным типам модальности – эпистемической и деонтической Т. И. Краснова добавляет аксиологическую модальность или модальность оценочности [Краснова, 2002, с. 120].

Как обширную и неоднородную по содержанию категорию рассматривает модальность А. В. Аверина [Аверина, 2010; Аверина, 2019, с. 9-11; Аверина, 2013]. Она предлагает говорить о «внутренней модальности» – объективно существующей возможности и «внешней модальности – оценке говорящим вероятности происходящего.

Применительно к внутренней модальности (модализованной пропозиции) А. В. Аверина выделяет следующие модальные значения:

1. Волюнтативная модальность – говорящий или пропозициональный субъект выражает свое желание.

2. Алетическая модальность связана с «субъективными потенциями реального мира» [Булыгина, 1997, с. 216], то есть о потенциальной возможности, характерной для того или иного субъекта.

3. Деонтическая модальность отражает определенные требования к поведению, может содержать некую систему правил или норм.

4. Нефактичная модальность [Diewald, 1999, S. 174] предполагает указание на нефактичность (нереальность) ситуации, ее неосуществленность или невозможность получить определенную реализацию.

5. Контрфактичная модальность отражает ситуацию, в которой тот или иной факт не может иметь места.

К внешней модальности относятся эпистемическая и эвиденциальная, т.е. оценка говорящим / пропозициональным субъектом степени вероятности высказывания (эпистемической модальности), либо указание на источник информации (эвиденциальности).

В. Абрахам объединяет эпистемическую и эвиденциальную модальность [Abraham, 2003]. С. А. Фитнева противопоставляет эвиденциальность и эпистемическую модальность как источник информации и отношение / суждение говорящего об этом источнике [Fitneva, 2001, p. 408]. Р. Салки [Salkie, 1996, p. 385] отмечает, что эвиденциальность указывает на способ получение информации, а эпистемическая модальность раскрывает мнение говорящего о достоверности информации. Д. Зигелер отделяет эпистемическую модальность от эвиденциальной [Ziegeler, 2008, p. 58-59]. Она приводит данные, показывающие, что эвиденциальность, в отличие от эпистемической модальности может быть соотнесена как с совершенным действием, так и несовершенным.

А. В. Аверина, рассуждая об аспектах анализа эпистемической модальности, выделяет два основных момента. Это, во-первых, семантика лица (именно в этой сфере пролегают различия эвиденциальности и эпистемической модальности) и временные отношения [Аверина, 2010]. В этом разделении явно прослеживается соотнесённость модальности с другими лексико-грамматическими и синтаксическими категориями.

Главным образом на эту взаимосвязь указывает участие категории модальности в выражении и конкретизации категории предикативности, которая соотносит содержание предложения с действительностью [Виноградов В. В., 1975, с. 268]. Предикативность находит свое выражение в ряде категорий, среди которых модальность выдвигается В. В. Виноградовым на первый план. А. В.

Бондарко к обязательным категориям, реализующим предикативность, добавляет категорию временной локализованности [Бондарко, 1976, с. 139-147; Бондарко, 1979, с. 135-139].

Еще одна категория, которая позволяет говорящему определенным образом соотнести содержание своего высказывания с действительностью, – это, по мнению А. В. Бондарко, категория вида [Бондарко, 1976, с. 50-64].

Ряд категорий, которые «актуализируют» предикативность, продолжает расширяться и пополняться в более поздних работах А. В. Бондарко, и включает, например, такие категории как таксис, темпоральность, категория временного порядка и др. [Бондарко, 1996, с. 6]. Естественно, актуализирующая роль модальности и других категорий различна. Модальность передает прямое (неопосредствованное) отношение говорящего к действительности, а иные категории (время, лица, вида) – косвенное (опосредствованное) – через, например, темпоральность или временную локализованность, через отношение к лицу и т.д.

На взаимосвязь модальности, вида и времени указывает А. В. Аверина [Аверина, 2009a; Аверина, 2009b]. Она отмечает, что конструкции, выражающие эпистемическую модальность, иногда передают значения вида и времени, так как они могут означать уверенность говорящего в сказанном, в результате чего действие будет характеризоваться определенностью и завершенностью, или выступать в роли некоторой «точки отсчета» для говорящего.

Темпоральность (время) понимается сторонниками функционально-семантического направления в лингвистике как семантическая категория, которая отражает осмысление говорящим времени протекания ситуаций действительности по отношению либо к моменту речи говорящего, либо к иному событию. Ядром функционально-семантического поля темпоральности является морфологическая категория времени, на периферии данного ФСП располагаются такие средства выражения временных отношений как, лексические показатели, синтаксическая структура предложений, инфинитивные конструкции и др. [Бондарко, 1971, с. 11].

А. В. Бондарко представляет темпоральность как «внешнее время» в противоположность «внутреннему времени» – внутренней характеристике

протекания и распределения действия во времени, которую выражает категория вида (аспектуальность). Аспектуальность традиционно определяется как внутренняя темпоральная структура глагольного действия [Бондарко, 1987, с. 40-41; Smith, 1991, p. 6].

По вопросу существования видовых категорий в языках существуют две основные точки зрения. Согласно первой, категория вида универсальна и в содержании, и в выражении для всех языков. Соответственно, попытки обнаружить видовые категории, подобные виду в славянских языках, в языках, которым этот вариант не свойственен, приводит к отрицанию наличия категории вида вообще. Если же признать своеобразие и уникальность категории вида для каждого языка или группы языков, то она, несомненно, может быть обнаружена во всех языках.

Аспектуально-темпоральные отношения – одна из наиболее дискутируемых тем в лингвистике. Взаимосвязь категорий аспектуальности и темпоральности прослеживается в работах В. Г. Гака, Г. А. Золотовой, Е. В. Рахилиной, А. Мазона, А. М. Распопова, М. А. Шлякина [Гак, 1997, с. 123; Золотова 2002, 27; Рахилина, 1997, с. 202; Мазон, 1958; Распопов, 1984, с.121; Шелякин, 2000, с. 141]. Б. Комри связывает аспектуальность и темпоральность понятием «ситуация», представляя темпоральность (анг. tense) как внешнее время (‘situation external time’), а вид (анг. aspect) как внутреннее время ситуации (‘situation internal time’) [Comrie, 1985, p. 5]. Внутренне-внешний характер взаимосвязи отмечался и Д. Лайонзом, который объединяет категории времени и вида в едином акте темпорализации [Лайонз, 1978, с. 333].

Определение аспектуальности-вида как внутренней характеристики протекания и распределения действия во времени, предложенное А. М. Пешковским, является базовым [Пешковский, 1956, с. 105], дополняемым впоследствии лингвистами.

О взаимосвязи аспектуальности и темпоральности на примере немецкого языка пишет Э. Лайсс. В своем исследовании она разделяет временную систему немецкого языка на две части: темпоральную систему предельных глаголов и

темпоральную систему непредельных глаголов [Leiss, 1992]. Согласно концепции Э. Лайсс (в отечественном языкознании аналогичные наблюдения см. Б. М. Балин [Балин, 1979], О. И. Москальская [Moskalskaja, 2004]) в немецком языке выделяется две группы глаголов:

(a) группа предельных глаголов (глаголы типа einschlafen, ankommen)

(b) группа непредельных глаголов (глаголы типа schlafen, gehen).

Глаголы первой группы, как указывает Э. Лайсс, содержат в своей семантике указание на внешнюю перспективу (die Außenperspektive), глаголы же второй группы – на внутреннюю перспективу (die Innenperspektive). Перспективы, упоминаемые Э. Лайсс, привязаны к эгоцентрической позиции говорящего: внешняя перспектива отражает событие без привязки к говорящему, в то время как при характеристике действия с позиции внутренней перспективы говорящий находится в центре событий.

Пересечение вида и времени в английском языке подчёркивается в исследовании А. К. Корсакова, который отмечает, что даже в самом названии видовременных форм в английском языке подчеркивается неразрывная двух категорий [Корсаков, 1967, с. 70].

Помимо вопроса определения аспектуальности и взаимосвязи категорий времени и вида (аспектуальности и темпоральности), который, впрочем, не вызывает разногласий среди ученых, интерес представляет уточнения самой терминологии. На многозначность и «расплывчатость» терминологии (аспект, вид, аспектуальность и др.) указывает Ю. С. Маслов [Маслов, 1959, с. 157-158]. Ряд ученых объединяет понятие аспектуальности с термином «аспект» [Колесов, 2005, с. 512; Теньер, 1988, с. 570].

По мнению Е. А. Кокаревой, более широкое понятие «аспектуальность», связанное с характеристикой высказывания в целом, противопоставляется понятию «глагольный вид», функционирующему в сфере глагольного предиката [Кокарева, 2003]. О соотношении понятий вида и способов действия рассуждают в своих работах Е. М. Николаенко, Т. М. Степкина, С. М. Зуммер, Р. Зандвурт, Б. Кортман, В. Порциг [Николаенко, 2001, с. 35; Степкина, 1980, с. 4-5, 41-42;

Зуммер, 1989, с. 6-7; Zandvoort, 1962; Kortmann, 1991; Porzig, 1927, S. 152].

В целом, как отмечает в своем исследовании Е. В. Горбова, термин «аспект», широко используемый в лингвистике, применяется при описании глагольных категорий европейских языков, а термин «вид» имеет отношение к «виду славянского типа» [Горбова, 2011, с. 9].

С. Г. Татевосов предлагает говорить о единстве многочисленных терминов, таких как «акциональность», «семантический тип предиката», «аспектуальный класс», «Aktionsart», «тип ситуации» и др., так как все они дают семантическую характеристику ситуации [Татевосов, 2010, с. 3].

В. А. Плунгян, отмечая первоначальную эквивалентность терминов «aspect» и «Aktionsart», указывает, что в начале XX века термин «Aktionsart» использовался для обозначения ряда словообразовательных значений, передаваемых в славянских языках глагольными префиксами (начинательность, повторяемость, интенсивность и т.д.), а термин «aspect» (нем. Aspekt) употреблялся для передачи значений оппозиции «совершенный / несовершенный вид» [Плунгян, 2003, с. 292-293]. В. А. Плунгян также замечает, что в настоящее время термин «aspect» принято ассоциировать с морфологически выражаемыми в форме глагола грамматическими значениями, а иные способы выражения видовых отношений соотносят с терминами «акциональность» или «аспектуальность», термин же «Aktionsart» почти не используется в настоящее время.

К. Бахе в своем исследовании использует и термин «акциональность» (способ действия), и термин «аспектуальность», наделяя их различными значениями, но подчеркивая их тесную взаимосвязь, как между собой, так и с категорией темпоральности. Темпоральность обозначает временное соотнесение говорящим ситуаций с моментом общения, которое для говорящего происходит в настоящее время. Основа темпоральности – представление говорящим ситуации, как наступившей до (прошедшей), в (настоящей) или после (будущей) момента речи [Bache, 1997, p. 227-256]. К. Бахе использует термин Actionality «акциональность» для называния категории действия, то, что в немецком языке

именуют Aktionsart – способ действия. К. Бахе опирается на определение категории действия К. Бругмана, согласно которому, акциональность – это способ, образ, которым ситуация развивается или продолжается в определенных обстоятельствах [Brugmann, 1904, S. 493]. Акциональность классифицирует ситуации по типам в соответствии с процессуальными характеристиками (начало, середина, окончание), присвоенными им в сознании говорящего. Акциональные ситуации могут быть простыми и сложными; мгновенными и длящимися; терминативными (предельными), направленными к завершению, к достижению предела и курсивные (непредельными), не предусматривающими какое-либо завершение или достижение какого-либо предела. В трактовке К. Бахе термин «аспектуальность» или «аспект» представляет собой переводной эквивалент русского термина «вид», этимологически связанного с латинским глаголом videre («видеть») и греческий eidos («то, что видимо», «форма»).

Ученые, которые различают аспектуальность и акциональность, принимают во внимание только два аспекта: совершенный и несовершенный (завершенный / незавершенный, перфектный / имперфектный), под которыми понимается рассмотрение ситуации целиком, извне, без обязательного различения внутренней структуры ситуации, или, наоборот, взгляд на ситуацию изнутри, с учетом ее внутренней структуры, ее протекания [Bache, 1997, p. 258]. Ряд лингвистов (например, Дж. Лайонс и Б. Комри) выделяют и другие аспекты, такие как хабитуальный, статические, итеративные и т. д. Глубокий анализ данных аспектов и их взаимосвязь представлена в работе Б. Комри [Comrie, 1976, p. 24-40].

Т. В. Белошапкова и Е. Я. Титаренко связывают расхождение в терминологической трактовке видовых категории с попытками лингвистов уточнить, дополнить и расширить содержание используемых понятий [Белошапкова, 2007, с. 9; Титаренко, 2012, с. 35]. Р. З. Мурясов выстраивает иерархию понятий, использующихся в данной сфере – от аспектуальности, являющейся межуровневым понятием через вид (морфологическое понятие) к предельности / непредельности, представляющими лексико-грамматические разряды [Мурясов, 2001, с. 89].

На наш взгляд, все терминологические расхождения связаны, прежде всего, со сложностью выражения и содержания данной категории, в которой необходимо различать два компонента: грамматическая аспектуальность и лексическая аспектуальность. Ю. С. Маслов [Маслов, 1984, с. 8-19] называет эти компоненты соответственно грамматической категорией вида, которая представлена в виде оппозиций форм совершенного и несовершенного вида, и аспектуальными классами. Ф. Леманн [Леманн, 1995, с. 113-115] – видовыми и лексическими акциональными функциями. Лексическая аспектуальность обозначает аспектуальное значение, присущее слову объективно и независимо от воли говорящего. Грамматическая аспектуальность – регулярно выражаемое в форме слова значение, определяемое контекстом. Эти компоненты тесно пересекаются друг с другом и часто переходят один в другой.

Если взаимосвязь аспектуальности и темпоральности не ставится под сомнение лингвистами, то вопрос о характере взаимодействия категории аспектуальности с понятием модальности вызывает разногласия. Например, С. Н. Туровская полностью отрицает наличие закономерности участия вида в формировании модальных значений [Туровская, 1998, с. 484-485]. А. А. Бойко отмечает, что видовые формы в некоторых ситуациях передают только модальные значения [Бойко, 1982, с. 4].

Вопрос о взаимосвязи категорий аспектуальности и модальности рассматривался в работах многих ученых, в том числе в исследованиях В. Абрахама [Abraham, 2008; Abraham, 2010], Э. Лайсс [Leiss, 2008], М. Котина [Kotin, 2010], А. В. Авериной [Averina, 2012].

А. В. Бондарко указывает на двустороннее взаимодействие модальности и аспектуальности. По его мнению, с одной стороны видовые значения могут быть релевантными для реализации неких модальных функций, с другой стороны некое модальное значение может ограничивать возможность употребления видовых глагольных форм [Теория функциональной грамматики, 1990, с. 111].

В. Д. Климонов в своей работе на примере современного русского языка наглядно демонстрирует анализом эмпирического материала участие видов в

формировании основных модальных значений в высказывании. В ряде контекстов базовая модальность (выражающая отношение субъекта к глагольному действию) оказывается сопряженной с формой несовершенного вида, а эмпирическая модальность (передает оценку говорящим степени достоверности содержания высказывания) – с формой совершенного вида. Подобный вывод В. Д. Климонова подтверждается и в работах других ученых, таких как Б. Вимер [Wiemer, 2006], А. Шмелева, А Зализняк [Schmeleva, Zalizniak, 2006]. Однако, как показывает исследование В. Д. Климонова, в других типах контекстов модальное значение может оказываться условием для функционирования видовой формы [Климонов, 2011].

Несмотря на столь противоположные воззрения, многие российские ученых говорят о сложном комплексе взаимопересекающихся категорий, связанных с характеристикой действия (процесса) [Бочарова, 2004; Воробьева, 2011; Козинцева, 1991; Миколайчик, 2002; Рянская, Федорова, 2015, с. 24; Телецкая, 2005]. Вопросы взаимодействия категории времени, модальности и аспектуальности освещаются в исследованиях и зарубежных авторов [Vet, 1994; Verkuyl, 1996; Leith, Cunningham, 2001].

Дж. Байби рассматривает взаимосвязь глагольных категорий времени, аспекта и модальности через призму их грамматикализации [Bybee, Perkins, Pagliuca, 1994, p. 5-6]. Грамматикализации, как указывает Дж. Байби, подвергаются наиболее частотные и общие лексемы, которые при грамматикализации теряют лексическое значение или сводят его к более общему и абстрактному. В процессе грамматикализации Дж. Байби выделяет семантическую генерализацию – генерализацию контекста, в котором используется грамматикализованная единица, и фонологическую редукцию. В категории темпоральности Дж. Байби выделяет 3 основных компонента – прошедшее время, настоящее и будущее. Причем все компоненты темпоральности тесно переплетаются с элементами аспектуальности. Так, например базовые единицы этих взаимосвязанных категорий – прошедшее (обозначает действие, совершенное до момента речи) и совершенное (действие

совершено, но возможно не полностью завершено) (past and perfective) – имеют переходных значение – завершенность, результативность (состояние является результатом действия в прошлом) и предшествование (действие совершено до определённого момента времени) (completive, resultative and anterior). На основании проведенного анализа Дж. Байби делает вывод, что вспомогательные глаголы, образованные от глаголов состояния, имеют результативное значение, указывают на предшествование, совершенность и прошедшее время действия (‘be’,’have), а вспомогательные глаголы, произошедшие от динамических глаголов (например, ‘finish’) несут в себе семантику завершенности и предшествования [Bybee, Perkins, Pabliuca, 1994, p. 56-105]. Темпорально-аспектуальные компоненты, относящиеся к описанию ситуаций настоящего времени (соотносящегося с моментом речи), включают в себя длительность, несовершенность и настоящее время (progressive, imperfective, and present). При этом длительность рассматривается как диахронически исходный базовый компонент этой группы значений. При этом большинство грамматических форм, выражающих длительность, происходят от словосочетаний, содержащих в себе лексическую единицу с локативным значением [Blansitt, 1975; Comrie, 1976; Heine, Reh, 1984]. Локативное значение может передаваться не только вспомогательным, но и основным элементом длительной конструкции, в качестве которой в большинстве случаев используются причастные или герундивные формы, образованные от единиц с локативной семантикой, чаще всего от существительных со значением места.

В целях диахроничекого исследования Дж. Байби [Bybee, 1985; Bybee, Pagliuca, 1985] выделяет несколько видов модальности, соотносящихся с формальным выражением: агентно-ориентированная, ориентированная на говорящего, эпистемическая и подчинительная. Первый тип модальности сообщает о существовании внутреннего и внешнего условия для субъекта, совершающего действие: долг, обязанность, необходимость, возможность, желание, намерение. Модальность, ориентированная на говорящего, связана с такими понятиями, как повеление, запрет, выбор, наставление, предостережение,

разрешение. Эпистемическая модальность относится к утверждениям и указывает на степень уверенности говорящего в правильности суждения: возможность, вероятность и предполагаемая достоверность. К последнему типу автор относит случаи употребления форм, выражающих эпистемическую модальность и модальность, ориентированную на говорящего, в определенных типах подчинительных предложений: дополнительных, уступок и цели. Дж. Байби в своем исследовании показывает, как диахронически агентно-ориентированная модальность эволюционирует в эпистемическую и модальность, ориентированную на говорящего. Исходным элементом показателей агентно-ориентированной модальности являлись лексические элементы со значением обязательства, а также с общим значением «быть, становиться, иметь». Именно с вовлечением последних элементов в категорию модальности прослеживается тесная взаимосвязь категории модальности с темпоральностью, категорией залога и аспектуальностью: поскольку обязательство накладывается извне, некоторые из лексических прототипов модальности имеют пассивную структуру; то есть тот, кто обязан, рассматривается как объект действия в предложении. В работе Дж. Байби и В. Паглиуки [Bybee, Pagliuca, 1985] усматривается связь значения обязательства в конструкциях, состоящих из глаголов «быть, иметь» с нефинитной формой глагола именно с инфинитивом. Эти конструкции указывают на то, что агенс обладает («имеет») или ассоциируется с («есть») действием. Во временном плане, как отмечают авторы, существует, как минимум, три способа, с помощью которых можно обладать или быть связанным с действием: завершить действие, выполнять действие в данный момент или планировать заняться действием. Эти временные характеристики во многих языках выражаются неличными формами глагола – причастие прошедшего времени придает законченность, герундий или причастие настоящего времени имеют значение длительности, а инфинитив связан с выражением планируемого действия. Следовательно, глаголы «иметь» или «быть» связывают агенса с планируемой деятельность. Это объяснение в значительной степени исходит из того, что семантика обязательства не связана ни с прошедшим, ни с настоящим временем, а

несет оттенок планируемого действия. Импликация времени и аспекта осуществляется и при использовании грамматического средства выражения способности и возможности, лексическим прототипом которого в разных языках могут служить глаголы со значением «знать, знать как», «обладать силой, чтобы» или предельные глаголы со значением «достигать, получать». В некоторых языках модальное значение выражается граммемами, имеющими значение предшествования или совершенного законченного действия. Подобную взаимосвязь глагольных категорий можно проследить и в диахроническом развитии маркеров будущего времени, которые, как отмечает Дж. Байби, произошли от глаголов движения, от маркеров модальности: обязательства, желания и способности, от форм, основной функцией которых является маркировка настоящего времени или совершенного или несовершенного аспекта. Факт взаимосвязи будущего времени и модальности вряд ли подлежит сомнению, так как будущее всегда рассматривается говорящим, как прогнозирование, оценивание возможности или реальности действия или события, происходящего после момента речи [Bybee, Pagliuca, 1987].

Е. В. Шлык в своей работе о пересечении категории модальности, темпоральности, персональности и аспектуальности, анализируя примеры на двух языках – русском и английском, приходит к заключению, что в русском языке одна грамматическая форма содержит в себе несколько признаков разных категорий, в отличие от своих английских аналогов [Шлык, 2012]. Отмечаемый автором факт вполне естественен для таких типологически различных языков. При сравнении лексико-синтаксических свойств языковых единиц, не стоит забывать, во-первых, о весомом преобладании в современном английском языке аналитических способов выражения грамматического значения; во-вторых, о сложном характере исследуемых категорий, которые выражаются различными лексико-синтаксическими средствами.

Действительно, существуют универсальные закономерности функционирования единиц языка, связанных с выражением определенных грамматических значений. Но в каждом языке эти универсальные закономерности

представлены частным образом, уникально. Функциональный потенциал грамматической категории в каждом языке представляет собой набор конкретных средств выражения, соответствующих стадии развития категории в данном языке.

Особенности и уникальность взаимодействия и интеграция категорий аспектуальности, темпоральности и модальности в отдельных языках наиболее отчетливо проявляется в исторической перспективе.

На основании проведенного диахронического исследования Э. Лайсс приходит к выводу, что в германских языках развитие модальных глаголов коррелирует с потерей категории аспекта. Центральный тезис, которым руководствуется автор исследования в этой области, гласит, что языки, имеющие эксплицитные средства выражения аспектуальных значений, используют аспекты для кодирования деонтических и эпистемических значений. Языки, которые утратили сложную систему аспектов, склонны развивать артикли [Leiss, 2000], а также класс модальных глаголов с деонтическим и эпистемическим значениями [Leiss, 2000a, S. 63-83; Leiss, 2008].

Класс модальных глаголов развит в германских языках, он менее развит в романских языках, есть, однако, довольно много языков, которые вообще лишены модальных глаголов [Kangasniemi, 1992]. Л. Хаммерих [Hammerich, 1960, S. 66] указывал, что высокоразвитая система модальных глаголов – это особенность, характерная для современных германских языков. Но и в германских языках появление модальных глаголов происходит довольно поздно. На более ранних стадиях существования индоевропейских языков существуют не более чем слабые рефлексы системы модальностей, но не существует класса модальных глаголов. Э. Лайсс связывает развитие класса модальных глаголов с ослаблением аспектуальной системы в языках. Она говорит об особенностях объединения категории модальности, темпоральности и аспектуальности в рамках сложного глагольного комплекса в процессе языковых преобразований в германских языках [Leiss, 1992]. Связующей основой этого комплекса служит единообразный грамматический процесс, существенными компонентами которого являются сверхгенерализация и реинтерпретация (переосмысление). Сверхгенерализация

может быть охарактеризована как «внутриязыковая интерференция», при которой действие грамматического правила распространяется на тот круг языковых единиц, к которым действие данного правила не применяется. Процессы реинтерпретации заключаются в разрешении (переосмыслении) этого конфликта. Процессы реинтерпретации объединяют противоречивые функции, создавая новый категориальный контент.

Оба этих процесса лежат в основе взаимосвязи глагольных категорий аспекта, залога, времени и модальности. Существуют также переходные категории, которые готовят появление новых категорий (Aspect – RESULTATIVUM – Passive; Passive – PERFEKT – Tempus).

Взаимосвязь глагольных категорий Э. Лайсс представляет в виде иерархии A(spect) – T(ense) – M(odality), отмечая, что форма аспекта может изменять временную форму, и, в свою очередь, модальную форму, каждый раз, когда форма по умолчанию не может быть употреблена в условиях определённого контекста. Так, например, использование после вспомогательного элемента будущего времени в германских языках совершенного инфинитива придает конструкции значение эпистемической модальности.

Подводя итог обзору теоретического материала, необходимо отметить, что глагольный комплекс аспектуальность – темпоральность – модальность является универсальным языковым явлением, находящим особое выражение в различных языках. Так, даже в рамках германских языков глагольный комплекс получает свое уникальное развитие в каждом отдельном языке.

Специфику данного комплекса в немецком языке описывает Э. Лайсс. По ее мнению, основной категорией немецкого языка является аспект. Именно разрушение прежней аспектуальной системы, по мнению Э. Лайсс, привело к глубокой реорганизации всей системы глагольных категорий. Преобразование категории аспектуальности, имеющей свойство находить свое выражение близко к основе слова, привело к эволюции синтетических глагольных форм. Перфектный префикс ge- рассматривался как признак причастия II. Следовательно, все аналитические формы с причастием II изначально могли быть

построены в основном только с глаголами совершенного вида. Сверхгенерализация этих конструкций (использование причастия с глаголами несовершенного вида) привела к переосмыслению аналитических аспектуальных конструкций.

Категорию аспектуальности, которая трактуется как взгляд говорящего извне или изнутри на предметы или события, Э. Лайсс считает базовой. При этом объект или событие может восприниматься как единое целое (внешняя перспектива) предельное или разрозненное на части (внутренняя перспектива) непредельное: Außenperspektive - Unteilbarkeit - Nonadditivität; Innenperspektive - Teilbarkeit - Additivität.

С понятием перспективы Э. Лайсс связывает и категорию залога, которая позволяет говорящему выбирать между перспективой действия и перспективой ситуации, а также категории времени и модальности (сейчас / не сейчас и реально / нереально).

Функция пассива, по мнению автора, состоит в том, чтобы избегать определенного пациенса (объекта действия) в синтаксической позиции прямого дополнения. Разрешение корреляции «подлежащее = агенс (субъект действия)» является лишь вторичным, хотя и необходимым, следствием процесса пассивации [Leiss, 1992, S. 84]. Функция анти-пассива – позволить определенному агенсу находиться в привилегированном синтаксическом положении. Категория залога рассматривается Э. Лайсс в тесной взаимосвязи с категорией определенности / неопределённости в связи с тем, что употребление пассива есть стратегия, позволяющая избежать неопределенного субъекта. Агенс находится в привилегированном синтаксическом положении, если он определен (известен). Если же противопоставляются неопределенный агенс и определенный пациенс, и акцентируется именно второй элемент, то используется страдательная конструкция. Определенный и неопределенный артикли, по мнению Э. Лайсс, являются показателями определенности / неопределенности существительного, а личный / безличный пассив – показатель определенности / неопределенности глагола. Артикли и залог могут быть идентифицированы как выражения одной и

той же базовой дифференциации – тема-рематического членения [Leiss, 1992, p. 110-152]. Как и определенный артикль, определенный пассив анафоричен; неопределенный пассив, как и неопределенный артикль, имеет катафорическую референтную функцию. Определенность и неопределенность пассива Э. Лайсс соотносит с неделимостью / неаддитивностью / предельностью и делимостью / аддитивностью / непредельностью, соответственно.

Категорию залога в тесной взаимосвязи с категорией модальности рассматривает и В. А. Плунгян. Залоговые значения, по мнению автора, являются частным случаем более обширных значений актантной деривации. Сам термин «залог» является достаточно условным, как отмечает автор, и используется только по традиции. Категория залога не отражает изменения, связанные с действительностью реального мира (как, например, категория числа или времени). Залог передает восприятие говорящим ситуации и ее участников. При этом изменение залога меняет содержание самой ситуации, а актантная деривация указывает на переход к абсолютно иной ситуации. В. А. Плунгян определяет категорию залога как такую глагольную категорию, которая указывает на определенное изменение коммуникативного ранга участников ситуации [Плунгян, 2003, с. 196]. Например, страдательный залог обозначает переход статуса «участника с наиболее высоким рангом» от подлежащего к другому участнику ситуации, следовательно, основная цель пассивного залога — лишение исходного подлежащего его статуса. Необходимо учесть, что сам состав участников ситуации и их роли при изменении залога не затрагиваются. Однако при изменении актантной деривации происходят преобразования в составе и/или референциальных свойствах участников ситуации. Участники ситуации могут повышать или понижать свой коммуникативный статус. Именно таким образом представляет основные виды залоговых отношений Т. Гивон. Так, например, активный залог характеризуется превосходством коммуникативного ранга агенса над пациенсом, значительно бóльшим коммуникативным рангом наделяется агенс при антипассиве, значительно меньшим – при пассиве и меньшим при инверсиве или «прагматическом» пассиве [Givôn, 1994, p.8].

Как отмечает В. А. Плунгян, страдательные и безличные залоговые формы в бóльшей степени описывают состояния (объекта или субъекта действия), лишенные динамики. Это свойство лишает пассивные формы «глагольности», так как глагол чаще называет действия, а не состояния. Этим автор объясняет тот факт, что пассив переходит в ряде языков из сферы личных синтетических форм глагола в сферу аналитических конструкций, в которых используется причастие (отглагольное прилагательное).

В английском языке категории глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность тоже тесно переплетены, но их взаимодействие своеобразно и свойственно только английскому языку. Весьма интересную точку зрения на взаимосвязь залога и аспекта приводит Кр. Бидхэм [Beedham, 1987]. Он предлагает рассматривать пассивный залог в английском языке как аспектуальную категорию, наряду с перфектом и длительным временем, «be» как вспомогательный глагол аспектуального характера, подобный «have» (perfect auxiliary) и «be» (progressive auxiliary).

При этом пассив рассматривается автором как новое состояние, ставшее результатом предшествующего действия или события. Пассив, следовательно, содержит в себе одновременно семантику действия и состояния.

Позиция Кр. Бидхэма логична и доказательна. Рассмотрение пассива как аспектуальной категории позволяет избежать многих противоречий, сложностей и вопросов, возникающих при рассмотрении его как противоположности актива, среди которых:

1) нулевая семантическая эффективность сложных (пятиступенчатых) синтаксических преобразований при изменении залога;

2) нулевая лексико-грамматическая семантика вспомогательного элемента;

3) использование причастия прошедшего времени, имеющего исконную семантику завершенности.

Первое противоречие отпадает при исключении противопоставления активный залог – пассивный. Использование глагола «быть» в качестве вспомогательного элемента вполне оправдано, именно он придает значение

состояния. Этим же можно объяснить и широкое употребление аналогов данного глагола в пассивных конструкциях – get, become, grow, seem, remain и т.д. Причастие прошедшего времени, имеющее двойственную природу и семантику – статальность прилагательного и акциональность глагола – вписывается в аспектуальный пассив. Именно противопоставление пассива и перфекта в рамках одной категории позволяет объяснить различную трактовку причастия – перфектную (The vanished jewels) или пассивную (The murdered man).

В тесной связи с субъектом и объектом глагольного действия в английском языке необходимо рассматривать и категорию модальности. Зачатки подобного подхода прослеживаются в работе Д. Зигелер. Она, опираясь на концепцию Дж. Байби относительно понятия агентно-оринтированной модальности [Bybee, Perkins, Pagliuca, 1994, p. 177], точку зрения Г. Дивальд [Diewald, 2001] о субъекте как экспериенцере модального действия, рассматривает модальность с точки зрения контроля субъектом действия (агентом) процесса совершения модального действия [Ziegeler, 2008, p. 52]. Именно потенциальный контроль над совершаемым действием обусловливает, по мнению автора, деонтическую модальность, а его отсутствие – эпистемическую. Дж. Росс [Ross, 1969] и С. Барбиерс [Barbiers, 2002] отмечают, что модальные глаголы эпистемической модальности являются одноместными предикатами (в качестве актанта выступает вся пропозиция, в то время, как модальные глаголы деонтической модальности двуместными, взаимодействуя и с субъектом действия, и с объектом.

Явление пропозиционности (определение категории не по форме отдельного члена предложения, а по составу всего предложения) свойственно и для категории аспекта в современном английском языке. Например, в предложениях John is singing songs. – John is singing five songs. John went to work yesterday. – John went to work every day состав предложения меняет аспектуальность: непредельность переходит в предельность, а совершенность – в многократную повторяемость. В предисловии к сборнику трудов [Modality-aspect interfaces, 2008] Э. Лайсс отмечает взаимосвязь совершенности и базовой (первичной) модальности и несовершенности и эпистемической модальности в

английском языке. Модальные глаголы чувствительны к аспекту, благодаря форме инфинитива, с которой они употребляются – форма инфинитива, имплицирующая совершенное действие, придает модальным глаголам базовое модальное значение, тогда как форма, указывающая на несовершенность, способствует передаче эпистемической модальности.

В современном английском языке одни и те же модальный глаголы могут выражать как деонтическую, так и эпистемическую модальность в зависимости от последующей формы инфинитива: модальный глагол + предельный инфинитив = деонтическая модальность; модальный глагол + непредельный инфинитив = эпистемическая модальность. Подобные модальные глаголы Э. Лайсс, наряду с М. Хундтом, относит к алетическим модальным глаголам [Leiss, 2008, p. 22; Hundt, 2003]. Алетическими модальными глаголами Э. Лайсс называет глаголы с неуточненной модальной семантикой, которая в процессе развития класса модальных глаголов в языке преобразуется в целый ряд модальных значений. При грамматикализации модальных глаголов алетическая модальность претерпевает процесс уточнения в деонтическую или эпистемическую модальность, которые часто пересекаются в способе своего выражения, требуя уточнения контекстом. Э. Лайсс прослеживает взаимосвязь алетической модальности с аспектуальностью: именно аспектуальность уточняет семантику модальных глаголов [Leiss, 2008, p. 24].

Э. Лайсс, соглашаясь относительно корреляции деонтической модальности и предельности / эпистемической модальности и непредельности, отмечает причины такой взаимосвязи. Одна из которых – происхождение модальных глаголов деонтической модальности от претерито-презентных глаголов, вторая, вытекающая из первой, – их преимущественное употребление с совершенным инфинитивом. Автор отмечает, что из-за особенности семантики претерито-презентных глаголов выбор инфинитива, который использовался с ними, был аспектуально ограничен только формами, образованными от глаголов совершенного вида, часто имеющих приставки gi-/ge-. В современном английском языке эти ограничения снимаются тем фактом, что форма инфинитива (простая)

мыслится как несущая значение предельности, совершенности (целостности) из-за ассоциативной связи с совершенной семантикой модальных глаголов, с которыми она используется. Это также подтверждается тем фактом, что модальные глаголы, образованные не от претерито-презентных прототипов, всегда употребляются с флективным инфинитивом, который, очевидно, благодаря семантике прототипа инфинитивной частицы – предлога цели, несет в себе указание на совершенное действие: can – able to; must – have to.

Вывод о взаимосвязи модальности с темпоральностью Э. Лайсс делает на основании того, что претерито-презентные глаголы, которые употреблялись в германских языках с несовершенным инфинитивом, впоследствии стали не модальными глаголами, а показателями будущего времени. При этом использование совершенного инфинитива с такими «двойственными» элементами указывает на проявление модальности, а несовершенного – на значение будущего времени. Подобная взаимосвязь характерна и для славянских языков: глаголы совершенного вида в настоящем времени имеют значение будущего, и не могут образовывать аналитических форм будущего времени.

На исторически сложившееся своеобразие категорий модальности и аспектуальности в английском и немецком языках обращает внимание В. Абрахам. Он отмечает сходство модальных глаголов немецкого языка с древнеанглийскими модальными глаголами [Abraham, 2002, p. 21-25]. Это связано с тем, что прототипы модальных глаголов в древнеанглийском языке формировались в условиях глагольной парадигматики, для которой были характерны особенности, свойственные и современному немецкому языку. К ним относятся следующие:

1. Глаголы в древнеанглийском языке часто имели префиксы, которые выражали вид или способ глагольного действия.

2. В древнеанглийском языке было различие между статическим и динамическим пассивом. В современном английском статический пассив «be + past participle» приобрел значение динамического (древнеанглийское ‘is being V-ed’ выражается современным ‘is V-ed’, при этом различие сохраняется только для

предельных глаголов).

3. В древнеанглийский период причастие употреблялось с приставкой ge-. Это была приставка причастия прошедшего времени и имела перфектное значение. Это отражает историческую ситуацию, в которой причастие прошедшего времени имело только перфектное значение (т.е. результативное).

Однако в современном состоянии модальные глаголы английского и немецкого языков абсолютно различны. Модальные глаголы в современном немецком языке, по мнению В. Абрахама, способны указывать вид, в отличие от английских аналогов [Abraham, 2002, p. 21]. В английском языке модальные глаголы связаны с категорией вида лишь косвенно. В. Абрахам соотносит понятие предельности с первичной модальностью, непредельности – с эпистемической. Модальные глаголы в эпистемической интерпретации, из-за отсутствия событийно-структурной конгруэнтности (эпистемические модальные глаголы передают монофазную структуру событий, в то время как первичные модальные глаголы имеют двухфазную структуру) не могут спроецировать свою собственную событийную структуру на описание ситуации предикативным комплексом предложения. В. Абрахам переносит наблюдения Э. Лайсс о внутренней и внешней перспективе в систему функционирования модальных значений и проводит параллели между внутренней перспективой, несовершенным видом и эпистемической модальностью и внешней перспективой, совершенным видом и деонтической модальностью. По его мнению, это проявляется в том, что модальные глаголы в сочетании с непредельными глаголами приобретают эпистемическую семантику, а в сочетании с предельными — деонтическую. Модальные глаголы в современном английском языке более грамматикализированы и не проявляют сходства с лексическими глаголами, ведут себя только как вспомогательные элементы [Abraham, 2002, p. 35]. В немецком языке модальные глаголы являются полнозначными и могут иметь нефинитные формы. Современные английские модальные глаголы практически лишены базовой модальности. Они в большей степени имеют эпистемическую модальность.

Практически к такому же заключению приходят и другие ученые, отмечая в своем исследовании факт эволюции значения первичной модальности модальных глаголов английского языка в значения эпистемической модальности [Steele, 1975; Coates J., 1983; Bybee, Perkins, Pagliuca, 1994].

Подобные отличия, однозначно, обусловлены процессами языкового развития указанных глагольных категорий, которые, основываясь на общих тенденциях, имели различное направление и глубину. Во всех германских языках существуют некие универсальные кросс-лингвистические диахронические модели развития, а вот механизмы реализации этих моделей и результат действий этих механизмов в каждом языке уникальны и специфичны.

В английском языке в результате сложного и многоступенчатого преобразования комплекс аспектуальность – темпоральность – модальность приобрел свой особый вид. И если элементы, выражающие значения темпоральности и модальности в английской грамматике могут быть описаны в общепринятой терминологии, то относительно категории вида в английском языке необходимо внести некоторые уточнения.

Категорию вида в английском языке нельзя рассматривать как подобие одноименной морфологически выраженной категории в русском языке, где в рамках глагольной категории противопоставляются глаголы совершенного и несовершенного вида. В английском языке более емким аналогом данной универсальной категории является категория аспекта или аспектуальности. В данной работе под аспектуальностью понимается функционально-семантическая категория, которая описывает характер протекания действия. К нему относятся такие характеристики действия как предельность / непредельность, процессуальность / непроцессуальность, завершенность / незавершенность, агентивность / безагентивность, следование / предшествование и др. При этом в истории языка может происходить значительное перераспределение ядерных и периферийных элементов данной категории.

Внутри поля аспектуальности можно выделить количественные и качественные элементы. К сфере количественной аспектуальности относится

описание действия с точки зрения его интенсивности, кратности, длительности, прерывности и непрерывности. Одним из признаков качественной аспектуальности является отношение действия к пределу.

Категория, выражающая это отношение, является базовой в современной аспектологии. Категория предельности / непредельности отражает общее абстрактное представление о направленности или ненаправленности действия к достижению предела. Понятие «предел» имеет широкое трактование.

Под пределом можно понимать пространственную или временную границу, возможное прекращение названного глаголом действия, достижение установленной цели или переход субъекта (или объекта) действия в новое состояние [Холод, 2004, с. 20]. А. В. Бондарко уточняет, что предел может быть различным – внутренним или внешним, абсолютным или относительным, потенциальным или реальным, имплицитным или эксплицитным [Бондарко, 2001, с. 186].

Оригинальное определение категории аспектуальности предложил А. А. Холодович. При истолковании предельных и непредельных глаголов он использует два ключевых понятия – «состояние предмета» и «прекращение состояния предмета». При этом анализируется внеязыковая ситуация, возникающая после того, как действие, выраженное предельным или непредельным глаголом, завершится, т.е. он смотрит на то, что происходит в реальности после прекращения предельных и непредельных действий [Холодович, 1979]. Предельность / непредельность определяется по признаку одновероятного / разновероятного перехода данного состояния в другое состояние. Если переход данного состояния (после его прекращения) в другое состояние одновероятно предопределен, то такое состояние является предельным или состоянием с одной степенью свободы. Если же переход данного состояния (после его прекращения) в другое состояние равновероятен, не предопределен самим его характером, то такое состояние является непредельным или состоянием с несколькими либо многими степенями свободы. Хотя автор исходит из реальной ограниченности любого действия, он все же различает в этой ограниченности

предопределенную и непредопределенную ограниченность.

М. А. Шелякин, отмечая, что обычно категория аспектуальности рассматривается с точки зрения наличия/отсутствия «внутреннего предела» в развитии действия, указывает на выделение двух разновидностей выражения ограниченности действия: в одной разновидности ограниченность действия связывается с результативно-целевой направленностью действия, в другой – с количественным пределом действия (временным, интенсивным) [Шелякин, 1983].

Сам термин предельный / непредельный (telic / atelic) в европейском языкознании был впервые использован в работе Х. Гарея [Garey, 1957, p. 106]. Для него основой данного понятия было наличие предела, окончания действия. Однако данный термин имеет в своей основе греческое слово – telos, имеющее значение «цель». Такая трактовка термина предполагает указание на активное участие субъекта действия в его осуществлении. Предельность подразумевает намеренное (мотивированное) совершение действия с целью достижения предела (цели), то есть агентивность.

Исследователи предлагают ряд критериев для определения предельности / непредельности глаголов. Например:

- глагол, обозначающий действие, которое может быть прервано (stopped) – предельный; глагол, обозначающий действие, которое может быть закончено (finished) – не предельный;

- непредельные глаголы называют однородное действие, которое в каждый отдельный момент времени является неизменным, у предельных глаголов хотя бы одна фаза действия (конечная) будет отличаться;

- предельные глаголы могут сочетаться с обстоятельством for an hour, непредельные глаголы – с обстоятельством in an hour;

- предельные глаголы сопровождаются обстоятельствами, характеризующимися исчисляемостью, непредельные глаголы – неисчисляемостью: sleep a lot - write 5 letters;

- действие, выражаемое формой перфекта предельного глагола, никогда не бывает результатом действия длительной формы этого же глагола: из

утверждения He is dying нельзя сделать вывод he has (already) died (только he hasn’t died yet), однако из утверждения he is sleeping может следовать he has slept.

Глаголы первого типа (предельные) А. Кенни называет ‘performance-verbs’, а второго (непредельные) – ‘activity-verbs’ [Kenny, 2003, p. 121]. Существительное «performance» в своей семантике несет значение событийности, результативности и эффективности. Существительное «activity» подразумевает обладание активностью, деятельностью, ее направление.

Событийные глаголы, как отмечает А. Кенни, отчетливо указывают на действие субъекта, результат которого виден в изменении состояния объекта действия. Именно при выражении предельности действие воспринимается целостно, субъект имеет контроль над действием в силу целостности и нерасчлененности действия. Семантика глаголов активности (непредельных) изменений не предусматривает, действие субъекта, описываемое этими глаголами, не распространяется на объект действия.

Ю. С. Маслов подразделяет все глаголы на глаголы состояния или отношения и глаголы действия. Только последняя группа глаголов характеризуются направленностью или ненаправленностью действия на достижение предела, то есть предельностью или непредельностью. Предельными могут быть глаголы, обозначающие действия, и достигшие предела, и не достигшие [Маслов, 1978, с. 12]. Следовательно, категория предельности / непредельности не соотносится напрямую, буквально с категорией совершенного / несовершенного вида.

В. А. Плунгян также указывает, что разделение по признаку «предельность / непредельность» релевантно только для динамических глаголов, которые противопоставляются статическим. Динамические глаголы, в свою очередь, подразделяются на глаголы, называющие процессы, и глаголы, обозначающие события. И только в группе процессуальных глаголов происходит деление на предельные и непредельные [Плунгян, 2003, с. 246-247]. При этом завершение предельного процесса есть событие.

Сложность в рассмотрении категории предельности / непредельности

связана со сложностью ее выражения в языке. В дальнейшем исследовании будут использоваться термины «предельный / непредельный», не соотносящиеся с понятиями совершенного / несовершенного вида. Предельным назван событийный глагол, который может обозначать и завершенное, и незавершенное действие. Предельность, по Б. Комри, отличается от завершенности тем, что предельность подразумевает наличие двух этапов: течение действия и завершение, а завершённость обозначает только последний пункт [Comrie, 1976, p. 47].

Непредельный глагол, в свою очередь, называет действие, которое не стремиться к пределу. Внутренняя структура такого действия однородна, то есть оно континуально, процессуально.

Предельность содержит в своей семантике указание на внешнюю перспективу происходящего события относительно позиции говорящего, а непредельность – на внутреннюю перспективу, при которой говорящий ощущает себя внутри ситуации. Если перенести понятия о внутренней и внешней перспективе в систему функционирования модальных значений, то можно провести параллели между внешней перспективой, предельностью и деонтической модальностью и внутренней перспективой, непредельностью и эпистемической модальностью. Другими словами, можно выделить внутреннюю модальность (деонтическая и др. см. [Аверина, 2019, с. 10-11]), соотносимую с предельностью и внешней перспективой, и внешнюю модальность (эпистемическая и эвиденциальная), соотносимую с непредельностью и внутренней перспективой. Субъект действия, имеющего деонтическую (базовую) модальность, является внутренним участником ситуации, в то время как субъект эпистемической модальности характеризуется внешним участием [Klimonov, 2008, p. 149-150].

Таким образом, глагольный комплекс аспектуальность – темпоральность – модальность является универсальным кросс-лингвистическим явлением, обладающим спецификой в плане содержания и выражения в каждом отдельно взятом языке. Наличие многочисленных разноплановых трактовок всех

компонентов данного комплекса говорит о сложности данного явления, сущность которого полностью раскрывается только при его системном рассмотрении. Именно для обозначения системного функционального взаимодействия грамматических форм, выражающих глагольные категории аспектуальности, темпоральности и модальности, М. Л. Котин вводит понятие категориальной конвергенции [Котин, 2017, с. 9-10]. Данный термин описывает функциональную эквивалентность грамматических форм, которая проявляется при сопоставительном изучении языковых систем. В рамках сравнительно-исторических исследований теория категориальной конвергенции позволяет проследить эволюцию грамматических форм в истории отдельных языков. В области типологии данная теория раскрывает закономерности перераспределения функций грамматических форм, которое приводит к преобразованию признаков, определяющих тип языка.

В современном английском языке модальность связана косвенно с категорией темпоральности и категорией вида / аспекта, которая представляет собой сложную совокупность контекстно обусловленных аспектуальных значений, находящих свое выражение за пределами слова. Представляется необходимым подтвердить эту взаимосвязь данными проводимого диахронического исследования.

1.4 Способы выражения глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность в праиндоевропейском и древних германских языках

Для того чтобы понять систему глагола ранних периодов развития германских языков, а точнее увидеть в исторической перспективе взаимосвязь между категориями модальности, времени и аспекта, необходимо рассмотреть протоиндоевропейские и протогерманские системы.

В индоевропейском праязыке, по крайней мере, на поздней стадии его развития, от которой пошли германские языки, существовала богатая глагольная

система, имеющая ряд категорий, основанных главным образом на аспектуальных противопоставлениях [Clackson, 2007, p. 133-135]. Д. Ринг отмечает, что вся глагольная система словоизменения в индоевропейском языке была сосредоточена вокруг категории аспекта [Ringe, 2006, p. 24]. Основное различие было между статическими (stative) формами и событийными (eventive), которые подразделялись на совершенные и несовершенные [Fulk, 2018, p. 242-244]. Статические глаголы имели форму перфекта, обозначая состояние, вызванное развитием события в прошлом. Событийный глагол мог принимать форму либо несовершенного вида (презенс), не указывающего на завершение процесса или качества, либо совершенного, подразумевающего завершение действия (аорист).

Морфология и склонение глагола в индоевропейском праязыке зависели от семантики (или точнее видовой семантики) глагола: глаголы подразделялись на непредельные, несовершенные (т.е. не выражающие возможного завершения действия) и предельные совершенные (т.е. указывающие стремление действия к завершению). Непредельные глаголы выражали непрерывные или привычные действия; предельные глаголы обозначали непродолжающееся действие. Непредельные глаголы в немаркированной форме выступали в качестве основы презенса, тогда как предельные глаголы – основы аориста.

У протоиндоевропейского глагола имелось три основы, известные как основа презенса, основа аориста и основа перфекта. Каждая глагольная основа была независима от остальных.

Перфектная основа, которая характеризовалась редупликацией, использовалась для образования перфекта, первоначально она имела значение состояния [Clackson, 2007, p. 121-122; Fortson, 2004, p. 93-95]. На более поздних этапах развития, как отмечает А. Мейе, перфект указывает на завершенность, реализацию действия [Мейе, 1938, с. 221]. Функцию основы презенса и основы аориста, как уже отмечалось, можно представить как различие между совершенным и несовершенным значением. От основы презенса образовывались настоящее время и имперфект. Имперфект представлял прошедшее событие как продолжающееся или незавершенное, акцент делался на внутреннюю структуру

события: действие могло продолжаться в тот период времени, когда происходит что-то еще, повторяться, быть привычным, быть совершаемым, но не завершенным; выполняться независимо несколькими субъектами или отдельно над несколькими объектами и т. д. Имперфект противопоставлялся аористу, который представлял прошедшее событие как единое целое, без ссылки на его внутреннюю структуру. На самом деле событие могло быть сложным, повторяющимся, привычным, длительным, но, используя аорист, говорящий не проявлял интереса к этим деталям [Fortson, 2004, p. 81]. Настоящие времена не формировались от основы аориста. Отсутствие настоящего совершенного, имеющего параллели в неиндоевропейских языках, было приписано несовершенности, присущей настоящему времени как семантической категории [Comrie, 1976, p. 66-73].

А. Мейе отмечает, что каждая основа могла употребляться в чистом виде, а также в сопровождении определённых показателей (огласовка корня, суффиксы и т.д.), которые изменяли при этом видовое значение глагольной формы [Мейе, 1938, с. 219-221].

Каждая аспектная основа имела формы наклонений: индикативное, сослагательное (субъюнктив), оптативное и императивное; причастия, будучи прилагательными по происхождению, могли использоваться в придаточных предложениях как номинативные дериваты и формально были параллельны наклонениям. Основным считалось изъявительное наклонение, в котором выражалось время. Императив использовался для выражения команд, оптатив – для выражения пожеланий, сослагательное наклонение использовалось для того, чтобы делать заявления о действиях, которые говорящий хотел бы считать не полностью совершенными или определенными, включая будущие события. Сослагательное наклонение, как следует из его названия – субъюнктив – использовалось только в придаточных предложениях [Fulk, 2018, p. 252-254]. В немногих дочерних языках, в которых имеется сослагательное наклонение, оно в значительной степени имеет будущее значение, но, по-видимому, в индоевропейском праязыке, как отмечает Р. Фалк, оно также выражало любое

противоречащее факту условие, то есть значение, принятое этимологическим оптативом во многих языках, происходящих от индоевропейского.

Категория времени у праиндоевропейского глагола относительно позднего происхождения. Считается, что ей предшествовала категория вида [Kuryłowicz, 1964, p. 130; Сафаревич, 1964, с. 13; Перельмутер, 1969, с. 11; Bičovský, 2009, s. 53-54].

Глагол в индоевропейском праязыке имел категорию залога. Медиальный залог использовался для обозначения глагола придаточного предложения с пассивным значением; для указания того, что субъект должен был выполнить действие глагола для своей собственной выгоды; у отложительных глаголов. Самые древние окончания медиального залога, по данным Р. Фалка, были схожи с окончаниями перфекта. Их общее происхождение можно объяснить схожими функциями: медиальный залог обозначал возвратность, а перфект мог обозначать состояния пассивности (претерпевания действия) [Clackson, 2007, p. 149-150]. Подобная схожесть формантов, выражающих залог и аспект, может быть прослежена и на примере префикса ga-, который, по мнению В. Леманна, использовался в протогерманских языках для выражения как залоговых, так и аспектуальных значений [Lehmann W. P.].

Что касается нефинитных форм, то большинство лингвистов не находят доказательства того, что индоевропейский праязык располагал формами инфинитива, указывая лишь на наличие причастий [Семереньи, 2002, с. 330-331; Meier-Brügger, 2003, p. 184]. Д. Риндж говорит о реконструируемом суффиксе инфинитива, который прибавлялся к аспектуальной основе, а не к глагольному корню, как это происходит в более поздних языках при образовании отглагольных существительных [Ringe, 2006, p. 33]. О том, что инфинитив не является собственным индоевропейским образованием и не существует единой общей праформы, свидетельствуют факты использования абсолютно различных аффиксов для образования инфинитивных форм в разных языках даже при наличии идентичных временных и залоговых основ.

Более поздний процесс становления и развития инфинитива, по мнению Ю.

А. Жлуктенко, мог быть вызван тем, что для праязыка было свойственно смешение явлений фузии и агглютинации, сложение слов из разнородных элементов, совмещение разных языковых типов, в одних из которых не было границы между действием и состоянием. При этом действие рассматривалось как состояние деятеля. Такое значение передавалось в основном именными формами, которые изначально не изменялись. На более поздних этапах из этих форм появились неличные формы индоевропейского глагола, в том числе инфинитив [Жлуктенко, 1986, с. 8-9].

Некоторые лингвисты отмечают наличие в индоевропейском праязыке отглагольных существительных, различные падежные формы которых и могли стать прообразами инфинитивных форм [Beekes, 2011, p. 280; Красухин, 2004, с. 298-299]. Отглагольные существительные образовывались с помощью различных суффиксов: *-ti-, *-tu-, *-n-. В целом, в индоевропейском праязыке, по мнению А. Мейе, не было инфинитивов в современном понимании этого явления. Это отсутствие инфинитивов объясняется характером индоевропейского языка, где нет форм, выражающих общее значение слова, и где есть только спрягаемые и склоняемые формы, выражающие различные оттенки значения [Мейе, 1938, с. 290].

Как известно, существительное в индоевропейском праязыке имело достаточно развитую категорию склонения, но вопрос о том, какая падежная форма легла в основу инфинитива, остается открытым. Большинство лингвистов говорят о форме дательного падежа [Красухин, 2004; Delbruck, 1893].

К. Г. Красухин на основе анализа ведического санскрита приводит основные характеристики древнего инфинитива:

1. формы инфинитива противопоставляются на основании того, форма какого падежа имени существительного была исходной. Локатив выражает реальное действие, субъект которого постоянен, датив – возможное или должное произойти в будущем, действие как цель, субъект которого нестабилен и зависит от семантики инфинитива, приближающейся в сочетании с таким субъектом к статичным глаголам;

2. инфинитивы имеют явно выраженный глагольно-именной характер. В форме инфинитива именная флексия объединяется с семантикой глагола, которая выражает реальность или нереальность субъекта действия, его активность или неактивность.

Отличительной особенностью инфинитивной системы поздних периодов развития древних индоевропейских языков является наличие в них инфинитивных конструкций, представляющих собой сочетание инфинитива с определенной падежной формой субъекта инфинитивного действия: дательного падежа, именительного падежа (nominativus cum infinito) и винительного падежа (accusativus cum infinito).

Во всех этих конструкциях инфинитив не только называет действие, но и привносит некое дополнительное значение. Например, в сочетании, в котором и субъект, и инфинитив употребляются в дательном падеже, субъект выступает бенефициантом, получающим результат действия. Семантика такой конструкции относится к сфере ирреальной модальности. По мнению А. А. Бонч-Осмоловской, в предложениях с данной конструкцией субъект выступает в роли «ущербного» агенса, лишенного агентивных свойств инициировать действия или их контролировать [Бонч-Осмоловская, 2003, с. 102].

В конструкции «nominativus cum infinito» инфинитив, выступающий при субъекте в номинативе, имплицирует модальность (необходимость или возможность совершения действия) и страдательность [Журавлев, 2004, с. 141-145; Красухин, 2004, с. 315-316].

Источником происхождения конструкции «accusativus cum infinito» является побудительное предложение с директивно-информационными глаголами.

Несмотря на разнообразие формально-функциональных и семантических признаков инфинитивов в древних индоевропейских языках, можно выделить некие общие черты:

– в основе инфинитива лежит форма дательного падежа отглагольного существительного;

– инфинитивные аффиксы неоднородны и разнообразны;

– формы инфинитивов не имеют строго определенного соотношения с их функциями;

– инфинитивные конструкции в древних индоевропейских языках характеризуются употреблением определенных падежных форм;

– инфинитивы в большинстве языков проявляют тенденции к выражению модальности и вовлеченности субъекта в действие.

В индоевропейском языке существовало большое разнообразие причастных образований, связанных с глагольными основами. Причастия сохраняют полностью семантическую значимость глагольных основ, от которых они образованы, и различают настоящее (аорист) и перфект, а также залоги (действительный и средний). Активные причастия настоящего времени и причастия аориста имели суффиксы *-ont ,*-nt-, прошедшего времени – *-wos-, *-us-, причастия медиопассива и перфекта – *-mhno-. В ряде случаев причастия происходили от отглагольных прилагательных с суффиксальными элементами *-no- и *-to-, которые существовали в индоевропейском праязыке [Ringe, 2006, p. 33-35; Meier-Brügger, 2003, p. 185-186; Мейе, 1938, с. 288-289].

Таким образом, в праиндоевропейском языке богатая глагольная система имела достаточное количество синтетических средств выражения глагольных категорий, что не требовало привлечения иных средств.

В развитии прагерманских языков произошли существенные изменения в унаследованной системе глагола. Основными особенностями глагольной системы германских языков обычно называют бедность видовременных форм, ограниченность наклонений и именных форм глагола. Засвидетельствованный памятниками письменности строй древнегерманского глагола характеризовался многообразием морфологических типов и бедностью словоизменительных форм. Дальнейшее развитие германских языков характеризовалось сокращением морфологических типов и расширением видовременных форм. Однако во всех германских языках это развитие направлялось различными путями, о чем свидетельствуют современные состояния германских языков, например, в

немецком и сейчас можно проследить противопоставление глаголов по предельности-непредельности (stehen — aufstehen), а в английском подобные приставочные образования отсутствуют.

В ранние периоды истории германские языки развиваются почти равно- и однонаправленно. Преобразования глагольной парадигмы во всех германских языках были связаны с формированием ее новых компонентов. К общим направлениям относится противопоставление двух различных по своим структурным принципам парадигм сильных и слабых глаголов и оппозиция двух унаследованных из индоевропейского праязыка временных форм — презенса и претерита [Смирницкая, 1977].

В более поздние периоды типологические расхождения усиливаются. Это связано с различиями в степени интенсивности и глубины реализации общих тенденций.

Главное преобразование, по мнению лингвистов, в системе глагола заключалось в том, что многие временные и аспектные различия, имеющиеся в индоевропейской системе, были сведены к простой дихотомии между настоящим и прошлым [Harbert, 2007, p. 272]. Протогерманское настоящее время было получено из индоевропейского настоящего времени, в то время как претерит сильных глаголов был получен из индоевропейского перфекта [Ringe, 2006, p. 151-155]; происхождение претерита слабых глаголов остается во многих отношениях неясным. Индоевропейский перфект в значении состояния стал основой германских претерито-презентных глаголов, которые являются предками большинства современных германских модальных образований. В результате этих преобразований, по мнению лингвистов, протогерманская система глагола не предоставляла грамматических средств для разграничения аспектов и допускала только временное различие между прошлым и не прошлым. Эта ситуация сохранялась в готском языке, самом раннем зафиксированном германском языке [Braune, 2004, S. 141]. Многие германские языки развили аналитические средства для дальнейшего разграничения времени и аспекта [Wayne, 2007, p. 301-306].

У германского глагола, по мнению М. М. Гухман, имелись лексико-

грамматические категории, образованные противопоставлением транзитивных и интранзитивных глаголов (объектных и безобъектных) и предельных и непредельных [Сравнительная грамматика германских языков, 1966, с. 242-280]. Однако эти категории не имели выражения в словоизменительных формах и не обладали грамматической общностью и регулярностью.

Категория наклонения в германских языках была представлена трехчленной оппозицией индикатива, императива и оптатива. Оптатив мог в ряде контекстов с достаточной регулярностью использоваться вместо императива. Смысловое противопоставление индикатива оптативу было довольно сложным, что, по мнению авторов Сравнительной грамматики германских языков, объяснялось сложностью смысловой структуры самого оптатива [Сравнительная грамматика германских языков, 1966, с. 260]. В целом данная оппозиция основывалась на противопоставлении процессов возможных, обусловленных, предполагаемых или желательных процессам, совершившимся или совершающимся. Также оптатив мог использоваться для обозначения будущего. Следовательно, можно говорить об оппозиции индикатив - оптатив как о модальном противопоставлении.

В. Леманн также говорит о категории модальности в германских языках. Модальность выражалась сослагательным наклонением (субъюнктивом) и модальными элементами (the modal auxiliaries). Протогерманский субъюнктив был по происхождению равен индоевропейскому оптативу. Модальные же элементы, по мнению В. Леманна, представляют собой по происхождению потомков полнозначных глагольных форм индоевропейского субъюнктива [Lehmann W. P.].

Категория залога в германских языках была представлена оппозицией актив — медиопассив, что было характерно для готского языка [Введение в германскую филологию, 2000, с. 77]. Залоговая оппозиция, которую можно полностью проследить лишь на материале готского языка, была ассиметричной: актив был представлен двумя временными парадигмами (презенс и претерит), медиопассив – только презенсом. Смысловой структурой оппозиции было противопоставление неаффицированности, активности субъекта его аффицированности и

инактивность, действия состоянию, переходности непереходности.

Система именных форм глагола в германских языках была представлена одним инфинитивом и двумя причастиями.

Общегерманская форма инфинитива представляла собой генетически отглагольное имя с огласовкой презентной основы и суффиксом -no-. Германский инфинитив, как отмечают лингвисты, был нейтрален в залоговом и временном отношении [Robinson, 1992; Van Coetsem, 1972; Voyles, 1992; Romaine, 1994].

Причастие I имеет в германских языках единую структуру у всех морфологических типов глаголов, которая характеризуется презентной основой и показателей -nd-. Лексико-грамматические характеристики глагола, по мнению М. М. Гухман, не были определяющими [Сравнительная грамматика германских языков, 1966, с. 260]. Хотя, например, в древнеисландской прозе причастие I образуется почти исключительно от интранзитивных глаголов, а в древневерхненемецком – от непредельных глаголов [Behaghel, 1924, S. 373].

Причастие II имело разные формы у разных морфологических типов глаголов. Выделяются две основные модели. У сильных глаголов основа причастия была различна, суффиксальный показатель был тот же, что и у инфинитива -no-. В системе форм других глаголов основа причастия была тождественна основе претерита. Причастия II в готском языке (отражавшем в основном древние закономерности) образовывалось только от переходных предельных глаголов [Ярцева, 1978, с. 100].

Подобное разграничение причастий по типам глаголов позволяет сделать вывод о видовой противопоставленности причастий. Причастие II подчеркивало инактивность грамматического субъекта, переходящую в аффицированность, выражало результативность. Причастие I указывало на активность субъекта в совершении дуративного действия.

Претерито-презентные глаголы семантически могут быть охарактеризованы как глаголы состояния. Парадигма презенса у этих глаголов генетически тождественна индоевропейскому перфекту. Претерит для этих глаголов являлся вторичным образованием. Первоначально они были лишены временной

дифференциации [Сравнительная грамматика германских языков, 1966, с. 409-410]. Этот факт лингвисты пытаются объяснить смысловой структурой корней этих глаголов.

Таким образом, система времен прагерманских языков была сформирована следующим образом. От основы презенса (несовершенного вида) индоевропейского праязыка было образовано настоящее время, основа перфекта (в значении состояния) дала развитие претерито-презентным глаголам. Имперфект сильных глаголов, по данным Р. Фалка и А. Мейе, стал результатом преобразования индоевропейского перфекта с результативным значением или, возможно, аориста [Fulk, 2018, p. 254; Мейе, 1938, с. 221].

В германских языках аспект, как отмечает большинство исследователей, был заменен временем из-за слияния основ имперфекта (презенса) и аориста. Однако, как отмечает А. Мейе, в праиндоевропейском языке отмечалась морфологическая омонимия, которая наиболее отчетливо проявлялась у основ аориста и презенса [Мейе, 1938, с. 260].

Нефинитные формы характеризовались значительным преобразованием. В германских языках появляется форма инфинитива. Этимология данного образования не ясна ученым. Оно могло быть потомком возможной реконструированной формы инфинитива, образованной от аспектуальной основы, или отглагольного существительного, произведенного от глагольного корня с помощью суффикса. Суффикс *-ono-, образующий германский инфинитив, по мнению А. Мейе, также являлся суффиксом, использовавшимся в германских причастиях типа гот. bit-an-s «укусанный» о beita «кусаю», др.-в.-нем. (gi)wort-an «ставший» [Мейе, 1938, с. 276]. В праиндоевропейском существовал и омонимичный суффикс *-ne/o-. Этот суффикс служил для образования настоящего времени совершенного вида от корневых основ, особенно от основ аориста.

Количество причастий в германских языках сокращается, однако они, вслед за своими предшественниками, сохраняют видовую противопоставленность.

Категория залога в германских языках носит также аспектуальный характер.

Категория модальности выражалась элементами, произошедшими от претерито-презентных глаголов, и одним из наклонений, существовавших в праиндоевропейском языке.

Рассмотрим, что представлял собой глагольный комплекс аспектуальность – темпоральность – модальность в древнеанглийском языке. В древнеанглийском языке, как потомке прагерманского языка, глагол обладал следующими категориями [Barber, 2009; Baugh, 2002; Burnley, 2000; Claiborne, 1990; Freeborn, 1992; Gillingham, 1984; Leith, 1996; Lightfoot, 1979; Mitchell, 2012; Penhallurick, 2010]:

1. Категории числа и лица.

2. Категория времени, которая выражалась в противопоставлении личных форм глагола настоящего и прошедшего времен.

3. Категория наклонения. В древнеанглийском языке выделялось три наклонения: изъявительное, сослагательное и повелительное. Сослагательное наклонение имело более широкий спектр применения в более ранние периоды истории английского языка. Например, в древнеанглийском сослагательное наклонение употреблялось достаточно часто и в главных, и в придаточных предложениях. Оно выражало желание, возможность или предписание (индоевропейский оптатив), субъективное отношение говорящего, ожидание или размышление (индоевропейский субъюнктив). Р. Хогг утверждает, что сослагательное наклонение в древнеанглийском использовалось в том случае, когда говорящий не ручался за фактический статус того, о чем говорилось [Hogg, 2002, p. 82].

В более поздние периоды истории английского языка сфера использования сослагательного наклонения значительно сокращается. Глаголы в индикативе и модальные глаголы в значительной степени заменяют сослагательное наклонение. Особо важную роль в этом играли претерито-презентные (модальные) глаголы [Görlach, 1991, p. 114; Traugott, 1972, p. 149]. Некоторые авторы даже используют термин «перифрастическое сослагательное наклонение» [Mustanoja, 2016, p. 451; Poutsma, 1926, p. 162], что отражает мнение о том, что структуры с модальными

глаголами являются новым аналитическим средством передачи того значения, которое в праязыке выражалось оптативом и субъюнктивом.

4. Категория, в рамках которой личные формы глагола противопоставляются неличным формам (причастия и инфинитив). Она, по мнению А. И. Смирницкого, не имеет названия в лингвистической литературе [Смирницкий, 1998, с. 244].

5. Ряд категорий был представлен только у нефинитных форм. Категория залога, как указывает А. И. Смирницкий, не проходила через всю систему глагола, а выделялась только у причастий. Причастие I выражало действительный залог, причастие II – страдательный [Смирницкий, 1998, с. 245-246]. В большинстве случаев пассивное значение в древнеанглийском языке выражалось употреблением безличного подлежащего man «one».

Категория последовательности также имелась только у причастий: farende – едущий, (ge)-faren, -færen – уехавший.

6. Категория вида, выделяемая лишь некоторыми лингвистами, была представлена двумя видовыми формами – совершенного и несовершенного вида. Вид, как традиционно отмечается в литературе по истории английского языка, выражался синтетически в форме имени существительного – приставками (в основном приставкой ge-), которые могли изменять не только грамматическое значение глаголов, но и лексическое. А. И. Смирницкий отмечает, что система вида у древнеанглийского глагола была неустойчивой. Не все глаголы могли присоединять видовую приставку. Следовательно, большая часть глаголов не различалась по виду, что, по мнению А. И. Смирницкого, и подорвало эту систему. Еще одна возможная причина утраты категории вида глагола в древнеанглийском языке – упрощение приставок, главным образом тех, которые не изменяли лексическое значение глагола (ge-, a- и др.).

Р. Хогг утверждает, что категория аспекта в древнеанглийском языке, выражается противопоставлением форм have + past participle и be + present participle. Однако он отмечает явные различия между формой и значением данных конструкций в древнеанглийском и современном английском языке [Hogg, 2002,

p. 78].

Категории прагерманского глагола, в целом, и древнеанглийского в частности, могут быть охарактеризованы следующим образом:

1. Четкое противопоставление временных форм настоящего и прошедшего времени.

2. Вероятное наличие у древнеанглийского глагола аспектуальных категорий, которые, однако, не имели выражения в словоизменительных формах. Относительно способов выражения аспектуальных значений ученые не приходят к единому мнению.

3. Асимметричность категории залога (пассив и медиопассив — в готском), его невыраженность в форме глагола.

4. Функционирование системы трех наклонений (изъявительное, повелительное, сослагательное).

5. Развитие нефинитной парадигмы глагола. Появление и регулярное употребление нефлективной формы инфинитива, функции которой остаются для современных исследователей не уточненными. Регулярность выражения видовых и залоговых отношений у причастных форм.

Таким образом, категории глагола в древних германских языках значительно изменяются по сравнению с их аналогами в праиндоевропейском языке. Весомое аспектуальное противопоставление, казалось бы, исчезает, уступая место лишь категории времени, распадается обширная категория наклонения. В то же время развивается система нефинитных форм, которые имели зачатки модальных и аспектуальных значений, но не играли существенной роли в реализации значений глагольного комплекса.

В процессе дальнейшего практического исследования наглядно демонстрируется эволюция системы глагольных категорий в древних германских языках (на примере древнеанглийского) и описывается дальнейшее развитие аспектуально-темпоральной и модальной системы глагола.

Все категории глагольного комплекса претерпевают значительные диахронические преобразования в английском языке. Изменяются как принципы

построения универсальных глагольных категорий, так и способы их выражения. Причина этого – сложное взаимодействие экстра- и интралингвистических факторов, которое имело место в истории английского языка.

1.5 Основные принципы функционально-стилистического диахронического исследования нефинитных форм

Для обеспечения объективности и достоверности исследования процесса развития любого языкового явления, следует рассматривать его в памятниках письменности, которые зафиксировали это явление на разных этапах развития. Основы функционально-стилистического диахронического исследования были сформулированы в кандидатской диссертации автора «Развитие семантики единичности у неопределенного артикля в истории английского языка» [Соколова, 2006, с. 48-52].

Огромное значение для диахронических исследований имеет принцип, предложенный Н. Ю. Гвоздецкой [Гвоздецкая, 2000]. Она вводит понятие «текстоцентрический подход» и полагает, что при изучении любых языковых явлений необходимо их анализировать непосредственно в контексте употребления. По мнению Н. Ю. Гвоздецкой, только контекстуальный анализ может дать исследователю наиболее достоверные результаты. В узком смысле понятие «контекст» обозначает непосредственное окружение слова. В более широком понимании это понятие включает в себя многочисленные паравербальные факторы, начиная от ситуации общения и заканчивая совокупностью социокультурных условий [Русяцкене, 1990, с. 35].

В современной лингвистике термин ‘контекст’ трактуется достаточно широко и понимается как реальность, которая включает окружение языкового знака любого масштаба – от фонетики до семантики, от отдельного слова до целого текста, а также экстралингвистическую реальность (‘культурный контекст’). Следовательно, любой текст культуры должен быть исследован и изучен с учетом истории народа, его создававшего. Коренным образом

некорректно анализировать памятник письменности, без обращения к культурному слою, на котором он был создан и которым он был продиктован.

При рассмотрении исторических текстов следует иметь в виду, что они различаются хронологически, то есть показывают разные стадии в развитии того или иного языкового явления; принадлежат различным литературным традициям, то есть ориентируются на предшествующий или формирующийся узус; демонстрируют разные степени иноязычного воздействия. О месте того или иного текста в общем корпусе памятников письменности позволяет судить языковая ситуация в конкретный исторический период. Её анализ помогает объективно оценить стадию развития языкового процесса или явления, фиксируемую в тексте [Соколова, 2006а, с. 5-6].

Термин «языковая ситуация» достаточно широко используется в литературе [Аврорин, 1975; Виноградов В.А., 1984; Гухман, Семенюк, 1983; Логутенкова, 1993; Мечковская, 2000; Никольский, 1976; Степанов Г.В., 1976; Швейцер, 1976; Швейцер, 1978]. Однако данное понятие часто имеет различный смысл и толкование [Соколова, 2018j]. Даже в работах одного автора оно постоянно дополняется. Так, например, А. Едличка от простого определения языковой ситуации, как соотношения разных языковых форм конкретного языкового сообщества [Jedlička, 1963, s. 134], переходит к более детальному описанию данного понятия. Алоис Едличка выделяет три исходных связанных между собой компонента языковой ситуации: языковое целое – языковое (коммуникативное) сообщество – языковая коммуникация [Едличка, 1988, с. 43-46]. Представители одного языкового (или коммуникативного) сообщества используют разные языковые образования и формы, образующие языковое целое, свойственное только этому языковому сообществу, при осуществлении языкового общения (коммуникации).

Языковая ситуация традиционно определяется как «совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально – социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно – политических

образований» [Виноградов В. А., 1990, с. 616]. При этом взаимодействие языков или форм и их статус определяются конкретными политическими, социально-культурными, экономическими, географическими условиями, а также объективными внутренними тенденциями развития.

Понятие «языковая ситуация» рационально дополняется понятием «способ существования языка», которое было введено О. А. Смирницкой. Оно определяет соотношение между различными нормализованными и ненормализованными формами языка, составляющими язык как нечто целостное. Это понятие позволяет охарактеризовать определенные изменения, преобразования в системе языковых форм.

Чтобы описать языковую ситуацию необходимо прибегнуть к изучению исторических фактов, проанализировать историографические сочинения современников и письменные памятники исследуемой эпохи, в которых зафиксированы различные формы существования языка.

Описания языковых ситуаций, особенно древних периодов, часто затрудняется недостатком или полным отсутствием необходимых исторических сведений. Для нашего исследования представляется наиболее подходящим метод описания языковых ситуаций, предложенный Б. А. Успенским.

Согласно этой методике выделяется два типа языковых ситуаций – диглоссийные и двуязычные. Стоит заметить, что предложенные Б. А. Успенским термины, обнаруживают сходства с теорией Ч. А. Фергюсона [Ferguson, 1959; Ferguson, 1971a; 1971b]. Под термином «диглоссия» автор понимает определенный способ существования двух языковых форм в пределах одного языкового сообщества, при котором функции языковых форм находятся в отношениях дополнительной дистрибуции [Успенский, 2002, с. 24]. При диглоссийной языковой ситуации два языка (или две языковые формы) функционируют в разных коммуникативных сферах и практически не пересекаются, функционально дополняя друг друга и воспринимаясь как одно целое. Если языки функционируют в пересекающихся сферах, то такая ситуация трактуется Б. А. Успенским как «двуязычие». Оба языка при этом функционально

равноправны и эквивалентны. Такое явление считается избыточным и приводит либо к вытеснению одним языком другого, либо к слиянию языков. Важно заметить, что в диглоссийной ситуации невозможно появление переводов с одного языка на другой. Следовательно, именно наличие переводных текстов будет свидетельствовать о переходе диглоссии в двуязычие и дальнейшем преобразовании языковой ситуации.

Учитывая вышесказанное, представляется необходимым сформулировать следующие основополагающие для данной работы принципы функционально-стилистического диахронического исследования языковых явлений:

1) Использование текстоцентрического подхода, который подразумевает обращение к письменным памятникам исследуемых периодов и анализ языковых единиц непосредственно в контексте их употребления. Метод контекстуального анализа, лежащий в основе данного подхода, позволяет получить более достоверные результаты семантического описания.

2) Учет контекстуальных особенностей материала исследования на всех уровнях языковой иерархии. Обязательное обращение к «культурному контексту», то есть экстралингвистической реальности.

3) Изучение языковой ситуации исследуемого исторического периода. Именно анализ языковой ситуации, которая является одним из базовых понятий диахронического исследования, позволяет исследователю в полной мере оценить, на какой стадии развития находится языковое явление в данный исторический период, каким образом оно зафиксировано в определенном тексте, и уточнить, какую роль играет этот текст в общем корпусе письменных памятников.

4) Выявление динамики развития языковой ситуации, позволяющей наметить и определить основные тенденции языкового развития в целом.

5) Анализ максимально широкого круга памятников письменности разных жанров и стилистической направленности, которые определяются сложившейся языковой ситуацией исследуемого периода и ее динамикой.

6) Учет всех возможных функционально-стилистических особенностей различных видов текстов.

Выводы по главе 1

1. Грамматика языка, как одна из языковых подсистем, и сам язык в целом, представляют собой диалектическое единство стабильности и развития. В изменчивости языка заключается его важнейшее свойство Языковая система как целое и грамматический строй языка как его часть в процессе своего развития подвержены влиянию различных интралингвистических и экстралингвистических факторов. Невозможно выстроить иерархию этих факторов по степени и глубине их влияния на развитие языка. В истории языка эти факторы тесно переплетаются, оказывая друг на друга взаимообусловливающее воздействие. Мы исходим из того, что экстралингвистические факторы ускоряют внутриязыковые изменения, но не являются их первопричиной.

2. Диахроническая типологическая константа представляет собой абстрактную модель, в которой объединены все действующие закономерности языковых преобразований. Она включает в себя свойственные отдельным языкам признаки, наличие которых не вызвано факторами генетического родства или контактирования. Моделируемые процессы языкового развития не являются универсальными для всех языков, реальные модификации процессов преобразования языковых типов, описываемые константой, уникальны для каждого конкретного языка.

В истории германских языков диахроническая типологическая константа образуется признаками нового структурного типа языка, которые вызываются процессом упрощения флективной морфологии. Постепенный распад флективных и синтетических парадигм и развитие явлений аналитичности, корнеизоляции и агглютинации моделируется в виде диахронической типологической константы аналитичности. Однако глубина и степень реализации, а следовательно, и результат воздействия этой константы в различных германских языках не одинаковы. Внутренние потенции каждого языка реализуются только под воздействием внешних факторов языкового развития. Таким образом, диахроническая типологическая константа аналитичности представляется как

закономерность, отражающая влияние экстралингвистических факторов на ускорение внутриязыковых изменений.

Основным фактором, обусловившим преобразование грамматической системы германских языков, была специфика исходной для германских языков парадигматической модели, которая характеризовалась отсутствием изоморфности плана содержания и плана выражения, следовательно, смысловой и формальной структуры словоформ, свойственных индоевропейскому праязыку. Вторым фактором, оказавшим воздействие на преобразования, явились процессы других уровней — закрепление силового ударения за корневым слогом, вызвавшее ослабление, редукцию, и отпадение конечных слогов; включение значительного комплекса иноязычных элементов, структурно чуждых старым грамматическим схемам. Темпы преобразований, степень их интенсивности и глубины были различны в отдельных германских языках. Внешние факторы накладывали свой отпечаток на формы, степени и глубины реализации диахронической константы вследствие возникающих внутриязыковых стимулов.

3. В современной германистике при рассмотрении вопросов, связанных с категориями глагола, особый интерес представляет взаимосвязь таких универсальных категорий, как категории модальности, темпоральности и аспектуальности. Проблематика аспектуально-темпорально-модальных отношений обширна и многомерна. Несмотря на терминологические и содержательные споры, большинство ученых говорит о сложном комплексе взаимопересекающихся категорий, связанных с характеристикой действия (процесса). Взаимосвязь глагольных категорий можно представить в виде иерархии А (аспектуальность) - Т (темпоральность) - М (модальность). Этот комплекс является универсальным языковым явлением, находящим особое выражение в различных языках. Взаимодействие и интеграция категорий аспектуальности, темпоральности и модальности наиболее отчетливо проявляется в исторической перспективе.

4. Для того чтобы понять систему глагола ранних периодов развития германских языков, а точнее увидеть в исторической перспективе взаимосвязь

между категориями модальности, времени и аспекта, необходимо рассмотреть протоиндоевропейские и протогерманские системы.

В индоевропейском праязыке существовала богатая глагольная система, имеющая ряд категорий, основанных главным образом на аспектуальных противопоставлениях. Морфология и склонение глагола в индоевропейском праязыке зависели от семантики глагола: глаголы подразделялись на непредельные / несовершенные и предельные / совершенные. Непредельные глаголы в немаркированной форме выступали в качестве основы презенса, тогда как предельные глаголы – основы аориста.

Категория залога в индоевропейском праязыке проявляла схожесть формальную и семантическую с категорией аспекта.

Каждая аспектная основа имела формы наклонений: индикативное, сослагательное (субъюнктив), оптативное и императивное.

В праиндоевропейском языке богатая глагольная система имела достаточное количество синтетических средств выражения глагольных категорий, что не требовало привлечения иных средств.

В развитии германских языков произошли существенные изменения в унаследованной системе глагола. Основными особенностями глагольной системы германских языков обычно называют бедность видовременных форм, ограниченность наклонений и именных форм глагола. Дальнейшее развитие германских языков характеризовалось сокращением морфологических типов и расширением видовременных форм. Однако во всех германских языках этот процесс имел свои особенности, о чем свидетельствуют современные состояния германских языков.

Система времен германских языков была сформирована следующим образом. От основы презенса (несовершенного вида) индоевропейского праязыка было образовано настоящее время, основа перфекта (в значении состояния) дала развитие претерито-презентным глаголам. Имперфект сильных глаголов стал результатом преобразования индоевропейского перфекта с результативным значением или, возможно, аориста. Такое значительное преобразование

индоевропейской глагольной парадигмы приводит к появлению новых средств выражения в германских языках категории аспектуальности и модальности.

Категории глагола в древних германских языках значительно изменяются по сравнению с их аналогами в праиндоевропейском языке. Весомое аспектуальное противопоставление, казалось бы, исчезает, уступая место лишь категории времени, распадается обширная категория наклонения. В то же время развивается система нефинитных форм, которые имели зачатки модальных и аспектуальных значений. В процессе дальнейшего практического исследования представляется необходимым опровергнуть точку зрения об упрощении системы глагольных категорий в древних германских языках (на примере древнеанглийского) и проследить дальнейшее развитие системы глагола.

5. Для обеспечения объективности и достоверности исследования процесса развития любого языкового явления, его следует изучать, используя принципы функционально-стилистического диахронического исследования, к которым относятся:

1) Использование текстоцентрического подхода.

2) Учет контекстуальных особенностей материала исследования.

3) Изучение языковой ситуации исследуемого исторического периода.

4) Выявление динамики развития языковой ситуации.

5) Анализ максимально широкого круга памятников письменности разных жанров и стилистической направленности.

6) Учет всех возможных функционально-стилистических особенностей текстов.

Глава 2. Участие нефинитных форм в выражении аспектуальных и модальных значений в древнеанглийский период

Данная глава диссертационного исследования посвящена описанию функций, семантики и статуса нефинитных форм в древнеанглийский период. Практические разделы главы предваряются описанием языковой ситуации исследуемого периода, что позволяет отобрать для исследования наиболее показательные тексты различной функционально-стилистической разновидности и обеспечить достоверность и объективность полученных данных. В практических разделах проводится анализ функций нефинитных форм с точки зрения традиционного подхода, предлагается и подтверждается примерами собственная теория, согласно которой выявляется участие нефинитных форм в реализации ряда значений глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность.

Основные результаты исследования, представленные в данной главе, отражены в работах автора [Соколова, 2012; Соколова, 2016; Соколова, 2016b; Соколова, 2018e; Sokolova, 2012; Sokolova, 2019].

2.1 Языковая ситуация в раннесредневековой Англии

Описание языковой ситуации в диахронии представляет собой построение функциональной парадигмы (далее – ФП), которая отражает иерархию языковых форм, сосуществующих в определенный исторический период [Соколова, 2018k].

Языковая ситуация древнего периода развития английского языка до применения для письма латинского алфавита представляет собой двухстратный тип ФП: обработанный тип языка устной поэзии противопоставлен языку повседневного общения, разговорным формам [Гухман, Семенюк, 1983, с. 44; Логутенкова, 1993, с. 7].

Обработанный устный язык, который представлял высшую страту этой ФП, обладал наддиалектностью. Он использовался преимущественно в поэзии,

которая при отсутствии письменности выполняла важную стандартизирующую функцию. Следовательно, бóльшая часть памятников, зафиксировавших эту языковую форму, – эпическая поэзия.

На нижней ступени двучленной ФП находился язык повседневного общения, имевший территориальные варианты (диалекты), основные черты которых установить сложно из-за отсутствия письменных памятников.

С принятием христианства языковая ситуация в Англии преобразуется. Латинский язык, культура, традиции оказали значительное влияние на развитие всех германских языков.

Еще до распространения среди англосаксов христианства на Британских островах существовала романизированная среда, сформировавшаяся в результате почти четырехвекового присутствия римлян до заселения островов германцами в V в. [The Oxford Illustrated History of Britain, 2000, p. 57-59]. Иногда именно наличием романизированной среды в прошлом объясняют возрождение и быстрое распространение латинского языка в Англии после принятия христианства [Клейнер, 1985].

Христианизация англосаксов осуществлялась римскими миссионерами, которых непосредственно из Рима направлял папа Григорий Великий.

Римские миссионеры легко добивались успеха; прежде всего они обращались за помощью к королевской власти, и принятие христианства происходило по приказу королей. Процесс христианизации англосаксов римскими посланниками проходил относительно мирно. Григорий Великий советовал миссионерам не уничтожать обрядов и мест поклонения англосаксов, а только посвящать их новому культу.

Введение христианства сыграло в государственном и культурном развитии англосаксонских государств важную роль. Центрами ученых традиций и образованности стали монастыри, при которых велись летописи, создавались библиотеки рукописей. Христианизация Англии стала самым весомым экстралингвистическим фактором, оказавшим воздействие на языковую ситуацию, которая с конца VII в. представляла собой противопоставление

территориальных диалектов латинскому языку. Латинский язык являлся языком высших сфер коммуникации – религии, права, науки; диалектные формы англосаксонского языка использовались лишь в сфере устного общения.

После принятия англосаксами христианства латинский язык стал языком богослужения и церковных книг, науки и клерикального просвещения. В монастырских школах запрещалось использовать территориальные диалекты. Латинский язык был достоянием монахов и священнослужителей, использовался правителями для составления государственных актов и грамот, но был малодоступен простому народу.

Несмотря на господство латыни, зафиксировано параллельное использование в одних и тех же сферах коммуникации древнеанглийского языка. Например, приблизительно в 730 г. появились «Эпинальские глоссы», самое ранее двуязычное произведение (глоссарий латинских слов с переводом на древнеанглийский). К VII-VIII вв. относятся первые древнеанглийские стихотворные тексты на религиозные христианские темы. В более поздних письменных памятниках латинский и древнеанглийский тексты часто соседствуют, ср., например, древнеанглийское вступление к латинскому тексту Евангелия, называемому CodexAureus. Предполагают, что древнеанглийский текст может быть датирован примерно серединой IX в.

Тот факт, что древнеанглийский язык мог функционировать наряду с латинским языком, говорит об отсутствии устойчивой диглоссии в первые века после принятия христианства. В этот период в Англии сосуществовали два почти равноправных и эквивалентных по функции языка. В терминах Б. А. Успенского [Успенский, 2002] такая языковая ситуация называется двуязычием. Впоследствии позиции древнеанглийского языка все больше укреплялись, а сферы его применения расширялись.

В целом, представленная функциональная парадигма похожа на ту, которая характеризовала языковую ситуацию в других европейских странах раннего средневековья. Однако в Англии латинский язык вряд ли занимал доминирующее положение. В Англии статус древнеанглийского языка был более значительным,

он использовался при написании оригинальных христианских религиозных и ученых сочинений, число же буквальных переводов было весьма невелико.

В результате христианизации Англии, ученая латинская традиция и латинский язык оказали огромное влияние на древнеанглийский язык, который постепенно осваивал новые сферы общения. Поскольку эти сферы относились к высшим (религия, наука), древнеанглийскому языку необходимы были новые языковые формы: увеличение коммуникативного диапазона повлекло за собой расширение и развитие языковых средств, формирование нового литературного языка. Вторым взаимодействующим компонентом при формировании нового литературного узуса стала латинская литературная традиция, тесно связанная с наукой и религией.

Таким образом, основной момент историко-культурной ситуации в Англии в период раннего средневековья заключается в сосуществовании дохристианской и христианской культур, и, как отражение этого в письменных памятниках, сосуществование предшествующей и новой литературных традиций.

С распространением христианства, а вместе с ним и письменности на основе латинского языка, связано создание первых книжных памятников древнеанглийского языка. Раннесредневековая англосаксонская книжная традиция стала результатом усвоения латинской христианской книжно-письменной традиции и характеризовалась двумя основополагающими моментами: сохранение ориентации на латинскую традицию, соотнесенность с письменностью и противопоставление неписьменной устной традиции.

Очевидность первого признака подтверждается обозначением языка латинских книг, как «книжной латыни», ср. да. Boklaedan «латинский язык». Правомерность второго раскрывается при исследовании содержания и употребления слова ‘книга’ в древнегерманских письменных памятниках, проведенном Т. Г. Логутенковой [Логутенкова, 1999, с. 131-136]. Приведенные автором примеры показывает, что ‘книга’ – это, прежде всего, текст в письменной форме, отличный от устного текста. Таким образом, различие между устным и письменным текстом было не просто формальностью, а дифференциальным

признаком различных литературных традиций.

Стоит отметить, что текст, обозначенный словом ‘книга’, является текстом прозаическим. Письменность на основе латинского алфавита оказывается необходимым условием для появления и развития прозы.

В отличие от прозы, возникающей под влиянием новой литературной традиции, поэтические письменные тексты в большей степени являются продолжением предшествующего литературного узуса.

Таким образом, в период раннего средневековья в Англии четко прослеживается сосуществование двух литературных традиций:

– предшествующей литературной традиции, отражающей языковые особенности прошедших эпох и запечатленной преимущественно в эпической поэзии;

– новой литературной традиции, воплощенной преимущественно в прозаических текстах. Очевидно, что в этом типе текстов процессы преобразования языка под влиянием иноязычной литературной традиции и в результате расширения его коммуникативного диапазона должны были проявиться с большей отчетливостью.

Принимая во внимание особенности языковой ситуации в Англии, общие принципы отбора исследуемых памятников, которые будут учитываться и в других практических главах, можно сформулировать следующим образом:

– письменные памятники должны по возможности отражать различные стадии языкового развития в рассматриваемый период;

– материал исследования должен дать представления о динамике этих процессов на протяжении обозначенного периода.

В соответствии с данными принципами, представляется наиболее верным выделить среди древнеанглийских памятников в качестве объекта изучения древнеанглийскую поэзию и древнеанглийскую прозу как функционально-стилистические разновидности текстов, отражающие, разные литературные традиции и, соответственно, разные стадии развития языковых явлений.

Древнеанглийские поэтические памятники неоднородны по содержанию, в

них отразились и скрестились два пласта культуры – дохристианский языческий и христианский. Тематика древнеанглийских поэтических текстов различна: от исторических преданий до библейских мотивов. По содержанию, достаточно условно, древнеанглийская поэзия делится на народную (национальную) и христианскую. К первой относятся те произведения, сюжеты которых взяты из английской, или, скорее, тевтонской, традиции и истории или из обычаев и условий английской жизни; ко второй группе принадлежат тексты христианского происхождения, которые затрагивают библейские вопросы, церковные традиции. Разумеется, разделение является условным, так как большинство народных поэтических памятников в их нынешнем виде содержит христианские элементы, в то время как английское влияние часто дает о себе знать в представлении библейских или церковных сюжетов. Во всех памятниках древнеанглийской поэзии, независимо от содержания, применены единые стилистические приёмы и способы стихосложения. Основные характеристики древнеанглийского поэтического стиля заключаются в своеобразие поэтической номинации и в использовании такого стилистического приема, как аллитерация.

Особенности, становление и развитие аллитерационного стиха детально рассматриваются в работах А. И. Смирницкого [Смирницкий, 1955; 1998; 2000], О. А. Смирницкой [Смирницкая, 1982; 1994], Н. Ю. Гвоздецкой [Гвоздецкая, 1995; 2000].

Своеобразие поэтической номинации древнеанглийского стиха заключается в преимущественном использовании имен существительных и прилагательных. Это связано с тем, что в англосаксонском словаре отражалась эпическая картина мира, которая фиксировала постоянные, вечные предметы, явления и их свойства. К тому же употребление имен существительных и прилагательных значительно облегчало процесс стихосложения и подбор аллитерирующих пар.

В качестве материала исследования в настоящей работе представлены как обширные произведения – важнейший и наиболее ценный памятник древнеанглийского поэтического искусства героическая поэма «Беовульф», так и «малые памятники», зафиксированные в Эксетерской книге – элегии «Скиталец»,

«Плач жены», «Послание мужа», «Руины». Установить точную дату создания этих поэтических произведений не представляется возможным. Однако можно попытаться выстроить хронологическую последовательность этих текстов.

Единственная сохранившаяся рукопись героической поэмы «Беовульф» датируется приблизительно 1000 годом, хотя создание её относится к временам язычества (V-VI вв.) [Смирницкий, 1955, с. 32]. Элегии «Скиталец», «Плач жены», «Послание мужа», «Руины» зафиксированы в Эксетерской книге (the Exeter Book), подаренной в 1072 г. епископом Леофриком библиотеке собора в Эксетере. Дата же создания этих элегий точно не определена, но, как отмечает автор предисловия Р. Ф. Лесли (R. F. Leslie), по ряду лингвистических и метрических показателей эти произведения можно отнести к VIII веку [The Wanderer; Three Old English Elegies]. В целом, необходимо отметить, что, как показало дальнейшее исследование, внутренняя хронология текстов не играет существенной роли, так как количество примеров использования нефинитных форм в поэтических текстах по сравнению с прозой мало.

Корпус древнеанглийских прозаических памятников чрезвычайно широк и многопланов. Существует несколько принципов классификации прозаических памятников. Рассмотрим наиболее общие из них. Прозаические тексты могут быть переводными или оригинальными. Переводная литература, большей частью памятники ‘учёного стиля’ – жития святых, проповеди, отрывки из Библии, учёные трактаты и сочинения – ориентирована на латинский оригинал, часто не только по содержанию, но и по форме. Среди переводных памятников выделялись, с одной стороны, памятники малых жанров – тексты молитв, проповедей, покаяний, то есть религиозные памятники, используемые в культовых обрядах и рассчитанные на широкие массы непосвящённых. С другой стороны, объёмные философско-религиозные произведения, предназначенные для более узкого круга слушателей: учащихся монастырских школ, других представителей духовенства, недостаточно владеющих латынью, чтобы постигнуть все тонкости содержания философских произведений.

Для изучения проблем, связанных со становлением и развитием

литературных языков, можно использовать понятие ‘дидактические памятники’, введенное Т. Г. Логутенковой [Логутенкова, 1993, с. 14]. Под ним понимаются памятники письменности, которые могли использоваться при обучении в самом широком смысле. Данное понятие позволяет ограничить материал исследований теми произведениями, в которых процесс формирования новой литературной традиции проявлялся наиболее отчётливо. Среди дидактических памятников можно выделить несколько групп текстов, различающихся по целевой направленности. Здесь мы находим: двуязычные произведения, переводы теологических, философских и исторических произведений, оригинальные произведения, созданные по образцу или под влиянием иноязычной литературы.

Согласно предложенной классификации в работе в качестве материала исследования использованы различные прозаические тексты на древнеанглийском языке, оригинальные и переводные, разной жанровой и стилистической направленности:

- Англосаксонская хроника (The Anglo Saxon Chronicle) – образец древнеанглийской прозаической литературы и единственный весьма ценный письменный источник по истории этого периода. Её составление началось в конце IX века на основе «Истории» Беды, а также сохранившихся отрывков мерсийских и уэссекских хроник и устных преданий.

- Бликлингские проповеди (Blickling Homilies) датируются концом десятого века и образуют одну из самых ранних сохранившихся коллекций английских народных сочинений. Они отражают важную литературную веху в ранней эволюции английской прозы. Название, данное одной из старейших коллекций анонимных проповедей, написанных на древнеанглийском языке, происходит от названия поместья Бликлинг-холл (Blickling Hall), в библиотеках которого было впервые обнаружено это произведение.

- Произведения Эльфрика – «Проповеди» (Homilies of Ælfric) и «Жития святых» (Ælfric's Lives of Saints). Созданные в конце X века являются свидетельством творческого метода Эльфрика, определяющегося как перевод-адаптация, комментированный перевод, а сам жанр произведений

рассматривается как синтез нескольких жанров.

- Проповеди Вульфстана (Wulfstan). Епископ Вустерский считался замечательным оратором, перу которого приписывали свыше пятидесяти проповедей на древнеанглийском языке. От Эльфрика Вульфстан отличается гораздо более изощренной стилистической техникой, характеризующейся ритмизацией прозы, обильным использованием аллитерации и рифмы.

- «Коллоквиум» Эльфрика (Ælfric's Colloquy), представляющий собой одно из самых ранних учебных пособий на английском языке, в котором давались рекомендации по переводу с латинского языка на древнеанглийский.

- Переводы на древнеанглийский язык короля Альфреда, который сыграл огромную роль в развитии литературы на англосаксонском языке. Основными произведениями, переведенными королем Альфредом, являются «Церковная история английского народа» Беды Достопочтенного (Bede’s Ecclesiastical History; Selection from the O.E. Bede), «Обязанности пастора» Григория (King Alfred’s West-Saxon Version of Gregory’s Pastoral Care), «История против язычников» Павла Орозия (King Alfred’s Orosius). В перевод на англосаксонский язык «Истории против язычников» Павла Орозия был включен короткий оригинальный текст под условным названием «Путешествие Оттара» (The Voyage of Ohthere), рассказывающий о путешествии по скандинавским странам и землям вокруг Белого моря.

Несмотря на всю обширность слоя памятников древнеанглийской письменности, можно сформулировать основные общие особенности прозаических текстов. К ним относятся, прежде всего, назидательность, дидактизм и экзегетичность, которые были характерны для культуры и науки средних веков [Майоров, 1979; Чупрына, 2001]. Отмечается также расплывчатость жанровых разновидностей, указывающая на нестабильность и несформированность системы жанров данного периода. Хотя прозаические памятники письменности и формировались под влиянием новой литературной традиции, предшествующая, в основном, поэтическая традиция оказала воздействие на развитие литературного языка в этот период. Доказательством

этого является обнаружение в прозаических текстах стилистических приёмов, сходных с теми, что использовались в поэтических памятниках.

2.2 Аспектуальные и модальные функции инфинитива

Неличным формам глагола в древнеанглийском языке в большинстве исследований посвящено всего несколько параграфов в разделе о глаголе. Обычно констатируется лишь наличие тех или иных неличных форм, указывается их происхождение и дается характеристика через указание на их связь с именными частями речи [Смирницкий, 1955; Бруннер, 2003; Ильиш, 1958; Шапошникова, 2011; Barber, 2009; Baugh, 2002; Burnley, 2000; Gelderen, 2006; Hogg, 2008; Momma, 2008; Mustanoja, 2016; Pyles, 1971; Ringe, 2014; Wright 1908].

В предлагаемом исследовании каждая нефинитная форма выделяется по совокупности трех основных критериев:

1). Формальный критерий, необходимый для выделения основных элементов строения, характерных для данного класса слов.

2). Семантический критерий, предполагающий «оценку абстрактной семантики слов» [Блох, 2000, с. 66], выражающей отношение слов к элементам действительности.

3). Функциональный критерий, раскрывающий синтаксические свойства слов в предложении.

Древнеанглийский инфинитив имеет две формы: форму именительного падежа, имеющую флексию -an и дательного, характеризующуюся окончанием -anne/-enne и препозиционной частицей (предлогом) tō. В настоящем исследовании формы будут именоваться нефлективный и флективный инфинитивы, соответственно.

В древнеанглийских поэтических текстах употребляется преимущественно нефлективный инфинитив. В малых поэтических памятниках не зафиксировано примеров использования флективного инфинитива. В Беовульфе насчитывается 19 примеров употребления флективного инфинитива против приблизительно 500

примеров, содержащих нефлективный инфинитив.

В поэтических текстах нефлективный инфинитив используется только в сочетании с глаголом в личной форме в конструкциях: ‘V + INF’, ‘V + (Pro)NOUN.ACC + INF’. Рассмотрим их подробнее.

1. V + INF

В качестве финитного глагола в основном употребляются претерито-презентные глаголы. На такие глаголы как sculan ‘must, have to’, magan ‘to be able, can’, willan ‘wish, want’, motan ‘may, might’ приходится более 60 процентов всех примеров (в малых поэтических памятниках 29 примеров против 8):

(1) Ic þæt **secgan mæg**

I that **say.INF can. 1SG.PRS**

‘I can tell’ (The Wife's Lament, 2)

(2) Gode ic þanc secge / þæs ðe ic ðe gesundne **geseon moste**

[to] God I thanks speak / that for I you healthy **see.INF may.1SG.PST**

‘to God I thanks speak, for that I am permitted you uninjured to see’ (Beowulf, 1997-1998). Аналогичные случаи можно проследить в других примерах, представленных в приложении А (см. примеры 1-4).

Среди других достаточно часто употребляемых глаголов встречаются глаголы onginnan ‘to begin’, hatan ‘to order’, cuman ‘to come’, gefrignan ‘to hear’, geseon ‘to see’, gewiton ‘to depart’ и др.

Наряду с указанными глаголами в древнеанглийских поэтических текстах употребляются их однокоренные приставочные варианты. Глаголу hatan, например, соответствует однокоренной приставочный глагол gehatan, но значения этих глаголов значительно отличаются: hatan – приказывать, gehatan – обещать (пример 3); witan – упрекать, gewitan – отправляться (пример 4):

(3) Het mec hlaford min her eard niman

Order.3SG.PST my lord me here dwelling take.INF

‘Ordered my lord to me here a dwelling to take’ (The Wife's Lament, 15)

he me mede **gehet**

he me reward **promise.3SG.PST**

‘He promised a reward to me’ (Beowulf, 2134)

(4) for ðam me **witan** ne ðearf waldend fira

because me **reproach.INF** not need.3SG.PRS Ruler [of] men

‘because me to reproach does not need The Ruler of Men’ (Beowulf, 2741)

Ærest min hlaford **gewat**

First my lord **depart.3SG.PST**

‘First my lord departed’ (The Wife's Lament, 6).

Что касается глаголов gefrignan ‘to hear, learn by enquiry’ и geseon ‘to see’, то их бесприставочные варианты имеют синонимичное значение. Но глагол seon трактуется в словаре как ‘see, look’, в тексте встречается даже значение ‘meet’ (пример 5), а глагол frignan – ‘ask’ (пример 6):

(5) Ne **seah** ic elþeodige / þus manige men modiglicran

not I **see.1SG.PST** foreign / so many men more courageous

‘never I met among strangers so many men courageous’ (Beowulf, 336-337)

(6) **frægn** gif him wære / æfter neodlaðu niht getæse

ask.3SG.PST if him was / to [his] desire night agreeable

‘he asked if the night was in peace to his mind’ (Beowulf, 1319-1320).

Приставка ge-, как показывает анализ примеров, не несет семантику завершенного, предельного действия. Она изменяет лексическое значение глаголов, а в некоторых случаях (seon = look, meet; geseon = see), наоборот, делает глагол непредельным. Необходимо отметить, что в текстах малых поэтических памятников и Беофульфе однокоренные бесприставочные варианты глаголов, указанные выше, не используются ни разу с инфинитивом.

По формальному расположению нефлективный инфинитив может или предшествовать личной форме, что в большинстве случаев возможно только при использовании претерито-презентного глагола (пример 7) или следовать за личным глаголом, часто создавая рамочную конструкцию, в которую могут входить другие члены предложения. Такая конструкция свойственна при употреблении инфинитива и после претерито-презентных, и после других глаголов (пример 8; Приложение А примеры 5-7):

(7) þæt hie healfne geweald / wið Eotena bearn **agan moston**
that they half [of] power / with Eotens' sons **own.INF may.3PL.PST**
'that they half of the power with the Eotens' sons might have' (Beowulf, 1088)

(8) Oft **sceall** eorl monig anes willan / wræc **adreogan**
often **must.3SG.PRS** many a man [for] one's will / persecution **suffer.INF**
'Often must many men, for the will of one persecution suffer' (Beowulf, 3077-3078)

Рассмотрим функции нефлективного инфинитива.

Так как в большинстве контекстов употребления нефлективный инфинитив используется с претерито-презентными глаголами, то в основном он функционирует как глагольная часть составного глагольного сказуемого. Сюда же, по-видимому, стоит отнести примеры с глаголом witon (uton) 'let us' – восклицательным глаголом (Приложение А примеры 8-9).

2. V + (Pro)NOUN.ACC + INF

Основной (наиболее частотной) функцией для инфинитива после других глаголов является функция сказуемого в конструкции «Accusativus cum Infinitivo», которая в современном английском языке именуется «complex object». Подобные конструкции встречаются после широкого круга глаголов, включая gefrignan 'to hear', geseon 'to see', hatan 'to order' lætan 'let, allow', findan 'to find', onfindan 'to find out' (пример 9; Приложение А примеры 10-13):

(9) Ne **gefrægen** ic þa mægþe maran weorode / ymb hyra sincgyfan sel **gebæran**
not **hear.1SG.PST** I that tribe.SG.ACC [in] greater host / around their treasure-giver themselves **behave.INF**
'I did not hear that a tribe in a greater host around their treasure-giver behaved themselves' (Beowulf, 1011-1012).

При отсутствии субъекта действия, называемого инфинитивом, нефлективный инфинитив выполняет функцию, схожую с функцией современного дополнения (совр. англ. I begin to read). Чаще всего инфинитив в этой функции встречается после глагола onginnen 'to begin':

(10) oððæt an **ongan** / fyrene **fremman** feond on helle

until one **begin.3SG.PST** / crime.SG.ACC **perform.INF** a fiend on hell

‘until one began to perform crimes, a fiend in hell’ (Beowulf, 100-101)

(11) **Ongin** mere **secan**

begin.2SG.PRS sea.SG.ACC **seek.INF**

‘Begin the sea to seek’ (The Husband's Message, 26).

Функцию обстоятельства (в современном понимании функций инфинитива) инфинитив выполняет после глаголов cuman ‘to come’, faran ‘to go’ и gewiton ‘to depart’ (пример 12; Приложение А примеры 14-15):

(12) Ða ic me **feran gewat** folgað secan

Then I myself **travel.INF go.1SG.PST** refuge seek.INF

‘Then I myself went refuge to seek’ (The Wife's Lament, 9).

В этих примерах традиционно инфинитив рассматривается как эквивалент современного обстоятельства цели: «отправился, чтобы». Однако в ряде примеров действие, выражаемое инфинитивом, является одновременным, сопутствующим действию, выраженному личным глаголом. В таких примерах функцию инфинитива можно приравнять к современному обстоятельству образа действия (пример 13; Приложение А примеры 16-17):

(13) **Com** on wanre niht / **scriðan** sceadugenga

come.3SG.PST on colourless night / **glide.INF** one-in- darkness

‘Came in the colourless night gliding the wanderer’ (Beowulf, 702-703).

Рассмотрим валентность нефлективного инфинитива. В поэтических текстах нефлективный инфинитив характеризуется следующей сочетаемостью:

– с прямым дополнением (Приложение А примеры 18-19);
– с косвенным дополнением (Приложение А примеры 20-21);
– с обстоятельством (Приложение А примеры 22-23).

В сочетании с претерито-презентными глаголами инфинитив получает предикативную валентность, в конструкции «Accusativus cum Infinitivo» инфинитив сочетается с подлежащим (субъектом, выполняющим действие, выраженное инфинитивом). Выполняя функцию обстоятельства, инфинитив получает адвербиальную валентность, сочетаясь с глаголом.

Флективный инфинитив в поэтических текстах всегда постпозитивен относительно личного глагола. В 15 из 19 зафиксированных примерах инфинитив употребляется после глагола wesan ‘to be’. Примеры достаточно типичны и укладываются в следующие схемы:

1. To be + ADJ + to INF (пример 14)

2. To be + ADJ + (Pro)NOUN.DAT+ to INF (пример 15)

3. To be + NOUN + to infinitive (пример 16).

(14) To lang **ys to reccenne** hu…

too long.ADJ.NOM **be.3SG.PRS to tell.INF** how…

‘It is too long to tell how…’ (Beowulf, 2093- 2094)

(15) Swa **bið** geomorlic gomelum ceorle / **to gebidanne**…

So **be.3SG.PRS** sad.ADJ.NOM old.ADJ.DAT man.SUBST.DAT / **to abide.INF**

‘it is sad for an old man to abide’ (Beowulf, 2444 - 2445)

(16) Wundor **is to secganne** / hu mihtig god…

wonder.SUBST.NOM **be.3SG.PRS to say.INF** / how mighty God…

‘Wonder is to say how mighty God’ (Beowulf, 1724-1726).

Рассмотрим остальные четыре примера:

(17) **seleð** him on eþle eorþan wynne / **to healdanne**

give.3SG.PRS him on home earth joy.SUBST / to keep.INF

‘gives him in his own home earthly joy to keep’ (Beowulf, 1730-1731)

(18) þæt þe Sægeatas selran **næbben** / **to geceosenne** cyning ænigne

that the Sea-Geats better.ADJ **not have.SG.SBJV.PRS** / **to choose.INF** king other

‘that the Sea-Geats better did not have choosing another king’ (Beowulf, 1850-1851)

(19) Symble bið gemyndgad morna gehwylce / eaforan ellorsið oðres ne **gymeð** / **to gebidanne** burgum in innan

always be.3SG.PRS reminded morning every / [of] son’s death other not **care.3SG.PRS** / **to wait.INF** [in] towns inside

‘always is reminded every morning of the death of his son he does not care for

another (heir) to wait within the strongholds’ (Beowulf, 2450-2452)

(20) þis ellenweorc ana **aðohte** / **to gefremmanne**

this heroic-deed alone **resolve.3SG.PST** / **to perform.INF**

‘this heroic work alone (he) decided to perform’ (Beowulf, 2643-2644).

Примеры (17) и (18) соответствуют схемам 3 и 1, соответственно, отличаясь только финитными глаголами. В примерах (19) и (20) инфинитив употребляется в конструкции ‘V + to INF’ после глаголов gýman ‘to care for, take care of, to heed’ и a-þencan ‘to think, intend’ как дополнение. Определить функции флективного инфинитива в случаях, подобных примерам (14-16) достаточно сложно, вероятно здесь можно говорить о функции уточнения.

Рассмотрим следующие примеры:

(21) næs him feor þanon / **to gesecanne** sinces bryttan,

not be.3SG.PST them.DAT far.ADJ thence / **to seek.INF** [of] treasures dispenser

‘was not them far to seek the giver of treasures’ (Beowulf, 1921-1922)

(22) hwæt swiðferhðum selest wære / wið færgryrum **to gefremmanne**

what brave best.ADJ be.SG.SBJV.PST / with horror **to do.INF**

‘what for brave men would be best with the horror to do’ (Beowulf, 173-174).

Вывод о том, что инфинитив выполняет функцию подлежащего в этих примерах, можно было бы сделать на основании отсутствия подлежащего в предложениях. Но, как известно, опущение подлежащего в древнеанглийском языке вполне естественно. К тому же, как отмечалось выше, в древнеанглийском языке флективный инфинитив – это форма дательного падежа с окончанием -anne/-enne и предлогом tō. Вряд ли столь выраженная форма дательного падежа могла претендовать на роль подлежащего в языке номинативного строя. В следующем примере имеется формальное подлежащее, но функция инфинитива близка к функциям в примерах (21) и (22):

(23) No **þæt** yðe byð / **to befleonne**

no **that** easy be.3SG.PRS / **to flee.INF**

‘It is not easy to flee’ (Beowulf, 1002-1003).

В грамматике современного английского языка в конструкциях типа ‘It is

useful to do’ инфинитив трактуется как подлежащее. Однако А. И. Смирницкий считает, что инфинитив представляет собой не подлежащее, уточнение, то есть расширение содержания сказуемого. Следовательно, инфинитив можно рассматривать как часть сказуемого. Такой вывод А. И. Смирницкий делает, сравнивая предложение It is necessary to go there с предложением I must go there, где инфинитив «go» однозначно является частью сказуемого. С другой стороны, А. И. Смирницкий указывает, что во фразе ‘It is difficult to understand this’ подлежащее выражено местоимением «it», а инфинитив поясняет и раскрывает значение, передаваемое прилагательным ‘трудный’ [Смирницкий, 1957, с. 158-159]. Таким образом, появляются основания назвать инфинитив уточнением прилагательного. Однозначно как уточнение инфинитив представляется возможным, на наш взгляд, трактовать в примерах, где есть формально выраженное подлежащее:

(24) **Ofost** is selest / **to gecyðanne**

haste.SUBST.NOM be.3SG.PRS best / **to declare.INF**

‘haste is the best for reporting’ (Beowulf, 256- 257).

Этот пример схож с примером (18) с глаголом habban. По аналогии с рассуждениями А. И. Смирницкого, мы можем заменить «they have better to choose» на «they should choose», тогда инфинитив входит в группу сказуемого. Или можно сказать, что инфинитив уточняет прилагательное ‘better in what case, when?’, что доказывает точку зрения М. Каллавея, который трактует этот пример как «adverbial modifier of adjective».

Примерам типа (25) М. Каллавей приписывает инфинитиву функцию именной части глагольного сказуемого «predicative nominative» [Callaway, 1913, p. 193]:

(25) Sorh is me **to secganne**

trouble be.3SG.PRS me.DAT **to say.INF**

‘It is sad for me to say’ (Beowulf, 473)

Wundor is **to secganne**

wonder be.3SG.PRS **to say.INF**

‘It is wonder to say’ (Beowulf, 1724).

А вот в примерах типа (26) инфинитив рассматривается как уточнение существительного «adverbial modifier of noun» [Callaway, 1913, p. 173-179]:

(26) Mæl is me **to feran**

time.SUBST be.3SG.PRS me.DAT **to go.INF**

‘It is time for me to go’ (Beowulf, 316)

(27) næs ðær mara first / freode **to friclan**

not be.SG.PST there greater time.SUBST / peace **to seek.INF**

‘there was not more time to ask for peace’ (Beowulf, 2555-2556)

(28) Ne bið swylc cwenlic þeaw.SUBST / idese **to efnanne**

not be.3SG.PRS such woman-lile way / lady.DAT **to perform.INF**

‘such woman-like manner is not for a lady to perform’ (Beowulf, 1941).

По структуре все эти предложения абсолютно схожы. Сложно сказать, что во второй группе отчетливее, чем в первой проявляется уточнение именно существительного: (пример 26) – время (для чего) для отъезда; (пример 27) – больше времени (для чего?) для вопрошания; (пример 28) – такая манера (для чего?) для поведения. Конечно, можно в первых примерах (25) инфинитив заменить глаголом: мне горе (горько) говорить, что…; диво говорить, как Бог дает нам мудрость и т.д., но в целом данные примеры мало, чем отличаются.

Уточнение к существительному или прилагательному – проявление именных свойств инфинитива – сочетаемости имени существительного с другим существительным или прилагательным. При уточнении прилагательного, по сути, инфинитив приобретает определение: That is not easy to flee = that is not an easy flight. В случае с существительным конструкцию ‘manner to perform’ можно заменить предложной конструкцией, свойственной существительному ‘manner for performance’.

Что касается других видов сочетаемости инфинитива, то чаще всего в «Беовульфе» он вступает в подчинительные отношения с прямым дополнением: sæcce to seceanne ‘to seek strife’ (2562), to gesecanne sinces bryttan ‘to seek the giver of treasures’ (1922); косвенным дополнением: to secganne gumena ængum ‘to say to

any man’ (474-475) или обстоятельством: eft to leodum to farenne ‘again to people to go’ (1804-1805), ana aðohte to gefremmanne ‘alone intented to do’ (2643- 2644).

В древнеанглийских прозаических текстах используется как нефлективный, так и флективный инфинитивы, однако их численное распределение, как и в поэтических текстах, не является равным. Например, в тексте «Selection from the O.E. Bede» насчитывается всего 224 случая употребления инфинитива. Из них в 50 примерах употреблен флективный инфинитив, остальные приходятся на нефлективный инфинитив.

Как показало наше исследование, в древнеанглийских прозаических текстах инфинитив без to употреблялся в основном в конструкции V + INF после претерито-презентных глаголов (Приложение А примеры 24-30). В таблице 1 глаголы расположены по частоте их употребления, начиная с наиболее часто употребляемых.

Таблица 1 – Наиболее распространенные глаголы, после которых употребляется нефлективный инфинитив в древнеанглийских прозаических текстах

Глагол	Перевод на современный английский
magan	be able, can
willan	wish, want, desire
sculan	must, ought to
ne willan	to be unwilling
cunnan	know, can
durran	to dare
motan	may, be allowed

Необходимо отметить, что из 1740 случаев употребления нефлективного инфинитива в 1160 примерах он используется именно в сочетании с претерито-презентным глаголом.

Из не претерито-презентных глаголов большая часть примеров приходятся на глаголы hatan ‘to order’ и onginnan ‘to begin’ (435 и 252, соответственно):

(29) Se cing **het** hi **feohtan** agien Pihtas… Hi ða sende to Angle 7 heton heom **sendan** mare fultum

the king **order.3SG.PST** them **fight.INF** against Picts…they then send.3PL.PST to Angles and **order.3PL.PST** them **send.INF** more assistance

‘The king odered them to fight against the Picts… They then sent to the Angles, and ordered them to send more assistance’ (The Anglo Saxon Chronicle 449)

(30) ond ðeah monige cuðon Englisc gewrit arædan, ða **ongan** … ða boc **wendan** on Englisc ðe is genemned on Læden Pastoralis

and though many can.3PL.PRS English letter read.INF, then **begin.1SG.PST**… that book **translate.INF** in English that is named in Latin Pastoralis

‘and however many can English letters read, then began I that book to translate in English that is named Pastoralis’ (King Alfred's Preface).

В таблице 2 представлен список других значительно менее многочисленных глаголов.

Таблица 2 – Глаголы, после которых используется нефлективный инфинитив в древнеанглийских прозаических текстах

Глагол	Перевод на современный английский язык
lætan	let
geseon	see
sellan	give
(ge)hieran	hear
gewitan	go
ðencan	think
cuman	come
lystan	please, like
forlætan	allow
gefrignan	hear
gan	go
gewunian	use
aginnan	begin
gemetan	find
myntan	think
aliefan	be allowable

Как видно из таблицы, в список глаголов, требующих нефлективного инфинитива, входят глаголы чувственного восприятия, мыслительной деятельности и фазовые глаголы.

При употреблении флективного инфинитива сложно выделить определенные группы глаголов. По нашим статистическим данным флективный инфинитив чаще всего используется после следующих глаголов: wesan ‘to be’, cuman ‘to come’, sellan ‘to give’, wilnian ‘to ask for’, beginnan ‘to begin’, sendan ‘to send’, tilian ‘to till’, gan ‘to go, to happen’, feran ‘to go, to turn out’ и др.

По расположению нефлективного инфинитива относительно личной формы глагола выделяются следующие конструкции:

1. Постпозитивная – инфинитив следует за личным глаголом. При этом

инфинитив может или непосредственно следовать за глаголом:

(31) Eastewerd hit **mæg bion** syxtig mila brad oþþe hwene brædre

eastward it **may.3SG.PRS be.INF** sixty miles broad or even broader

‘eastward it may be sixty miles broad or even broader’ (The Voyage of Ohthere)

или между инфинитивом и глаголом могут присутствовать другие члены предложения, например, подлежащее (при инверсии) (пример 32), дополнение (пример 33), обстоятельство (пример 34):

(32) þonne **woldan** hie me ma **fultumian**

then **wish.3PL.PST** they.SBJ.NOM me more assist.INF

‘then wished they me more to assist’ (Bede's Ecclesiastical History)

(33) Ond eac swelce monige oðre æfter him in Ongelþeode **ongunnon** æfæste leoð **wyrcan**

and also likewise many other after him in England **begin.PL.PST** pious song.OBJ.ACC **make.INF**

‘and also likewise many other after him in England began pious song to make’ (Bede's Ecclesiastical History)

(34) þæt hie ne **dorston** þæt land nawer **gesecan**

that they not **dare.PL.PST** that land nowhere.ADV **seek.INF**

‘that they dare not that land seek somewhere’ (The Anglo Saxon Chronicle 914).

2. Препозитивная – инфинитив предшествует личному глаголу:

(35) ymb ealle ða ðiowotdomas ðe hie Gode **don scoldon**

about all the services that they [to] God **do.INF must.3PL.PST**

‘about all the services that they to God do must’ (King Alfred's Preface).

Между инфинитивом и личной формой глагола может располагаться подлежащее:

(36) Gea, butan nettum **huntian** ic **mæg**

yes, without nets **hunt.INF** I.SBJ **may.1SG.PRS**

‘Yes, without nets I may hunt’ (Ælfric's Colloquy).

Для флективного инфинитива характерна постпозиция. Однако, как и нефлективный инфинитив, флективный инфинитив в редких случаях может

стоять в препозиции к личному глаголу:

(37) And hē rihte endebyrdnesse lifes ætīewde, and rihte Eastran **to weorðianne lærde**
and he right order [of] life showed, and right Easter **to celebrate.INF learn.3SG.PST**
‘and he right order of life showed and right Easter to celebrate learned’ (Selection from the O.E. Bede).

В сочетании с глаголом beon флективный инфинитив может употребляться перед личной формой глагола:

(38) Angelcyningas…hæfdon betweoh him spræce and geÞeahte, hwæt **to dōnne wære** be Þæm stealle Angelcynnes ciricean
English kings ….had between them talk and discuss, what **to do.INF be.PL.PST** concerning that state [of] English church
‘The English kings ….had between them discussion what to do with the state of the English church’ (Selection from the O.E. Bede).

Если же инфинитив используется в конструкции ‘beon + прилагательное (причастие II) + флективный инфинитив’, то он в этом случае всегда постпозитивен:

(39) & hrædest **is to cweþenne** Godes laga laðe & lara forsawenne
and quickest.ADJ **be.3SG.PRS to say.INF** God’s law hateful and preaching to neglect.INF
‘It is quickest to call God’s law hateful and preaches to neglect’ (Wulfstan).

Рассмотрим функции инфинитивов в древнеанглийских прозаических текстах.

Нефлективный инфинитив, фиксируемый чаще всего в сочетании с претерито-презентным глаголом, необходимо рассматривать как часть сказуемого. При выполнении данной функции нефлективный инфинитив встречается после претерито-презентных глаголов magan, willan, sculan, ne willan, cunnan, durran, motan, āgan (пример 40; Приложение А примеры 5-7):

(40) Ic ne mæg swa fela gefon swa ic mæg gesyllan
I not can.1SG.PRS so many catch.INF as I can.1SG.PRS sell.INF

‘I may not so many catch as I may sell’ (Ælfric's Colloquy).

Далее по частоте употребления следуют примеры, в которых нефлективный инфинитив функционирует как сказуемое в конструкции «Accusativus cum Infinitivo», чаще всего эту функцию инфинитив выполняет после глаголов hatan и geseon:

(41) þonne he **geseah** þa hearpan him **nealecan**

then he **see.3SG.PST** the harp.SG.ACC him **approach.INF**

‘then he saw the harp him aproach’ (Bede's Ecclesiastical History)

(42) & **eh** thine **læran**

and **order.3SG.PST** he.ACC **learn.INF**

‘and asked him to learn’ (Bede’s Ecclesiastical History).

После глаголов onginnan, gewunian, lætan, willnian, forlætan, blinnan нефлективный инфинитив, как может показаться, используется в функции современного дополнения. В нескольких примерах после безличного глагола geþyhcan (geðyncan) ‘to seem’ функция инфинитива достаточно спорна. М. Каллавей [Callaway, 1913, p. 266], как и А. Кук [Cook, 1898; Cook,1903], относит примеры с глаголом geþyhcan к группе, называемой «квази-предикат аккузативного подлежащего». Е. Мэцнер [Mätzner, 1860, S. 23] вслед за Б. Торпом [Thorpe, 1868, p. 112] считает, что в таких примерах инфинитив функционирует как часть сказуемого (predicative nominative):

(43) hwilc cræft þe **geþuht** betwux þas furþra **wesan**?

which craft you **seem.3SG.PST** between these greater **be.INF**?

‘Which craft seems to you between these greater to be?’ (Ælfric's Colloquy)

(44) Me is **geþuht** Godes þeowdom betweoh þas cræftas ealdorscype **healdan**

me be.3SG.PRS **seem.3SG.PST** God’s service between these crafts supremacy **hold.INF**

‘to me seems God’s service between these crafts supremacy hold’ (Ælfric's Colloquy).

Данный глагол в тексте Беовульфа и многих прозаических текстах употребляется без приставки и не сочетается с инфинитивом.

В единичных примерах нефлективный инфинитив трактуются учеными по-разному: либо как подлежащее, либо как часть сказуемого, либо как уточнение к прилагательному (см. рассуждения по поводу подобных примеров в древнеанглийских поэтических текстах):

(45) Gebeorhlicre **ys** me **faran** to ea mid scype mynum, þænne faran mid manegum scypum on huntunge hranes

Safer **be.3SG.PRS** me.DAT **go.INF** to river with ship my than go.INF with many ships on hunting whales

‘Safer is for me to go to river with my ship than to go with many ships on hunting for whales’ (*Ælfric’s Colloquy*).

После глаголов sendan ‘send’, cuman ‘come’, faran ‘go’, gan ‘go’ инфинитив рассматривается традиционно как современное обстоятельство цели:

(46) He **eode** eft **sittan** siððan mid his ðegnum

he **go.3SG.PST** often **sit.INF** since with his thanes

‘He often since then went to sit with his servants’ (Homilies of *Ælfric*)

(47) Ic, Bēda, Crīstes Þeow and mæsseprēost, **sende grētan** Þone lēofestan cyning Ceolwulf

I, Bede, Christ’s servant and mass-priest, **send.1SG.PRS greet.INF** the dearest king Ceolwulf

‘I, Bede, The Christ’s servant and mass-priest, send to greet the dearest king Ceolwulf’ (Selection from the O.E. Bede).

Флективный инфинитив выполняет в большинстве примеров две функции:

1) Часть составного глагольного сказуемого. В конструкции ‘beon + флективный инфинитив’ инфинитив выражает значение необходимости, обязательства, возможного действия:

(48) and ræddon hwæt him **to dōnne wære**, hwær **wære** fultum **to sēcanne** to gewearnianne and to wiÞscūfanne swā rēðre hergunga and swā gelōmlicre Þāra norÞÞēoda

and read.PL.PST what them **to do.INF be.SG.PST.SBJV**, where **be.SG.PST.SBJV** help **to seek.INF** to warn.INF and to oppose.INF such crueler

invasions and so frequent northern-people

‘and decided what they should do, where to seek help to warn and oppose such cruel raids and northern people’ (Selection from the O.E. Bede).

2) Обстоятельство цели после глаголов движения, передачи, желания и т.д.:

(49) Þone Mellitum hē **sende** ēastseaxum **tō bodianne** godcunde lāre

then Mellitum he send.3SG.PRS [to] East Saxons **to preach.INF** God’s teaching

‘Then he sends Mellitum to East Saxons to preach God’s teaching’ (Selection from the O.E. Bede)

(50) and Þider gefēonde **cōmon** Angelcynnes folc Godes word **tō gehīeranne**

and thither rejoiced **come.PL.PST** English people God’s words **to hear.INF**

‘and thither were glad English people God’s words to hear’ (Selection from the O.E. Bede).

Также инфинитив функционирует как уточнение к прилагательному или существительному в конструкции ‘ƀeon + прилагательное (причастие II) + (сущ. (DAT)) + флективный инфинитив’ (пример 51; Приложение А примеры 5-7):

(51) Swa **wæs** seo ealde æ swiðe earfoþe and digle **to understandenne**

so **be.SG.PST** that old ever very difficult.ADJ and mysterious.ADJ **to understand**

‘so was that old ever very difficult and mysterious to understand’ (Homilies of Ælfric).

В нескольких примерах флективный инфинитив употребляется в функции дополнения:

(52) Ic **geteohode** min lif on mægðhade **to geendigenne**

I **determine.SG.PST** my life on virginity **to end.INF**

‘I determined my life in virginity to end’ (Homilies of Ælfric).

Проведенное нами исследование и анализ трактовок функций древнеанглийского инфинитива в работах других лингвистов показали, что, во-первых, ученые не приходят к единому мнению о функциях инфинитива, во-вторых, при традиционной трактовке функций инфинитивов, две формы

инфинитива часто пересекаются функционально. Это происходит при выполнении следующих функций: составное глагольное сказуемое, дополнение, обстоятельство, уточнение.

Рассмотрим эти функции более подробно, уточним, как именно объясняют ученые дублирование функций формами инфинитива, и предложим новый подход, исключающий спорные вопросы.

В качестве части глагольного составного сказуемого нефлективный инфинитив употребляется после претерито-презентных глаголов. Флективный инфинитив практически не употребляется в данной конструкции, за исключением двух примеров после глагола agan ‘owe, ought to’. М. Каллавей [Callaway, 1913, p. 83] объясняет это сильным значением принадлежности, собственности, выражаемым самим личным глаголом:

(53) he . . . sæde ðæt he hit **nahte to donne**
he…. say.3SG.PST that he it **not-owe.3SG.PST to do.INF**
‘he said that he dared not it to do’ (The Anglo Saxon Chronicle 1070)

(54) Đe eorl . . . benam him al ðæt he **ahte to hauen**
The earl … deprive.3SG.PST him all that he **own.3SG.PST to have.INF**
‘The earl deprived him all that he dared to have’ (The Anglo Saxon Chronicle 1140).

Действительно, можно говорить о том, что в этих примерах акцентируется именно первая часть сказуемого, а не действие, выраженное инфинитивом; а сам глагол agan имеет предельное значение «получать».

В функции сказуемого флективный инфинитив используется после глагола beon для выражения необходимости и обязательства выполнения некоторого действия. Обнаружено всего два примера употребления в этой конструкции нефлективного инфинитива. Эти примеры заслуживают внимания, так как в них одновременно употребляются оба инфинитива:

(55) Ond hwæt elles **is to secenne** wið ðæt hungre nemne ondlifen wið ðurst drync, wið hæto celnis, wið cyle hrægl, wið werignesse reste, wið untrymnesse lacedom **secan**?

and what else **be.3SG.PRS to seek.INF** with that hunger only food with thirst drink, with heat blowing, with cold clothes, with weariness rest, with illness remedy **seek.INF**?

‘and what else to seek with hunger only food with thirst – drink, with heat - blowing of wind, with cold – clothes, with weariness – rest, with illness - remedy seek?’

(56) ðas feower ana **syndon to underfonne** on geleaffulre gelaðunge and **forlætan** ða oðre ðe lease gesetnysse gesetton

that four only **be.3PL.PRS to undertake.INF** on more-believing church and **leave.INF** the other that false foundation set

‘that four only are to undertake more believing church and leave the other that false foundation set’.

По версии М. Каллавея на флективность инфинитива влияет степень его удаленности от личного глагола [Callaway, 1913, p. 21]. Из приведенных им примеров следует, что в группе из нескольких инфинитивов ближайший к личному глаголу оказывается флективным. Предположение кажется маловероятным, так как порядок слов не имеет весомого значение в выражении грамматических значений в древнеанглийском языке. Более вероятен следующий подход: в случае с флективным инфинитивом глагол «beon» имеет значение долженствования, обязательства: должны искать, должны принять, а вот в сочетании с нефлективным инфинитивом «beon» ослабляет свое лексическое значение, приближаясь к вспомогательным глаголам, тем самым сам нефлективный инфинитив сближается с личным глаголом: что ещё нужно искать, кроме того, как в голод пищу (мы) ищем.

В функции современного дополнения также встречаются оба инфинитива. В данном случае выбор инфинитива зависит от глагола. В большинстве исследований отмечается, что на выбор формы инфинитива могут влиять семантические или синтаксические факторы. Так, например, некоторые ученые утверждали, что определенные лексические группы глаголов требуют определенной формы инфинитива. А. Каартинен и Т. Мустанойя в совместном

исследовании предполагали зависимость формы инфинитива от метрики текста [Kaartinen, Mustanoja, 1958, p. 179-192]. Одну из наиболее веских, как мы отмечали, точек зрения представил М. Каллавей [Callaway, 1913, p. 31-46]. Он указывает, что нефлективный инфинитив употребляется с переходными глаголами, управляющих аккузативом, к которым относятся, например, глаголы приказания (hatan), глаголы позволения (lætan), глаголы восприятия (geseon). Флективный инфинитив в функции дополнения употребляется после глаголов, требующих генитива, датива или инструментального падежа: æteowan ‘show’, cyðan ‘make known’, læran ‘teach’ и др. Существует ещё и третья группа – глаголов двойного управления, которые могут принимать оба инфинитива.

Дон Риндж подразделяет все глаголы в древнеанглийском языке на три группы [Ringe, 2014, p. 487-489]. Первая группа «AcI verbs» – это двухместные предикаты, в которых субъект инфинитивного действия отличен от субъекта предложения. Вторая и третья группы «monotransitive subject control verbs» и «ditransitive object control verbs» – это двух- и трехместные предикаты, в которых субъект аргумента неявен и идентичен субъекту предложения. К первой группе относятся глаголы восприятия. Ко второй группе – глаголы намерения, глаголы, обозначающие способ протекания действия (начинать, продолжать). Первая группа глаголов используется только с нефлективным инфинитивом, вторая – и с нефлективным, и с флективным. Третья группа, глаголы которой обширны по семантике, чаще всего используется с флективным инфинитивом.

О. Фишер отмечает, что выбор аккузатива или датива зависит от отношений между участниками глагольного действия (противостоят они друг другу или нет) [Fisher, 1997, p. 109-134]. Конструкция ‘Nominative – Accusative’ (для подлежащего и дополнения, соответственно) характерна в случае, когда участники ситуации противопоставлены друг другу: субъект активно вовлечен в действие, объект – нет, объект лишь затронут действием, находящимся под контролем субъекта. Конструкция ‘Nominative – Dative’ предполагает слабую субъектно-объектную оппозицию. О. Фишер, используя термины П. Хоппера и С. Томсона [Hopper, Thompson, 1980] ‘volitionality’ (волитивность) и ‘agency’

(действенность / агентивность), высказывает предположение о том, что флективный инфинитив употребляется только тогда, когда субъект действия характеризуется низкими показателями волитивности и агентивности. Она приводит примеры, в которых проявляется это различие:

[and] he [bigde gelome] Þohte mid Þam bigan ætberstan Þam deaðe
[and he doubled often] thought with that doubling away-burst.INF the death
‘[and he doubled often,] had on his mind escaping death by that doubling’
and ge ðencað to awendenne eowerne freond
and you think to pervert.INF your friend
‘and you think you can pervert your friend’.

Согласно трактовке О. Фишер в первом примере речь идет о зайце, который полагает, что может уйти от преследователей, петляя. По логике автора, процесс мышления и ухода от опасности – части одного и того же мыслительного акта. Во втором примере человек в ответ на высказывания восклицает: «Вы думаете, вы сможете совратить (отвлечь от веры) своего друга?». В данном случае, рассуждения автора и процесс совращения – не есть часть одного и того же мыслительного акта. В терминах П. Даффли это описывается как ‘coincident potentiality’ и ‘subsequent potentiality’ (совпадающая и последующая потенциальность) [Duffley, 1992, p. 82-83].

Как отмечалось в теоретической главе, предельность подразумевает намеренное (мотивированное) совершение действия с целью достижения предела (цели), то есть агентивность. Следовательно, вовлечение в действие, активность субъекта предложения – есть не что иное, как предельность, которая характеризует сочетание личного глагола с нефлективным инфинитивом в древнеанглийском языке.

Необходимо отметить, что управление глаголов в древнеанглийском было абсолютно не таким, как в современном английском языке. Например, многие глаголы, требующие в древнеанглийском языке не аккузатива, не употребляются в современном английском языке, поэтому для современного человека их управление не очевидно. Глагол elcian ‘delay’ в древнеанглийском языке требует

предлога to и дательного падежа:

(57) Đæt he leng ne **elcode to** his **geleafan**

that he long no **delayed** his **belief.SUBST.DAT**

‘that he no longer delayed his belief’ (Homilies of Ælfric)

(58) Ne **elca** ðu **to gecyrrenne** to Gode

Not delay you **to turn.INF** to God

‘Do not delay you to turn to God’ (Homilies of Ælfric)

Глагол secan ‘seek’, который в современном английском языке используется только с прямым дополнением, в древнеанглийском языке использовался и с аккузативом, и с дативом в значении «strive for». То же самое характерно для глагола findan ‘find’. Глаголы hatan ‘order’ и lætan ‘let’, наоборот, в древнеанглийском управляли только аккузативом: Hie hine héton ðæt attor etan ‘they bade him poison eat’, где форма hine – это форма аккузатива личного местоимения единственного числа 3 лица мужского рода. Или God lét hí habban ágenne cyre ‘God let them own choice have’, где форма hi – это форма аккузатива местоимения множественного числа 3 лица.

Как показало наше исследование, нефлективный инфинитив используется в конструкции «сложное дополнение» с финитными глаголами восприятия, приказания, позволения, а также в качестве части глагольного сказуемого после многочисленных глаголов. Среди этих глаголов наиболее часто встречаются претерито-презентные глаголы, глаголы onginnan ‘to begin’, gewitan ‘go’, ðencan ‘think’, cuman ‘come’, lystan ‘please, like’, sellan ‘give’, forlætan ‘allow’, gefrignan ‘hear’, gan ‘go’, gewunian ‘use’, aginnan ‘begin’, gemetan ‘find’, myntan ‘think’ и др. Большинство из этих глаголов используется и с аккузативом, и с другими падежами. Выбор формы инфинитива определяется тем, валентностное место какого дополнения занимает инфинитив.

Функцию уточнения к прилагательному нефлективный инфинитив выполняет очень редко. В основном в конструкциях типа ‘глагол быть + прилагательное + местоимение.DAT’ встречается флективный инфинитив:

(59) eallum us **leofre ys wikian**

all.PL.DAT us **more-preferable be.3SG.PRS dwell.INF**

‘we all would rather dwell’ (*Æ*lfric's Colloquy)

(60) Hu **wær**e þu **dyrstig ofstikian** bar?

how be.PST.PL you **brave stab.INF** a boar

‘How were you brave to stab a boar’ (*Æ*lfric's Colloquy)

(61) & his song & his leoð **wæron swa wynsumu to gehyranne**

and his song and his poem **be.PL.PST so agreeable.ADJ to hear.INF**

‘his song and his poem were so sweet to hear’ (Bede's Ecclesiastical History).

В первых двух примерах (59, 60) действие, называемое инфинитивом, требует активного участие субъекта, при этом прилагательное называет признак как свойство субъекта инфинитивного действия, в третьем (61) действие инфинитива не требует активного вовлечения субъекта, а прилагательное выражает признак субъекта предложения, а не инфинитивного действия.

В следующем примере используются оба инфинитива:

(62) **Selre** us **is to sweltenne** and soðlice **anbidian** ðæs ecan æristes

better we.DAT **be.3SG.PRS to die.INF** and truly **wait.INF** that eternal resurrection

‘We’d better die and wait for the eternal resurrection’ (*Æ*lfric’s Lives of Saints).

Употребляясь с глаголом «beon», флективный инфинитив, возможно, выражает будущее действие, но оно однозначно не подразумевает активности субъекта; нефлективный инфинитив в данном примере выражает явное предельное действие, с выраженной агентивностью – «ожидать Воскрешения» (имеется лексическое указание на предел).

Еще один подобный пример можно трактовать таким же образом – необходимость поехать (отсутствие намеренной активности субъекта, непредельность действия) и увидеть (агентивность, предельность):

(63) Ic bohte aenne tun, and me **is neod to farenne** and ðone **geseon**

I bought one town, and me.DAT **be.3SG.PRS need.NOUN to go.INF** and that **see.INF**

‘I bought one town, and it is necessary for me to go and to see it’ (*Æ*lfric's Lives

of Saints).

В Евангелии от Луки [Bright, 1893, 14.18] можно найти другое выражение, в котором отсутствуют инфинитивы:

(64) Ic bohte ænne tun, ic hæbbe neode ðæt ic fare and hine geseo

I bought one town, and I have.SG.PRS.SBJV need.NOUN that I go.1SG.PRS(SBJV) and that see.1SG.PRS(SBJV)

‘I bought one town, and I’d have a need to go and see it’.

В современном английском языке этот пример интерпретируется как ‘I must go and see’, в котором однозначно модальное значение необходимости накладывается на инфинитив ‘go’, а глагол (личная форма или инфинитив) ‘see’ выражает последующее, второстепенное предельное действие.

Особый интерес представляют случаи употребления инфинитивов в функции уточнения в идентичных конструкциях:

(65) And cwæÞ Þæt hē selfa **gearu wære** mid Godes fultume Þæt weorc **tō fremmanne**

and say.3SG.PST that he self **ready be.SG.PST.SBJV** with God’s help that work **to do.INF**

‘And said that he himself was ready with God’s help this work to do’ (Selection from the O.E. Bede)

(66) for Þon hē **gearu wære** on Þēm ilcan gewinne mid him **bēon** gif him lēafnes seald wære

because he **ready be.SG.PST.SBJV** on the same battle with them **be.INF** if him permission given be.SG.PST.SBJV

‘because he was ready on the same battle with them to be if he would be allowed’ (Selection from the O.E. Bede).

В примерах с нефлективным инфинитивом мы наблюдаем явное вовлечение субъекта в действие, выражаемое инфинитивом, намеренное и мотивированное действие субъекта: leofre ys me gefon fisc ‘для меня предпочтительнее ловить рыбу’, plyhtlic þingc hit ys gefon hwæl ‘мне опасно ловить кита’, gebeorhlicre ys me faran to ea ‘безопаснее мне выйти в море’. Практически невовлеченность субъекта

в действие, отсутствие контроля субъекта над действием проявляется в примерах с флективным инфинитивом: wæron swa wynsumu to gehyranne ‘его стихи были такими приятными на слух (для того чтобы слушать)’ или hit is gōd gōdne tō herianne and yfelne tō lēanne ‘хорошо – восхвалять Бога и плохо – корить Его’.

В анализе двух примеров с конструкцией ‘to be ready to do smth’ (примеры 65, 66) можно продолжить эти рассуждения: hē gearu wære on Þēm ilcan gewinne mid him bēon ‘он готов быть с ними в одной битве’ (его личное желание, он сам контролирует ситуацию) и hē selfa gearu wære mid Godes fultume Þæt weorc tō fremmanne ‘он готов эту работу выполнить с Божьей помощью и позволения’.

Теперь обратим внимание на семантику личного глагола и инфинитива в этих примерах. На употребление флективного или нефлективного инфинитива оказывает влияние именно аспектуальная семантика первого элемента (личного глагола), с которым он используется (см. употребление флективного инфинитива с глаголом «agan» и возможное упрощение семантики глагола «beon»). Наше исследование показало, что чем слабее глагольная семантика первого элемента (его способность называть событийное действие), тем вероятнее будет использование нефлективного инфинитива. Выше приведенные примеры, тогда можно трактовать так: hē gearu wære on Þēm ilcan gewinne mid him bēon ‘он готов быть с ними в одной битве = он готов биться’ (подчеркивается семантика не прилагательного, а именно инфинитива) и hē selfa gearu wære mid Godes fultume Þæt weorc tō fremmanne ‘он готов выполнить с Божьей помощью и позволения эту работу = он готов с божьей помощью на всё … и работу выполнить и т.д.’. Во втором примере подчеркивается семантика прилагательного «готов». Достаточно убедительно могут выглядеть и примеры О. Фишер в предлагаемой нами трактовке: заяц полагал, что он избежит смерти. Функция нефлективного инфинитива приравнивается к функции личного глагола Þohte ætberstan (думал избежать). Аспектуально глагол «думать» является непредельным, процесс мышления или размышления не акцентирован в этом примере, в отличие от следующего, где глагол имеет предельное значение «задумать что-либо»: ðencað to awendenne (задумал совратить). Стоит отметить, что в этом примере отчетливо

противопоставляется аспектуальная семантика глагола: думал – непредельный глагол, задумал – предельный.

Таким образом, флективность инфинитива зависит в определенной степени от предельности / непредельности финитной формы глагола. Если финитная форма глагола обладает свойством предельности, то инфинитив имеет флективную форму. Напротив, непредельность, кодированная в личной форме глагола, влияет на флективность: как правило, в этом случае возрастает тенденция к использованию нефлективного инфинитива.

Рассмотрим ещё несколько примеров, подтверждающих данное наблюдение [Attenborough, 1922]:

(67) ðis sindan ða domas ðe se God self sprecende wæs to Moyse and him **bebead to healdanne**

these be.3PL.PRS the laws that the God self speaking was to Moyse and him **command.3SG.PST to observe.INF**

‘these are the laws that the God itself was telling to Moyse and him commanded to observe’ – законы, который сам Бог рассказал и приказал соблюдать (акцент на необходимости соблюдения законов, глагол bebead – предельный).

(68) he **bebead** ðone hlaford **lufian** swa hine

he **command.3SG.PST** that master.ACC **love.INF** as him

‘he commanded that master to love as him’: он приказывал любить хозяина (а не ненавидеть и т.д., то есть подчеркивается действие выраженное инфинитивом, глагол bebead – непредельный).

Показательными в смысле непредельности первого элемента являются примеры использования нефлективного инфинитива с глаголами движения. Сюда относятся примеры типа culfre com fleogan of heofonum ‘голубь прилетел с небес’. В русском переводе первый глагольный элемент полностью отсутствует:

(69) ða ic hreowsende wæs, ða ic mid ðy heafde 7 mid honda **com** on ðone stan **dryfan**

when I falling was, then I with the head and with hand **go.SG.PST** on that stone **dash.INF** – ‘когда я падал, я головой и рукой ударился о камень’ (Selection

from the O.E. Bede).

В таких конструкциях личная форма глагола указывает лишь направление деятельности (движения), а инфинитив называет предел этой деятельности. Во многих подобных примерах второй элемент глагольного сказуемого (нефлективный инфинитив), казалось бы, семантически дублирует первый, особенно в таких сочетаниях как com feran, com gan, gewat faran, gewat gangan (cumam ‘come’, gewitan ‘go, depart’, fēran ‘go, travel’, faran ‘go, proceed’, gān ‘go, come’). Следовательно, первый элемент проявляет низкую степень событийности, являясь непредельным и выражая лишь направление деятельности, но в целом сочетание личной формы и нефлективного инфинитива обозначает предельное действие: ударился, пришел, прилетел. В подобных примерах инфинитив явно выполняет функцию части глагольного сказуемого.

Примеры употребления инфинитивов после глаголов движения, приведенных в таблице 3, представляют особый интерес. Здесь могут функционировать оба инфинитива.

Таблица 3 – Наиболее распространенные глаголы движения, после которых употребляется инфинитив в древнеанглийском языке

Глаголы движения	Кол-во примеров с нефлективным инфинитивом	Кол-во примеров с флективным инфинитивом
cuman	35	80
faran	5	15
feran	7	19
gan	40	20

(70) hy untrumne **neosian cwomon**

they diseased **visit.INF come.PL.PST**

‘they the diseased to visit came’ (Bede's Ecclesiastical History)

(71) Crist, seðe **com to gehælenne** ure wunda

Christ, truly **come.SG.PST to heal.INF** our wounds

‘Christ truly came our wounds to heal’ (Homilies of Ælfric).

В первом примере (70) глагол cuman (come) не является событийным, он выражает только направление действия, проявление активности: они пришли навестить = они навестили. Во втором случае (пример 71) подчеркивается именно приход Христа с определенной целью. То же самое мы прослеживаем и в

следующих примерах: Я хочу пойти осмотреть их (пойти = начать действие осмотра), он отправился (поехал) с целью повидать свой город или я должен отправиться на небеса, чтобы увидеть:

(72) Ic bohte fif getymu oxena, and ic wille **faran fandian** ðæra
I buy.SG.PST 5 tamed oxen, and I wish.SG.PRS **go.INF examine.INF** them
'I bought 5 tamed oxen and I wish to go to examine them' (Homilies of Ælfric)

(73) Se **færð to sceawienne** his tun
he **go.3SG.PST to see.INF** his town
'He went to see his town' (Homilies of Ælfric)

(74) wit . . . moton to heofenum **feran** his gife ... **to geseonne** 7 **to sceawigenne**
we-two… may.PL.PSR.(SBJV) to heaven **go.INF** his gift… **to see.INF** and **view.INF**
'We might to heaven go his gift to see and view' (Bede's Ecclesiastical History).

Анализ подобных примеров показывает, что нефлективный инфинитив функционирует не как обстоятельство, а как часть глагольного сказуемого. Особенно явно нефлективный инфинитив демонстрирует свою способность указывать на предельность действия, названного личной формой глагола, употребляясь после глаголов движения. Во всех сочетаниях с нефлективным инфинитивом глаголы движения являются непредельными, в отличие от их самостоятельного употребления (пример 77), сочетания же com faran (gan, fleogan) трактуются как 'шел и пришел (появился, прилетел)':

(75) syððan Higelac **cwom / faran** flotherge on Fresna land
when Higelac **come.PST.SG / go.INF** fleet .DAT on Frisian land
'when Hygelac came with a fleet in the Frisians' land' (Beowulf, 2914- 2915)

(76) Ða **cwom** Wealhþeo forð / **gan** under gyldnum beage þær þa godan twegen / sæton
Then **come.PST.SG** Wealhtheow forth / **go.INF** under golden crown there where good pair / sat
'The came Wealhtheow forth, under golden crown where the good pair sat' (Beowulf, 1162-1164)

(77) Hordweard onbad / earfoðlice oððæt æfen **cwom**

guardian waited / ill-enduring till evening **come.PST.SG**

‘The guardian waited irksome till the evening came’ (Beowulf, 2302-2303).

Весьма показательны в плане выражения аспектуальных функций инфинитивом являются и примеры с глаголом sellan ‘give’. В большинстве примеров (157) он используется с нефлективным инфинитивом, с флективным – 46 примеров. Значительная часть примеров его нефлективного употребления приходится на сочетания с глаголами drincan (103 из 157) и etan (24 из 157):

(78) ða scealðan dyde on wæter, 7 **sealde drincan** ðam mannum

the shaving did on water and **give.SG.PST drink.INF** that man

‘The shaving did in water and gave that man to drink’ (Bede's Ecclesiastical History)

(79) ge me nawuht ne **sealdun etan**

you me nothing not **give.PL.PST eat.INF**

‘you gave me nothing to eat’ (King Alfred's Preface).

Во всех вышеприведенных примерах глагол sellan не является событийным, значение конструкции ‘личный глагол + нефлективный инфинитив’ сводится к лексическому значению глаголов «напоил, накормил». К тому же нефлективный инфинитив явно приравнивается функционально к прямому дополнению в Acc ‘дать еду / питье’.

Что касается флективного инфинитива, то он используется с разными глаголами, например:

(80) **sealde** æhte 7 land mynster **to timbrianne**

give.SG.PST property and land monastery **to build.INF**

‘gave property and land a monastery to build’ (Bede's Ecclesiastical History),

в том числе и с глаголами drincan и etan:

(81) Gif drihten . . . **sylð** me hlaf **to etenne**

If lord….. **give.3SG.PRS** me bread **to eat.INF**

‘If the lord gives me bread to eat’ (Homilies of Ælfric)

(82) **sele** ðry dagas ðry bollan fulle **to drincanne**

give.SG.PRS three days three bowls full **to drink.INF**

‘give three days three full bowls to drink’ (Homilies of Ælfric).

Как показывает анализ примеров, флективный инфинитив используется только при наличии в предложении прямого дополнения к глаголу sellan. Следовательно, флективный инфинитив выполняет иную функцию. В этих примерах также можно говорить о полноценности событийной семантики первого элемента в конструкции с флективным инфинитивом (в отличие от ослабления видовой семантики первого элемента с нефлективным инфинитивом), то есть акцент в предложениях делается на слово «дать»: даст хлеба (поесть) или давайте в течение трех дней по три кружки воды.

Сравнение подобных примеров показывает, что нефлективный инфинитив валентностно равнозначен прямому дополнению. Нефлективный инфинитив приравнивается функционально к аккузативу. В словаре Босворта-Толлера [An Anglo-Saxon dictionary] отмечается, что глаголы, которые употребляются с аккузативом, используются также и с нефлективным инфинитивом и маркируются следующим образом – *with acc. and infin*. Следовательно, переходные глаголы с аккузативом функционально идентичны конструкции ‘непредельный личный глагол + нефлективный инфинитив’ и характеризуются предельностью.

Лора Вагнер, исследуя способность детей использовать синтаксические структуры для передачи семантической информации, проследила конкретную связь между транзитивностью и предельностью [Wagner, 2010] Она отмечает, что транзитивность является особенно важным синтаксическим признаком предельности. Роль транзитивности глагола в передаче предельности отмечена во многих лингвистических работах, посвященных предельности / непредельности [Tenny, 1994; Krifka, 1992; Dowty, 1991; Verkuyl, 1996; Hopper, 1980].

Предельные глаголы называют действия, которые продолжаются определенное время и характеризуют состояние субъекта. Эти действия затем завершаются, вслед за этим наступает новое состояние субъекта и притом определенное. Это состояние завершится, после чего его нельзя будет

продолжать. Непредельные глаголы выражают состояние, которое может продолжаться долгое время, и, когда оно закончится, то на смену ему придет другое состояние, причем любое, в котором может находиться субъект. Прямое дополнение переходных глаголов представляет собой средство для определения пограничных точек событий (eat a sandwich, make a sandwich), изменений состояния событий (paint a box). Естественно, не все прямые дополнения могут выполнять эту функцию, например, в том случае, если объект, выраженный дополнением, не может определять границы, как, допустим, вещественные существительные и существительные во множественном числе без детерминативов (eat peanut-butter / peanuts).

На примере современного финского языка лингвисты демонстрируют выражение аспектуальности с помощью глагольного управления [Huumo, 2010; Heinamaki, 1984; Kiparsky, 1998]. Так, сочетание ‘V + ACC’ определяется ими как предельное, ср:

a. Ammu-i-n karhu-a / kah-ta karhu-a / karhu-j-a

shoot.PST.1SG bear.PART / two.PART bear.PART / bear.PL.PART

‘I shot at the (a) bear / at (the) two bears / at (the) bears’

b. Ammu-i-n karhu-n / kaksi karhu-a / karhu-t

shoot.PST.1SG bear.ACC / two.ACC bear.PART / bear.PL.ACC

‘I shot the (a) bear / two bears / the bears’.

Они отмечают, что если глагол управляет партитивом (a) – он является глаголом активности (непредельным) ‘to shoot at’. Если же управляет аккузативом (b) – то это событийный глагол, предельный ‘to shoot dead’.

Очевидно, что в древнеанглийском языке нефлективный инфинитив использовался только с глаголами, требующими аккузатива. Ни один глагол, который помечен в словаре как непереходный – *v.intrans.,* не употребляется с нефлективным инфинитивом.

Из всех глаголов, требующих аккузатива и с которыми употреблялся нефлективный инфинитив, для современного сознания наиболее спорными кажутся две группы – претерито-презентные глаголы и глаголы движения.

Как известно, даже в древнеанглийский период, не говоря уже о более раннем прагерманском состоянии языка, претерито-презентные глаголы были полнозначными. Например, глагол cunnan имел значение ‘to know’ и требовал аккузатива: Ic ða stówe ne can ‘I know not the place’. Глагол willan значил ‘to will, purpose, think, mean, intend’ и использовался с аккузативом: God symble wyle gód, and næfre nán yfel ‘The God always wishes benefits (good things) and never bad ones’. Глагол sculan тоже можно встретить с аккузативом в значении ‘to owe’: Hym wæs an broht se him sceolde tyn þusend punda ‘One [person] was brought to him who owed him 10,000 pounds’.

Что касается глаголов движения, которые для современного сознания являются непереходными, то в древнеанглийском языке они имели гораздо более широкую семантику и употреблялись с разными падежами. Например, глагол cuman ‘to come’:

(83) Hit **cymð** eów tó wuldre
it comes you.DAT/ACC to glory.DAT
‘it turns out you to glory’.

Чаще всего, впрочем, этот глагол использовался со значением ‘to begin’: Sunnan leóma cymeþ scýnan ‘a sunbeam shall come shining – begin to shine’.

В нашем исследовании показано, что в древнеанглийском языке сочетание личного глагола с нефлективным инфинитивом приравнивается к сочетанию личного глагола с прямым дополнением в аккузативе и является предельным.

Это подтверждается и примерами, в которых нефлективный инфинитив всегда употребляется в ситуации определенности, при упоминании определенных обстоятельств, которые являются пределом действия (не только в сочетании с глаголом, но и в других функциях):

(84) betere ðe is mid anum eagan **gan on Godes rice**
better you be.PRS.SG with one eye **go.INF on God’s reign**
‘It is better for you with one eye to go into God’s reign’ [Bright, 1905, 9.47]

(85) betere ðe ys mid anum eagan **on life to gannne** ðonne ðu si mid twam asend on helle fyr

better you be.PRS.SG with one eye **on life to go.INF** than you be.SBJV.PRS with two sent on hell fire

‘It is better for you with one eye on life to go than you with two would be sent in hell’s fire’ [Bright, 1910, 18.9].

В первом примере (84) мы видим намеренное, мотивированное действие субъекта – войти в царство Божие – точное направление движения, во втором (пример 85) – идти по жизни – действие, не подразумевающее агентивность субъекта, мало зависящее от его воли и намерений, с неопределенным направлением. При этом действие является предельным в первом случае, и непредельным – во втором. В латинском оригинале, оба действия передаются формами инфинитива – intriore и intrare, соответственно.

(86) He **eode** eft **sittan** siððan mid his ðegnum

He **go.SG.PST** often **sit.INF** afterwards with his servants

‘He went often to sit afterwards with his servants’ (Homilies of Ælfric) – «Он часто ходил посидеть (сидел) со своими слугами» – сам глагол «ходить» здесь не имеет значения «двигаться с места, ступая ногами», не является предельным; а функция предельности инфинитива подтверждается определенностью ситуации «сидеть со слугами», которая определяет предел действия хождения;

(87) heo . . . Gode ðoncunge **to donne** in circan **gonge**

she … [to] God thanks **to do.INF** in church **go.3SG.PST**

‘she went to make thanks to God in church’ (Bede's Ecclesiastical History) – «Она ходила (именно в значении, отмеченном выше) в церковь принести благодарность Богу»: принесение благодарности – действие не ясное, не определенное, оно не является пределом действия личного глагола.

Наиболее интересен пример, в котором употребляются сразу два инфинитива:

(88) tima wære ðæt he into cyrcan **eode** ðam folce **to mæssigenne** and godes mærsunge **don**

time be.3SG.PST that he into church **go.3.SG.PST** the people **to mass-serve.INF** and God’s celebration **do.INF**

‘time was that he into the church went to serve mass to the people and God’s celebration to do’ (Homilies of Ælfric) – «Он ходил в церковь на мессу (чтобы отслужить мессу)» – действие не предельное, а вот «ходил восславить Бога» – предел выражен значительно более явно. Какое служение проводилось точно не понятно из предложения, а принесение хвалы Господу – действие весьма определенное.

Таким образом, в древнеанглийском языке глаголы, управляющие аккузативом, являются непредельными, несобытийными и требуют аккузатива или нефлективного инфинитива для выражения предельности. Предельность / непредельность в древнеанглийском языке находила свое выражение в семантике глагола, однако непредельные глаголы для передачи семантики предела использовали грамматические средства (инфинитив, аккузатив). См. например, глагол gehieran ‘hear’. Если он употребляется с ACC или с нефлективным инфинитивом – он предельный:

(89) **Gehýrest** ðú uncerne earne **hwelp**
Hear you our active **whelp.ACC**
‘hear you our active whelp’?
Ic **ðæt gehýre**, ðæt ðis is hold weorod
I **that.ACC hear**, that this is a friendly band
‘I hear that this is a friendly band’
We ðis náfre **gehýrdon** hæleðum **cýðan**
we this have-not **heard** to men **declare.INF**
‘we have never heard this to men declared’.

Если без объекта в аккузативе или инфинитива – непредельный:

(90) **Gehýran** mæg ic rúme
Hear can I far
‘I can hear from far’
Se ðe hæbbe eáran to gehýrenne, gehýre
those that have ears to hear, **hear**
‘those who have ears to hear, will hear’ (An Anglo-Saxon dictionary).

Иными словами, наличие существительного или местоимения в аккузативе или нефлективного инфинитива является маркером предельности. Объект в аккузативе или инфинитив указывают на предел глагольного действия. Форма нефлективного инфинитива трактуется традиционно как форма именительного падежа (флективный инфинитив – форма дательного). Но практически у всех существительных в древнеанглийском формы номинатива и аккузатива совпадают. На аккузативность формы нефлективного инфинитива указывает Дон Риндж [Ringe, 2014, p. 483].

М. Каллавей объясняет во многих случаях употребление разных форм инфинитивов влиянием латинского оригинала [Callaway, 1913, p. 146]. По его наблюдениям, нефлективный инфинитив используется при переводе латинского инфинитива, флективный инфинитив – герундия или герундива. Однако, как подчеркивает сам автор, такая зависимость проявляется не всегда. Как известно, система латинского инфинитива гораздо более развита. К тому же, существовали и непереводные тексты.

Для того чтобы уточнить, какими же способами переводились латинские инфинитивы, обратимся к грамматике Эльфрика [Ælfrics Grammatik, 1880, S. 134]. ‘Грамматика’ Эльфрика для англосаксов является самым ранним письменным памятником, который посвящен лингвистическому описанию языка на английском языке. Ученый монах Эльфрик, известный также как Эльфрик Эйнсхамский или Эльфрик Грамматист (ок. 955 – после 1010), считается наиболее влиятельным автором конца англосаксонской эпохи. «Грамматика» Эльфрика представляет собой перевод на древнеанглийский язык анонимного трактата «Excerptiones de Prisciano», выполненный в конце X в. Значение ‘Грамматики’ Эльфрика состоит в том, что она была первым грамматическим трудом на германском языке, хотя и посвященным описанию латыни. При написании ‘Грамматики’ Эльфрик не пытался описать грамматическую систему древнеанглийского языка, цель его – описание грамматики латинского языка. Древнеанглийские переводные эквиваленты латинских терминов являются способом разъяснения новых для англосаксов понятий. Эльфрик использует

особый способ изложения – ‘Грамматика’ представляет собой тип двуязычного текста. Эльфрик переводит на древнеанглийский язык латинское грамматическое сочинение, дополняя его собственными обширными комментариями. Именно такой способ позволяет Эльфрику, пусть и невольно, описать древнеанглийский язык.

Функцию и семантику инфинитивов в древнеанглийском языке можно уточнить, рассмотрев, какими же способами переводились латинские инфинитивы. Эльфрик дает краткое описание инфинитива, указывая на его неопределенность относительно категории числа, лица и времени, но именно инфинитив, по мнению автора, может сделать повествование законченным: Infinitivus ys ungeendigendlic, ac do ðær to getel and had and tide, ðonne byð hit geendod spræc. Эльфрик выделяет у латинского инфинитива несколько форм и указывает, каким способом они предаются в древнеанглийском языке. В большинстве случаев формы латинского инфинитива передаются на древнеанглийском языке с помощью нефлективного инфинитива или личной формой глагола: amare volo – ic wylle nu lufjan; amare volebam – ic wolde lufjan; scivi te aliquando amasse deum – ic wiste, ðæt du hwilon lufodest god; amatum ire vel amaturum esse – lufjan; vis amatum ire – wylt ðu faran lufjan; venatum pergo – ic fare huntjan; vis doctum ire – wylt ðu gan leornjan; bibitum pergo – ic gange drincan; etcetera.

Обратим внимание на древнеанглийские эквиваленты форм латинского инфинитива. Наиболее интересны формы будущего времени. Древнеанглийские формы в данном случае являются кальками латинских. Так, форма инфинитива, образованная с помощью глагола iri (pergo) и супина, передается в древнеанглийском языке глаголами faran или gan в сочетании с инфинитивом. Это указывает на тот факт, что личная форма глагола в древнеанглийском языке в сочетании с нефлективным инфинитивом не называет полноценное действие, не является событийным глаголом, а выражает лишь направление активности.

Это ещё раз подтверждает наше предположение о том, что первый глагольный элемент в нефлективной инфинитивной конструкции не имеет

событийного предельного значения.

Если нефлективный инфинитив используется у Эльфрика только для передачи латинского инфинитива, то флективный инфинитив встречается значительно чаще:

1. Для передачи латинского герундия [Ælfrics Grammatik, 1880, S. 135] tempus est arandi hit ys tima to erigenne «it is time to plough», habes agros ad arandum hæfst ðu æceras to erigenne «have you fields to plough», commoda mihi librum ad legendum læne me ða boc to rædenne «lend me the book to read». Напомним, что в латинском языке герундий называет действие или необходимость выполнения этого действия [Козаржевский, 1981, с. 103-107].

2. Для обозначения инхоативных глаголов, выражающих начало действия: caleo ic wearmige «I become warm», calesco ic onginne to wearmigenne «I begin to become warm».

3. Для передачи причастия будущего времени: PARTICIPIUM hæfd ðreo tida, praesens andwerd: faciens wyrcende. PRAETERITVM is forðgewiten: factus geworht. FUTURUM is towerd tid: facturus to wyrcenne [Ælfrics Grammatik, 1880, S. 216]. Это причастие имеет значение намерения [Козаржевский, 1981, с. 64].

Следовательно, в древнеанглийском языке флективный инфинитив несет не только семантику глагола, от которого он образован, но может иметь и дополнительные грамматические значения, такие как необходимость действия, его начало, намерение совершения действия. Нефлективный инфинитив лишен дополнительных модальных и аспектуальных созначений, он четко выражает семантику глагола. При анализе примеров из древнеанглийских текстов использовались наименования «флективный и нефлективный инфинитив» для обозначения языковых единиц, одна из которых имеет более сложное формальное строение и дополнительный оттенок значения. Подразумевали ли данные понятия наличие двух форм одного инфинитива, или разных форм, разных инфинитивов – флективного и нефлективного? Согласно В. М. Солнцеву, ряд словоформ признаются вариантами одного и того же слова при общности лексического и общеграмматического значений. В том случае, если изменение звукового облика

связано с изменением одного из компонентов грамматического значения слова (одного из частных грамматических значений) при сохранении в новой словоформе того же самого лексического и общеграмматического значения, эти слова будут являться вариантами одного инварианта [Солнцев, 1984, с. 39]. В нашем случае изменяется форма, а значение в целом остается неизменным, приобретая дополнительный оттенок. Следовательно, мы можем говорить о двух формах инфинитива в древнеанглийский период.

Нефлективная форма инфинитива, как показало исследование, употребляется с глаголами, которые в традиционной грамматике именуются глаголами состояния. Под состоянием при этом понимается отсутствие действия, статичность (покой).

Кроме претерито-презентных глаголов, которые по происхождению являются глаголами состояния, в эту группу, например, относятся такие глаголы как

gefrignan ‘to learn by asking, hear of’

geseon ‘to see a material object’

gewiton ‘to turn one's eyes in any direction with the intention of taking that direction, to set out towards, start, pass over, to go, depart, withdraw, go away, retreat, retire, die’

hatan ‘to order, to bid, order, command

lætan ‘let, allow, permit’

onfindan ‘to find out from experience, become aware of, perceive’

onginnan ‘to begin, set about, set to work to attempt, endeavour’

lystan ‘desire’

blinnan ‘cease’.

На наш взгляд, термин «глагол состояния» в традиционном лингвистическом понимании может относиться только к претерито-презентным глаголам, которые действительно называют состояние как отсутствие деятельности. Весьма сомнительно приписывать понятие покоя, отсутствия деятельности таким проявлениям воли и намерений говорящего, как «желать»,

«прекращать», «начинать», «знать», «любить», «приказывать» и др. Глаголы, называющие эти действия, можно назвать глаголами состояния, если учитывать всю глубину этого понятия. Аристотель связывал понятие состояния с категориями качества и свойства [Аристотель, 1934, с. 90]. Категория состояния отражает процесс развития событий и явлений, который в результате приводит к преобразованию их свойств. Процесс изменения предполагает наличие деятельности или активности. Во избежание путаницы подобные глаголы назовем в терминах А. Кенни глаголами активности (деятельности). Эти глаголы являются непредельными.

Глаголы активности противопоставляются глаголам событийности (предельным глаголам). Так, например, глагол gan ‘to go, come’ в текстах поэтических памятников является глаголом активности и используется с нефлективным инфинитивом в сочетаниях типа: gan cуðan ‘go make known’, gan drinkan ‘go drink’, gan sittan ‘go sit’. В подобных примерах инфинитив является, несомненно, не дополнением, а частью сказуемого. Например,

(91) **eode** goldhroden / freolicu folccwen to hire frean **sittan**
go.SG.PST gold-adorned / noble folk-queen to her lord **sit.INF**
‘went gold-ornamented, the noble queen of the folk, by her lord to sit’ (Beowulf, 640-641).

Здесь невозможно трактовать функцию инфинитива как обстоятельство цели – «она пришла, чтобы сесть», то есть как выражение результата действия, выраженного событийным глаголом. Инфинитивом sittan ‘sit’ определяется окончание (предел) действия глагола активности eode ‘went’. Флективный инфинитив также употребляется после глаголов движения, но при этом глаголы являются событийными, например, глагол gan ‘walk, happen’ в прозаических памятниках используется с флективным инфинитивом, функционирующим в значении обстоятельства цели «прийти, чтобы».

Во многих случаях одни и те же глаголы имеют различное значение (состояния, активности / событийности). Например, глагол sellan в значении «давать» используется с флективным инфинитивом, являясь предельным

глаголом:

(92) **seleð** him on eðle eorðan wynne, **to healdanne** hleoburh wera

give.3SG.PRS him on native earth joy.ACC, **to keep.INF** shelter [of] men

‘gives to him in his own homeland pleasure, to keep a stronghold of men’ (Beowulf, 1731).

Однако в словаре [An Anglo-Saxon dictionary] еще указано значение ‘allow’ (непредельное) для данного глагола. В примерах с нефлективным инфинитивом это значение не опровергается приведенными выше примерами с глаголами etan и drinkan (следует переводить не «дать есть и пить», а «позволить есть и пить»).

Глагол aliefan со значением ‘allow’ используется в конструкции «Complex Object» с нефлективным инфинитивом, а с флективным инфинитивом может иметь предельное значение ‘grant, give’: alyf me æryst bebyrigean minne fæder ‘allow me first bury.INF my father’ – him alyfede to etynne.INF ‘them granted to eat’.

Глагол forlætan ‘allow’ в поэтических текстах используется с нефлективным инфинитивом:

(93) **forleton** eorla gestreon eorðan **healdan**

allow warrior’s treasures earth.DAT **keep.INF**

the treasure of heroes they let the earth hold (Beowulf, 3167).

В прозе добавляется значение ‘to leave’ в сочетании с флективным инфинитивом:

(94) ðæt . . . geweorc . . . Oswalde **forlet to geendianne**

that…work…. Oswalde **leave.SG.PST to finish.INF**

Oswalde left that work to be finished (Selection from the O.E. Bede).

Показателен в этом отношении и пример с глаголом tilian, который употребляется в значении ‘to till’ с флективным инфинитивом – Đæt land tó tilianne ‘That land.ACC to till.INF’ и в значении ‘to attempt’ с нефлективным – Đá tilode hé ða stówe geclǽnsian ‘Then attempt.SG.PST that place.ACC purify.INF’.

Таким образом, глаголы в древнеанглийском языке подразделяются на предельные и непредельные, и есть ряд глаголов, которые могут быть и предельными, и непредельными в зависимости от синтаксической сочетаемости.

Однако в древнеанглийском языке отсутствуют синтетические средства регулярного выражения предельности (как, например, приставки русского глагола для выражения вида и предельности) и именно эту функцию берет на себя нефлективный инфинитив.

Именно аспектуальная семантика личного глагола (предельность / непредельность) определяет выбор инфинитива. Глаголы активности и состояния обозначают некий континуум или общее направление деятельности. Они употребляются с аккузативом и нефлективным инфинитивом, который придает характеристике действия целостный вид, указывая на некий предел.

Весьма показательны в этом отношении примеры функционирования инфинитивов в функции современного дополнения. С глаголами приказания флективный инфинитив используется только в том случае, если называется субъект действия, выраженного инфинитивом (пример 94). Если же субъект отсутствует, то употребляется нефлективный инфинитив, выполняя функцию части глагольного сказуемого, а не дополнения (пример 95). При этом нефлективный инфинитив занимает валентностное положение, свойственное прямому дополнению:

(95) se arcebiscop . . . **bebead ðam biscopan** . . . ða serfise **to donde**
the archbishop…. **command.PST.SG those bishops.DAT** … that service to **do.INF**
‘The archbishop…. ordered those bishops … that service to do’ (The Anglo Saxon Chronicle, 1070)

(96) het ða 7 **bebead** hraðe **swingan** 7 **tintregian** ðone Godes andettere
order.PST.SG then and **command.PST.SG** quick **beat.INF** and **torture.INF** those God’s confessors
‘ordered (he) then and commanded quickly to beat and to torture the God’s confessors’ (Selection from the O.E. Bede).

Субъект инфинитивного действия одновременно является объектом действия, выраженного личным глаголом, что указывает на событийный, предельный характер этого действия. При отсутствии объекта, действие,

обозначенное личным глаголом, рассматривается как непредельное, называющее лишь активность.

В примерах с фазовыми глаголами нефлективный инфинитив определяет предел действия, названного личной формой глагола, ср.:

(97) Đa **begann** se cyngc Malcholom **gyrnan** his sweostor him to wife
then **begin.PST.SG** the king Malcolm **desire.INF** his sister him to wife
'then began the king Malcolm to desire that his sister would become his wife' (The Anglo Saxon Chronicle, 1067)

(98) Đa **begann** se wer dreorig **wepan**
then **begin.PST.SG** the man dreary **cry.INF**
'Then began the man cry sadly' (Homilies of Ælfric)

(99) Đa **ongan** ic **slapan** and slep, and eft aras
then **begin.PST.SG** I **sleep.INF** and slept, and then arose
'Then I went to sleep and slept and then arose' (Homilies of Ælfric).

Во всех примерах личный глагол только определяет начало действия, выраженного инфинитивом, общее же лексическое значение формируется конструкцией 'личный глагол + инфинитив': возжелал (а не «начал желать»), расплакался, заснул (в современном английском языке данное значение также выражается перифрастически – went to sleep). Флективный же инфинитив обозначает самостоятельное предельное действие, которое обозначает предел действия «начинания»: начал существовать, начали обучать, начал творить добро:

(100) swa hrađe swa he **ongann** man **to beonne**
so quick as he **begin.PSR.SG** man **to be.INF**
'as soon as he begins being a man' (Ælfric's Homilies)

(101) Đa **ongunnon** ða apostoli hi **to lærenne**
then **begin.PST.PL** those apostles them **to teach.INF**
'then began those apostles them to teach' (Ælfric's Lives of Saints)

(102) Sume men **onginnað** god **to donne**
some men **begin.PRS.PL** good **to do.INF**
'Some men begin good things to do' (Ælfric's Lives of Saints).

Таким же образом можно толковать и примеры с глаголами «желания» – ‘это пришло к ним’, ‘возжелал отправиться’:

(103) se **gewilnode feran** to him

that **desire.PST.SG go.INF** to them

‘That would go to them’ (Ælfric's Lives of Saints)

(104) ic **gewilnode** mid him **to farenne**

I **desire.PST.SG** with them **to go.INF**

‘I wanted with them to go’ (Ælfric's Lives of Saints).

В нашем исследовании отмечалось, что из двух однокоренных глаголов нефлективный инфинитив чаще используется именно с глаголом, имеющим приставку ge-. Вероятно, подобная сочетаемость кроется в семантике самой приставки.

Было осуществлено много попыток определить значение приставки ge- в древнеанглийском языке. Все высказанные предположения можно сгруппировать следующим образом.

1. Приставка ge- не несет никакого значения. Во введении к хрестоматии Г. Крапп и А. Кеннеди отмечают, что данная приставка не привносит никакого значения – «adds little or nothing». М. Самуэльс называет данный префикс «meaningless» [Krapp, Kennedy, 1929; Samuels, 1949, p. 66].

Действительно, в ряде случаев лексическое значение глагола с приставкой и без кажется одинаковым, как, например, в случае с глаголом geþyhcan (ðyncan) ‘seem’ или gefeolan (feolan) ‘make one’s way’. Однако в словаре Босворта-Толлера [An Anglo-Saxon dictionary] можно увидеть, что глагол с приставкой может иметь абсолютно иное значение. Ср.: gan ‘to go’, gegan – ‘to go away, to happen, to walk’; gegan + ACC – ‘to conquer’; standan ‘to stand’, gestandan – ‘to stand up, to stop, to remain standing’; drincan – ‘to take a draught of a liquid’, gedrincan – ‘to drink intoxicating liquor convivially or for pleasure’.

2. Согласно второй точке зрения приставка подчёркивает или усиливает значение глагольного действия. Данное предположение было высказано Э. Бернхардтом [Bernhardt, 1870, S. 160-162]. Однако ни сам автор, ни его

последователи не раскрывают как, каким образом и что усиливает данная приставка.

3. Мнение о том, что приставка ge- придает значение переходности непереходным глаголам, было высказано А. Лорцем [Lorz, 1908, S. 14]. В словаре [An Anglo-Saxon dictionary], однако, многие глаголы с приставкой помечены как *v. intrans.* А анализ показывает, что не всегда приставка делает глагол переходным. Ср.:

(105) ond he hean ðonan / modes geomor **meregrund gefeoll**

and he humiliated thence / mind's sad **bottom-of -lake.ACC fall.SG.PST**

'and he humiliated thence, sadly, fell into the bottom of the mere' (Beowulf, 2099-2100).

Ðá warð his leóhtbora áfyrht swýðe, and **gefeall him** in ánan heale and slæp

Then became his light-bearer frightened very, and **get.PST.SG him.DAT** in a corner and slept

'Then became his light-bearer very frightened and got in a corner and went to sleep'

4. Ряд лингвистов сходится во мнении, что приставка ge- выражает завершенность действия, то есть функция приставки приравнивается к выражению завершенного действия [Grimm, 1887, S. 829; Bloomfield, 1929]. Многие примеры в нашем исследовании противоречат этой точке зрения. К тому же кажется сомнительным наличие у глаголов, обозначающих завершенное действие, форм причастия I. Такие формы, однако, фиксируются: gebiddende 'praying' (Bl. Homilies, 137: 23), gewitende 'going' (Selection from the O.E. Bede, 70) и т.д.

В. Н. Ярцева отмечает, что использование приставки ge- никак не может считаться закономерным средством превращения имперфективных глаголов в перфективные. Во-первых, приставка ge- сообщает иногда глаголу не только перфективность, но еще и другие видовые оттенки, которые в значительной мере зависят от контекста и от семантики самого глагола. Во-вторых, прибавленная приставка во многих случаях никак не изменяет видового содержания глагола и,

следовательно, не привносит ничего нового. В-третьих, приставка ge- прибавляется иногда к глаголам перфективным уже по самому своему содержанию и, следовательно, оказывается совершенно излишней [Ярцева, 1978, с. 110-111].

Весьма интересную точку зрения высказывает Р. Линдеманн. По его мнению, приставка ge- обладает абстрактным видовым значением, обозначая направленность действия вперед к чему-либо или наружу. Этимологически он соотносит это значение с индоевропейским элементом *gho-, имеющим пространственное значение (it points a way through space) [Lindemann, 1970, p. 36].

Р. Линдеманн все анализируемые примеры делит на три группы. В первой из них приставка ge- может соответствовать морфемам со значением «at, on, to, toward», во второй – «out, away, forth», в третьей – латинскому cum «with, together». В этих примерах приставка ge- может иметь значение длительности «durativity», повторяющегося / привычного действия.

Тезис о выражение направления действия глаголами с приставкой ge- подтверждает наши наблюдения о глаголах активности (деятельности), которые являются непредельными и чаще всего употребляются с нефлективным инфинитивом. Но направление всегда имеет конечный пункт, действие должно, следовательно, направляться к чему-либо. Указание на пункт направления, иными словами, предел – есть функция нефлективного инфинитива (этимологически сохранившего значение совершенности или семантику существительного), а его сочетание с личным глаголом рассматривается как предельное.

Достаточно показательными в этом плане являются примеры употребления нефлективного инфинитива с глаголами движения. В современном английском языке подобное явление отсутствует. Однако в ряде языков, например, во французском, именно сочетания инфинитива с глаголами движения рассматриваются как средства выражения предельности / непредельности [Моисеева, 2010].

Таким образом, инфинитив в древнеанглийский период функционирует в рамках глагольного комплекса. Одна из форм инфинитива участвует в выражении

модальных значений, вторая – аспектуальных.

Инфинитив в древнеанглийском языке вполне четко реализует свойства своего индоевропейского аналога. Инфинитив, как отмечалось выше, в системе древних индоевропейских языков мог быть производной различных падежных форм существительного. Большинство исследователей соглашаются о форме дательного падежа, лежащей в основе древнего инфинитива. К тому же в древнейших языках инфинитив сопровождался чаще всего дательной падежной формой субъекта инфинитивного действия, который характеризовался нестабильностью и зависимостью от семантики инфинитива, приближающейся к семантике статичных глаголов. Глагольная семантика инфинитива была связана с обозначением реальности / нереальности, активности / неактивности, необходимости / возможности.

Флективный инфинитив (форма дательного падежа) используется в древнеанглийский период в большинстве случаем с событийными глаголами, выступая в функции дополнения к личным глаголам, имеющим явно выраженное значение действия или в функции обстоятельства цели. Из несобытийных глаголов флективный инфинитив употребляется с глаголом beon. В предикативной функции в сочетании с этим глаголом инфинитив имеет значение долженствования, обязательства, рекомендации. В функции уточнения прилагательных или существительных с глаголом beon инфинитив участвует в выражении оценочного значения.

Форма именительного (винительного) падежа (нефлективный инфинитив) в большинстве примеров (а в поэтических памятниках практически всегда), то есть исходно, употребляется с претерито-презентными глаголами, которые являются предками современных модальных глаголов. Инфинитив в данном сочетании в древнеанглийском языке рассматривается как показатель аспектуальности (предельности). Что касается модальности сочетания инфинитива с претерито-презентными глаголами, то данная модальность может быть описана как базовая или деонтическая. Э. Трауготт утверждает, что претерито-презентные глаголы были лишены эпистемической модальности [Traugott, 1992, p. 197]. Однако она

говорит об отсутствии эпистемической модальности как значения в древнеанглийском языке в принципе. В доказательство она приводит факт отсутствия в древнеанглийском языке способов, которые выражают этот тип модальности в современном языке: сослагательное наклонение не выражает сомнение в утвердительных предложениях; малое количество эпистемических наречий со значением возможности и вероятности. На наш взгляд, вообще говорить о модальности претерито-презентных глаголов (в современном понимании) в древнеанглийском языке не представляется возможным, исходя из двух фактов. Во-первых, список претерито-презентных глаголов в древнеанглийском языке был значительно шире, чем количество модальных глаголов в современном английском языке; многие претерито-презентные глаголы имели немодальное значение: witan ‘to know’, agan ‘to possess’, dugan ‘to achieve’, cunnan ‘to know’, durran ‘to dare’, urfan ‘to need’, unnan ‘to grant’, munan ‘to remember’, sculan ‘must, to be obligated’, magan ‘to be able to’, nugan ‘to suffice’, motan ‘to be allowed to’.

Как уже отмечалось в исследовании, модальное значение в древнеанглийском языке выражалось сослагательным наклонением. Его использование в древнеанглийском языке – спорный и сложный вопрос, нерешенность которого базируется на неясном происхождении германского сослагательного наклонения (совмещение индоевропейского субъюнктива и оптатива). Будучи чрезвычайно распространенным в древнеанглийском языке, сослагательное наклонение имело особые формальные, синтаксические и семантические характеристики. В основном оно использовалось, чтобы выразить различные модальные значения в определенных синтаксических условиях.

Глагольные формы сослагательного наклонения были менее формально дифференцированы в древнеанглийском языке, чем формы индикатива или императива, они, например, совсем не различали первого, второго и третьего лица.

Что касается его семантики, то в древнеанглийском языке сослагательное наклонение указывало на сомнения в истинности предложения, выражало

нереальность, потенциальность, наставление, пожелания, желания, запросы, команды, запреты, обязательства, гипотезы и предположения, то есть те значения, которыми современная лингвистика наделяет эпистемическую модальность.

Использование сослагательного наклонения в древнеанглийском языке было ограничено определенными синтаксическими условиями. Е. Трауготт отмечает следующие синтаксические конструкции, в которых использовалось сослагательное наклонение в древнеанглийском языке. К ним относятся придаточные предложения после ряда глаголов и сочетаний [Traugott, 1992, p. 184, 239-240]:

- глаголов, обозначающих мыслительную деятельность: þencan, þyncan ‘think’

- глаголов приказания и просьбы: bebeodan, batan ‘order, bid’

- глагола «быть» с прилагательными, имеющими оценочное значение: selost beon ‘be best’, dyslic beon ‘be foolish’

- глаголов, выражающих желание: willan ‘will’, например.

Данный ряд глаголов оказывается весьма схожим с перечнем глаголов, после которых употребляются инфинитивы в древнеанглийском языке.

В древнеанглийских текстах встречается много противоречивых случаев. Э. Трауготт указывает, например, что и индикатив может использоваться, когда выражено некоторое сомнение, в частности, в условных предложениях. Кроме того, сослагательное наклонение может использоваться, когда суждение ясно выражает факт, а не вероятное, предполагаемое событие, как происходит, например, в косвенной речи [Fisher, 1992, p. 314].

Стоит отметить, что речь может идти на самом деле не об отсутствии четких функциональных различий между употреблением наклонений, а о сложности для современного сознания разграничить наклонения в связи с отсутствием различительных признаков форм наклонений. Так, например, полностью совпадают в настоящем времени формы единственного числа 1 лица изъявительного и сослагательного наклонения у сильных и слабых глаголов, 1 и 3 лица единственного числа прошедшего времени у слабых глаголов.

Сослагательное наклонение используется в древнеанглийском языке также для выражения побуждения, поощрения и одобрения (the hortative subjunctive) со всеми лицами и числами, кроме первого лица единственного числа [Traugott, 1992, p. 185]:

(106) Ne **yldan** we na from dæge to dæge

Not **let-us-delay.SBJV** we not from day to day

‘Let us not delay from day to day’

God us **gerihtlæce**

God us **correct.SBJV**

‘May God correct us’.

Различие в употреблении сослагательного и повелительного наклонений заключалась в выражении просьбы как пожелания или как прямого повеления, соответственно. К тому же подобное значение могло выражаться и индикативом – с помощью глагола uton (we) + infinitive ‘let us’: Ac uton we beon carfulle – But let us be.IND careful.

Э. Трауготт предполагает, что разница в значении между наклонениями существовала только в самые ранние периоды истории английского языка. Однако в более поздние периоды древнеанглийской эпохи эти различия во многих случаях малозаметны. Это может быть связано с двумя факторами: 1) редукция глагольных флексий, приводящая к совпадению форм; 2) стилистическая окрашенность сослагательного наклонения. Его употребление определяется жанровыми особенностями текста – оно использовалось в основном в религиозной и юридической литературе.

Таким образом, основным способом выражения модальности в древнеанглийском языке было использование сослагательного наклонения, выражающего преимущественно побуждение, поощрение и одобрение. Эпистемическая модальность не имела форм своего выражения. Темпоральность в древнеанглийском языке выражается противопоставлением презенса и претерита личных форм глагола.

Следовательно, глагольный комплекс аспектуальность – темпоральность –

модальность выражался в древнеанглийском языке морфологически-семантически в личной форме глагола с привлечением форм инфинитива для выражения аспектуального и модального значений.

2.3 Аспектуальная семантика причастия I

Как известно, система причастий в древнегерманских языках представлена оппозицией двух причастных форм: причастие I и причастие II.

В описаниях древнеанглийской грамматики причастиям, как и другим нефинитным формам, уделяется мало внимания. Чаще всего констатируется наличие форм и их формальные признаки (окончания), как например у Р. Кверка [Quirk, 1960, p. 41], который отмечает, что причастие настоящего времени (present participle) заканчивается на -(i)ende, а причастие прошедшего времени (past participle) обычно имеет префикс ge- и заканчивается на -ed или -en. Или у Дж. Райта [Wright, 1908, p. 211-212], указывающего, что причастия настоящего и прошедшего времени, как и прилагательные, имеют сильное и слабое склонение; употребляясь предикативно, имеют неизменяемую форму для всех родов в номинативе и аккузативе; ряд причастий прошедшего времени сильных глаголов характеризуются i-умлаутом в корне. Приблизительно так же описывает причастие и И. Зиверс, упоминая кратко значения причастий и указывая их окончания относительно отдельных классов глаголов [Sievers, 1903, p. 254-255].

Рассмотрим подробнее каждое из причастий.

Во всех древнегерманских языках причастие I или причастие настоящего времени имеет однообразную структуру у всех морфологических типов глаголов, которая характеризуется презентной основой и показателем -nd-. В древнеанглийском языке причастие настоящего времени оканчивается на -ende.

Древнегерманские причастия являются по своему происхождению именами. А. И. Смирницкий также указывает, что прагерманское прилагательное с суффиксом *-nt-, обозначающее активное производство действия, дало древнеанглийское причастие настоящего времени [Смирницкий, 1998, с. 283].

Рассмотрим функции причастия I в древнеанглийских текстах. Как показал анализ фактического материала, весомых различий между употреблением причастия I в поэии и прозе не зафиксировано, за исключением факта значительного преобладания количества примеров в прозаических текстах (38 в выбранных для исследования поэтических текстах против 783 в прозаических).

Контексты употребления причастия I в древнеанглийских памятниках письменности можно сгуппировать на основе того, с какой частью речи – существительным или глаголом – используется присчатие. Причастие может находиться и в пре-, и постпозиции к определяемому слову, при этом формальная близость причастия и определяемого слова не важна.

1. Participle I + Substantive

Первая группа традиционно именуется атрибутивным (или непредикативным) употреблением причастия. При выполнении данной функции причастие относится к определяемому слову, согласовываясь с ним (примеры 1-2; Приложение А примеры 38-39):

(1) swegincga **beatendra** slecgea ond **blawendra** byliga
roar.SUBST.GEN.PL **beating.PRS.PART.GEN.PL** sledge-hammer.SUBST.GEN.PL and **blowing.PRS.PART.GEN.PL** bellow.SUBST.GEN.PL
‘a sound of beating hammers and blowing bellows’ (Ælfric's Colloquy)

(2) hrið **hreosende** hrusan bindeð
snowstorm.SUBST.NOM.SG **falling.PRS.PART.NOM.SG** earth binds
‘snowstorm falling the earth binds’ (The Wanderer, 103).

Адъективные свойства причастия I наглядно демонстрируются дублетными формами причастия I и образованными на их основе прилагательными с суффиксом -lic-. Данная модель прилагательных от причастных основ была весьма продуктивной в древнеанглийском языке, например, в ‘Грамматике’ Эльфрика можно увидеть множество примеров подобных производных: да. sume synd interrogativa, þæt synd axjendlice ‘некоторые есть interrogativa, то есть вопросительные’, sume synd possessiva, þæt synd geagnigendlice ‘некоторые есть

possessiva, то есть притяжательные’, nominativvs ys nemnjendlic, accusativvs ys wregendlic, vocativvs ys clypjendlic oððe gecigendlic, ablativvs ys ætbredendlic, genetivvs ys gestrynendlic oððe geagnjendlic, dativvs ys forgyfendlic.

В сочинении Эльфрика можно встретить и одновременное использование этих двух форм. Сравним: of dam syndon fif vocales, pæt synd clypjendlice ‘from them [letters] are 5 vowels, that are sounding.ADJ’ – ðonne beoð gyt of pam samod swegendum sume semivocales, pæt synd healf-clypjende ‘then are still of the together-sounding(consonants) some semivowels, that are half-sounding.PRS.PART’ [Ælfrics Grammatik, 1880, S. 5]. Очевидно, что и причастие, и производное от него прилагательное функционируют одинаково.

Маркером атрибутивной функции причастия I является и наличие деривативов с отрицательной приставкой un-: him se oðer þonan / losað lifigende ‘him the other thence escapes alive’ (Beowulf, 2061-2062) – ða wæs Heregar dead, min yldra mæg unlifigende ‘then was Heregar dead, my elder brother unliving’ (Beowulf, 467- 468).

В ряде примеров причастие относится к определяемому слову, но при этом имеет дополнение и (или) обстоятельство, тем самым, образуя конструкцию, эквивалентную определительному придаточному предложению:

(3) Ic hæbbe sumne cnapan **þywende** oxan mid gadisene

I have some boy. SUBST.ACC.PL **driving.PRS.PART** oxen.DIRECT.OBJ with cattle-goad.ADV.MODIFIER

‘I have some boys driving oxen with cattle goad’ (Ælfric's Colloquy)

(4) Effrem wæs gehaten sum swiþe halig abbod on wæstene **wunigende**, fela wundra wyrcende

Effrem was named some very holy abbot. SUBST.NOM.SG on dessert.ADV.MODIFIER **dwelling.PRS.PART**, many wonder.SUBST.ACC.PL making.PRS.PART

‘Effrem was named some very holy abbot on dessert dwelling many wonders making’ (Ælfric's Lives of Saints).

В подобных случаях причастие с дополнением и обстоятельством

оказывается ближе к глаголу, чем в приведенных выше примерах атрибутивного употребления.

При атрибутивном употреблении связь между причастием и определяемым словом настолько тесная, что они составляют одно целое – одну идею: slæpendne rinc ‘sleeping warrior’, gifen geotende ‘ocean flowing’, murnende mod ‘mourning mind’. В данной функции причастие называет признак предмета. Под термином «признак» понимается определенное условие (или их совокупность), которое позволяет идентифицировать объект, определяемый признаком, или отнести его к какой-либо категории.

Если связь свободная и причастие с определяемым словом представляют разные идеи – то это связь аппозитивная. При этом причастие может иметь зависимые слова и приравниваться к придаточному предложению.

Аппозитивное причастие указывает на свойство субъекта. Под свойством здесь понимается характеристика субъекта, проявляющаяся в его отношении к другим объектам. Главное отличие свойства от признака заключается в том, что признак стоит рассматривать как нечто постоянно присущее субъекту безотносительно его взаимодействия с другими объектами.

Причастие может располагаться как в постпозиции (пример 6), так и препозиционно (пример 5):

(5) Wæs sended to **gelyfendum** Scottum on Crist
was sent to **believing.PRS.PART** Scots.SUBST in Christ
‘was sent to the Scots believing in Christ’ (Bede’s Ecclesiastical History)

В подобных конструкциях причастие может согласовываться с определяемым существительным:

(6) ond seo is monigra folca ceapstow of londe & of sæ **cumendra**
and that is many nations.SUBST.GEN.PL market of land and of sea **coming.PRS.PART.GEN.PL**
‘and it is a market-place for many nations coming by land and by sea’ (Bede's Ecclesiastical History).

В атрибутивном и аппозитивном употреблении при существительном

причастие выражает признак или свойство субъекта, возникающие в силу активности самого субъекта.

Аппозитивные конструкции, по мнению М. Каллавей, имеют латинское происхождение [Callaway, 1901, p. 299]. Автор делает такие выводы на основании того, что 1) подобные конструкции редки, 2) в этих редких примерах англо-саксонское причастие является прямым переводом латинского, 3) конструкция почти не употребляется в поэзии, за редкими случаями – в произведениях, являющихся латинскими переводами.

При выполнении данных функций причастие реализует атрибутивную и глагольную валентности.

2. Participle I + Verb

Ко второй группе относятся случаи предикативного употребления причастия, то есть его функционирование в конструкции ‘S+V+PRS.PART’, где V – это личная форма глагола. Причастие не всегда постпозитивно относительно личной формы.

В конструкции ‘S+V+PRS.PART’ причастие I может выполнять следующие функции:

1. Атрибутивная функция. В этом случае причастие обозначает признак предмета, названного подлежащим. В качестве личного глагола чаще всего выступает глагол ‘быть’:

(7) hiera lar **wære wæstmberende** to Godes willan
their teaching **be.SBJV.PST.SG fruit-bering.PRS.PART** to God’s will
‘their teaching was productive to the God’s will’ (Selection from Bede).

Наличие параллельных конструкций с причастием I и прилагательным показательно для атрибутивной функции причастия I. Например, при описании Британии Беда использует в одинаковой степени с одним и тем же значением обе конструкции (Selection from Bede):

(8) Hit **is welig** Þis Iegland on wæstmum and on treowum missenlicra cynna
It be.PRS.SG rich.ADJ this England on plants and on trees [of] various kinds
‘It is rich this England in plants and trees of various kinds’

Swelce eac peos eorpe **is berende** missenlicra fugla and sæwihta

So also this land be.**PRS.SG bringing.PRS.PART** various birds and sea animals

‘Also this land is bringing various birds and sea animals’.

Атрибутивные свойства причастия I в конструкции ‘S+V+PRS.PART’ подчеркиваются наречиями swiðe «very» и swa «so», которые указывают на высокую степень проявления признака: wæs swiðe gefeonde ‘was very glad (rejoicing)’, he swiðe wiþwinnende wære ‘he very opposing was’, se cyning swa wære efenblissiende ‘the king so was rejoicing’.

2. Субстантивная функция. В данной функции причастие I имеет значение предметности или лица. Достаточно подробно эту функцию, а также субстантивацию причастия рассматривает в своей работе Т. Г. Логутенкова [Логутенкова, 1996, с. 438-439]. Она выделяет следующие формальные семантические критерии субстантивной функции:

- Наличие при причастии дополнения в родительном падеже:

(9) þe byð kyng **ealra kynga** and **ealra gesceafta scypend** and **wealdend**

that is king [of] **all king. SUBST.GEN.PL** and **all creature.SUBST.GEN.PL creating.PRS.PART** and **ruling.PRS.PART**

‘that is the king of all kings and the Creator and the Ruler of all creatures’

- Присутствие согласованного определение у причастия I:

(10) ðæt is **ðin waldend** þe ðe geworhte

that is **your. POSS.PRON ruling.PRS.PART** that you created

‘Who is your Master who created you’.

Употребление причастия I в субстантивной функции является составной частью более широкого явления – субстантивации причастия I.

В ранних древнеанглийских текстах встречается большое количество примеров с субстантивированными причастиями. Однако их трактовка вызывает ряд сложностей: часто непросто определить, с чем мы имеем дело – с причастием или существительным.

Например, достаточно широко распространенное древнеанглийское scyppend А. И. Смириницкий рассматривает как существительное, однако Т. Г.

Логутенкова приводит пример, в котором это же слово можно трактовать и как существительное в функции приложения, и как причастие в функции определения: in herenesse godes scyppendes ‘во славу Господа, творца’ или ‘во славу Господа творящего’ [Логутенкова, 1993, с. 111]. Аналогичная ситуация складывается и со словом alwaldend. В словаре [An Anglo-Saxon dictionary] оно рассматривается как существительное мужского рода ‘Ruler of All: God’, но в текстах можно встретить примеры типа – alwaldend god (The Husband’s Message, 32), где данное слово используется атрибутивно. Также абсолютно не ясно, почему в словаре Босворта-Толлера лексема searu-hæbbend трактуется как существительное мужского рода ‘[one] having armour, armed’, а лексема bord-hæbbende как причастие ‘part. Shield-bearing’. В обоих примерах лексемы выполняют субстантивные функции. Ср.:

(11) Hwæt syndon ge s**earohæbbendra**
What [manner] be.PRS.PL you [of] **armour-wearing.GEN.PL**
‘What kind of armour-wearers are you’ (Beowulf, 237)

(12) morgenlongne dæg modgiomor sæt, / **bordhæbbende**, bega on wenum
morning-long day sorrowful sat, / **shield-bearing.NOM.PL**, both on hope
‘the morning-long day sad sat, shield-bearers, both in expectations’ (Beowulf, 2894-2895).

Причастия в древнеанглийском языке склонялись по типу jo-прилагательных и могли быть слабыми и сильными. В предикативной функции они имели несклоняемую форму. Субстантивированные причастия склонялись по типу существительных с основой на -nd. Как можно заметить по таблице 4, парадигмы склонений этих двух групп практически сходны:

Таблица 4 – Склонение существительных с основой на -nd и причастий I

Число	Падеж	Существительные с основой на -nd	Причастия I		
			Род		
			M	N	F
Sing	N V A	hettend ‘enemy’	giefende	giefende	giefendu (o)
	G	hettendes	giefendes	giefendes	giefendre
	D	hettende	giefendum	giefendum	giefendre
	I	hettende	giefende	giefende	-
Plur	N V A	hettend (e, as)	giefende	giefendu (o)	giefenda (e)
	G	hetendra	giefendra		

	D I	hettendum	giefendum

Возможно, трудности с определением морфологического статуса подобных лексем связаны со сложностью процесса субстантивации, который, как отмечает Т. Г. Логутенкова, проходит в несколько этапов. Первый этап – окказиональное употребление причастия I в функции субстантива. Второй этап – узуальное употребление причастия I в субстантивной функции. Третий этап – полный переход причастий I в категорию существительных, что часто связано не только с функциональной переориентацией, но и с изменением формальных грамматических признаков, парадигматическим переоформлением причастий I по типу одной из основ существительных [Логутенкова, 1993, с. 110-112].

Среди возможных маркеров субстантивации причастия I можно выделить:

- отсутствие определяемого слова, выраженного существительным или местоимением;

- наличие артикля: þæt ða liðende land gesawon ‘So the sailing (men) land saw’ (Beowulf, 221);

- сочетание с притяжательными, указательными местоимениями, некоторыми числительными и прилагательными в атрибутивной функции: his æfterfylgende ‘his successor’ (Selection from Bede);

- сочетание с существительным или местоимением в родительном падеже: rodera rædend hit on ryht gesced ‘heavens.GEN Ruler it right decided’ (Beowulf, 1555);

- использование причастия I в роли подлежащего или дополнения: Sceotend swæfon ‘Warriors slept’ (Beowulf, 703);

- появление у причастий I в случае субстантивации значений вещественности, предметности, лица.

- отсутствие флексии -e в единственном числе в номинативе и аккузативе (примеры 9, 10)

- возможность употребления в родительном падеже в качестве определения к существительному (пример 13; Приложение А примеры 40-41):

(13) **grundbuendra** gearwe stowe

ground-dwellers.GEN ready place

‘the ground-dwellers’ ready place’ (Beowulf, 1006).

3. В составе конструкции ‘S+V+PRS.PART’ причастие I может выполнять обстоятельственную функцию. В этой функции причастие подобно обстоятельству образа действия (пример 14), времени (примеры 15, 18), цели (пример 17) и условия (пример 16):

(14) ac hy **scamiende** scyldas bæran

but they **shaming.PRS.PART** shields bear.PRS.PL

‘but they ashamed, shields bore’ (Beowulf, 2850)

(15) wæs gehwæþer oðrum / **lifigende** lað

be.PST.SG each other / **living.PRS.PART** hated.ADJ

‘each was by the other loathed while living’ (Beowulf, 814-815)

(16) þeah ðe he **slæpende** besyred wurde / þeofes cræfte

though that he **sleeping.PRS.PART** tricked.PST.PART become.SBJV.PST.SG / [by] thief's cunning

‘though he sleeping had been tricked by thief's cunning’ (Beowulf, 2218-2219)

(17) Ic ga ut on dægræd **þywende** oxan to felda

I go.PRS.SG out on daybreak **taking.PRS.PART** oxen to the field

‘I go out on dawn whipping away oxen to the field’ (Ælfric's Colloquy)

(18) Þa aras he from þæm slæpe, & eal þa þe he **slæpende** song fæste in gemyndee hæfde

then arose he from his sleep, and all that he **sleeping.PRS.PART** sing.PST.SG firmly in mind had

‘then arose he from his sleep and all that he sleeping sang firmly in mind had’ (Bede's Ecclesiastical History).

Во всех подобных примерах причастие обозначает состояние субъекта, на фоне которого, из-за которого, для которого происходит действие, выраженное личной формой предельного глагола. При этом состояние следует рассматривать в трактовке Аристотеля – как обладание признаками или свойствами, характеризующееся способностью субъекта к проявлению в различных формах.

Термин «состояние» также предполагает указание (скрытое) на временность признака, появляющегося в силу ряда причин, и соотносится с аспектуальностью.

Впрочем, часто достаточно сложно разделить обстоятельственную и предикативную функции причастия. При выполнении первой функции причастие обозначает состояние субъекта, которое находится в причинно-следственной связи с действием, обозначенным личной формой глагола. При функционировании как часть сказуемого (предикативно) причастие называет состояние субъекта, в котором тот находится на фоне действия, названного финитным глаголом. Тем более, что в древнеанглийском языке причастие I в адвербиальной функции лишено формальных признаков, в отличие от, например, древневерхненемецкого, где причастие в обстоятельственной функции имеет неизменяемую форму на -о. Вероятно, в некоторых случаях можно говорить о совмещении обстоятельственной и предикативной функций, как это происходит в форме деепричастия в русском языке.

4. Как уже было упомянуто, в составе конструкции ‘S+V+PRS.PART’ причастие I могло выполнять предикативную функцию. Данную функцию причастие выполняло после непредельных финитных глаголов, которые можно объединить в несколько лексико-семантических групп (начиная с наиболее многочисленных):

1) глаголы бытия: beon ‘be’;

2) глаголы движения: cuman ‘come’, faran ‘go’, fēran ‘go, travel’, gan ‘go’, stondan (standan) ‘stand’;

3) глаголы говорения: bēodan ‘offer, announce’, cweðan ‘say’, gebiddan ‘pray’, singan ‘sing’;

4) глаголы чувственного восприятия: ge-sēon ‘see’, ge-hieran ‘hear’;

5) другие глаголы: þolian ‘suffer, endure’, libban ‘live’ witan ‘know’.

Однозначным показателем предикативной функции причастия можно считать выраженную глагольную семантику причастия, то есть способность называть состояние как результат действия самого субъекта. При этом глагольная семантика причастия в данной функции равна по статусу или превосходит

семантику личного глагола. Ср.

(19) Ond ealle niht ic stande ofer hie **waciende** for þeofum

and all night I stand.PRS.SG over him waking.PRS.PART for a thief

‘and the whole night I stand over him waking for a thief’ (Ælfric's Colloquy).

В данном примере невозможно трактовать функцию причастие как обстоятельство ‘стоял (как? с какой целью?) ожидая вора’, более корректная трактовка – ‘стоял и ждал (был в состоянии ожидания)’, то есть глагольная семантика причастия равна семантике личного глагола.

В сочетании с личным глаголом причастие I может быть семантически равнозначным финитной форме. Подобное наблюдается в следующих случаях:

1) Состояние, обозначенное причастием, не является синонимичным с действием, названным финитным глаголом:

(20) sume **forhtiende** on eðle gebidon, and **þearfiende** lif on wuda

some **fearing.PRS.PART** at home pray.PST.PL, and **need-suffering.PRS.PART** live.PRS.PART in woods

‘some fearing at home prayed and suffering need lived in woods’ (Selection from the O.E. Bede).

В некоторых примерах причастие функционирует даже как однородное сказуемое, соединенное союзом «и» с финитным глаголом, например:

(21) And he þa on medmicelre tide micel folc Dryhtne **begeat and gestriende** þurh his lare

and he then in short period of time many people [to] God **beget.PST.SG and gettinig.PRS.PART** through his learning

‘and then he in a short period of time begot many people to the God through his learning’ (Selection from the O.E. Bede).

2) Действие финитного глагола и состояние, названное причастием, являются однотипными, уточняющими друг друга:

(22) Se hælend **cwæð andswariende**

The Savior **say.PRS.SG answering.PRS.PART**

‘The Christ said answering’ (The Gospel of Saint Matthew).

В примерах этой группы причастие и глагол достаточно близки по семантике. Чаще всего такое соотношение наблюдается при финитных формах глаголов говорения: cleopedon biddende ‘spoke asking’ (The Anglo Saxon Chronicle, 1083), bædonð us cweðende ‘asked saying this’, rehte ðus cweðende ‘pointed saying this’ (The Gospel of Saint Matthew), awrat Iohannes on ðere bec, ðus cweðende ‘wrote Iohann on that book saying this’ (Wulfstan). В таких примерах сложно сказать, какой элемент (финитный глагол или причастие) является семантически главным, а какой семантически ослаблен.

В некоторых случаях причастие и личный глагол семантически неравнозначны. При этом семантически ослабленным определенно является финитный глагол. В таких примерах наблюдается частичная десемантизация глагола в финитной форме и усиление предикативности и семантической значимости причастия I. В этих примерах сочетание ‘V+PRS.PART’ можно рассматривать как перифразу, то есть как особый описательный способ выражения действия. Составляющие перифрастический оборот компоненты существуют уже не сами по себе, а представляют единое семантическое целое.

Это отчетливо проявляется в тех контекстах, где финитный глагол семантически синонимичен причастию I: hy ðeah forhogiende me forsawon ‘they still neglecting me despised’ (Selection from the O.E. Bede); а также в многочисленных примерах употребления причастия с глаголом «быть»: he swiðe georne wæs þa broðor biddende ‘he very earnestly was the brother asking’ (Selection from the O.E. Bede). Семантика глагола «быть» достаточна широка и весьма расплывчата, следовательно, функция выражения предикативности и основное смысловое значение смещаются на причастие, которое в сочетании с финитной формой глагола «быть» обозначает уже не второстепенное действие, а основное. Причем это действие (‘быть в состоянии’) семантически абсолютно равноценно действию, выраженному в других случаях финитной формой глагола. Следовательно, сочетания ‘V+PRS.PART’ с глаголами бытия и состояния становятся перифрастическими оборотами. Ср.:

(23) He forlet þæt hus ut **wæs gongende** to neata sciepene

he leave.PST.SG that house out **be.PST.SG going.PRS.PART** to cattle shed

‘he left his house and went out to a cattle shed’ (Bede's Ecclesiastical History).

Представляется, что принципиальных функциональных различий между перифрастическими конструкциями ‘V+PRS.PART’ с финитными формами глаголов бытия, состояния, говорения и движения нет. Это, в частности, подтверждается тем, что практически функционально равноценными оказываются следующие выражения: ic eom fleonde fram hym ‘I am flying from him’ и he fleonde becom ‘he flying came’ (Orosius).

Стимулирующее влияние на распространение перифрастических конструкций преимущественно с глаголами ‘бытия’ (количественно они превосходят все другие типы конструкции ‘V+PRS.PART’) оказывали влияние самые различные факторы: особенности семантики этих глаголов, которые не обозначают какое-то действие, а констатируют наличие кого-либо или чего-либо; широкое употребление аналогичных конструкций в латинском языке: esse + Participium Praesentis Activi, esse + Gerundivum. Достаточно часто в древнеанглийских переводных текстах перифрастические конструкции соответствуют перифрастическим конструкциям в латинском оригинале.

Как отмечает Т. Г. Логутенкова, конструкция ‘V+PRS.PART’ имеет различный грамматический статус в древнеанглийский период. В тех примерах, где причастие I обозначает состояние, протекающее одновременное с действием, выраженным финитной формой глагола движения или говорения, исследуемая конструкция является формальным отражением функционально-семантической категории таксиса, которая соотносит сообщаемый факт с другим сообщаемым фактом безотносительно ко времени сообщения [Якобсон, 1972, с. 101].

Другая группа примеров представляет собой синтаксические сочетания с отчетливо выраженным аспектуальным значением, а именно, значением постоянства и продолжительности. Сигналами аспектуальности в этих сочетаниях выступают наречия со значением длительного постоянства, например: да. daeghwomlice ‘ежедневно’, aefre, simle ‘всегда’: lareowas ….ða simle sceolon bion bodiende ‘teachers … that always should be preaching’; daeghwomlice ðæs monan

leoht bið weaxende ‘everyday the light of the moon is growing’ (Cura Pastoralis). Подобные примеры являются прототипами перифрастической конструкции со значением «неактуальной длительности (дуративности)», т.е. постоянства и качественной однородности процесса, состояния [Смирницкая, 1977].

Нельзя не согласиться с последним выводом автора, однако, на наш взгляд, и в примерах, где причастие I обозначает состояние, протекающее одновременно с действием, выраженным финитной формой глагола движения или говорения, причастие называет состояние как некое протекающее фоновое действие, как состояние, в котором совершается действие, то есть происходят некие изменения субъекта во времени:

(24) Swae sculon ða sacerdas nu faran **hlydende** & **bodigende**

so must the priests now go.INF **clamouring.PRS.PART** and **preaching.PRS.PART**

‘So the priests should go sounding and preaching’ – должны идти и одновременно провозглашать и молиться (Cura Pastoralis).

Причем особенность семантики тех глаголов, с которыми употребляется причастие I в предикативной функции, заключается в том, что все они являются глаголами активности (несобытийными, непредельными): быть, идти, говорить, петь, знать и т.д. Например,

(25) Johannes **beseah** to heofonum, ðus **cweðende**

Johannes **look.PST.SG** to heaven, this **saying.PRS.PART**

‘Johannes was looking at the heaven this saying’ (предикативная функция – смотрел и говорил) (Homilies of Ælfric). Глагол beseon ‘see, look around’ непредельный в древнеанглийском. Он часто противопоставляется предельному однокоренному варианту geseon: Đá he beseah, ðá geseah he olfendas ‘when he looked about, then saw he camels’.

В тех примерах, где причастие называет событие, имеющее причинно-следственную связь с действием, обозначенным личным глаголом, или определяющее способ протекания главного действия, причастие функционирует адвербиально, при этом глагол в личной форме является предельным: com

fleogende ‘come flying’, lacende hwearf ‘flying turned’.

(26) Đæt ðu scealt **miltsigende** forgifan

that you should **pitying.PRS.PART** forgive.INF

‘that you should pitying forgive’ (Homilies of Ælfric) – обстоятельственная функция – прощать (как?) жалея.

(27) Wit þæt gecwædon **cnihtwesende**

we-two that agree.PST.PL **boy-being.PRS.PART**

‘we that discussed, when we were lads’ (Beowulf, 535) – функция обстоятельства – договорились (когда? в каком состоянии) будучи детьми.

Указание на протекающее фоновое действие наиболее ярко проявляется в примерах с конструкцией «Accusativus cum partitipio» (пример 28; Приложение А примеры 42-43) и при абсолютном употреблении причастия:

(28) þæt he wolde **Paulinus þone bisceop** geornlicor gehyran be þam Gode **sprecende**

that he wishes **Paulinus.ACC that bishop.ACC** eagerly hear.INF about them [to] god **speaking.PRS.PART**

‘That he wishes Paulinus the bishop eagerly to hear speaking to God about them’ (Bede's Ecclesiastical History).

При абсолютном употреблении причастие может быть независимым (абсолютным) по отношению к главному слову, то есть субъект причастного действия независим от всего предложения. М. Каллавей предлагает следующее достаточно простое определение абсолютного причастия: когда к существительному, не являющемуся субъектом глагола и не зависящему от других слов в предложении, присоединяется причастие в качестве его предиката, формируется придаточное предложение, которое дополняет глагольный предикат главного предложения и обозначает сопутствующее обстоятельство [Callaway, 1889, p . 316]. Иными словами, абсолютное причастие обозначает состояние, в котором находится не субъект, совершающий действие главного предложения. Абсолютное причастие имеет свой собственный субъект, но он не является фокусом информации. Данная конструкция используется для того, чтобы показать, что действие личного глагола совершается на фоне состояния, не

связанного с субъектом действия. Это акцентирует значение процессуальности причастия. Причастие в этой конструкции может употребляться

- в дательном падеже, согласуясь со своим субъектом (пример 29; Приложение А примеры 44-46):

(29) & swa **eallum geseondum** up in heofonas gewat
and so **all.DAT seeing.PRS.PART.DAT** up into heaven went
'and so in front of all went up into heaven' (Bede's Ecclesiastical History)

- в неизменяемой форме (пример 30; Приложение А пример 47):

(30) And ðus **cweðende**, fyren wolc astah of heofonum
and thus **speaking.PRS.PART**, fiery cloud descended of heaven
'and thus speaking a fiery cloud descended from heaven' (Bl. Hom.).

В текстах поэтических памятников подобных примеров не выявлено. Большинство из них (около 50 примеров) выявлены в тексте Bede's Ecclesiastical History, и все они имеют соответствия в латинском оригинале: swa eallum geseondum upp on heofonas gewat – sic videntibus cunctis ad alta subduxit.

В конструкции 'V+PRS.PART', причастие может сочетаться с прямым дополнением (пример 31; Приложение А пример 48), с косвенным дополнением (пример 32; Приложение А пример 49), с обстоятельством (пример 33; Приложение А примеры 50-51):

(31) ac se æglæca **ehtende** wæs / … duguþe ond geogoþe
but the monster persecuting.PRS.PART be.PST.SG / …. old-warriors.ACC and young warriors.ACC
'but the monster persecuting was /… old warriors and young ones' (Beowulf, 159-160)

(32) Swa se secg hwata **secggend**e wæs / laðra spella
So the man bold **telling.PRS.PART** be.PST.SG / hateful story.GEN.PL
'So the bold man telling was hateful stories' (Beowulf, 3028)

(33) ðær wæs on blode brim weallende
there be.PST.SG on blood.ADV.MODIFIER water boiling.PRS.PART
'There was the water with blood boiling' (Beowulf, 847).

Как показало проведенное исследование, причастие I в древнеанглийских текстах имеет атрибутивно-глагольную природу. Для именного характера причастия I характерна выполняемая им атрибутивная функция; сочетаемость в качестве определения с именами существительными и обстоятельствами степени (swiðe giemende ‘very caring’); наличие имен существительных со значением деятеля, образованных от глагола с помощью суффикса -nd: hælend ‘saviour’, hæbbend ‘owner’; субстантивация причастия I (aliesend ‘Redeemer’). Показателями глагольности причастия является предикативная функция; глагольное управление; сочетаемость с существительными, выражающими объект или субъект действия, и наречиями (well sprecende ‘speaking well’).

Как отражение этимологически двойственной природы причастия I в древнеанглийском языке отмечается его участие в выражении отдельных видов аспектуальности: постепенно развивающаяся от значения признака и свойства способность выражения процессуальности. Под процессуальностью понимается нахождение субъекта определенное время в каком-либо состоянии, его свойство непрерывно и последовательно изменяться во времени, преобразовываться.

Рассмотрим употребление причастия I и инфинитива в синтаксически эквивалентных конструкциях. Как показало исследование, и инфинитив, и причастие употребляются после, так называемых нами, непредельных глаголов активности – глаголов движения, глагола «быть» и в конструкции «Accusativus cum partitipio / infinitivo». Что касается глагола «быть», то инфинитив употребляется с ним только при уточнении существительного или прилагательного. За исключением примеров использования флективного инфинитива, в которых он имеет значение долженствования, обязательства, будущего действия (пример 34; Приложение А примеры 52-53):

(34) Us **is to understandenne** ðas endebyrdnyssa
us **be.PRS.SG to understand.INF** this order
‘we are to understand this order’ (Homilies of Ælfric).

Причастие I в сочетании с глаголом «быть» указывает на процессуальность:

(35) and **wæron** haligra naman **rimende** and gebedu **singende**

and be.PST.PL holy names enumerating.PRS.PART and prayers singing.PRS.PART

‘and were (they) holy names enumerating and prayers singing’ (Selection from Bede)

(36) nu þu þus rotlice & þus glædlice tu us **sprecende eart**

now you so cheerfully and so pleasantly to us speaking.PRS.PART be.PRS.SG

‘now you are speaking so cheerfully and pleasantly with us’(Bede's Account of the Poet Cædmon).

Рассмотрим примеры употребления инфинитивов и причастия после глаголов движения:

(37) and Þider gefēonde **cōmon** Angelcynnes folc Godes word **tō gehīeranne**

and thither rejoiced **come.PST.PL** English people God’s words **to hear.INF**

‘and thither glad came English people God’s words to listen to’ (Selection from the O.E. Bede).

Указание на будущее действие, намерение, цель – значение флективного инфинитива (пример 37).

Достаточно часто используется после глаголов движения и нефлективный инфинитив:

(38) ða **com** of more under misthleoþum / Grendel **gongan**,

then **come.PST. SG** of moor under misty-cliffs / Grendel **go.INF**

‘Then under the misty cliffs came Grendel from the moor’ (Beowulf, 710-711)

(39) **Com** þa to lande lidmanna helm / swiðmod **swymman**

come.PST.SG then to land seafarer's defender / stout-hearted **swim.INF**

‘came swimming then to the land, the seafarer's leader, stout-hearted’ (Beowulf, 1623-1624).

На первый взгляд инфинитив функционирует как обстоятельство образа действия: came walking, came swimming. В следующем примере – как обстоятельство цели:

(40) Ic ðær furðum **cwom** / to ðam hringsele Hroðgar **gretan**

I there first **come.1SG.PST** / to that ring-hall Hrothgar **greet.INF**

‘I there first came into that ring-hall Hrothgar to greet’ (Beowulf, 2010).

Нефлективный инфинитив, таким образом, выполняет функцию флективного инфинитива (как в примере 37) и причастия I (как в примере 41):

(41) wigendra hleo, / lindgestealla, **lifigende cwom**

warriors’ defender, / comrade-in-battle, **living.PRS.PART come.PST.SG**

‘warriors’ defender, comrade in battle, living came’ (Beowulf, 1972-1973).

Вывод о смешении, полном дублировании функций и синтаксической синонимии вряд ли может показаться достоверным. Следовательно, нефлективный инфинитив и причастие выполняют разные функции: инфинитив в сочетании с личной формой глагола указывает на предельность действия, а причастие на процессуальность (нахождение в определенном состоянии).

Во всех приведенных примерах глагол «cuman» выражает наличие действия, активности, направление движения. А инфинитив обозначает предельность этого действия, его конечную точку: в примере (38) com of more under misthleoþum / Grendel gongan – ‘Грендель шел и появился’ – учитывая обстоятельства of more under misthleoþum ‘из болота по утесам туманным’, сложно предположить, что глагол gongan будет иметь значение walk ‘прогуливаться, идти пешком’; (39) Com swymman – был в процессе и приплыл; (40) cwom gretan – процесс движения закончился приветствием.

Трактовка функции инфинитива как «указание на окончание действия» наиболее четко прослеживается в примерах с кажущимися на первый взгляд лексически синонимичными формами личного глагола и инфинитива. В этих примерах инфинитив точно не может функционировать как обстоятельство цели или образа действия:

(42) Ða **com feran** frea ælmihtig ofer midne dæg

then **come. PST.PL go.INF** the Lord Almighty over mid day

‘then came the Lord Almighty over midday’ (Homilies of Ælfric) – «Всемогущий появился (прибыл)»;

(43) syððan Higelac / **cwom faran** flotherge on Fresna land

afterwards Hygelac / **come. PST.SG go.INF** hostile-fleet.DAT on Frisians' land

‘afterwards Hygelac came with a hostile fleet on the Frisians' land’ (Beowulf, 2914-2915) – «Хигелак оказался со своим флотом у земли фризской».

Учитывая предложенную трактовку, в следующих примерах функции инфинитива и причастия не будут рассматриваться как дублирующие:

(44) And ða ðær **com fleogan** drihtnes ængel

and then there **come. PST.SG fly.INF** Lord’s angel

‘and then there flew the Lord’s angel’ (Homilies of Ælfric)

(45) ac an þæra fugela eft **fleogende com** ymbe þry dagas, fearle dreorig, fleah to his foton, friþes biddende

but one that bird again **flying.PRS.PART come.PST.SG** about three days, fairly sad, flew to his feet, peace **prayng.PRS.PART**

‘but one that bird again flew in three days, fairly sad, flew to his feet, for peace asking’ (Homilies of Ælfric).

В первом примере (44) мы видим ослабленный с точки зрения аспектуальной семантики (событийности) личный глагол и инфинитив, выражающий предел действия, во втором примере (45) – птица снова оказалась в процессе (состоянии) полета – fleogende com и прилетела – fleah в процессе мольбы о мире.

Что касается использования причастия и инфинитива в конструкции с аккузативом, то здесь процессуальность и предельность действия прослеживается наиболее четко, что, впрочем, находит отражение и в современном английском языке:

(46) ða geherde ic **ðone biscop . . . cweoðan**

then hear.PST.SG I **that bishop.ACC** … **speak.INF**

‘Then heard I that bishop speak’ (Selection from Bede)

(47) he wolde … **þone bisceop** georнlicor gehyran …. **sprecende**

he wishes …**that bishop.ACC** eagerly hear.INF … **speaking.PRS.PART** (Homilies of Ælfric).

Таким образом, причастие I в древнеанглийском языке в ряде сочетаний получает аспектуальное значение. Но это – лексическая аспектуальность,

обозначающая аспектуальное значение, присущее слову объективно, еще не столь регулярно выражаемое в форме слова и не определяемое контекстом.

2.4 Аспектуальная семантика причастия II

В древнеанглийском языке у сильных глаголов причастие II имеет индоевропейский суффикс -no. В ряде сильных глаголов соединительный гласный, стоящий перед суффиксом вызывал умлаут. Слабые глаголы образуют причастие с помощью дентального суффикса [Смирницкий, 1998, с. 249; Сравнительная грамматика германских языков, 1966, с. 273]. Причастия от глаголов, в состав которых не входил предлог или иной префикс, обычно имели префикс ge-. Как отмечает К. Бруннер, первоначально он имел выраженное перфективное значение (или значение совершенного вида), однако затем стал чисто формальным элементом [Бруннер, 2003, Т. 2, с. 170]. Иное значение данному префиксу приписывает Ю. С. Маслов, который, анализируя причастия в древних западногерманских языках, приходит к выводу, что приставка gi- (ge-) постепенно становится оформителем подлинного причастия [Маслов, 1948, с. 204] в отличие от бесприставочных форм приглагольного прилагательного.

Все причастия склоняются по типу основ на -o/-a, как и прилагательное, имея слабую и сильную форму.

В текстах древнеанглийской эпической поэзии причастие II может относиться как к существительному, так и глаголу.

1. Participle II + Substantive

В сочетании с существительными причастие II может выполнять атрибутивную или аппозитивную функцию. Атрибутивное причастие в препозиции (пример 1) или постпозиции (пример 2) всегда согласуется с определяемым существительным:

(1) hund þusenda / landes ond **locenra** beaga

hundred thousand / lands and **interlocked.PST.PART.GEN.PL** ring.SUBST.GEN.PL

‘a hundred thousand land and interlocked rings’ (Beowulf, 2994-2995)

(2) discas lagon ond dyre swyrd, / omige, **þurhetone**

plate.SUBST.PL lay and precious sword.SUBST.PL / rusty, **eaten-through.PST.PART.PL**

‘plates lay and precious swords rusty, eaten through’ (Beowulf, 3048-3049).

Нельзя не согласиться с Ю. С. Масловым, который утверждает, что в атрибутивной функции в большинстве случаев выступает второе причастие без приставки. Оправданным кажется и его вывод о том, что признак предмета, выражаемый причастием, в данном случае мыслится как «постоянное, неотъемлемое свойство предмета» [Маслов, 1948, с. 199]. Действительно, в таких примерах как bunden golde swurd «обвитый золотом мечь» или wunden stefna «гнутый киль», приводимых Ю. С. Масловым, или в подобных примерах hroden ealowæge «украшенный кубок» или locenra beaga «переплетенные кольца» из Беовульфа причастия выражают некий абсолютный признак предмета, без которого не мыслится сам предмет; проявление этого признака не ограничено временными рамками, маркирующими его начало или прекращение.

Причастие может вступать в аппозитивные отношения с определяемым словом. Приравнивание причастия к предложению подчеркивает его отглагольный характер. Действительно, признак в подобных примерах имеет некую более тесную связь с глагольным действием, которое приводит к появлению данного признака. Сравним, сбруя железная (переплетенная) – знамя, сотканное руками:

(3**)** **locene** leoðosyrcan

interlocked.PST.PART limb-coat

‘the interlocked limb-coat’ (Beowulf, 1505)

segn eallgylden / heah ofer horde, hondwundra mæst, / **gelocen** leoðocræftum

banner all-golden / high over hoard, hand-work greatest / **linked.PST.PART** [with] hand-skill

‘gold banner high over the hoard, hand-work the greatest linked with skill of hands’ (Beowulf, 2767-2769).

Украшенный – вышитый золотом:

(4) **hroden** hildecumbor, helm ond byrnan

adorned.PST.PART standard, helm and corslet

‘the adorned standard, helm and corslet’ (Beowulf, 1022)

Eoforlic scionon / ofer hleor beran **gehroden** golde

boar-image bright / over cheek carry **adorned.PST.PART** [with] gold

‘Boar figures shining on the cheekguards adorned with gold’ (Beowulf, 304).

В подобных примерах причастие находится в постпозиции и используется с дополнением или обстоятельством. Приставка ge- не является обязательной для причастия в данной функции:

(5) bitre burgtunas, brerum **beweaxne**

bitter enclosures, briers **grown.PST.PART**

‘bitter city-dwelling with briers grown’ (Wife’s laments, 31)

(6) modsefan ine … / oft earmcearig, eðle **bidæled**

mind my … / often miserable, land **deprived.PST.PART**

‘my mind …often miserable, deprived of native land’ (The Wonderer, 19-20).

В данной функции причастие также может согласовываться с определяемым существительным:

(7) þæt ðu **me** a wære / **forðgewitenum** on fæder stæle

that you **me.DAT** ever were / **departed.PST.PART.DAT** on father’s place

‘that you for me forever would be, departed, in the place of a father’ (Beowulf, 1478-1479).

2. Participle II + Verb

В данной конструкции причастие относится к глаголу. В подобных контекстах функционирование причастия можно описать как глагольное (предикативное) и аппозитивное (обстоятельственное).

В первом случае причастие чаще всего встречается в сочетаниях с глаголами beon, weorðan и habban. Причастие может предшествовать личному глаголу или следовать после него. В сочетании с глаголами beon и weorðan причастие может выражать признак (свойство). Если значение причастия в

сочетании с глаголом предполагает указание (скрытое) на временность признака, появляющегося в силу ряда причин, то речь идет о состоянии.

Причем достаточно сложно разграничить эти функции.

Особенно четко именной характер причастия (выражение признака) прослеживается в примерах, где оно определяется обстоятельством степени «swiðe» или «swa»:

(8) **Wæs** þæt beorhte bold **tobrocen** swiðe
be.PST.SG that bright building **broken.PST.PART** very
'was that bright building badly broken' (Beowulf, 997)

(9) þa him swa **geþearfod wæs**
that him so **needed.PST.PART be.PST.SG**
'That it was so needed for him' (Beowulf, 1103).

В ряде примеров причастие употребляется параллельно с прилагательными и даже в схожих с прилагательными моделях – «причастие (прилагательное) + существительное в дательном падеже»:

(10) **bið** se slæp to **fæst**, / **bisgum gebunden,**
be.PRS.SG that sleep too sound.ADJ / **troubles.DAT.PL bound.PST.PART**
'the sleep is too sound full with troubles' (Beowulf, 1743-1742)

(11) **wæs** se legdraca / **grimlic, gryrefah, gledum beswæled**
be.PST.SG the fire-dragon / **grim.ADJ, fearing.ADJ, flames.DAT.PL burnt.PST.PART**
'was the fire-dragon grim, fearing, burnt with flames' (Beowulf, 3040-3041).

Во всех приведенных примерах причастие употребляется с дополнением. Если принять во внимание тот факт, что основной сочетаемостью глагола является сочетаемость с подлежащим и дополнением, то очевидно, что наличие участников действия будет свидетельствовать о глагольном характере причастия (называние состояния, как результата действия).

Причастие употребляется с обстоятельствами времени, обозначающими однократное или повторяющееся действие не продолжительного характера: ætrihte – at once, hraþe – quickly, oft – often. В некоторых примерах обстоятельство

времени выражает ранее завершенный период времени:

(12) **hraþe seoþðan wæs** / **æfter** mundgripe mece **geþinged**

quickly afterwards be.PST.SG / **after** seizure sword **destined.PST.PART**

‘quickly after the seizure was his sword noble’ (Beowulf, 1937-1938) – «сразу после»,

(13) hwæþer him ænig **wæs ær acenned**

whether them any **be.PST.SG before born.PST.PART**

‘whether any of them were before born’ (Beowulf, 1356) – «ранее»,

(14) þa **wæs æfter** wiste wop up **ahafen**

then **be.PST.SG after** abundance lamentation **uplifted.PST.PART**

‘then after wassail was lamentation exalted’ (Beowulf, 128) – «после».

В примерах с глаголом «быть» чаще всего причастие обозначает состояние субъекта в результате завершившегося действия с неуточненным деятелем (пример 15; Приложение А примеры 54-56):

(15) cearu **wæs geniwod**, / **geworden** in wicun

sorrow **be.PST.SG renewed.PST.PART**, / **returned**.PST.PART in dwellings

‘sorrow was renewed, returned to their dwellings’ (Beowulf, 1303-1304).

В сочетании с глаголом beon причастие употребляется в именительном падеже, согласуясь с подлежащим в числе.

Все примеры с глаголом weorðan имеют сходный характер с примерами употребления причастия с глаголом beon. Это сочетание употребляется для обозначения перемены, изменения в состоянии субъекта. В ряде случаев на эту перемену, кроме лексического значения глагола weorðan указывают лексические средства, такие, как наречия siððan «после», æfter «после», tha «тогда», thonne «затем» и др. При этом в большинстве примеров не указано, чем или кем это изменение вызвано (пример 16; Приложение А примеры 57-58):

(16) **Syððan** ærest **wearð** / feasceaft **funden**

after first **become.PST.SG** / helpless **found.PST.PART**

‘after (he) was helpless found’ (Beowulf, 6-7).

С глаголом habban причастие употребляется в двух типах конструкций.

1. have (had) + существительное (местоимение).ACC + причастие:

(17) Nu se mon **hafað** / wean **oferwunnen**

now that man **have.PRS.SG** / grief.SUBST.ACC **overcome.PST.PART**

‘now the man has overcome the grief’ (Husband, 44)

(18) Swa he niða gehwane **genesen hæfde**

so he malice each.ACC **survived.PST.PART have.PST.SG**

‘so he each malice had survived’ (Beowulf, 2397).

В ряде примеров в данной конструкции причастие согласуется с существительным и употребляется в аккузативе:

(19) Nu scealc **hafað** / þurh drihtnes miht **dæd gefremede** ðe / we ealle ær ne meahton / snyttrum besyrwan

now warrior have.PRS.SG / through Lord's power **deed.SUBST.ACC performed.PST.PART.ACC** which/ we all before not could / [with] cleverness contrive

‘now a warrior has, through the Lord's power, performed a deed which we all before could not with cleverness ensnare’ (Beowulf, 939-942).

В приведенных примерах причастие имеет прямое дополнение, что указывает на его явный глагольный характер. Данная конструкция с причастием II обозначает действие, связанное с наличием завершенного изменения состояния объекта, названного существительным в аккузативе. Это отчетливо проявляется в последнем примере (19) – ‘воин имеет дело сделанным, которое мы ранее сделать не могли’. В этом примере прослеживается неактивность субъекта предложения – действие выполнено Божьей Силой. При этом подчеркивается именно изменившееся состояние объекта действия, а не действие субъекта. См. следующий пример (20):

(20) Heo wæs on ofste …/ þa heo onfunden wæs / Hraðe heo æþelinga anne **hæfde** / fæste **befangen**, þa heo to fenne gang

she was on haste…/ when she was discovered / quickly she atheling.SUBST.ACC single **have.PST.SG** fast **seized.PST.PART**, then she to moor fled

‘she was on haste … when she was discovered. Quickly one atheling she fast and

firm seized, then she to the moor fled' (Beowulf, 1292-1295).

В этом примере речь идет не о действиях субъекта «она схватила», а именно о состоянии объекта – «он был схваченным», так как далее в тексте повествуется именно об объекте действия – об убитом воине: Se wæs Hroþgare hæleþa leofost 'He was for Hrothgar of heroes the dearest' (Beowulf, 1296).

2. have (had) + причастие + дополнительное придаточное предложение Подобных примеров в поэтических текстах значительно меньше, чем примеров первого типа (6 и 54 из 56, соответственно).

В этих примерах употребляются причастия от глаголов onfindan 'to find out, to discover', ascian 'to ask', geferan 'to get, to experience', gegangan 'to exercise, to obtain', gefrignan 'to ask':

(21) Ac he **hafað onfunden** þæt he þa fæhðe ne þearf
but he have.PRS.SG found.PST.PART that he that fight not need.PRS.SG
'but he has found that he needs not the fight' (Beowulf, 595)

(22) **Hæbb**e ic eac **geahsod** þæt se æglæca / for his wonhydum wæpna ne recceð
have.PRS.SG I also heard.PST.PART that the evil / for his recklessness weapons not heed.PRS.SG
'I have also heard that the evil for his recklessness weapons does not care' (Beowulf, 433- 434).

Во всех примерах не отмечается значения результативности, вызванной действием в придаточном предложении. Конструкции с глаголом have выражают действия, происходящие одновременно с действиями придаточных предложений. Наиболее вероятная трактовка данной конструкции – указание на неактивность субъекта предложения: имеет услышанным (пример 22), имеет выясненным (пример 21). Конструкция 'have (had) + причастие + дополнительное придаточное предложение' схожа с конструкцией 'have (had) + существительное.ACC + причастие', которая подчеркивает наличие результата изменения состояния объекта действия и неактивность субъекта. Ср.:

(23) Biowulfe wearð / dryhtmaðma dæl deaðe forgolden; / **hæfde** æghwæðer ende **gefered** / lænan lifes

Beowulf became / [with] splendid treasure deal [with] death paid; / have.PST.PART each-of-two end.ACC obtained.PST.PART / [of] fleeting lifes

‘Beowulf paid the price of death for that precious hoard and each of the foes had found the end’ (Beowulf, 2843-2845).

(24) **Hafast** þu **gefered** þæt ðe feor ond neah / ealne wideferhþ weras ehtigað

have.PRS.SG you got.PST.PART that both far and near / all forever men esteem

‘Have you done both far and near such deeds that forever will men value’ (Beowulf, 1221-1222).

В целом, употребление причастия с глаголом «иметь» сходно с его использованием с глаголом «быть», ср.:

(25) ða **wæs gegongen** guman unfrodum / earfoðlice, þæt he on eorðan geseah / þone leofestan lifes æt ende bleate gebæran

that be.PST.SG befallen.PST.PART [to] man young / stressfully, that he on earth saw that dearest life at end pitiably appear

‘It was heavy for that young man to look at his beloved lord and find him lying on earth with life at end’ (Beowulf, 2821-2824)

(26) **Hæfde** aglæca elne **gegongen** / þæt he beahhordes brucan moste/

have.PST.SG monster promptly befallen.PST.PART that he treasure use might

‘had the monster achieved that he the ring-hoard might use’ (Beowulf, 893- 894).

В первом примере (25) акцентируется состояние (было случившимся с ним), во втором (26) – результат изменения этого состояния (он имел случившимся). В обоих случаях состояние и его изменение определяется ранее произошедшими событиями.

В случае аппозитивного употребления с глаголом причастие эквивалентно придаточному предложению, выполняя функцию обстоятельства (времени, образа действия, причины):

(27) ðeah þe hæðstapa hundum geswenced, / heorot hornum trum, holtwudu sece, / feorran **geflymed**, ær he feorh seleð,

Though the heath-stepper [by] hounds harassed, / stag horns strong, wood seek.SBJV.PRS.SG / from-afar **flown.PST.PART**, before he spirit gives up

‘Though the heath-stepper harassed by hounds, the hart with strong horns, would seek the forest, put to flight from far before he gives up his life’ (Beowulf, 1368-1370)

(28) nyde **gebæded**, nacan ut aþrong
[by] necessity.DAT **driven.PST.PART**, boat out push.PST.SG
‘Driven by necessity, pushed out a boat’ (Husband’s Message, 39).

В аппозитивном употреблении причастие выражает состояние субъекта, в котором (из-за которого) он совершает действие, выраженное финитным глаголом. Это состояние может протекать одновременно с действием, названным глаголом в личной форме (пример 29) или быть результатом уже завершенного процесса (пример 30):

(29) Hwilum eft ongan, eldo **gebunden**, / gomel guðwiga gioguðe cwiðan,
sometimes again he begin.PST.SG, age.DAT **bound.PST.PART** / old warrior younger-warriors lament
‘at times he began again, bound in his age the ancient war-soldier, to lament for his youth’ (Beowulf, 2111- 2112)

(30) þæt he ær gespræc / wine **druncen**, þa he þæs wæpnes onlah
that he before say.PST.SG / wine **drunk.PST.PART**, that he that weapon lent
‘that he before drunk with wine said when he lent that weapon’ (Beowulf, 1466-1467).

Как и в примерах с глаголом beon причастие согласуется с подлежащим в числе и падеже:

(31) winde **biwaune** weallas stondaþ, / hrime bihrorene, waldend licgað /dreame **bidrorene**
[by] wind **blown.PST.PART.PL** walls.NOM.PL stand, / [with] frost **covered.PST.PART.PL**
‘By the wind blown walls stand with frost covered’ (Wanderer, 76-79).

В подобных конструкциях причастие может употребляться как самостоятельно – без зависимых слов (пример 32), так и с косвенным дополнением (чаще в дательном падеже) (примеры 33, 34). Сравним:

(32) He **gewergad** sæt

he **wearied.PST.PART** sat

‘he sat wearied’ (Beowulf, 2852)

(33) Gebide ge on beorge byrnum **werede**

wait you on tumulus corslet.DAT **protected PST.PART**

‘You, await here on the barrow, dressed in byrnies’ (Beowulf, 2529)

(34) nearo ðrowode, / fyre **befongen**, se ðe ær folce weold

stress suffered, / fire.DAT **encircled.PST.PART**, he who once people ruled

‘cruelly suffered, in fire encircled, he who once people led’ (Beowulf, 2594 - 2595).

Косвенное дополнение не придает причастию пассивное значение: ‘окруженный огнем’ = состояние нахождения в огне. В подобной конструкции встречаются и прилагательные, что подтверждает наличие значения признака (состояния) и отсутствие пассивности:

(35) Wiglaf leofa, nu se wyrm ligeð, / swefeð sare **wund**, since bereafod

Wiglaf dear, now that serpent lies, / sleeps sorely **wounded.ADJ**, treasure deprived

‘dear Wiglaf, now the serpent lies sleeping sorely wounded, deprived of treasure’ (Beowulf, 2745- 2746).

Следует отметить, что в обстоятельственном употреблении причастие не встречается с дополнением в аккузативе. Следовательно, можно сказать, что причастие в подобной функции не имеет способности управлять прямым дополнением.

При выполнении данной функции причастие получает обстоятельственную валентность, сочетаясь с глаголом.

В древнеанглийских прозаических текстах причастие II используется в тех же конструкциях, что и в поэзии.

1. Substantive + Participle II

В функции определения причастие II согласуется с именем существительным в роде, числе и падеже (пример 36; Приложение А примеры 59-

60):

(36) emnlange þæm **bynum lande**

along that inhabited.PST.PART.DAT land.SUBST.DAT

‘Along that inhabited land’ (The Voyage of Ohthere).

Чаще всего причастие в атрибутивной функции препозитивно.

В аппозитивном употреблении при существительном функция причастия приравнивается к функции определительного придаточного предложения. Причастие в данной функции может управлять косвенным дополнением (примеры 38, 39) или обстоятельством (примеры 37, 40):

(37) ic betæce hie þæm yrþlincge wel **gefylde** ond **gewæterode**

I entrust them.PRON that farmer well.ADV.MODIFIER **fed.PST.PART** and **watered.PST.PART**

‘I entrust them to the farmer well fed and watered’ (Ælfric's Colloquy)

(38) þy betstan leoðe **geglenged** him

the best song.SUBST **composed.PST.PART** him.DAT

‘the best song composed to him’ (Bede's Ecclesiastical History)

(39) Sibertes broðer, Cynehard **gehaten**, ofsloh Cynewulf on Merantune

Sibert’s brother.SUBST, Cynehard **called.PST.PART**, slayed Cynewulf on Merton

‘Sibert’s brother, Cynehard by name, slayed Cynewulf on Merton’ (The Anglo Saxon Chronicle 755)

(40) Arweorþian we Crist on binne **asetene**

honour we Christ.SUBST on manger.ADV.MODIFIER **set.PST.PART**

‘Let us honour Christ laid in the manger’ (Bl. Hom.).

В сочетании с существительным аппозитивное причастие выражает свойство объекта, названного существительным. Стоит отказаться от термина «признак», который мыслится как нечто статичное, постоянно присущее предмету, вне зависимости от его взаимодействия с окружающим миром. Значение же причастия предполагает указание (скрытое) на некую внешнюю активность, ср. рус. красивый – украшенный. Это значение можно назвать

термином «свойство», так как свойство описывает переменные свойства (как совокупность признаков) объекта.

Необходимо отметить, что в поэтических текстах всего зафиксировано 148 примеров аппозитивного употребления причастий (и первого, и второго), в прозе – 1636. Факт подобного численного преобладания, а также анализ примеров и их соотнесение с латинскими оригиналами позволяют сделать вывод о значительном влиянии латинской традиции.

От аппозитивного употребления причастия следует отличать «participium absolutum», то есть абсолютное употребление причастия. Абсолютное причастие отличается от аппозитивного тем, что последнее не имеет своего собственного субъекта, согласуясь с субъектом личного глагола или существительным.

Наличие собственного субъекта придает абсолютному причастию выраженный глагольный характер (пример 41; Приложение А примеры 61-62):

(41) ac geiukodan oxan, ond gefæstnodon sceare ond cultre mid þære syl, ælce dæg ic sceal erian fulne æcer oþþe mare

but **yoked.PST.PART** oxen, and **attached.PST.PART** plow-blade and coulter with that plough, every day I must plow full acre or more

‘with the oxen yoked and plow and coulter attached every day I must plow a full acre or more’ (*Ælfric's Colloquy*).

Абсолютное причастие выполняет обстоятельственную функцию и имеет чаще всего неизменяемую форму. В некоторых случаях абсолютное причастие употребляется в дативе (Приложение А примеры 61-62). В тексте Bede's Ecclesiastical History выявлено около 50 абсолютных причастий, и все из них имеют соответствия в латинском оригинале. А вот в текстах Blickling Homilies и Aelfric's Colloquium отмечено всего по два причастия (в последнем тексте абсолютное причастие также имеет аналог в латинском источнике). Морган Каллавей после обширного исследования хронологии текстов, их источников и истории создания приходит к выводу, что данная конструкция появляется в английском языке под латинским влиянием [Callaway, 1889, p. 344].

2. Verb + Participle II

При предикативном употреблении, как и в поэтических текстах, причастие используется с личными формами глаголов beon, weorðan и habban.

Причастие может предшествовать глаголу:

(42) dome **gecoren wære**… **cumen wære**

judgement **decided.PST.PART be.PST.PL** … **come.PST.PART be.PST.PL**

‘judgement would be taken… would be come’ (Bede's Ecclesiastical History).

В сочетании с глаголом beon причастие может согласовываться с подлежащим (пример 43; Приложение А пример 54-56):

(43) þæt hie swa beon **begrynodo**

that they.PL so be.INF **trapped.PST.PART.PL**

‘that they so to be trapped’ (Ælfric's Colloquy)

К причастию может относиться косвенное дополнение (пример 44; Приложение А примеры 65):

(44) he byþ **forlæten** fram þam cræfte

He be.PRS.SG **neglected.PST.PART** from this craft.DAT

‘He is neglected from this craft’ (Ælfric's Colloquy).

Однако не отмечено примеров с прямым дополнением.

Причастие может иметь при себе обстоятельство времени и места:

(45) Wære þu todæg **beswuncgen**?

be.PST.PL you today.ADV.MODIFIER **flogged.PST.PART**?

‘Were you today flogged?’ (Ælfric's Colloquy)

(46) **afeallen** wæs giond Angelcynn

declined.PST.PART be.PST.SG among English-people.ADV.MODIFIER

‘fallen down was among English people’ (King Alfred's Preface).

А также может сопровождаться обстоятельствами степени «swa» и «swiðe», которые подчеркивают именной характер причастия:

(47) uncuð hu longe ðær **swæ gelærede** biscepas sien

unknown how long there **so taught.PST.PART** bishops be.SBJV.PRS

‘(It is) unknown how long so taught bishops would be there’ (King Alfred's Preface)

(48) Se lichoma wære mid þære untrumnesse **swa swiðe geswenced**

His body be.PST.PART by this sickness **so much afflicted.PST.PART**

‘His body was by this wickness so much afflicted’ (Bl. Hom.).

При употреблении с существительным причастие выражает признак (как нечто постоянное) или свойство субъекта (изменяемая характеристика, проявление которой вызвано какими-либо внешними действиями). При глагольном употреблении отглагольный характер причастия (выражение состояния как результата действия) отчетливо проявляется в тех примерах, где наблюдается присутствие субъекта, осуществляющего данное действие (иногда в инструментальном падеже) (пример 49; Приложение А примеры 66-67):

(49) Forþon he nales from monnum ne þurh mon **gelæred** wæs

because he not-at-all from man.INST nor through man **taught.PST.PART** be.PST.SG

‘Because he was not at all by the man or from the man taught’ (Bede's Ecclesiastical History).

Достаточно часто в прозаических текстах встречаются примеры употребления с глаголом beon причастий, образованных от таких глаголов, как cuman и weorðan (примеры 50-51; Приложение А примеры 68-69):

(50) Se halga heahengel of heofenum **cumen wære**

the holy archangel of heaven **come.PST.PART be.PST.SG**

‘The holy archangel from heaven should come’ (Bl. Hom.)

(51) Ah heora lichoman licgað on eorðan & **beoþ** to duste **gewordne**

but their bodies lie on earth and **be.PRS.PL** to dust **turned.PST.PART**

‘but their bodies shall lie in the earth and turn to dust’ (Bl. Hom.).

Причастие в подобных многочисленных примерах явно лишено пассивного значения в современном понимании этого термина.

К тому же, как было отмечено выше, в древнеанглийский период существовали иные средства выражения пассивного залога:

(52) he seolfa onget þæt hine **mon** ofslean scolde, þa gebæd he for þam sawlum his weorodes

he self perceived that him man.INDEF.PRON kill should, he prayed for the souls of his army

‘he perceived that he should be killed, he prayed for the souls of his army’.

Пассивное значение выражается неопределенным местоимением, следовательно, многочисленные примеры, подобные следующему лишены пассивного значения:

(53) Ac heo **wæran cumene** wið Westseaxna þeode to gefeohte, 7 ealle ætgædre **gehruron** 7 **ofslegene wæron** mid heora compweorode

But they **be.PST.PL come.PST.PART** with WestSaxon people to battle, and all together **seized.PST.PART** and **killed.PST.PART be.PST.PL** with their army

‘And they went to battle against the West Saxons, and all together were seized and slain with their army’ (Selection from Bede).

И, если придать сочетанию причастия с глаголом «быть» пассивное значение, то возникает вопрос, как следует рассматривать причастия от глаголов cuman и weorðan, не имеющие пассивного значения. Сравним употребление причастия после глагола «быть» с примерами употребления того же глагола, от которого образовано причастие, самостоятельно в виде личной формы.

(54) Swelce eac þissum tidum com micel hungor

So also this time **come.V.PST.SG** great hunger

‘Also at this time a great hunger came’ (Selection from Bede)

(55) On þæm landum eardodon Engle, ær hi hider on land **coman**

On that land lived Angles, before them here on the land **come.V.PST.PL**

‘On that land lived the Angles (that) before them here on the land had come’ (The Voyage of Ohthere)

(56) hie **common** to þæs carcernes dyru

they **come.V.PST.PL** to that prison door

‘They came to the prison door’ (Bl. Hom.).

Во всех примерах действие, обозначаемое глаголом cuman «идти» происходит в прошлом.

(57) Ða, forþgongenre tide, æfter Bryttum 7 Peohtum, þridde cynn Scotta Breotone

onfeng on Pehta dæle, ða **wæron cumene** of Hibernia Scotta ealonde mid heora heretogan, Reada hatte: oða mid freondscipe oðþa mid gefeohte him sylfum betwih hi seðel 7 eardungstowe **geahnodon**, þa hi nu get **habbað**.

Then, going forth time, after Britons and Picts, third race [of] Scots Britain **occupy.PST.PL** on Picts part, that **be.PST.PL come.PST.PART** of Ireland Scots island with their leader Eeada named: or with friendship or with struggle themselves among them settlement and dwelling-place **own.PST.PL**, which they now still **have.PRS.PL**

‘Then in the course of time, after the Britons and the Picts, a third race, that of the Scots, occupied Britain within the borders of the Picts. They came from Ireland, the island of the Scots, with their leader called Eeada, and partly by peace partly with struggle, took for themselves a settlement and dwelling-place, which they now keep’ (Selection from Bede).

Как видно из примера (57) сочетание глагола «быть» с причастием II употребляется наряду с другими личными глаголами: заняли, пришли, завладели, владеют, обозначая действие, совершенное в прошлом. Однако действия, названные личными формами глагола представляются как факт в прошлом или настоящем, а действие, обозначенное перифразой с причастием как некое состояние (они были пришедшими или они были убитыми), являющееся результатом ранее происходящего события.

(58) þa gelomp þætte he to þæm seolfan mynstre **becwom** in þa tide þere miclan deaðlicnesse 7 wooles, þe ofer moncyn **cumen wæs**

that happened that he to this own monastery **come.V.PST.SG** at the time [of] great mortality and plague, which over mankind **come.PST.PART be.PST.SG**

‘it happened that he arrived at this monastery at the time of the great mortality and plague, which came upon the mankind’ (Selection from Bede).

В примере (58) сочетание причастия с глаголом «быть» обозначает не предшествующее действие, а действие, совершаемое последовательно или одновременно с действием, обозначенным личной формой глагола. Данная конструкция, лишенная значения пассивности и предшествования, следовательно,

вносит в описание действия некое уточнение – каким образом протекло действие, каким оно было. Следовательно, функция причастной конструкции – указание на совершенность (законченность) действия, т.е. это видовая семантика. В следующем примере употреблено и причастие, и личные формы глаголов:

(59) Ge eac monige weallas mid seofon 7 fiftegum torran **gehruron** 7 **gefeollan**: 7 swylce eac monige oðre ceastre **tohrorene wæron**

and also many walls with seven and fifty towers **collaps.PST.PL** and **fall.PST.PL**: and so also many other towns **ruined.PST.PART be.PST.PL**

‘and also many walls along with fifty-seven towers collapsed and fell: also many other towns were ruined’ (Selection from Bede).

Для современного восприятия разница в действиях заключается в залоговом противопоставлении: башни пали, города были разрушены. Но пассивное значение передается иными средствами. К тому же и первые действия не являются «активными» в залоговом смысле. Здесь уместнее трактовка действий как несовершенных и совершенных: 57 башен падали и разрушались, многие города были разрушены.

Конструкция ‘быть + причастие I’ употребляется достаточно часто и регулярно как в прошлом, так и настоящем времени:

(60) Ða oncneow se Godes monn ðæt he faran ne moste, 7 cuæð: Ic wat þætte þæs storm for me **is cumen** 7 **sended wæs**

Then perceived the God’s man that he proceed not might, and said: I know that this storm for me **be.PRS.SG come.PST.PART** and **sent.PST.PART be.PST.SG**

‘Then the man of God perceived that he might not proceed, and said: I know that this storm is come and was sent on my account’ (Selection from Bede).

В текстах Беды зафиксировано и множество примеров употребления с глаголом «быть» причастия I от глагола cuman:

(61) Ðæt Angustinus **wæs cumende** on Breotone ærest on Tenet þam ealonde; 7 Cantwara cyninge Cristes geleafan bodode;7 swa mid his lefnysse Godes word bodigende on Cent eode

That Augustine **be.PST.SG coming.PRS.PART** on Britain first on Thanet that Isle; and [to] Kentish king Christ's faith preach.PST.SG; and so by his permission God's word preaching.PRS.PART on Kentish land

‘That Augustine first landed in Britain on the Isle of Thanet, and preached Christ's faith to the king of Kent; and then by his permission proceeded to preach God's word in Kent’

(62) Mid þone **wæron cumende** oþre endlufon bysceopas — he wæs twelfta — to his halgunge; 7 hi swiðe arwyrðlice þa þenunge gefyldon

with him **be.PST.PL coming.PRS.PART** other eleven bishops — he was twelfth — to his consecration ; and they very solemnly the service perform.PST.PL

‘Along with him came eleven other bishops — he was the twelfth — to his consecration; and they performed the service with great pomp’.

Во всех примерах конструкция глагола «быть» с причастием I выражает процессуальность, то есть состояние субъекта, протекающее какое-то время. Таким образом, перифрастические сочетания ‘wæs cumende’ и ‘wæs cumen’ можно противопоставить по признаку совершенности и процессуальности (несовершенности) действия.

С глаголом weorðan причастие употребляется реже, чем с глаголом beon. Причастие может предшествовать глаголу или стоять после него. В целом примеры схожи с примерами из предыдущей группы:

(63) Þæt seo burh sceolde **abrocen weorþan** & **bereafod**

that the city should **broken.PST.PART become.INF** and **spoiled.PST.PART**

‘That the city should become broken and spoiled’ (Bl. Hom.)

С глаголом habban причастие как и в поэтических текстах употребляется в двух типах конструкций, при этом причастие может располагаться как в препозиции, так и постпозиции к личному глаголу.

1. have (had) + существительное (местоимение).ACC + причастие:

(64) Heora ciningas **hæfdon** sige **geworht** on heora feondum

their kings **have.PST.PL** victory.SUBST.ACC **obtained.PST.PART** over their foes

‘their kings had obtained the victory over their foes’ (Bl. Hom.).

Причастие может согласовываться с существительным (прямым дополнением к глаголу habban) в числе и падеже:

(65) Hie hine **hæfdon geþreatodne** mid fyrenum racentum
they him.ACC **have.PST.PL bound.PST.PART.ACC.SG** with fiery chains
‘they had him bound in fiery chains’ (Bl. Hom.).

Данная конструкция с причастием, которое обозначает состояние в результате завершившегося действия и сочетается с глаголом «иметь» и объектом в аккузативе, приобретает значение «наличие результата изменения состояния объекта».

2. have (had) + причастие + дополнительное придаточное предложение

Подобные примеры встречаются в прозаических текстах редко и, с нашей точки зрения, указывают в большей степени на неактивность субъекта действия – иметь сказанным, иметь разрешенным:

(66) ic cuðlice **geleornad hæbbe**, þæt …
I certainly **learned.PST.PART have.SBJV.PRS.SG,** that…’
‘That I certainly learned that…’ (Bede's Ecclesiastical History)

(67) God **hafaþ alyfed** eorþlicum mannum þæt hi motan bletsian…
God **have.PRS.SG permitted.PST.PART** earthly men that they may bless…
‘God has permitted earthly men that they may bless…’ (Bl. Hom.)

В данных конструкциях причастие может иметь прямое и косвенное дополнение (пример 67), сочетаться с обстоятельствами места, времени, степени (пример 66).

Конструкции ‘have (had) + существительное.ACC + причастие’ подобны и немногочисленные примеры типа

(68) Þær þu ær **gesawe** godweb mid golde **gefadod**
where you before see.PST.SG purple-garment.SUBST.ACC with gold interwoven.PST.PART
‘where you before saw a purple garment with gold colored’ (Bl. Hom.)

(69) Þa ðæt folc hine þa **geseah** swa **gescyrpedne**

then the folk him.ACC **see.PST.SG** so **equipped.PST.PART**

‘then the folk him saw so furnished’ (Bede’s Ecclesiastical History).

Эти примеры соответствуют латинскому обороту «причастие соединенное» (participium conjunctum), который употребляется в качестве приложения к глаголам verba sentiendi (video, audio…) [Соболевский, 2009, с. 329]. В подобных построениях причастие образует субпредикатную конструкцию, которая включается в структуру предложения. С одной стороны, причастие определяет местоимение в аккузативе. С другой стороны, причастие имеет глагольный характер, так как местоимение одновременно является объектом действия, результат которого выражен причастием.

В аппозитивном употреблении с глаголом причастие чаще всего имеет неизменяемую форму. Однако встречаются примеры с причастиями, которые согласуются с подлежащим в числе, роде и падеже:

(70) hu ða ciricean giond eall Angelcynn stodon maðma ond boca **gefylda**

how the churches.NOM.PL.FEM through all England remained with treasures and books **filled.PST.PART.NOM.PL.FEM**

‘how the churches over all England were with treasures and books filled’ (King Alfred's Preface).

Причастие может находиться в пре- (пример 71) и постпозиции (пример 70) к личному глаголу:

(71) ofslægen læg

slayed.PST.PART lay.PSR.SG

‘slayed lay’ (The Anglo Saxon Chronicle, 755).

Причастие функционирует как обстоятельство (чаще всего образа действия, времени, причины), указывая на состояние субъекта, при котором (из-за которого) совершалось действие, названное финитным глаголом. Оно сочетается с косвенным дополнением (пример 72), с обстоятельством (пример 73):

(72) Đæt Bryttas mid ðy mærran hungre **genedde** ðe elreordian of heora gemærum adrifan

That Britons by that severe famine.DAT **forced.PST.PART** the barbarians of

their borders drove.PST.PL

‘That the Britons because of the severe famine drove the barbarians out of their borders’ (Bede's Ecclesiastical History)

(73) swa eft **onlysed** þy lichoman byrneð

so then.ADV.MODIFIER **released.PST.PART** his body burn.PRS.3GS

‘so when unloosed from the body, he burns’ (Bede's Ecclesiastical History).

Изучение семантики и фунций причастия II в древнеанглийских текстах позволяет утверждать, что причастие II в данный период имеет, с одной стороны именной характер, выражающийся в выполнении им атрибутивной функции и сочетаемости в качестве определения с именами существительными и обстоятельствами степени (swiðe, swa); с другой стороны, глагольную природу, которая проявляется при его предикативном употреблении, участии в субпредикатных конструкциях, в сочетаемости с именами существительными, называющими участников действия, и наречиями. Отмечаемая двойственность причастия, возможно, связана с его происхождением. Как отмечалось выше, причастие II образовывалось с помощью суффиксов -no и -ed, -ad, -od. Происхождение последнего вызывает обширную дискуссию среди ученых [Сравнительная грамматик германских языков, 1966, с. 396-402]. Одной из наиболее вероятных версий является его происхождение от протогерманского *-da- от индоевропейского *-to- – суффикса отглагольных прилагательных, обозначающих завершение проявления признака.

Второй из суффиксов причастий также имеет индоевропейское происхождение. В индоевропейском праязыке причастия имели выраженные залоговые признаки и формировались с помощью следующих суффиксов (табл. 5):

Таблица 5 – Реконструируемые суффиксы причастий в индоевропейском праязыке

Причастие	Суффикс
active	*-(e)nt-
middle	*-mh1no-
passive	*-tó-

Суффикс -no, образующий германские причастия восходит к индоевропейскому суффиксу среднего залога. Средний залог часто имеет

рефлексивное значение. Обычно это относится к действию, объектом которого является субъект, или к действию, в котором субъект особенно заинтересован или принимает активное участие. По определению Б. Дельбрюка, медиальный залог употребляется в том случае, если подлежащее принимает активное участие, контролирут событие, названное глаголом в среднем залоге, а действительный залог всего лишь наделяет подлежащее активностью [Delbrück, 1893, S. 412-432]. Из этого следует, что причастие II имеет значение не пассивности субъекта действия, а неактивности объекта.

Подведем итоги анализа функций и семантики нефинитных форм в древнеанглийский период с точки зрения их функционирования в рамках глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность (АТМ), который, как можно увидеть из таблицы 6, выражался морфологически-семантически в личной форме глагола с привлечением форм инфинитива для выражения аспектуального и модального значений.

Таблица 6 – Основные способы выражения значений глагольного комплекса АТМ в древнеанглийский период

Аспектуальность	**Темпоральность**	**Модальность**
• семантика личной формы глагола • глагольные префиксы • падежное управление • нефлективный инфинитив	• личная форма глагола (противопоставление презенса и претерита)	• личная форма глагола (сослагательное наклонение) • флективный инфинитив

Нефлективная форма инфинитива, как показало исследование, употребляется с глаголами, которые в традиционной грамматике именуются глаголами состояния. Под состоянием при этом понимается отсутствие деятельности, статичность (покой). Глаголы состояния и деятельности противопоставляются глаголам событийности, с которыми используется флективный инфинитив.

Глаголы активности и состояния обозначают некий континуум или общее

направление деятельности. Они употребляются с нефлективным инфинитивом, который придает характеристике действия целостный вид, указывая на некий предел. Нефлективный инфинитив указывает на активность, вовлеченность субъекта в действие, называемое инфинитивом.

Флективный инфинитив используется в большинстве случаев с событийными глаголами, выступая в функции дополнения к предельным личным глаголам, имеющим явно выраженное значение действия или в функции обстоятельства цели. Из несобытийных глаголов флективный инфинитив употребляется с глаголом beon. В предикативной функции в сочетании с этим глаголом инфинитив имеет значение долженствования, обязательства, рекомендации. В функции уточнения прилагательных или существительных с глаголом beon инфинитив участвует в выражении оценочного значения. Как отмечалось при анализе примеров, флективный инфинитив называет действие, в котором субъект действия, названный финитным глаголом, не принимает активного участия.

Причастия в древнеанглийском языке обозначали признак субъекта или объекта при атрибутивном употреблении и свойство при аппозитивном. Под термином «признак» понимается условие, позволяющее точно идентифицировать и классифицировать объект, определяемый данным признаком. Свойство представляется как характеристика субъекта, проявляющаяся в его отношении к другим объектам. Главное отличие свойства от признака заключается в том, что признак стоит рассматривать как нечто постоянно присущее субъекту безотносительно его взаимодействия с другими объектами.

При выполнении глагольно-аппозитивной функции после предельных глаголов причастие I обозначает состояние субъекта, которое находится в причинно-следственной связи с действием, названым личной формой глагола. Во всех подобных примерах причастие обозначает состояние субъекта, на фоне которого, из-за которого, для которого происходит действие, выраженное финитным глаголом. При этом состояние следует рассматривать в трактовке Аристотеля – как обладание признаками или свойствами, характеризующееся

способностью субъекта к проявлению в различных формах.

При функционировании как части сказуемого (предикативно) после непредельных глаголов причастие I называет состояние как некое протекающее фоновое действие, как состояние, в котором совершается действие, то есть происходят некие изменения субъекта во времени, что есть не что иное, как процессуальность.

Причастие II в атрибутивном и аппозитивном употреблении при существительном называет признак, возникающий в силу действия сил, не связанных с субъектом / объектом предложения. В аппозитивном употреблении причастие называет свойство объекта, имеющее некую более тесную связь с глагольным действием, которое проводит к появлению данного состояния. В глагольном употреблении причастие обозначает состояние субъекта в результате завершившегося действия с неуточненным деятелем. В немногочисленных примерах с глаголом weorðan причастие употребляется для обозначения перемены состояния субъекта.

В сочетании с глаголом «иметь» причастие II обозначает завершенное изменение состояния объекта, выраженного существительным в аккузативе, и одновременно неактивность субъекта действия.

Анализ функций причастий позволил проследить развитие лексической аспектуальности (рис. 3) – от выражения признака через отражения свойств к характеристике состояния, которое и есть вид аспектуальности.

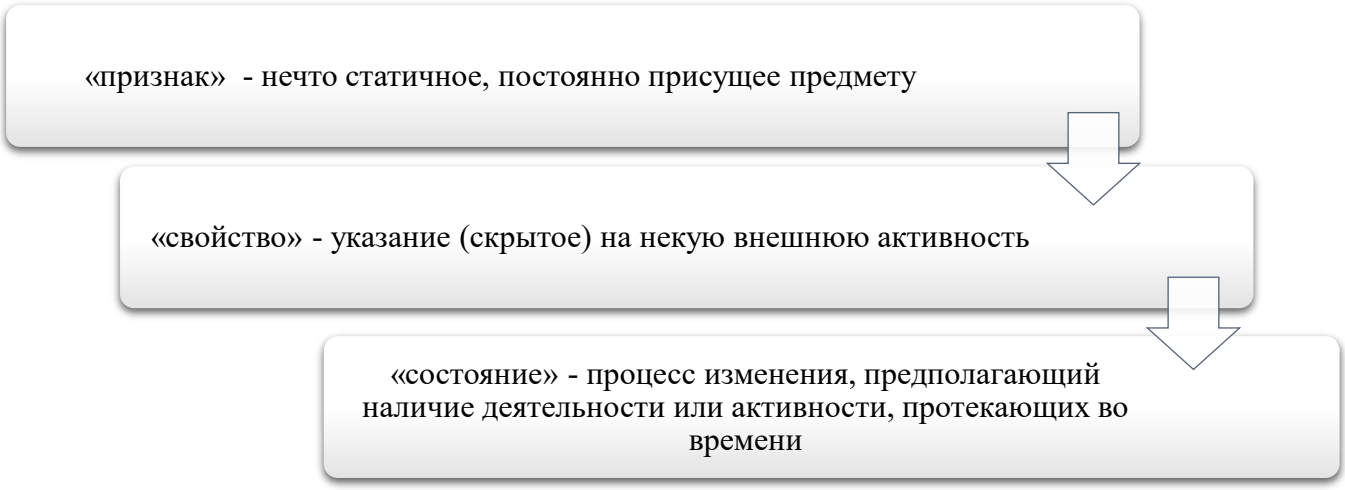

Рисунок 3 – Развитие лексической аспектуальности причастий

Анализ примеров употребления одних и тех же глаголов в конструкциях ‘V’, ‘be + PST.PART’ и ‘be + PRS.PART’ показал, что действие, обозначаемое финитным глаголом ‘V’, представляется как факт в прошлом или настоящем, а действие, обозначенное перифразой ‘be + PST.PART’, как некое состояние, являющееся завершением ранее происходившего действия. Функция причастной конструкции – указание на совершенность (законченность) действия. Конструкция ‘be + PRS.PART’ выражает некую процессуальность, то есть состояние в процессе. Таким образом, перифрастические сочетания с причастиями можно противопоставить по признаку совершенности и процессуальности (несовершенности) действия.

Однако необходимо отметить, что значения процессуальности и завершенности причастных форм являются в большей степени проявлениями их лексического (исходного) значения, они достаточно широко используются с именами существительными в атрибутивной и аппозитивной функции. Все это указывает на то, что причастные формы на данном этапе развития не являются подлинными маркерами глагольной аспектуальности.

Итоги исследования функций и семантики нефинитных форм в древнеанглийский период подведены в таблице 7.

Таблица 7 – Участие нефинитных форм в выражении значений глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность в древнеанглийский период

Нефинитные формы	**Значение в рамках глагольного комплекса АТМ**
Нефлективный инфинитив	предельность
Флективный инфинитив	базовая модальность
Причастие I	процессуальность (лексического характера)
Причастие II	завершенность (лексического характера)

Выводы по главе 2

1. Основополагающим моментом историко-культурной ситуации в раннесредневековой Англии является противопоставление дохристианской и христианской культур и, как отражение этого в письменных памятниках, сосуществование двух литературных традиций. Предшествующая литературная традиция сохраняет языковые особенности прошедших эпох и отражается главным образом в эпической поэзии. Новая литературная традиция, воплотившаяся в прозаических текстах, отчетливо фиксирует процессы преобразования языка под влиянием иноязычной литературной традиции.

2. Древнеанглийский инфинитив имеет две формы: форма именительного (винительного) падежа оканчивается на -an (нефлективный инфинитив); форма дательного падежа имеет окончание -anne/-enne и предлог tō (флективный инфинитив). Выявлено значительное преобладание случаев употребления нефлективного инфинитива как в поэтических, так и прозаических текстах. Позиция инфинитивов в древнеанглийский период не является фиксированной.

На употребление флективного или нефлективного инфинитива оказывает влияние именно аспектуальная семантика первого элемента (личного глагола), с которым он используется. Исследование показало, что флективность инфинитива зависит в определенной степени от предельности / непредельности финитной формы глагола. Если финитная форма глагола обладает свойством предельности, то инфинитив имеет флективную форму. Напротив, непредельность, кодированная в личной форме глагола, влияет на флективность: как правило, в этом случае возрастает тенденция к использованию нефлективного инфинитива.

Глаголы в древнеанглийском языке подразделяются на предельные и непредельные, и есть ряд глаголов, которые могут быть и предельными, и непредельными в зависимости от синтаксической сочетаемости. Однако в древнеанглийском языке отсутствуют синтетические средства регулярного выражения предельности (как, например, приставки русского глагола для выражения вида), и именно для этого используется нефлективный инфинитив.

Глаголы активности и состояния обозначают некий континуум или общее направление деятельности. Они употребляются с нефлективным инфинитивом, который придает характеристике действия целостный вид, указывая на некий предел. Предельные глаголы употребляются в древнеанглийский период только с флективным инфинитивом, который часто привносит дополнительную коннотацию, такую как необходимость действия, намерение его совершения.

3. Анализ контекстов употребления причастия I показал нерелевантность разделения древнеанглийских текстов на две группы. Причастие I в древнеанглийский период может относиться к существительному или к глаголу. Причастие может находиться и в пре-, и постпозиции к определяемому слову, при этом формальная близость причастия и определяемого слова не важна.

При атрибутивном (непредикативным) употреблении связь между причастием и определяемым словом настолько тесная, что они составляют одно целое – одну идею. В данной функции причастие называет признак предмета. Если связь свободная и причастие с определяемым словом представляют разные идеи – то это связь аппозитивная. Аппозитивное причастие указывает на свойство субъекта. Главное отличие свойства от признака заключается в том, что признак стоит рассматривать как нечто постоянно присущее субъекту безотносительно его взаимодействия с другими объектами.

Причастие может использоваться и в конструкции ‘V + PRS.PART’, где оно выполняет атрибутивную, субстантивную, обстоятельственную и предикативную функции.

В атрибутивной и субстантивной функциях причастие обозначает признак предмета, названного или являющегося подлежащим.

В обстоятельственной и предикативной функциях причастие обозначает состояние субъекта, на фоне которого, из-за которого, для которого происходит действие, названное глаголом в личной форме. При выполнении первой функции причастие обозначает состояние субъекта, которое находится в причинно-следственной связи с действием, обозначенным финитным глаголом. При функционировании как части сказуемого (предикативно) причастие называет

состояние субъекта, которое протекает наряду с действием, обозначенным финитным глаголом. При этом глаголы, с которыми употребляется причастие I в предикативной функции, являются глаголами активности (несобытийными, непредельными). В этих примерах сочетание ‘V + PRS.PART’ можно рассматривать как перифразу, то есть как особый описательный способ выражения действия. Причастие называет состояние как некое протекающее фоновое действие, как состояние, в котором совершается действие, то есть происходят некие изменения субъекта во времени, что есть не что иное, как процессуальность.

4. Причастие II в древнеанглийский период может относиться и к существительному, и к глаголу. В сочетании с существительным причастие выполняет атрибутивную функцию, согласуясь с определяемым существительным в роде, числе и падеже, и аппозитивную, при выполнении которой согласование с определяемым словом характерно только для поэтических текстов. Причастие может находиться в препозиции или постпозиции, однако для прозаических текстов более характерна препозиция. С финитным глаголом причастие II может функционировать предикативно и аппозитивно. В текстах прозаических памятников зафиксированы также контексты употребления абсолютного причастия (participium absolutum), которое имеет свой собственный субъект действия, что придает причастию выраженный глагольный характер. Все примеры употребления абсолютного причастие имеют соответствия в латинском оригинале, что свидетельствует о том, что данная конструкция появляется в английском языке под латинским влиянием.

В сочетании с существительным причастие выражает признак или свойство объекта, названного существительным. Термин «признак» мыслится как нечто статичное, постоянно присущее предмету, и описывает функционирование причастия в непредикативно-атрибутивной функции. Значение же причастия в аппозитивной функции к существительному предполагает указание (скрытое) на некую внешнюю активность и описывается термином «свойство».

В аппозитивном употреблении с глаголом причастие выражает состояние

субъекта, в котором (из-за которого) он совершает действие, названное личной глаголом в личной форме.

В предикативной функции причастие II используется после глаголов «beon», «weorðan» и «habban». В сочетаниях с глаголом «быть» чаще всего причастие обозначает состояние субъекта как результат завершившегося действия с неуточненным деятелем. Сочетание причастия с глаголом «weorðan» употребляется для обозначения перемены состояния субъекта. При этом в большинстве примеров не указано, чем или кем это изменение вызвано. В сочетаниях причастия с глаголом «habban» подчеркивается наличие результата изменения состояния объекта действия, который выражен существительным в аккузативе или неактивность субъекта действия.

Аспектуальная семантика состояния (процессуальности и завершенности) причастных форм являются в большей степени проявлениями их лексического (исходного) значения, они достаточно широко используются с именами существительными в атрибутивной и аппозитивной функции. Все это указывает на то, что причастные формы на данном этапе развития не являются подлинными маркерами глагольной аспектуальности.

5. Глагольный комплекс аспектуальность – темпоральность – модальность выражался в древнеанглийском языке морфологически-семантически в личной форме глагола с привлечением форм инфинитива для выражения аспектуального и модального значений.

Глава 3. Участие нефинитных форм в выражении аспектуальных и модальных значений в среднеанглийский период

В данной главе диссертационного исследования рассматриваются изменения функций, семантики и статуса нефинитных форм в среднеанглийский период. В подразделе, посвященном описанию языковой ситуации исследуемого периода, приводятся основания и критерии отбора материала для лингвистического анализа. В практических разделах проводится анализ функций нефинитных форм с точки зрения реализации значений комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность. В процессе исследования намечаются причины перераспределения функций нефинитных форм глагола.

Основные результаты исследования, представленные в данной главе, отражены в работах автора [Соколова, 2016a; Соколова, 2018b; Соколова, 2018c; Соколова, 2018d; Соколова, 2018g; Соколова, 2020; Sokolova, 2019].

3.1 Языковая ситуация в Англии в средние века

Нормандское завоевание 1066 г. стало поворотным моментом в истории Англии и оказало наиболее значительное влияние на развитие английского языка.

В течение нескольких лет, подавив многочисленные восстания в различных частях Англии, нормандцы стали полновластными хозяевами страны. В среднеанглийских литературных памятниках можно найти много свидетельств о сложившейся языковой ситуации. Правящий слой англосаксонской феодальной знати почти совершенно исчез. Место этой знати заняли нормандские бароны, которые говорили на французском языке. Незнание французского считалось плохим тоном [Ильиш, 1958, с. 149].

В течение нескольких столетий после нормандского завоевания господствующим языком в Англии был французский язык. Он был языком двора, правительства, судебных учреждений, так как среди дворян и вассалов преобладали выходцы из Франции. Английский язык был оттеснен в более

низкую социальную сферу: на нем говорила основная масса крестьян и городского населения.

Снижение статуса английского языка отразилось на письменной традиции Англии. В XII – XIII вв. большинство письменных памятников были написаны на латинском и французском языках. Древненглийский язык после литературного расцвета в предшествующие столетия опускается на положение языка бесписьменного [Жирмунский, 1936, с. 23].

Естественным образом два языка, противопоставляясь друг другу, оказывали взаимное влияние. Противостояние языков XII - XIV вв. закончилось в конце XIV в. победой английского языка, который, впрочем, значительным образом видоизменился.

Необходимо отметить тот факт, что ряд ученых [Бруннер, 2003; Ильиш, 1958; Menger, 1904; Vising, 1923] поддерживают гипотезу о существовании «англо-нормандского языка». Согласно этому предположению в Англию после нормандского завоевания привносится не французский, а нормандский язык, на котором говорили нормандцы – потомки датчан, основавшие в начале X века поселения на севере Франции. По уровню развития культуры и языку этот народ в значительной степени отличался от своих французских соседей и скандинавских прародителей. В Англии нормандский язык смешивается с англосаксонским. Вопрос о существовании особого пиджинизированного англо-нормандского языка или диалекта, его особенностях и характеристиках сложен. В зарубежной лингвистике имеет место точка зрения, что англо-нормандская знать все более и более считала себя англичанами, и англо-нормандский и англосаксонский языки слились в единый среднеанглийский язык. Это предположение является одним из способов объяснить столь существенное различие между англосаксонским (древнеанглийским) и среднеанглийским языками.

В ранний среднеанглийский период (XI - XIII вв.) языковая ситуация в Англии представляла собой противопоставление французского языка территориальным английским диалектам. Французский язык был господствующим практически во всех высших сферах коммуникации – в церкви,

в законодательстве, в образовании, оставляя за английским языком только сферы устного общения. Следовательно, можно говорить об отсутствии параллельного использования языков, что свидетельствует о диглоссийной ситуации.

Впоследствии (XIII - XIV вв.) языковая ситуация меняется. Сам факт, что появляются переводы с французского и латинского языков на английский язык (например, «Угрызения совести» Дана Мичеля – перевод «Le somme des Vices et des Vertus» французского монаха Лоренса; Polychronicon Джона Тревизы – перевод одноименного труда Ранульфа Хигдена) свидетельствует о разрушении диглоссии. В 1258 году появляется «Воззвание» Генриха III, составленное как на английском, так и на французском языках. Таким образом, в этот период в Англии сосуществовали два языка, которые могли использоваться в одних и тех же сферах коммуникации. Ситуация двуязычия являлась переходным моментом. Позиция английского языка все больше укреплялась, а сферы его применения расширялись.

Превосходство французского языка сходит на нет во второй половине XIV века. Это связано со Столетней войной, которая началась в 1339 году. Знание французского языка становится уже не столь обязательным. В 1363 году заседание, посвященное открытию парламента, впервые ведется на английском языке, что становится постоянной традицией после 1377 года. Петиции к парламенту до 1425 года составляются на французском языке; первое частное завещание на английском языке было датировано 1383 годом, но до 1400 года таких завещаний встречается очень мало. Часто английский, французский и латинский языки совместно используются в документах, как например, при составлении завещаний: Ieo volle que la moneye soit despendu, cestassauoir, to Þe pore Men Þat han ben Men be-fore of god conuersacion…. [Fifty earliest English wills].

В XV в. английский язык вытесняет французский: преподавание в школах, заседания парламента ведутся на английском. Но это уже совсем другой язык: «после того, как французский язык вытеснил английский, древнеанглийские письменные традиции были забыты» [Бруннер, 1955, с. 148].

Авторы энциклопедии по истории английской и американской литературы

выделяют несколько периодов развития литературной традиции в средние века в Англии: ранний период (до 1150 г.), в который наблюдается приостановление английской литературной традиции, и более поздний, для которого характерно масштабное по своему значению преобразование и развитие. С 1150 по 1250 гг. (Early Transition English) происходят значительные перемены во всех сферах общественной жизни, в том числе и развитии языка, и намечаются основные тенденции дальнейших преобразований. Начиная приблизительно с 1300 г. (Later Transition English) все эти тенденции развиваются и укрепляются [The Cambridge history 1907-1921, part VIII, §1].

Сложившаяся языковая ситуация в средние века, как и в древнеанглийский период, диктует нам основной принцип отбора текстов для исследования. Так как основная задача настоящей работы – проследить динамику развития изучаемого явления, наибольший интерес для нас будут представлять, с одной стороны, памятники, которые отражают состояние английского языка начала средних веков, и, с другой стороны, памятники, зафиксировавшие язык второй половины среднеанглийского периода.

Таким образом, с учетом языковой ситуации, сложившейся в средние века в Англии в данной главе для анализа исследуемых явлений (функций, семантики и формы) нефинитных компонентов глагольной парадигмы будут использованы памятники письменности среднеанглийского периода, хронологически относящиеся к первому периоду (Early Transition English) и, вероятно, отражающие бурные изменения (возможно ещё не столь последовательные) языковой системы:

The Peterborough Chronicle (1070 – 1154)

Hali Meiðenhad (1200)

Orrmulum (1200)

Ancrene Wisse (1225)

Sawles Warde (1240)

King Horn (1240-1300).

А также письменные памятники более позднего периода (Later Transition

English), демонстрирующие результаты начавшихся ранее перемен:

Dan Michel’s Ayenbite of Inwyt or Remorse of conscience (1340)

Athelston (1350-1400)

Geoffrey Chaucer A Treatise on The Astrolabe (1391)

The Book of Margery Kempe (1430)

Fifteenth-century courtesy book ... and Two fifteenth-century franciscan rules (1450).

Важно отметить, что общие тенденции того времени – увеличение количества религиозных орденов, расцвет рыцарства и дух романтики, крестовые походы и расширение европейского мировоззрения, которое постепенно привело к эпохе Возрождения – свидетельствовали об интеллектуальном и культурном развитии средневекового общества и нашли свое отражение в литературе того времени. Для бóльшей объективности исследования в каждом периоде материал представлен как прозаическими, так и поэтическими текстами разных жанров и различной стилистическо-функциональной направленности, которые определялись такими основными особенностями философии, культуры и мышления средних веков как религиозность и назидательность, образованность и рыцарство: религиозная литература (религиозные книги, сборники молитв, проповеди, жития), средневековая драма (пьесы, изображающие события из Библии и пьесы о морали), средневековый роман (рыцарская литература, представляющая рыцаря и его приключения), дидактические светские памятники.

3.2 Перераспределение аспектуальных и модальных функций инфинитивов

Формы инфинитива в среднеанглийский период унифицируются, приобретая единую форму, оканчивающуюся на -en, -on. Флективный инфинитив лишается показательной флексии, сохраняя единственный формальный маркер – частицу to. В редких случаях в текстах встречается формально маркированный флективный инфинитив с флексией -enne только от двух глаголов – ben (beonne) и

don (donne).

Стоит сразу подчеркнуть, что формальная унификация характерна не только для инфинитивов, но и для личных форм глагола, а также причастие II.

В ранних среднеанглийских текстах инфинитив без to (нефлективный инфинитив) всегда постпозитивен.

Достаточно часто (приблизительно в 40 % примеров) он располагается в отдалении от смыслового глагола. Причем не только в конструкциях «Accusativus cum Infinitivo», но и в сочетании с претерито-презентными глаголами. Между инфинитивом и глаголом может располагаться подлежащее (пример 1), обстоятельство (пример 2), дополнение (пример 3):

(1) On þis gær **wolde** þe king Stephne **tæcen** Rodbert eorl of Gloucestre
on this year **wish.PST.SG** the King Stephen **take.INF** Robert Earl of Gloucester
'In this year wished the King Stephen to take Robert, Earl of Gloucester' (Peterborough Chr, 1140)

(2) he **sculde** lange **rixan**
he **should.PST.SG** long **reign.INF**
'he should long reign' (Peterborough Chr, 1140)

(3) **mei** an-other of hire fluht **carien**
may.PRS.SG another of her flight **worry.INF**
'another may worry about her flight' (Ancrene Wisse).

Инфинитив без to в ранних среднеанглийских текстах употребляется в конструкции 'V + INF' только после претерито-презентных глаголов (примеры 1-3; Приложение Б примеры 1-4), функционируя как часть глагольного сказуемого.

С другими глаголами, такими как don 'to do' и makien 'to make', с глаголами bede 'to command', finden 'to find', haten 'to ask, to order', seon 'to see' инфинитив используется в конструкции «Accusativus cum Infinitivo» (примеры 4-5; Приложение Б примеры 5-8):

(4) Us hi **dude lede** / Into a galeie
us.ACC they **do.PRS.PL lead.INF** / into a gallery
'They lead us into a gallery' (King Horn)

(5) Warschipe **hat** him **tellen** biuoren hwet he beo ant hweonene he comme
Caution **ask.PRS.SG** him.ACC **tell.INF** before what he is and where he comes
'Wissdom orders him to tell what he is and where he comes' (Sawles Warde)

Нефлективный инфинитив при выполнении своих функций сочетается с прямым и косвенным дополнением (примеры 6, 7), с обстоятельством (пример 8):

(6) te lundenissce folc **hire** wolde **tæcen**
the London people **her.ACC** wish.PST.PL **take.INF**
'the London people wished to take her' (Peterborough Chr, 1140)

(7) ah twa beoth bimong alle thet ich chulle **speoken of** thurh ower **bone**
but two are among all that I will.PRS.SG **speak.INF of** your own **request.GEN.SG**
'but two are among all that I will speak about at your request' (Ancrene Wisse)

(8) micel þing sculde **cumen herefter**
great thing should.PST.SG **come.INF hereafter**
'a great thing should come hereafter' (Peterborough Chr, 1135).

Так как ряд финитных форм совпадает формально с нефлективным инфинитивом, то различить их представляется возможным только по позиции в предложении, см.:

(9) ant te fulitohe wif mei **beon** Wil ihaten
and the ill-disciplined wife may **be.INF** Will called
'and the ill-disciplined wife can be known as Will' (Sawles Warde)
ant rihte us ant reade hwet us beo to donne, ant we **beon** þe warre ant wakere to witen us and guide us
and right us and ready what us is to do, and we **be.PRS.PL** that cautious and alert to defend us and guide us
'and advise us what to do, so that we are cautious and alert to defend ourselves' (Sawles Warde)

(10) hwenne ant hwuch time þe þeof walde **cume** to his hus
when and what time the thief would **come.INF** to his house
'when and at what time the thief would come to his house' (Sawles Warde)

Ich **cume**, he seið, of helle

I **come.PRS.SG**, he says, of hell

‘I come, he says, from the hell’ (Sawles Warde).

Флективный инфинитив всегда постпозитивен. Он стоит сразу после слова, к которому он относится, например, после смыслового глагола (пример 11; Приложение Б пример 9) или после наречия, прилагательного (пример 12; Приложение Б пример 10) или существительного (13), которое он уточняет:

(11) Dauid king of Scotland **toc to uuerrien** him

David King of Scotland **take.PST.SG to war.INF** him

‘David, King of Scotland, took to make war against him’ (Peterborough Chr, 1137)

(12) twa oþer thre men **hadden onoh to bæron**

two or three men **had enough.ADV to bear.INF**

‘two or three men had enough to bear’ (Peterborough Chr, 1137)

(13) al nis bute ase **tole to timbrin**

all is-not but as **tool.SUBST to build.INF**

‘everything is [nothing] but as a tool to build’ (Ancrene Wisse).

Встречаются примеры, однако, в которых инфинитив отделен от глагола, к которому он относится, другими частями речи:

(14) suoren to halden þe king…**suoren þe pais to halden**

swear.PST.PL to observe.INF the king…**swear.PST.PL the peace to keep.INF**

‘swore to observe the king … swore the peace to keep’ (Peterborough Chr, 1140).

Флективный инфинитив может функционировать в качестве дополнения (пример 15; Приложение Б пример 11), обстоятельства (пример 16; Приложение Б пример 12-13):

(15) ant **demde** al hire ofsprung **to leapen** al efter hire to death withuten ende

and decide.PST.PL all her offspring **to leap.INF** all after her to death without end

‘and condemned all her offspring to leap all [together] after her to death without end’ (Ancrene Wisse)

(16) ðat men **lihtede** candles **to æten** bi

that men **light.PST.PL** candles **to eat.INF** by

‘those men lighted candles to eat by’ (Peterborough Chr, 1140).

Чаще всего флективный инфинитив выполняет функцию обстоятельства цели:

(17) the **gath to helpen** wydewen

who **go.PRS.SG to help.INF** widows

‘who goes to help widows’ (Ancrene Wisse).

С глаголом gan, как и в древнеанглийский период, может употребляться и флективный, и нефлективный инфинитивы (особенно широко этот глагол используется в поэме King Horn):

(18) Horn him **gan to agrise**

Horn him **go.PST.SG to terrify.INF**

‘Horn him went to terrify (make him shudder)’ (King Horn)

(19) Armes heo **gan bughe**

arms she **go.PST.SG raise.INF**

‘she began to raise arms’ (King Horn).

Здесь выбор инфинитива однозначно определяется личной формой глагола. Глагол gan в глоссарии к тексту трактуется и как вспомогательный глагол ‘did’, и как смысловой ‘began, went’ [Lumby, McKnight, 1901, p. 161]. Как полнозначный, событийный в значении ‘go, begin’ этот глагол используется с флективным инфинитивом, функционирующим в качестве обстоятельства, а как неполнозначный (несобытийный, непредельный, называющий лишь направление действия, наличие активности) – с нефлективным инфинитивом, являющимся частью глагольного сказуемого.

Флективный инфинитив достаточно часто выполняет функцию уточнения. Инфинитив может уточнять существительное, наречие или прилагательное:

(20) Theos ant thulliche othre beoth alle i freo **wil to don** or **to leten** hwil me wule ant hwen me wule

these and such other are all on free **will.SUBST to do.INF** or **to let.INF** while one wants and when one wants

‘these and other such things are all on free will to do or to stop while one wants and when one wants’ (Ancrene Wisse)

(21) The blake clath alswa, teke the bitacnunge, deth leasse eil to the ehnen ant is thiccre ayein the wind ant **wurse to seon** thurh

The black cloth also, besides the symbolism, does less harm to the eyes and is thicker against the wind and **worse.ADJ to see.INF** through

‘The black cloth also, besides [its] symbolism, does less harm to the eyes and is thicker against the wind and harder to see through’ (Ancrene Wisse).

Во всех примерах инфинитив отвечает на вопросы «что?» или «для чего?» и может быть заменен существительным. Можно сказать, что инфинитив является неким дополнением к прилагательному или существительному.

Функция уточнения проявляется также в конструкции ‘for to infinitive’:

(22) hit is **speatewile forte þenche** þron; & **forte speoken** þrof, ȝet speatewilre

it is **nauseous.ADJ fot-to think.INF** thereon; and **for-to speak.INF** hereof, yet more-nauseous

‘it is nauseous to think thereon, and to speak hereof is yet more nauseous’ (Hali Meiðenhad)

(23) nu is thi **time** / **For to sitte** bi me

Now is the **time.SUBST** / **for to sit**.INF by me

‘Now is the time to sit near me’ (King Horn).

Данная конструкция аналогична простому использованию инфинитива:

(24) The hwite limpeth ariht to hwit meidenhad ant to cleannesse, thet is muche pine **wel for-te halden**… Thus bitacneth hwit cros the warde of hwit chastete, thet is muche pine **wel to biwitene**

The white relates rightly to white maidenhead and to cleanness, that is much pain **well for-to hold.INF**. … Thus symbolizes white cross the protection of white chastity, that is much pain **well to protect.INF**

‘The white [cross] relates rightly to white virginity (lit., maidenhead) and to chastity, which is much pain (or, trouble) to hold well. … Thus the white cross symbolizes the protection of white chastity, which is a great pain (or, hardship) to

protect well’ (Ancrene Wisse).

Инфинитив зафиксирован после глагола «быть» (пример 25; Приложение Б пример 14):

(25) Ah thet **nis** nawt **to seggen**

But that **be-not.PRS.SG** not **to say.INF**

‘But that is not to [be] said’ (Ancrene Wisse).

В подобных примерах нефлективный инфинитив может иметь пассивное значение, но оно наблюдается не всегда. В следующих примерах значение инфинитива явно лишено пассивного оттенка:

(26) Marthe meoster **is to feden** povre ant **schruden**

Martha's job **be.PRS.SG to feed.INF** poor and **clothe.INF**

‘Martha's job is to feed the poor and clothe [them]’ (Ancrene Wisse)

(27) for hire wune **is to cumen** bi stale ferliche ant unmundlunge

for her habit **be.PRS.SG to come.INF** by quietly and suddenly

‘for her habit is to come up quietly all of a sudden’ (Sawles Warde).

Инфинитив с глаголом «быть» получает дополнительное значение обязательности и необходимости, как в следующих примерах:

(28) of þeos **nis** nawt **to speokene**, for ha beoð iscrippet ut of liues writ in heouene

Of these **be-not.PRS.SG** not **to speak.INF**, for they are scratched out of lifes book in heaven

‘About them we must not speak, for they are scratched out of the book of life in heaven’ (Hali Meiðenhad)

(29) ant witen herþurh þe bettere hwet ham **beo to donne**

and know through this better what them **be.INF to do.INF**

‘and understand this way what better they must do’ (Hali Meiðenhad).

Наряду с инфинитивом после глагола ‘to be’ в том же значении употребляется и конструкция ‘for to infinitive’:

(30) Þis is Babilones folc, þet **is** umbe **forte leaden** in to þe worldes þeowdom Syones dohter

This is Babylon’s people, that **is** about **for-to lead.INF** in to world’s service

Zion’s daughter

‘This is the people of Babylon, who is about (wants) to lead in to the service of the world Zion’s daughter’ (Hali Meiðenhad).

Нефлективный инфинитив в нескольких примерах используется в конструкции «Accusativus cum Infinitivo», свойственной в древнеанглийском языке только нефлективному инфинитиву:

(31) thet na thing ne **lette hire to heren** Godes stevene

that no thing not **let.PST.SG her.ACC to hear.INF** God's voice

‘that nothing may hinder her from to hear God's voice’ (Ancrene Wisse).

С глаголом ‘to make’, как видно из примеров, может употребляться и флективный, и нефлективный инфинитивы (примеры 32-33; Приложение Б примеры 15-16):

(32) ant **makied þe to þenchen** hwuch delit were þrin

and **make.PST.PL thee.ACC to think.INF** what delight were herein

‘and make thee to think what a delight there would be herein’ (Hali Meiðenhad)

(33) Alswa of the hali mon thet he **makede cumen** ham for-te dealen his feader feh

Likewise of the holy man that he **make.PST come.INF** home for-to distribute his father's money

‘Likewise [there is the story] of the holy man that he made (or, forced to) come home in order to distribute his father's money’ (Ancrene Wisse).

Однако стоит отметить, что нефлективный инфинитив употребляется при отсутствии указания на субъект действия, выраженного инфинитивом. Это однозначно указывает на то, что при использовании нефлективного инфинитива сочетание ‘V + INF’ рассматривается как единое, целостное действие с одним общим субъектом. Флективный же инфинитив используется при наличии субъекта инфинитивного действия в ACC. Глагол ‘to make’ при этом является событийным, предельным. Ср.:

(34**)** **makieth ham to eotene** with chearitable chere, ant leathieth to herbarhin

make.PRS.SG them.ACC to eat.INF with loving hospitality, and invite to lodge.INF

‘makes them eat with loving hospitality and invite (them) to lodge’ (Ancrene Wisse) – глагол makien ‘make’ функционирует как полнозначный событийный глагол наряду с глаголом laðien ‘invite’.

Именно событийность, предельность глагола определяет использование флективного инфинитива. В следующем примере глагол leten имеет событийное предельное значение ‘prevent’:

(35) ant hwi me schal Jesu Crist luvien, ant hwet binimeth us his luve ant **let** us him **to luvien**

and why we shall Jesus Christ love, and what deprives us his love and **prevent.PRS.SG** us him **to love.INF**

‘and why we shall Christ love and what takes away His love [from] us and prevents us from loving Him’ (Ancrene Wisse).

Что касается примеров из поэмы King Horn, то стоит заметить, что глагол ‘to make’ использовался только в самой поздней версии этого текста. В других версиях употребляются глаголы let и don, после которых стоит нефлективный инфинитив (См. табл. 8).

Таблица 8 – Использование разных глаголов в одинаковых контекстах в различных манускриптах поэмы King Horn

Дата манускрипта			Перевод на современный английский язык
1260 г.	1290 г.	1314-1320 гг.	
Let belles ringe, / And Masses **let** singe	Bellen he **dide** ryngen, / And prestes messe syngen	He **made** belle rynge / ant prestes masse synge	He **made** bell ring and priests mass sing
His folk he **dude** abide	Hys folc he **dide** abyde	His folk he **made** abyde	he **made** his people wait
Strong castel he **let** sette	A kastel he **dude** feste	Castel he **made** sette	He **made** a castle to build

Примеры таблицы 8 подтверждают вывод о том, что глагол ‘to make’ может функционировать как непредельный, несовершенный, схожий по значению с другими непредельными глаголами и употребляться с нефлективным инфинитивом.

Сочетается флективный инфинитив с прямым (пример 36) и косвенным дополнением (пример 37), с обстоятельствами (пример 38), с определением или другим существительным (при выполнении функции уточнения) (пример 39):

(36) ant buheth, as **to beoden cos**
and bend as **to offer.INF a kiss.ACC**
‘and bends as if to offer a kiss’ (Ancrene Wisse)

(37) hu we ahen wearliche **to biwiten** us seoluen **wið þe unwiht** of helle
‘how we ought warily **to defend.INF** us selves **with the evil-creature.IND.OBJ** of hell’ (Sawles Warde)

(38) **forte keasten** hit **adun**, & **drahen into þeowdom** þet stons se hehe þerin
forto cast.INF it **adown.ADV**, and **draw.INF into servitude.ADV.MODIFIER** the maiden that stands so high therein
‘to cast it adown, and draw into servitude the maiden that stands so high therein’(Hali Meiðenhad)

(39) For heo nes neaver **wurthe for-te beon** his thuften
For she was-not never **worthy.ADJ for-to be.INF** his servant
‘For she was never worthy to be his servant’ (Ancrene Wisse).

Как показало исследование, в ранних среднеанглийских текстах функции инфинитивов практически не пересекаются, как и в древнеанглийский период. Они находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, характерных для вариантов одной единицы. При этом нефлективный инфинитив выполняет аспектуальную функцию, а флективный инфинитив часто характеризуется модальным значением.

Перейдем ко второй группе текстов – более поздних, написанных в XIV и XV веках.

Нефлективный инфинитив всегда постпозитивен, употребляется после претерито-презентных глаголов (пример 40; Приложение Б примеры 17-18):

(40) Yef þou wylt / ine þise manere / recordy þi lif: **þou sselt ysi** þet þou hest / more ziþe y-zeneȝd / ine zuyche manere / of prede / þet is ycleped / onworþnesse: þet þou / ne **kanst naȝt telle**
If thou will / in this manner / record thy life: thou **shall.PRS see.INF** that thou hast / more times sinned / in such manner / of pride / that is called / contempt: that thou / ne **canst.PRS not tell.INF**

‘If you will in this manner call to mind your life, you shall see that you has sinned more times in such kind of pride as is called contempt than you can not reckon’ (Ayenbite of Inwyt).

Как видно из примеров, инфинитив может позиционно располагаться как вместе с глаголом, так и в отдалении:

(41) so **may** the latitude or the declinacion of any body celestial, saue only of the sonne, after his site north or south, & after the quantite of his declinacioun, **be** rekned fro the Ecliptik lyne

so **may.PRS** the latitude or the declination of any body celestial, save only of the sun, after his site north or south, & after the quantity of his declination, **be.INF** reckoned from the Ecliptic line

‘so may the latitude or the declination of any body celestial, except the sun, after his site north or south, & after the quantity of his declination, be reckoned from the Ecliptic line’ (A Treatise on The Astrolabe).

В большинстве примеров (приблизительно в 80 %) инфинитив употребляется непосредственно после глагола, а среди оставшихся примеров между инфинитивом и глаголом чаще всего стоит отрицательная частица или подлежащее.

Нефлективный инфинитив может сочетаться с дополнением (пример 42; Приложение Б пример 19) и обстоятельством (пример 43; Приложение Б пример 20):

(42) þen let **bryng a basyn**

then let.PRS **bring.INF a basin.ACC**

‘then let bring a basin’ (Fifteenth-century courtesy book)

(43) and may **wel wende** / to zenne dyadliche

and may.PRS **well.ADV turn.INF** / to sin deadly

‘may well turn to deadly sin’ (Ayenbite of Inwyt).

По форме нефлективный инфинитив совпадает с рядом личных форм, и их идентификация возможна только в сопоставлении с функциями современных эквивалентов и предположении о том, что данная форма могла или не могла бы

употребляться в этой функции:

(44) zuo god me helpe oþer zuo god me **loky**

so good man help or so good man **look.PRS.SG**

‘so good one help or so good one keep’ (Ayenbite of Inwyt)

An þeruore / me ssel hine **loky**

And therefore / man shall him **look.INF**

‘And therefore one shall beware’ (Ayenbite of Inwyt)

And ine þe stede / of þe sabat / þet wes straytliche y-loked / in þe yalde laȝe: zet holi cherche / þane sonday / **to loky** / ine þe newe laȝe

And instead / of the Sabbath / that was strictly kept / in the old law: set holy Church / the Sunday / **to look.INF** in the new law

‘And instead of the Sabbath, which was strictly kept in the old law, holy Church sets the Sunday to be kept in the new law’ (Ayenbite of Inwyt).

Как уже упоминалось, инфинитив часто формально совпадает и с причастием прошедшего времени. Сравним:

(45) yemen of þe chambre in his absence haue **take** vpe logyng for his lorde

retainer of the chamber in his absence have **take.PST.PART** up lodging for his lord

‘the retainer of the chamber in his absence kept lodging for his lord’ (Fifteenth-century courtesy book)

þe amener shall **take** of euery standarde or grete mete

the servant shall **take.INF** of every standard or great course

‘the servant shall take away all standard or great course’ (Fifteenth-century courtesy book)

(46) Thys creatur had **etyn** no flesch ne **drunkyn** no wyn

This creature had **eat.PST.PART** no meet nor **drink.PST.PART** no wine

‘This creature had not eaten meet or drunk wine’ (Margery Kempe)

schulde bothyn **etyn** flesch and **drynkyn** wyn

should both **eat.INF** meet and **drink.INF** wine

‘should both eat meet and drink wine’ (Margery Kempe).

Иногда даже представляется невозможным определить нефинитную форму:

(47) sche schuld don hem **wryten** and makyn a booke of hyr felyngys and hir revelacyons

she should do.INF them **write.INF/PST.PART** and make.INF a book of her feelings and her revelations

‘She should do/make them write (written) and make a book of her feelings and revelations’ (Margery Kempe).

Не ясно даже по контексту, что имеется в виду: сделать в письменном виде или заставить написать.

Однако далее мы, скорее, видим инфинитив, а не причастие: erthan sche dede any wryten ‘before she committed anyone to write’, так как причастие прошедшего времени вряд ли может быть употреблено с одушевленным объектом причастного действия, о котором идет речь в тексте.

Следовательно, можно сделать вывод, что функции конкретной формы определяются только позицией в предложении, исходя только из современных представлений о позиции определенной формы, например:

(48) and euer yef þat þe esstate þat ye serue **stonde**, þen aftur youre obeysance ye may **stonde**

and ever if that the person that you serve **stand.PRS.SG**, then after your obedience you may **stand.INF**

‘and always when the person you are serving to is standing to show your obedience you may stand’ (Fifteenth-century courtesy book).

В поздних среднеанглийских текстах нефлективный инфинитив употребляется только в конструкции «сложное дополнение» после немногочисленных глаголов: bidden ‘to ask’, haten ‘to order’, leten ‘to let, permit’, maken ‘to make’ и после претерито-презентных глаголов как часть глагольного сказуемого:

(49) and him-zelf / efter his beringe / ine his spelle / **het hise healde** / and **loki** / to ech man / þet wile by y-borȝe

and himself / after his burial / in his story / **command.PST.SG them.ACC**

hold.INF/ and **look.INF**/ to each men / that will be saved

‘and himself after his burial in his story commanded to keep and observe them to each men that will be saved’ (Ayenbite of Inwyt)

(50) **bad hym do**

ask.PST him.ACC do

‘Asked him to do’ (Margery Kempe)

(51) **Lat hym** to the fyr **gon**

let.PRS him.ACC to the fire **go.INF**

‘let him go to the fire’ (Athelston).

Однако необходимо указать, что после этих же глаголов может употребляться и флективный инфинитив. Сравним:

(52) Ydeleblisse: is þe grete wynd / þet þrauþ doun / þe greate tours / and þe heȝe steples / and þe greate beches / ine wodes / þrauþ to grounde. An þe greate **helles / makeþ to resye**

Idlebliss: is the great wind / that throws down / the great towers / and the high steeples / and the great beeches / in woods / throws to the ground. And the great **hills.ACC / make.PRS.SG to quake.INF**

‘Idle bliss is the great wind that throws down the great towers and the high steeples, and throws to the ground the great beeches in woods, and makes the great hills to quake’(Ayenbite of Inwyt)

(53) Þet is þe armure þet þe apostel zainte paul **het to nime** ine þise viȝtinge

that is the weapons that the apostle saint Paul **command.PST.SG to take.INF** in this fight

‘that is the weapons that the apostle saint Paul commanded to take in this fight’ (Ayenbite of Inwyt).

В поэме Athelston часто встречаются сочетания нефлективного инфинитива с глаголом ginnen «to begin»:

(54) By a forest **gan** they **mete**

by a forest **go.PST.PL** they **meet.INF**

‘near a forest did they meet’

(55) And offtensythe he **gan** hem **calle**

and oftentimes he **begin.PST.PL** them **call.INF**

‘and oftentimes he did them call’.

Впрочем, этот глагол в ряде форм не отличим от глагола gan ‘to go’ (gan.INF/PST от gan и gan.PST.SG от ginnen). Стоит подчеркнуть также, что в древнеанглийский период бесприставочный вариант ginnan вообще не употреблялся. Исследование показало, что этот глагол в сочетании с нефлективным инфинитивом не является полнозначным, событийным. Это подтверждается и примерами, в которых глагол ‘ginnen’ сочетается с глаголами beginnen ‘to begin’ и wenden ‘to go’:

(56) False lesyngys he **gan begynne**

false lies he **begin.PST.SG begin.INF**

‘he began to tell lies’

(57) He takes hys leve, to Dovere **gan wende**

He takes his leave, to Dovere he **begin.PST.SG go.INF**

‘He takes his leave and to Dovere he began to go’

(58) But into chaumbyr they **gunne wende**

but into chamber they **begin.PST.PL go.INF**

‘but into the chamber did they go’ (Athelston).

К тому же этот же глагол может употребляться и с флективным инфинитивом:

(59) The wers him **gan to spede**

The worse him **begin.PST.SG to happen.INF**

‘The worse things began to happen with him’ (Athelston)

(60) Ful lowde the countasse **gan to crye**

full loudly the countess **begin.PST.SG to cry**

‘the countess began to cry aloud’ (Athelston).

В этих примерах глагол ginnen несет полносмысловую нагрузку, является предельным.

В отличие от поэмы Athelston в тексте книги Margery Kempe глагол ginnen

‘to begin’ является предельным и всегда употребляется с флективным инфинитивом:

(61) sche **gan to brewyn** and was on of the grettest brewers

She **begin.PST.SG to brew.INF** and was one of the greatest brewers

‘She began to brew (ale) and became one of the greatest brewers’.

Можно утверждать, что нефлективный инфинитив является частью глагольного сказуемого, а флективный инфинитив – дополнением после событийных предельных глаголов.

Нефлективный инфинитив часто употребляется после глагола don ‘to do’, который также не является предельным:

(62) the bysschop **dede say**

the bishop **do.PST.SG say.INF**

‘the bishop said’ (Athelston)

(63) That evere on grounde **dede gange**

that every on ground **do.PST.SG go.INF**

‘every went on ground’ (Athelston).

Глагол don ‘to do’ и ему подобные В. Я. Плоткин назвал эврисемичными, подразумевая указание на участие полнозначных событийных глаголов в выражении служебных функций [Плоткин, 1989, с. 205].

Вопрос эврисемичного употребления глагола do широко исследован в литературе [Davis, 1972; Denison, 1985; Engblom, 1938; Ellegård, 1953; Mustanoja, 2016; Stein, 1990; Tieken-Boon van Ostade, 1998; Ziegeler, 2006]. Речь идет об употреблении глагола do в утвердительных предложениях, которое зафиксировано в среднеанглийском языке примерно в XIII веке и исчезло к началу XVIII века [Stein, 1990, p. 12]. В современном английском языке этот глагол в перифрастическом использовании имеет лишь функцию усиления значения [Nevalainen, 1986].

В. Энглом [Engblom, 1938, p. 79] утверждал, что употребление do соответствовало потребностями поэтической рифмы и использовалось для того, чтобы полнозначный глагол стоял в конце строки стиха.

Другие ученые видели в этом влияние кельтских языков, имеющих подобные перифрастические конструкции [Poussa, 1990], или французского языка, в котором подобным образом употребляется глагол faire [Rissanen, 1991, p. 334].

Э. Трауготт в ранних своих работах высказывала предположение о функционировании do в функции сослагательного наклонения, когда маркер do использовался как показатель соответствия высказывания действительности [Traugott, 1972, p. 139].

Однако чаще всего do рассматривается в среднеанглийском языке как маркер аспектуальности. Спорным и нерешенным остается вопрос о том, какой вид аспектуальности выражает данный маркер.

П. Хоппер и Э. Трауготт отмечают в значении do указание на завершение действия, а не на прошедшее событие или на мотивацию [Hopper, Traugott, 2003, p. 95]. Под завершением действия авторы понимают грамматическую завершённость, то есть завершенность, выражаемую грамматическим способом, а не имплицируемую семантикой глагола (значение совершенного вида).

И. Михаэль рассматривает противопоставление форм инфинитива с did и форм личного глагола прошедшего времени как противопоставление ‘imperfect – aorist, perfect’ [Michael, 2010, p. 399]. В этом случае получается, что форма с инфинитивом функционально дублирует форму глагола «быть» в прошедшем времени с причастием I. К тому же данный подход не объясняет употребление do в настоящем времени.

Д. Дэнисон называет do показателем совершенного вида (лексической завершенности) – a marker of perfective Aktionsart or lexical perfectivity – на основании того, что, как он отмечает, do в основном используется с нестативными инфинитивами [Denison, 1985].

В. Энгблом приводит пример из Писем семьи Пастон: First, I did write to his maistership a litill booke of Pheesyk, for which I had paide by Sir Thomas Leevys in Westminster... Item, I wrote viij. of the Witnessis in parchement, but aftir xiijd a peece, for which I was paide of Sir Thomas... And also wrote the same tyme... Item, I did write

to quairs of papir of witnessis [Engblom, 1938, p. 101]. Мы видим, что глагол do сопровождает глагол write и указывает на его аспектуальность (предельность). На русский язык такие примеры можно перевести, как «писал – написал».

В современном английском языке маркер do сохраняет свое аспектуальное значение в ряде диалектов и имеет значение повторяющегося действия (habitual action), особенно в прошедшем времени, а также значение потенциальной модальности (irrealis modality) [Klemola, 1998, p. 51].

На наш взгляд, речь стоит вести об аспектуальных функциях не отдельного глагола, а сочетания глагола с нефлективным инфинитивом.

Бесспорно, что в среднеанглийский период значение конструкции ‘do + INF’ отличается от значения личной формы глагола, внося некое уточнение в описание способа существования действия. Но глагол ‘do’ – это не единственный глагол, с которым употребляется нефлективный инфинитив в функции части глагольного сказуемого в среднеанглийский период. И если в конце среднеанглийского периода список подобных глаголов совсем немногочисленный (do, begin, go), то в древнеанглийском языке их количество было весьма значительно (проще говорить о том, что нефлективный инфинитив употребляется со всеми глаголами, являющимися непредельными, чем перечислять их).

Следует действительно отметить, что конструкция ‘V(do) + INF’ выражает изменение способа глагольного действия, то есть предельность, а не указывает на завершенность действия, что нехарактерно для действия в настоящем времени. Значение предельности, следовательно, выражается не глаголом в личной форме, а его сочетанием с инфинитивом.

С глаголом don ‘to do’ нефлективный инфинитив может использоваться и в конструкции «сложное дополнение»:

(64) how he schuld **don this hors drawyn**

how he should **do this horse.ACC draw.INF**

‘how he should make this horse to draw’ (Margery Kempe)

(65) I wyl not **don hir etyn** flesch

I will not **do her.ACC eat.INF** meat

‘I will not order her to eat meat’ (Margery Kempe).

Однако, как и в примерах с ginnen, с глаголом don может использоваться и флективный инфинитив:

(66) I **doo thee to undyrstande**

I **do you.ACC to understand.INF**

‘I ask you to understand’ (Athelston).

Семантические критерии выбора инфинитива в среднеанглийский период приведены в таблице 9.

Анализ примеров показал, что нефлективный инфинитив вместе с финитным глаголом обозначают единое целостное действие или событие, на которое субъект предложения оказывает непосредственное влияние. Флективный же инфинитив и финитный глагол называют два абсолютно разных действия. При этом субъект действия, названного финитным глаголом, оказывает лишь опосредованное воздействие на результат действия, выраженного флективным инфинитивом.

Таблица 9 – Семантические критерии выбора инфинитива в среднеанглийский период

Стоит особо подчеркнуть важность представления о действии, названном сочетанием глагола в личной форме и одной из форм инфинитива, как о

целостном или разобщенном. Если говорящий воспринимает действие как единое, то после финитного глагола употребляется нефлективный инфинитив, а финитный глагол является несобытийным, непредельным. Если же оба действия семантически равноценны, то используется флективный инфинитив. В примерах с глаголами make и do в значении «активности» они могут трактоваться как ‘делать, убеждать’ в противоположность полнозначному событийному значению ‘заставлять’. Данное наблюдение подтверждается и примерами употребления нефлективного инфинитива с претерито-презентными глаголами, которые по своей семантике лишены способности называть событийные действия, являясь глаголами состояния в чистом виде.

Флективный инфинитив всегда постпозитивен, при этом количество примеров, в которых инфинитив стоит в отдалении от глагола, увеличивается по сравнению с текстами первого периода.

Достаточно часто флективный инфинитив употребляется после глагола «быть»:

(67) þet **is to zigge**

that **be.PRS.SG to say.INF**

‘that is to say’ (Ayenbite of Inwyt)

В этих примерах конструкция ‘be + INF’ имеет значение долженствования – надо говорить так.

В ряде примеров конструкция имеет значение долженствования с пассивным оттенком или указывает на действие, которое должно произойти в будущем:

(68) and zayþ him sclondres / þet ne **byeþ** naȝt **to zigge**

and says him slanders / that no be.PRS.SG not to say.INF

‘and says slanders about him that are not to be said’ (Ayenbite of Inwyt)

(69) how manye howres of the clokke ben passed, or any part of any of thise howris þat ben passed, or elles how many howres or partie of howres **ben to come**

how many hours of the clock were passed, or any part of any of these hours that was passed, or also how many hours or parts of hours **be.PRS.PL to come.INF**

‘how many hours of the clock were passed, or any part of any of these hours that was passed, or also how many hours or parts of hours are to come’ (A Treatise on The Astrolabe).

Глагол «быть» в подобных примерах употребляется не как служебный асемантичный глагол-связка, а как полнозначный событийный глагол, после которого флективный инфинитив функционирует в качестве дополнения.

Инфинитив также функционирует как дополнение к другим глаголам (пример 70; Приложение Б примеры 21-22):

(70) Þis heste ous **uorbyet** / **to nimene** / and of-hyealde / oþre manne þing
This behest us **forbid.PRS.SG** / **to take.INF** / and withhold / other men’s things
‘This behest forbids us to take and withhold other men’s things’ (Ayenbite of Inwyt).

Флективный инфинитив может выполнять функцию уточнения (дополнения) к существительным, прилагательным (примеры 71-72; Приложение Б примеры 23-24):

(71) My lord the kyng wolde be ful **woo** / **To lese** swylk a man
My Lord the king would be **sorrowful.ADJ** / **to lose.INF** such a man
‘My Lord the king would be sorrowful to lose such a man’ (Athelston)

(72) thine **abilite to lerne** sciencez
your **ability.SUBST to learn.INF** sciences
‘your ability to learn sciences’ (A Treatise on The Astrolabe).

Флективный инфинитив используется с глаголом gar ‘to cause, make’, а также после глагола make и ряда других глаголов в конструкции «сложное дополнение» (примеры 73-74; Приложение Б примеры 25-26):

(73) That **garte hem** there **to dwelle**
It **make.PST.SG them.ACC** there **to dwell.INF**
‘It made them there to dwell’ (Athelston)

(74) Thei **madyn hir to syttyn** at the tabelys ende
They **make.PST.PL her.ACC to sit.INF** at the table’s end
‘They made her sit at the table’s end’ (Margery Kempe).

Инфинитив может выполнять функцию обстоятельства (цели), часто в сочетании с for (примеры 75-76; Приложение Б пример 27):

(75) set gromes and pages **to serue** þem

set.PST.SG servants and pages **to serve.INF** them

‘set servants and pages to serve them’ (Fifteenth-century courtesy book)

(76) And he dede it **for to preve** hir what sche wold do

And he do.PST.SG it **for to prove.INF** her what she would do

‘And he did it to prove her what she would do’ (Margery Kempe).

Причем флективный инфинитив используется с предлогом for не только в качестве обстоятельства цели, но и при выполнении других функций, например, дополнения (пример 77), уточнения (пример 78; Приложение Б пример 28):

(77) Madame, it is nerhande passyd prime, / And me behoves al **for to dyne**

Madam, it is nearly past six a.m, / and me behove.PRS.SG all **for to dine.INF**

‘Madam it is nearly past six a.m and it behoves me to dine’ (Athelston)

(78) So it was unable **for to be** red

So it was unable.ADJ **for to be.INF** read

‘So it was not suitable for reading’ (Margery Kempe).

В тексте правил этикета XV века встречаются многочисленные примеры самостоятельного употребления флективного инфинитива (пример 78; Приложение Б примеры 29-30):

(79) All esquyres þen awaytynge to put in broken bred and trenchors or oþer mete, and þen þe amesse dyshe **to be** take away wyth a salutacoun

All esquires then waiting to put in broken bread and trenchers or other mete, and then the messy dishes **to be.INF** take away with a salutation

‘All esquires are waiting to put broken bread other food in trenchers or, and then the dishes should be taken away with a salutation’ (Fifteenth-century courtesy book).

Подобное использование инфинитива, по мнению Т. Ф. Мустанойи, наблюдается в среднеанглийский период и именуется историческим инфинитивом. В латинском языке в этой функции форма инфинитива настоящего

времени использовалась вместо глагола в прошедшем времени (imperfectum indicativi) с целью оживления повествования (infinitivus historicus) [Mustanoja, 2016, p. 538-539]. В нашем исследовании подобное явление встречается лишь в одном тексте, при этом содержательная сторона данного текста не позволяет утверждать, что инфинитив используется для усиления эмоциональности повествования, к тому же действия, обозначенные инфинитивами, не относятся к прошлому. Флективный инфинитив в приведенных примерах имеет явно выраженное модальное значение долженствования: должен (будет) передать, должен положить, должны быть удвоены и т. д. Инфинитив в подобных примерах приравнивается синтаксически по функциям к личной форме глагола, наглядно сочетая в себе значения предельности и модальности.

Сравним функции инфинитивов в древнеанглийских и среднеанглийских текстах. Наше исследование продемонстрировало, что изменению подвергается позиция инфинитивов в предложении, их функции и, следовательно, валентность. У нефлективного инфинитива остается только глагольная валентность, в то время как флективный инфинитив расширяет свою валентность, добавляя к глагольной, субстантивную, атрибутивную и адвербиальную. Положение инфинитива в среднеанглийский период становится фиксированным (постпозиция), нефлективный инфинитив позиционно все чаще располагается непосредственно после личного глагола.

В процессе исследования установлено, что функции нефлективного инфинитива значительно сокращаются, а флективный инфинитив, наоборот, расширяет свой функционал, в ряде случаев перенимая на себя функции нефлективного инфинитива.

И нефлективный, и флективный инфинитивы могут употребляться в одинаковых синтаксических условиях: после ряда глаголов (do, begin) и в конструкции «сложное дополнение», которая оказывается единственной областью функционального пересечения инфинитивов, так как с финитным глаголом инфинитивы выполняют абсолютно разные функции: после непредельного глагола инфинитив является частью сказуемого, после предельного –

дополнением (обстоятельством).

Основные направления и особенности преобразования функционально-семантического статуса инфинитивов в среднеанглийский период заключаются в следующем.

Нефлективный инфинитив, как, впрочем, и в древнеанглийский период, используется в том случае, если действие, выражаемое личной формой глагола и инфинитивом, мыслятся как одно целое. В этом случае нефлективный инфинитив, объединяясь с ослабленным с точки зрения событийности первым глагольным элементом, образует подобие аналитической конструкции. Инфинитив при этом содержит в своей семантике указание на предел действия, а личная форма непредельного глагола, чаще всего в среднеанглийский период ею является форма претерито-презентного глагола, который превращается постепенно в этот период в модальный, выражает модальное значение. Как показало исследование, конструкция нефлективного инфинитива с личной формой претерито-презентных глаголов достаточно отчетливо проявляет признаки аналитичности. Рассмотрим их более подробно.

А. В. Аверина, анализируя образования с семантикой предположения в немецком языке с точки зрения их аналитичности, приходит к выводу, что к аналитическим конструкциям могут относиться конструкции с высокой степенью грамматикализации вспомогательных элементов [Аверина, 2009]. В качестве критериев, позволяющих судить о степени грамматикализации, А. В. Аверина выделяет следующие: обобщенное значение вспомогательного слова; изменение семантики слова; отсутствие ряда парадигматических форм. При этом показателем предельной грамматикализации может считаться полная утрата лексического значения. Переходным явлением к становлению аналитической конструкции могут быть отнесены сочетания аналитического типа, характеризующиеся меньшей грамматической связностью, неполной грамматикализацией вспомогательного элемента, который выступает не как служебный, а как полуслужебный компонент, а само значение конструкции можно определить только по экзоконтексту.

К. Леманн выделяет ряд критериев грамматикализации [Lehmann Chr, 2002, p. 108-153], в основе которых лежит понятие автономности (самостоятельности), обратно пропорциональное понятию грамматикализация. В концепте самостоятельности языкового знака К. Леманн обращает внимание на три важных аспекта: во-первых, чтобы быть самостоятельным, знак должен иметь определенный вес (значимость), свойство, которое делает его отличным от членов его класса и наделяет его выдающимся положением в синтагме (weight). Во-вторых, самостоятельность сокращается систематическим вхождением языкового знака в определенные отношения с другими знаками (cohesion). В-третьих, большая самостоятельность языкового знака определяется его большей степенью изменчивости (variability).

Значимость (вес) знака рассматривается парадигматически как его целостность – семантическая и фонетическая. С синтагматической точки зрения, это его структурное гнездо, то есть конструкции, в которые он входит. Отношения знака с другими знаками в парадигме будет называться его парадигматичностью, то есть степенью его интегрированности в парадигму, его зависимостью от нее. Отношение знака с другими знаками в синтагме будет называться его связанностью, то есть зависимостью знака от других элементов синтагмы.

Парадигматическая изменчивость знака – это возможность использовать другие знаки вместо указанного или вообще его пропустить. Синтагматическая изменчивость знака – это допустимость изменения места знака в рамках одной конструкции.

Таким образом, учитывая взаимосвязь самостоятельности языкового знака и грамматикализации, можно сделать вывод, что основными критериями грамматикализации будут следующие:

- Снижение семантической целостности знака – десемантизация; снижение фонологической целостности – фонетическая редукция.

- Снижение структурного уровня конструкции, в которой употребляется языковой знак.

- Ограничение размера парадигмы, в которую входит языковой знак, увеличение степени ее однородности (сходства между элементами парадигмы и регулярность различий между ними).

- Уменьшение парадигматической изменчивости – отсутствие свободы выбора знака.

- Увеличение связанности, зависимости знака от других элементов синтагмы.

- Уменьшение позиционной изменчивости знака (фиксация его синтаксического положения).

На исходе среднеанглийского периода сочетание нефлективного инфинитива с непредельными глаголами (в основном претерито-презентными, которые постепенно приобретают подлинное модальное значение) достаточно отчетливо демонстрирует признаки аналитичности. Грамматическое значение конструкции ‘V + INF’ представляется уже не как сумма грамматических значений отдельных компонентов сочетания, то есть отдельное аспектуальное значение предельности инфинитива и модальная семантика, присущая претерито-презентному глаголу, а как значение базовой модальности, в которой семантика «направление деятельности (отношение говорящего)» личной формы глагола сочетается с указанием формой инфинитива на предел этой активности в виде называния действия, к которому это отношение выражается. Нефлективный инфинитив используется в среднеанглийский период только в сочетании с явными непредельными глаголами: претерито-презентными глаголами или подобными им, что однозначно свидетельствует о предсказуемости и регулярности образования исследуемого сочетания, его цельнооформленности и неразложимости, при которых замена одного из компонентов ведет к полному разрушению данной конструкции.

Одним из признаков аналитичности считается обязательное вхождение аналитической формы в парадигму синтетических форм [Гухман 1955, с. 338-359; Смирницкий, 1956, с. 41-52]. В нашем случае можно говорить о противопоставлении сочетания непредельного глагола с инфинитивом всем

личным формам глагола по признаку предельности и модальности.

Флективный инфинитив становится весьма самодостаточным элементом, семантически и грамматически сходным с личным глаголом. В предыдущей главе был сделан вывод о наличии в древнеанглийский период разных вариантов одной формы инфинитива – нефлективного и флективного (имеющего дополнительное значение). Как известно, для определения вариантов инварианта обязательно наличие функциональной общности и обусловленной ею одинаковости грамматического значения. В. М. Солнцев указывает, что при варьировании единиц изменяются их свойства (материальные, физические), а функции и противопоставления, в которые они входят в данной языковой системе, остаются неизменными. Изменение функциональных свойств и парадигматической сочетаемости приводит к возникновению новой единицы [Солнцев, 1984, с. 39]. Таким образом, в среднеанглийский период отмечается наличие двух инфинитивов – флективного и нефлективного.

Нефлективный инфинитив, сочетаясь в древнеанглийский период с широким классом непредельных глаголов, указывал на предельность действия, выражаемого сочетанием ‘V + INF’.

Если принять во внимание схему, предложенную В. Абрахамом [Abraham, 2008, p. 7], в которой предельные глаголы представлены на рисунке (а) и имеют двухфазную структуру, сочетая в себе фазу направления (approach phase) и фазу результативности (resultative phase), а непредельные глаголы отражены на рисунке (б) и имеют лишь одну фазу состояния или активности, то конструкция ‘V + INF’ в древнеанглийском языке будет четко соответствовать рисунку (а), в котором фаза I>>>>I представлена личной формой глагола, а фаза I-------I – нефлективным инфинитивом с явно выраженным конечным элементом -an.

(а) I>>>>>>>>>I----------I

(б) I~~~~~~~~~~~~~~~~~~~~I

В среднеанглийский период количество глаголов, с которыми употребляется нефлективный инфинитив, существенно сокращается. Можно сказать, что инфинитив утрачивает свою аспектуальную функцию. Это связано с

рядом моментов:

1. Отсутствие формальных признаков у нефлективного инфинитива (смешение личных, инфинитивных и причастных форм).

В среднеанглийский период происходит упрощение флексий, следовательно, падежные отношения начинают выражаться на уровне синтаксиса. Лишенная морфологических показателей падежная форма существительного (ACC), как и не маркированный нефлективный инфинитив, не могут больше быть формальными маркерами предельности личного глагола. При формальном совпадении форм и отсутствии падежных флексий инфинитив мог бы рассматриваться, допустим, как личная форма глагола прошедшего или настоящего времени, не нуждающаяся, с точки зрения говорящего, в выражении предельности / непредельности.: by a forest gan they mete ‘near a forest did they meet’ –у леса они ходили и встретились (mete.INF / PST), а не как маркер предельности личной формы глагола.

Для выражения предельности необходимы новые средства. Начиная со среднеанглийского периода распространяется использование иных способов выражения предельности / непредельности, к которым можно отнести, например, лексические средства, артикли [Leiss, 2000]: совр.англ. he is singing a song – he is singing five songs; употребления глагольных частиц в составе фразовых глаголов (совр.англ. take – брать take out – вынимать). Так И. Г. Кошевая отмечает, что именно послелоги становятся показателями категории предельности в современном английском языке, которая занимает промежуточное положение между способом действием и видом и выступает в роли ограничителя глагольного действия во времени и пространстве [Кошевая, 2008, с. 138]. На функционирование артиклей в артиклевых языка (в современном английском языке) в качестве одного из средств выражения предельности / непредельности указывают многие авторы [Fleischhauer, 2019; Verkuyl, 1996; Abraham, 1997; Leiss, 2000; MacDonald, 2010].

2. Появление в языке значительного числа заимствованных глаголов, в которых отсутствуют морфологические или семантические указатели

предельности / непредельности. Если в древнеанглийском языке нефлективный инфинитив употреблялся только после непредельных глаголов, аспектуальность которых выражалось в форме глагола и его семантике, то заимствованная лексика была лишена показателей аспектуального значения. С нефлективным инфинитивом употребляются только те глаголы, непредельность которых бесспорна. Они были непредельными и в древнеанглийский период. В современном английском языке с нефлективным инфинитивом употребляются только исконно английские непредельные, переходные глаголы.

Флективный инфинитив сочетался в древнеанглийский период только с событийными предельными глаголами, называя дополнительные полноценные завершенные действия, часто привнося оценочное или рекомендательное значение. Свои функции флективный инфинитив сохраняет. Однако, наряду с этими функциями, он начинает использоваться в конструкции «сложное дополнение». Данная конструкция наиболее показательна в плане изменения функций инфинитивов. В этой конструкции в древнеанглийский период использовался только нефлективный инфинитив после широкого круга глаголов, к которым относились не только глаголы восприятия, но и приказания, просьбы и т.д. В среднеанглийский период список глаголов значительно сокращается.

В древнеанглийский период нефлективный инфинитив представлялся как маркер предельности, и действие, обозначенное сочетанием ‘V + INF’ мыслилось как единое целое, в том числе и в указанной конструкции.

В среднеанглийский период в эту конструкцию вписывается постепенно флективный инфинитив. Рассмотрим, по каким причинам произошло подобное изменение, и почему нефлективный инфинитив перестал удовлетворять потребностям данного языкового образования.

Изменения могли быть вызваны преобразованиями всех элементов конструкции: нефлективного инфинитива, личного глагола, субъектов глагольного и инфинитивного действий.

Что касается первого элемента, то он, как отмечалось, становится формально не выразительным. Отсутствие падежных флексий (ACC) у субъекта

инфинитивного действия, следовательно, не позволяло четко различать субъекты действий. Формы личного глагола и инфинитива также не различались формально: þe see he seh flowe ‘The see he saw flow’ (King Horn 1099) возможно было трактовать как ‘он смотрел, море текло’. Вероятно, в этой ситуации появилась необходимость нового средства выражения предела. Им стала частица to, которая, по ряду возможных причин, среди которых употребление в древнеанглийском языке с одной из форм инфинитива, который выражал предельность, или использование флективного инфинитива только с предельными событийными глаголами, ассоциировалась именно с предельностью, совершенностью и событийностью, и осталась единственным формальным показателем инфинитива.

Значительным образом изменился и сам личный глагол. Это проявляется как в количественных, так и в качественных характеристиках, наглядно продемонстрированных в приведенных таблицах. Таблица 10 составлена по результатам анализа двух работ– работ Чоссера и Писем семьи Пастон и [A Chaucer Glossary; Paston letters and papers of the fifteenth century].

Таблица 10 – Глаголы, после которых употребляется нефлективный инфинитив в среднеанглийских текстах

Глагол	Количество зафиксированных примеров	
	A Chaucer Glossary	Paston letters
bidden	50	23
bisechen	2	-
conseilen	1	-
coveten	1	-
desiren	3	-
don	119	71
felen	20	-
granten	2	-
heren	102	36
helpen	3	-
hopen	1	-
kepen	7	-
leten	460	275
leven	5	-
maken	126	1
menen	2	-
neden	22	1
peynen	1	-
preyen	5	-
seen	97	3
suffren	16	-
techen	3	-
thinken	6	-
usen	1	-
wenen	24	1

В древнеанглийский период количество глаголов, с которыми в конструкции «сложное дополнение» употреблялся нефлективный инфинитив было существенно больше. Если взять список наиболее частотных при выполнении данной функции глаголов древнеанглийского периода и проследить их употребление в среднеанглийских текстах XII-XIV вв. (по словарю Ф. Стратманна [A Middle-Endish Dictionary, 1891]), то можно увидеть, что многие глаголы просто выходят из употребления (табл. 11):

Таблица 11 – Сравнительная таблица глаголов, после которых употребляется нефлективный инфинитив в конструкции «сложное дополнение» в древнеанглийских и среднеанглийских текстах

Древнеанглийский период	Среднеанглийский период	Общее кол-во употреблений, зафиксированное в словаре	Современный вариант
y-æteawan	-	-	show
afindan	a-finden	7	find out
alætan	-	-	allow
bebeodan	bi-beoden	1	command, order
behealdan	bi-healden	23	behold, see
biddan	bidden	88	pray, beg, bid
biegan	-	-	force
cweðan	cweðen	53	speak, say,
don	don	>100	do
eowan	eawen	1	show
findan	finden	63	find
forbeodan	for-beoden	25	forbid
foresecgan	-	-	predict
forlætan	forlæten	24	forsake, leave
geacsian	i-askien	1	learn by asking
gecyðan	i-cuðen	5	make known
geðafian	ge-þavian	6	allow
geðolian	i-þolien	6	suffer
gedon	-	-	make, cause
gefelan	i-felen	5	perceive, feel
gefrignan	i-freinen	2	leam by inquiry
gehatan	gehaten	16	bid
gehawian	-	-	see
gehieran	geheren	28	hear
gehyhtan	-	-	hope
geliefan	gelefen	25	believe
gemetan	gemeten	13	meet, find
gemittan	-	-	meet
gemunan	imunen	1	remember, recall
getriewan	-	-	trust, hope
geunnan	i-unnen	4	grant

gewitan	i-witen	16	observe
hatan	haten	26	command
hieran	heren	46	hear
læran	læren	35	teach
lætan	lætten	91	allow, remit.
niedan	neden	18	compel, force, need
ofseon	ofseon	3	see
ondettan	andetten	1	confess, declare
onfindan	-	-	find
ongietan	angiten	4	perceive
sceawian	scheawen	43	see
secgan	seggen	96	say
geseon	geseon	54	see
taligan	-	-	consider, account
tellan	tellen	39	tell, consider
wenan	wenen	33	hope
witan	witen	49	know

Как видно из таблицы большинство глаголов выходят из употребления уже в среднеанглийский период.

Ниже приведены глаголы, которые используются в конструкции «сложное дополнение» в древнеанглийском языке более 10 раз (табл. 12).

Таблица 12 – Глаголы, которые чаще всего используются в конструкции «сложное дополнение» в древнеанглийском языке

Глагол	Количество зафиксированных примеров	Глагол в современном английском языке
bebeodan	18	-
biddan	14	bid (устаревшее в значении, свойственном для древнеанглийского языка)
don	15	do
forlætan	55	-
gefrignan	41	-
gehieran	13	-
gemetan	28	-
hatan	449	-
hieran	14	hear
lætan	421	let
geseon	337	-
witan	10	-

Из этого списка только 4 глагола функционируют в современном английском языке. Два из них употребляются в конструкции «сложное дополнение», являясь непредельными глаголами (подлинными глаголами состояния).

Значительное изменение лексического состава среднеанглийского языка

сыграло свою роль в преобразовании моделей использования инфинитивов. Это, возможно, связано с тем, что глаголы, которые мыслились в древнеанглийский период как предельные благодаря своим семантико-морфологическим характеристикам, стали непредельными (seon ‘meet’ → see) и наоборот. Однако более вероятно, что глаголы, с которыми в древнеанглийский период использовался нефлективный инфинитив, просто выходят из употребления. Появление большого количества иноязычных лексем, чуждых грамматическим категориям древнеанглийского языка, приводит к тому, что глаголы становятся невыразительными с точки зрения аспектуальных характеристик. А нефлективный инфинитив, из-за своей формальной непоказательности и появления иных средств, не может расширить свои комбинаторные возможности. В среднеанглийский период он сочетается только с глаголами, которые прослеживают свою этимологию с древнеанглийского периода.

Флективный инфинитив в среднеанглийский период увеличивает свои функциональные возможности, благодаря единственному сохранившемуся формальному маркеру инфинитивов частице to, которая становится еще и показателем предела и событийности. Флективный инфинитив называет самостоятельное действие, на которое субъект предложения не оказывает прямое влияние и которое совершается неодновременно с действием, обозначенным личной формой глагола. Флективный инфинитив сохраняет функцию выражения оценочности и рекомендательного значения, которую он приобретает еще в древнеанглийский период. Данное значение проявляется не только при сочетании с глаголом «быть», но и при уточнении существительных и прилагательных.

Эта семантика зарождается еще в древнеанглийский период. Если проанализировать список прилагательных, которые уточняет флективный инфинитив, то можно заметить, что все они носят субъективно-оценочный характер. См. наиболее частотные:

andrysnlic ‘terrible’

earfoð(e) ‘difficult’

gearu ‘ready’

god ‘good’

ieðe ‘easy’

niedðearflic ‘necessary’

unieðe ‘difficult’

unrihtlic ‘wrong’

wynsum ‘pleasant’.

В этот список входят также прилагательные в сравнительной и превосходной степени: wynsumre ‘more pleasant’, unwerodre ‘more unsweet’, unaberendlicre ‘more intolerable’, strengra ‘stronger’, selra better, selost ‘best’, lustlicre ‘more pleasant’, earfoðest ‘the most difficult’, behydigest ‘most solicitous’.

Среди существительных, которые употребляются с инфинитивом, абсолютно все носят абстрактный характер, к наиболее распространенным относятся: bliss ‘bliss, joy’, geornfulnes ‘eagerness, desire’, gryre ‘horror’, leaf (nes) ‘leave, permission’, mæl, tid ‘time’, geweald, miht ‘might, power, authority’, willa ‘will, desire’, ðing ‘thing’, neod ‘need’.

В среднеанглийский период данная тенденция укрепляется:

(80) husbond seyd it wer **good to don** so

husband said it was **good.ADJ to do.INF** so

‘The husband said it was good to do so’ (Margery Kempe)

(81) it is **necessarie** to thy lernyng **to teche** the first to knowe & worke with thin owne Instrument

it is **necessary.ADJ** to your study **to learn.INF** the first to know and work with your own Instrument

‘it is necessary to your study to learn first to know and work with your own Instrument’ (A Treatise on The Astrolabe).

На развитие модальных характеристик флективного инфинитива указывает также и тот факт, что инфинитив употребляется в тех контекстах, в которых в древнеанглийский период использовалось придаточное предложение с глаголом в субъюнктиве. На это указывают в своих исследованиях О. Фишер [Fischer, 1992; Fischer, 2003; Fischer, 2013], К. Манабе [Manabe, 1989] и Б. Лос [Los, 1999].

Сослагательное наклонение (субъюнктив), как известно, все реже употребляется в среднеанглийский период. Этот факт чаще всего связывают с унификацией флексий глагольной парадигмы, при которой формально не различимыми становятся не только финитные и нефинитные формы, но и формы индикатива и субъюнктива [Lass, 1992, p. 134]. Форма инфинитива, например, совпадает с рядом форм настоящего времени индикатива и со всеми формами настоящего времени субъюнктива.

Часто, как отмечают О. Фишер и Е. Ковач, в среднеанглийских текстах субъюнктив заменяется модальными глаголами. Так, в предложениях нереального условия (if-clauses) субъюнктив замещается модальными глаголами sholde и wolde; в сравнительных придаточных предложениях, когда они выражают крайне возможную степень сравнения, в начале среднеанглийского периода используется субъюнктив, а в более поздний период – модальные глаголы can, may или mighte [Fisher, 1992, p. 360-361; Kovács, 2010].

Следовательно, флективный инфинитив в среднеанглийский период функционирует наряду с конструкцией ‘претерито-презентый глагол + INF’, приобретающей значение базовой модальности. Инфинитивы в среднеанглийский период различаются только частицей to. Общепризнано, что предлог to (или его эквивалент в других германских языках) превратился в маркер инфинитива. О. Есперсен [Jespersen, 1927, p. 10-11] описывает это преобразование как процесс, в котором значение предлога ослабляется из-за его фиксированного положения перед инфинитивом, и, когда флективный инфинитив приобретает функции нефлективного инфинитива, становится простым маркером нефинитной формы без какого-либо собственного значения. Он добавляет, что этот процесс можно увидеть в английском, а также в других германских языках, таких как немецкий, голландский и скандинавский.

М. Хаспельмат [Haspelmath, 1989] подтверждает эту теорию, иллюстрируя процесс грамматикализации данными (в основном) немецкого языка. Он отмечает, что развитие to (и zu) следует рассматривать как «универсальный путь грамматикализации». Он приводит ряд параметров грамматикализации, к

которым относятся следующие факты:

1) количество предлогов, которые могут использоваться с инфинитивом, уменьшается до одного, то есть zu / to;

2) предлог и инфинитив являются единым целым (уже в древнеанглийский период между частицей и инфинитивом не могли стоять другие лексемы);

3) фонетическая редукция: в раннесреднеанглийском существовали варианты правописания инфинитивной частицы как te и t’; семантическая редукция связывается автором с отсутствием значения «цели», свойственного частице to в древнеанглийский период (но уже и в древнеанглийский период это не было основным значением частицы);

4) снижение синтагматической изменчивости: частица всегда употреблялась перед инфинитивом, оканчивающимся на -a(e)nne.

Согласно данным показателям, частица to уже в древнеанглийский период практически грамматикализировалась и превратилась в маркер инфинитива. Однако в среднеанглийский период данная частица не просто грамматикализуется, превращаясь в маркер инфинитива, показатель предела, но и вся конструкция ‘V + to INF’ приобретает свое собственное значение – значение предельности, событийности, модальности.

Всю сложность ситуации, которая сложилась в среднеанглийский период в инфинитивной парадигме можно продемонстрировать на примере поэмы King Horn. Как показало исследование, поэма King Horn представляет особый интерес, так как мы столкнулись с тем, что в разных манускриптах употребляются разные нефинитные формы. Как известно, поэма King Horn зафиксирована в трех манускриптах: MS. Harleian – манускрипт, хранящийся в Британском музее в Лондоне (L); MS. Laud. Misc – манускрипт Бодлианской библиотеки в Оксфорде (O); MS. Gg. – манускрипт библиотеки Кембриджского университета (C). Все эти манускрипты датируются концом XIII началом XIVв. Но нас интересует их детальное хронологическое следование.

В работе Дж. Ламби и Дж. МкНайта эти манускрипты датируются следующим образом [Lumby, McKnight, 1901, p. 28-29]:

MS. Harleian – начало XIVв. (L)

MS. Laud. Misc–1325 г. (O)

MS. Gg. – конец XIII в. (C).

Дж. Холл приводит боле точные даты (Hall 1901, 7-11):

MS. Harleian – 1314-1320 гг. (L)

MS. Laud. Misc – 1290 г. (O)

MS. Gg. – 1260 г. (C).

Следовательно, получается, что наиболее ранним является манускрипт MS. Gg. (C), два других появились позднее, даты их появления различны в разных источниках.

Рассмотрим различия в использовании форм инфинитива и иных нефинитных форм в этих манускриптах (табл. 13).

Таблица 13 – Примеры употребления нефинитных форм глагола в разных манускриптах поэмы King Horn

	C	O	L	перевод
1	Þat is wel **idone.PST.PART**	Þat hys wel **to done.ToINF**	hit is wel **to done.ToINF**	That is well done
2	Ase he was woned **ride.INF**	Þer he was woned **to ryde.ToINF**	þer he was woned **to ryde.ToINF**	As he was accustomed to ride
3	Hi wenden to wise / Of here lif **to misse.ToINF**	Þei wenden alle wel ywis / Of here lif haued **ymis.PST.PART**	hue wenden mid ywisse / of huere lyue **to misse.ToINF**	They expected for certain their life to lose
4	Lust whi ihc wonde / **Bringe.INF** þe horn to honde	[.. . . .] / **To bringe.ToINF** þe horn to honde	ant list were fore ych wonde / **to bringen.ToINF** horn to honde	Listen why I hesitated to bring Horn in your hands
5	Þo gan Rymenhild **mislyke.INF**, / And sore gan **to sike.ToINF**	Reymyld gan **to myslyke.ToINF**, / And sore forto syke.ForToINF	þo gon rymenild **mislyken.INF**, / ant sore bigon **to syken.ToINF**	Then became Rymenhild displeased and sorely began to sigh
6	So is þe manere, / Wiþ sume oþere kniȝte / Wel for his lemman **fiȝte.INF**	Hyt hys þe manere, / Wyt som oþer knicte / For hys leman **to fycte.ToINF**	hit is þe manere, / wiþ sum oþer knyhte / for his lemmon **to fyþte.ToINF**	So is the tradition with some other knight for his ladylove to fight
7	Þe kniȝt hire gan kesse.INF, / And heo him **to blesse.ToINF**	Þe knict hyre gan to kusse.ToINF, And reymyld him **blisse.INF/V.PRS.SG**	þe knyht hire gan to cusse.ToINF, ant rymenild him **to blesse.ToINF**	The knight her went to kiss so that she (Rymenhild) him to bless
8	Rymenhild help me **winne.INF**	Reymyld me help **to winne.ToINF**	rymenild, help me **to wynne.ToINF**	Rymenhild helped me to win
9	Horn gan his horn	Horn gan hys horn	Horn gon his horn	Horn began to blow

	to blowe.ToINF	**blowe.INF**	**blowe.INF**	into his horn
10	a kyng Þer wes **aryue.PST.PART**	A kyng Þer was **aryuede.PST.PART**	A king Þer gan **ariue.INF**	A king there (was) arrived

Конечно, объяснить разнообразное использование нефинитных форм можно было бы а) требованием рифмы, б) еще не полностью сформировавшейся и устоявшейся системой в рамках нефинитной парадигмы глагола, то есть смешением форм. Нельзя не учитывать данные факторы, но, на наш взгляд, корректнее было бы говорить о следующих закономерностях, проявляющихся в хронологически разных манускриптах:

1. Использование причастия II наряду с флективным инфинитивом (1, 3). Речь во всех случаях идет о совершенном действии, признак которого констатируется причастием: «хорошо сделанное», «потерянная». Употребление причастия не вызывает вопросов в данном контексте. Причины использования флективного инфинитива могут быть объяснены двояко: 1) оценочное значение конструкций с флективным инфинитивом, формирующееся еще в древнеанглийский период; 2) восприятие частицы to как маркера предела в связи с тем, что именно инфинитив с частицей, как показало исследование, использовался с событийными, совершенными глаголами в древнеанглийский период.

2. Флективный инфинитив выражает будущее действие (7L, 7C, возможно 8O, L). Интересен в этом плане и пример из другого текста, где инфинитив употребляется параллельно с причастием прошедшего времени:

(82) þæt heo stedefæstliche healden and swerien to healden and to werien þo isetnesses þæt beon **imakede** and beon **to makien** þurõ þan to foren iseide rædesmen

that they steadfastly hold and swear to hold.INF and to defend.INF the acts that be.PRS.PL **passed.PST.PART** and be.PRS.PL **to pass.INF** through then to foreign aforesaid councilors

‘they steadfastly hold and swear to hold and to defend the acts that have been passed, or shall be passed by the aforesaid councilors’ (Ancrene Wisse).

При этом причастием выражается уже совершенное действие, а инфинитивом – планируемое, будущее.

3. Употребление нефлективного инфинитива в ранней версии текста и

флективного в поздних (2, 4, 6, 8). Это связано с необходимостью использования новых средств выражения предельного действия.

4. Различная функциональная нагрузка инфинитивов. Так, глагол gangen (ginnen) может обозначать как направление деятельности или ее начало (5: gan mislyke, gon mislyken, 7: gan kesse) и сопровождаться нефлективным инфинитивом, а также выступать как событийный глагол «начать», «прибыть» и сочетаться с флективным инфинитивом.

5. Равнозначность форм to и for to (forto, for-to) (5).

6. Формальное неразличение финитных и нефинитных форм (7O).

7. Употребление причастия II наряду с нефлективным инфинитивом (10). Причастие и инфинитив оказываются близкими по значению. В конструкции ‘be + PST.PART’ причастие указывает на состояние субъекта, которое является результатом завершившегося действия. В сочетании ‘V.PST.SG + INF’ нефлективный инфинитив выражает предельность действия, которое может характеризоваться завершенностью.

3.3 Становление аспектуальных функций причастия I

В ранних среднеанглийских текстах причастие I с формой, оканчивающейся на -nd, практически не встречается, зафиксированы лишь одиночные примеры. Так, например, в тексте хроники Петерборо (The Peterborough Chronicle) обнаружено всего 2 случая:

(1) sculdest thu neure finden man in tune **sittende** ne land tiled
should you never find man in town **sitting.PRS.PART** nor land tilled
‘you should never find a man sitting in a town, nor the land tilled’

(2) Gif twa men oþer iii coman **ridend** to an tun
If two men or three came **riding.PRS.PART** to a town
‘If two or three men came riding to a town’.

В тексте Hali Meiðenhad зафиксировано всего лишь 6 примеров:

(3) Wið oðre unðeawef men mai **stondinde** fehten

With other crimes men may **standing.PRS.PART** fight

‘With other crimes men may fight standing’

(4) a gerlaundesche **schinende** schenre ƿen ƿe sunne

A diadem **shining.PRS.PART** brighter than the sun

‘A diadem shining brighter than the sun’

(5) ȝif Jul bihaldes ofte **flikelinde** on eni mon

if you look often **flattering.PRS.PART** on any man

‘if you stare at any man often keenly’

(6) s**chimerinde** meidenes

shining.PRS.PART maidens

‘shining maidens’

(7) s**tikinde** stiche

piercing.PRS.PART puncture

‘piercing puncture’

(8) **wastinde** brune

wasting.PRS.PART fire

‘a burning up fire’.

Если классифицировать эти примеры по функциям, определенным при исследовании древнеанглийских текстов, то выделяется употребление причастия непредикативное атрибутивное (примеры 6-8), аппозитивное (примеры 1, 4). В примерах (2, 3, 5) причастие выполняет функцию обстоятельства образа действия (предикативно-обстоятельственное употребление).

Функционально схожие примеры зафиксированы и в тексте Sawles Warde (7 примеров). Менее 10 случаев употребления причастия I обнаружено в тексте поэмы King Horn (точное количество различно в разных версиях). В большинстве из них причастие используется в конструкции «Accusativus cum Participio». Рассмотрим их в разных манускриптах (табл. 14):

Таблица 14 – Примеры употребления причастия I в разных манускриптах поэмы King Horn

	L	O	C	Перевод
1	hue fonden vnder shelde / a knyht **liggynde** on felde	Hye founde honder schelde / A knyt liggen in felde	Hi founde vnder schelde / A kniȝt hende in felde	He found under a shield a knight lying in the field
2	he fond rymenild **sittynde** ant wel sore **wepynde**	he fond Reymild **sittende** / Sore **wepende**	Heo saȝ Rymenild sitte / Also he were of witte	He found Rymenild sitting and weeping sorely
3	myd **mourninde** speche	Wit **morninde** speche	_____	with sorrowful speach
4	_____	He fond stonde arnoldyn	Horn fond **sittinde** Arnoldin	Horn found Arnoldin standing (sitting)
5	pe children ede to pe stronde, **wryngynde** huere honde	Þe childre yede to stronde, / **Wrigende** here honde	Þe children hi broȝte to stronde, / **Wringinde** here honde	The children went to the shore wringing their hands
6	fer seh he rymenild sitte / ase hue were out of wytte, / **wepinde** sore	He sey Reymyld sytte / Al so hy were of witte, / Wyt **droupnynde** chere	He seȝ Rymenild sitte / Ase heo were of witte, / Sore **wepinge** and ȝerne	He saw Rymenild sitting as she was out of her sense weeping sorely (with drooping face)

В приведенных примерах можно увидеть все функции причастия в раннесреднеанглийских текстах: определение к существительному (3, 6 O), обстоятельство к глаголу (5; 6 L, C). В примере 6 можно увидеть появление формы на -ng в поздней версии поэмы, употребляющейся эквивалентно форме на -nd. Важной особенностью данных текстов является употребление причастия I в конструкции «Accusativus cum Participio» и его замещение инфинитивом: 1 (L – PSR.PART, O – INF, C – ADJ); 2 (L, O – PSR.PART, C – INF); 4 (O – INF, C – PRS.PART); 6 (L, O, C – INF).

В раннесреднеанглийских текстах причастие I часто употребляется в конструкции «сложное дополнение» наряду с нефлективным инфинитивом. Это явление было зафиксировано и в древнеанглийский период, когда нефлективный инфинитив указывал на активность субъекта действия, выраженного личным глаголом и предельность действия, а причастие – на процессуальность:

(9) Ich **iseh þe apostles**… **sitten** i trones

I **saw the apostles.ACC… sit.INF** on thrones

‘I saw the apostles sitting on the thrones’ (Sawles Warde)

(10) thu **sehe** openliche **stonde** bivore the, ant **yeoniende** wide up-o the, the **deovel** of helle

you **saw** openly **stand.INF** before you, and **gaping.PRS.PART** wide upon you, **the devil.ACC** of hell

‘you saw the devil of hell standing before you and yawning wide upon you’ (Ancrene Wisse).

Наибольшее количество примеров употребления причастия на -nd (129 контекстов) отмечено в тексте Ancrene Wisse. Необходимо подчеркнуть, что ученым известен лишь приблизительный период создания текста (1225 - 1400 гг.). Это обусловлено тем фактом, что всего обнаружено 17 манускриптов Ancrene Wisse, из которых 9 написаны на английском языке, 4 – на французском и 4 – на латинском. Язык первоначального варианта не известен. Текст, отобранный для данного исследования, относится к самым ранним источникам и может характеризоваться, с одной стороны, следованием англосаксонской литературной традиции, а с другой стороны, явным иноязычным воздействием. В тексте присутствуют цитаты, переведенные с латинского языка на английский, что свидетельствует о билингвизме автора.

Количество контекстов, в которых используется причастием на -nd в тексте Ancrene Wisse, несопоставимо мало с количеством примеров употребления причастия I, зафиксированных в каждом древнеанглийском тексте. Функционально выделяются следующие группы (табл. 15):

Таблица 15 – Примеры употребления причастия I в тексте Ancrene Wisse

Функция / Конструкция / Синтаксическая позиция	Пример	Количество примеров
предикативно-аппозитивное употребление V + PRS.PART	Ine marhen other i niht efter the suffragies of uht-song seggeth commendaciun, **sittinde** the salmes, **cneolinde** the ureisuns other **stondinde** In morning or at night after the prayers of matins say.IMPER.PL the Commendation, **sitting.PRS.PART** the psalms, **kneeling.PRS.PART** the prayers or **standing.PRS.PART** ‘In the morning or at night after the intercessory prayers of	37

препозиция, постпозиция	matins say the Commendation, say the psalms sitting, the prayers kneeling or standing' as brid **fleonninde** buheth thet heaved as bird **flying.PRS.PART** bow.PRS.SG the head 'as a bird flying bows the head'	
предикативное (предикативно-атрибутивное употребление) be + PRS.PART постпозиция	Eahte thinges nomeliche leathieth us to wakien eaver i sum god ant beo **wurchinde**: this scheorte lif… Eight things especially invite us to wake continually in some good and be.INF **working.PRS.PART**: this short life… 'Eight things especially invite us to wake continually in some good [action] and to be working: this short life…'	12
атрибутивное употребление с существительным PRS.PART + SUBST препозиция	ith **meathelinde muthes**, with **yeoniende** tuteles with **chattering.PRS.PART** mouths, with **yawning.PRS.PART** chops 'with chattering mouths, with yawning chops'	71
аппозитивное употребление с существительным SUBST + PRS.PART постпозиция	thenne is ha Hester, Mardochees dohter, bitterliche **breokinde** thene scheomelese then is she Esther, Mordecai's daughter.SUBST, harshly **crushing.PRS.PART** the shameless 'then she is Esther, Mordecai's daughter, harshly crushing (or, defeating) the shameless'	6
«Accusativus cum Participio»	to **finden Godd** seolf ant alle his hali halhen, **liviende** i blisse **to find God.ACC** self and all his holy saints.ACC, **living** in bliss 'to find The God himself and holy saints living in a bliss'	3

Приведенная таблица наглядно демонстрирует существенное преобладание примеров употребления причастия в непредикативно-атрибутивной функции (в препозиции к существительному, согласование отсутствует – 55 %) и в предикативно-обстоятельственной функции (28 %). В первом случае причастие обозначает признак субъекта. Во второй – выражает состояние, протекающее либо одновременно с действием, названным финитным глаголом (пример 11), либо уточняющее способ совершения этого действия (пример 12):

(11) eide se inwardliche **cussinde** hire yeorne
say.PST.SG the inside **kissing.PRS.PART** her eagerly
'said to himself kissing her eagerly'

(12) Publius, an hali mon, wes in his bonen ant com the feond **fleonninde** bi the lufte

Publius, a holy man, was in his prayers and come.PST.SG the fiend **flying.PRS.PART** by the air

‘Publius, a holy man, was in his prayers when came the fiend flying through the air’.

Вторую группу текстов в целях исследования представляется необходимым разделить на две части. К первой части будут отнесены тексты, в которых употребляется причастие на -nd; ко второй – те источники, где появляется в причастных функциях форма на -ng. Все первые тексты датируются XIV веком.

В поэтическом тексте Athelston не зафиксировано ни примеров употребления причастия I на -nd, ни случаев использования формы на -ng в причастных функциях.

В тексте Ayenbite of Inwyt насчитывается всего 58 примеров употребления причастия I (для сравнения – отглагольных существительных на -ng, выполняющих субстантивную функцию – более 800). При этом в данном тексте наблюдается тенденция, проявляющаяся и в ранних среднеанглийских текстах, – значительное преобладание причастия в атрибутивной функции.

По выполняемым причастием функциям все примеры из текстаа Ayenbite of Inwyt можно разделить на несколько неравнозначных по количеству групп.

1. Атрибутивная функция при существительном (в большинстве примеров причастие в постпозиции) – 29 примеров:

(13) Þe writinge zayþ. þet Moyses ouercom amalec / and al his ost / naȝt be uiȝt: ac be his holy biddinges. uor ase zayþ an holy man. more is worþ an halȝen / and man **biddinde**: þane uele þousond of zeneȝeres **uiȝtinde**

The writing says that Moses overcame Amalek / and all his host / not by fight, but by his holly prayers. For as says one holy man more is worth a saint / and man.SUBST **praying.PRS.PART** than many thousands of sinners.SUBST **fighting.PRS.PART**

‘The writing says the Moses overcame Amalek and all his host not by fight, but by his holly prayers. For as one holy man says more is worth a saint and man

praying than many thousands of sinners fighting’.

2. Аппозитивная функция при существительном – 2 примера (постпозиция):

(14) þe patriarkes wonderlyche **glediynde** ine blisse

The patriarchs.SUBST wonderfully **rejoicing.PRS.PART** in bliss

‘The patriarchs wonderfully rejoicing in bliss’

(15) þet is Iesu crist / lokinde uestliche

That is Jesus Christ.SUBST / **keeping.PRS.PART** firm

‘That is Jesus Christ keeping firm’.

3. Предикативная функция после глагола «быть» – 20 примеров (постпозиция):

(16) Alle oþre þinges byeþ **chonginde**

all other things be.PRS.PL **changing.PRS.PART**

‘all other things are changing’

(17) or þer byeþ leazinges **helpinde** and leazinges **likynde** and leazinges **deriynde** and in echen is zenne

other be.PRS.PL lies **helping.PRS.PART** and lies **pleasing.PRS.PART** and lies **hurting.PRS.PART** and in each is sin

‘and the lies are helping, pleasing and hurting and each is the sin’.

В этой функции причастие практически всегда атрибутивно, о чем свидетельствует использование наречий, указывающих на высокую степень проявления признака (пример 18; Приложение Б примеры 31-32), наличие параллельных конструкций с прилагательными (пример 19) и способность образовать наречия (пример 20):

(18) þise sceles / byeþ **zuo cleuiinde**

these reasons / be.PRS.PL **so convincing.PRS.PART**

‘these reasons are so convincing’.

(19) he is **sleuuol slak** and **fallinde**

he is **slothful.ADJ slow.ADJ** and **failing.PRS.PART**

‘He is slothful, slow and failing’

(20) zuo **cleuiyndelyche**

so **convincing-ly.ADV**

‘so convincingly’.

4. Предикативно-обстоятельственная функция (обстоятельство образа действия) – 5 примеров (постпозиция):

(21) to comene / g**anglinde** / and to moche **spekinde**

to come.INF / **chattering.PRS.PART** / and too much **speaking.PRS.PART**

‘to come chattering and too much speaking’

(22) se þe lyoun **brayinde** geþ aboute þan

as the lion **roaring.PRS.PART** go.PRS.SG along path

‘as the lion roaring goes along the path’.

5. Accusativus cum Participio – 2 примера:

(23) Ich **yzeȝ oure lhord iesu crist** / ine riȝt half **zittinde**

I **see.PRS.SG our Lord Jesus Chris.ACC** / in the right side **sitting.PRS.PART**

‘I see our Lord Jesus Chris sitting on the right side’

(24) þe dyeuel **þe uynde** alneway **workinde**

the devil **you.ACC find.PST.SG** always **working.PRS.PART**

‘the devil found you always working’.

В более поздних текстах форма на -nd полностью отсутствует. Традиционно в лингвистической литературе пишут о слиянии форм причастия и отглагольного существительного на -ng. Вопрос о причинах слияния является спорным. Исследователи соглашаются только относительно хронологии данного явления: отмечается, что оно началось в начале XIII в. и закончилось к 1500 г. [Lass, 1992, p. 146]. Что касается непосредственных причин этого явления, то все объяснения можно разделить на две группы. С одной точки зрения, этот процесс рассматривается под углом фонологии. На смешение функций оказали влияние фонологические и морфологические особенности: причастие и отглагольное существительное имели формы на -ende, -inde, -ing, -en (-in). Формы легко можно было спутать, что, в свою очередь, приводило к смешению функций. С другой точки зрения, ряд ученых считают первичным функциональное пересечение форм, которое повлекло за собой унификацию окончаний [Sweet, 1898; Houston,

1989; Duffley, 2006].

На наш взгляд, ни одна, ни вторая гипотезы не являются достоверными. Проведенный анализ показывает, что причастие на -nd в ранних среднеанглийских текстах существенно сокращает свои функции и употребляется очень редко. При этом функции причастия не выполняются формами на -ng, что не позволяет говорить о смешении форм или функциональном пересечении.

В полном тексте Ormulum (200065 строк) [The Ormulum, 1878, Vol. 1, 2] обнаружено всего 4 причастия на -nd, и все они используются атрибутивно:

(25) wiþþ **bærnennde** lufu ‘with **burning** love’
þurrh **dwallkennde** lare ‘through **misleading** teaching’
glowennde gledess ‘**glowing** coals’
þatt **stinnckennde** lic ‘that **stinking** body’.

Атрибутивная функция является преобладающей и в остальных примерах из ранних среднеанглийских текстов.

В более поздних текстах, в которых все еще сосуществуют формы отглагольных существительных на -ng и причастий на -nd, распределение функций приблизительно такое же. Так, в тексте Ayenbite of Inwyt даже в большинстве примеров с глаголом «быть» причастие используется атрибутивно. Следовательно, форма с окончанием -nd не ассоциируется больше с глагольностью (процессуальностью). В тексте Guy of Warwick (ранняя версия XIV в.) [Zupitza, 1883, 1887, 1891] форма -nd употребляется параллельно с формой -ng и имеет только атрибутивное значение:

(26) Wiþ riche stedes wele **erninde**, / Palfreys, coursours wele **bereinde**
with rich steed well **running.PRS.PART**, / Palfreys, coursers well **bearing.PRS.PART**
‘with rich steed very fast, / Palfreys, steed well bearing’

(27) Gentil he was & wele **spekeinde**
Gentle he was & well **speaking.PRS.PART**
‘Gentle he was and well speaking’.

Все другие функции выполняются формой на -ng:

(28) Whi comestow so **prikiinge**? / Tel it me wiþ-outen **lesinge**

Why come-you so **pricking.ING-FORM**? / Tel it me wiþ-outen **lesinge.SUBST**

‘Why do you come so pricking? / tell it to me without false’

В более поздней версии можно увидеть варианты: Why comest thou so yerne **prikinge** / Telle me withoute **lesynge**, что, возможно, позволяет говорить о разделении номинативных функций формы на -yng и глагольных формы на -ing.

Можно предположить, что формы -nd / -ng используются для рифмы произведения (пример 29), но в более поздней версии (пример 30), где уже отсутствует форма на -nd, рифма не соблюдается. Ср.:

(29) Sir Gij toke an hundred of his kniȝtes,

Strongest and best in fiȝtes,

þat he miȝt in Almayne **finde**,

Mest y-preised & best **doinde**.

(30) Than toke Guy an hundred knightes

Of the stalworthest and best in fightes,

That he might in Almaigne **fynde**,

And most preised and best **doynge.**

Аспектуальное значение состояния как процесса (процессуальность), которое выражалось причастием древнеанглийский период, в большинстве случаев в ранних среднеанглийских текстах передается придаточными предложениями:

(31) Her bidde þa Crisstene menn þatt herenn oþerr redenn þiss boc, … **þatt** teȝȝ forr me þiss bede bidden

‘Here pray that all those Christian men that either hear or read this book, … **that** they for me this pray will pray’ (Ormulum)

(32) And yit to Cauntyrbery he wan, / Longe or evensong began; / He **rod** mylys fyffty

‘and yet to Canterbury he arrived before six p.m., **having ridden** fifty miles’ (Athelston)

(33) On Loundone-brygge sone he wan / … / From Stone into Steppyngebourne, / Forsothe, his way nolde he nought **tourney,** / **Sparyd** he nought for myre ne mos

‘And soon he came to London Bridge / …. / from Stone into Sitiingbourne , /, straight to without **turning**, **sparing** not for mire or moss’ (Athelston).

Причастие постепенно исчезает из языка по ряду причин, к которым можно отнести, прежде всего, преобразование видовой системы древнеанглийского глагола. Как было показано в нашем исследовании, причастие в предикативной функции, как и нефлективный инфинитив, употреблялось после непредельных глаголов. В связи с неразличением глаголов по предельности / непредельности причастие перестает использоваться предикативно, оставляя за собой только атрибутивные функции, которые в системе языка выполняются прилагательными.

Еще одним значимым моментом стало упрощение флексий. Причастие I на -nd в древнеанглийский период имело весьма выразительные падежные окончания, которые отличали причастие I (особенно в предикативной функции) от личных форм слабых глаголов прошедшего времени и причастия II, заканчивающихся на -d- (-de, -den, -don). В среднеанглийский период после выравнивания окончаний причастные формы на -nd стали морфологически невыразительными. К тому же, начиная со среднеанглийского периода, значительно сократилось количество сильных глаголов, прошедшая форма и причастие II которых имели морфологические отличия. М. Кригер отмечает, что в древнеанглийском языке было отмечено более трехсот сильных глаголов [Krygier, 1994]. Авторы исследования [Quantifying the evolutionary dynamics of language, 2007] отмечают, что из 177 сильных глаголов древнеанглийского языка только 98 являются неправильными в современном английском языке. Более 150 глаголов вообще вышли из употребления. Многие сильные глаголы перешли в разряд слабых, и все новые глаголы, входящие в язык, изменялись по слабому типу. Согласно Р. Хаддлстону и Дж. Пуллуму [Huddleston, Pullum, 2002, p. 1600-1609] в современном английском языке осталось только 90 простых глаголов, которые образуют прошедшее время только за счет огласовки. Из них около 75 из них произошли от изначально сильных глаголов. Другие, такие как bleed, keep получили свои формы через серию регулярных фонологических изменений, которые вызвали сокращение гласных.

Лакуна в глагольной парадигме заполняется иной формой – отглагольным существительным, которое, имея явно выраженное, показательное, отличное от флексий личных форм глагола окончание, постепенно начинает расширять свои функции.

Отглагольные существительные на -ng были распространены в древнеанглийский период. Р. Квёрк относит суффиксы -ing (-ung) к наиболее частотным [Quirk, Wrenn, 1960, p. 112]. Отглагольные существительные, образованные данными элементами, семантически подразделялись на называющие само действие и обозначающие результат действия. Парадигматические особенности существительных на -ng в древнеанглийский период рассматриваются в работе H. Weyhe [Weyhe, 1911, S. 43-49].

В древнеанглийский период такие имена существительные не имеют никаких глагольных черт, функционируя исключительно субстантивно, то есть:

- могут иметь согласованное определение (прилагательное, указательное или притяжательное местоимение): be þinre huntunge ‘by your hunting’ (Ælfric's Colloquy).

- употребляются с препозитивным дополнением в родительном падеже: deofles tihtinge ‘evil′s enticement’ (Homilies of Ælfric).

- выполняют субстантивные функции: подлежащего (пример 34), дополнения (пример 35), обстоятельства (пример 36):

(34) þær us eal seo **fæstnung** stondeð
Where us all that **strong-place.SUBJ** stands
‘Where for us all that fortification stands’ (The Wanderer, 115)

(35) Se wisa Augustinus spræc ymbe þas **raedinge**
The wise Augustinus spoke about the **reading.OBJ**
‘The wise Augustinus spoke about this reading’ (Homilies of Ælfric)

(36) heold be þam fet on þære **cenninge**
hold by the foot on the **birth. ADV.MODIFIER**
‘hold by the foot on the birth’ (King Alfred's Preface).

В ранних среднеанглийских текстах формы на -ng полностью сохраняют

свои номинативные характеристики, употребляясь во множественном числе, с предлогом of (в значении притяжательности), сочетаясь с артиклями, местоимениями, прилагательными, предлогами в препозиции.

Постепенно отглагольные существительные начинают расширять свои функции. В одном из самых ранних среднеанглийских текстах – в тексте монаха Орма (Ormulum) – употребляется около 30 отглагольных существительных. И в некоторых случаях эти существительные выполняют функцию определения:

(37) Forr **þerrflinng** bræd iss clene bræd ‘for unfermented bread is clean bread’
wælinng word ‘wanton word’
comm wiþþ **gretinng** word ‘come with greating word’ Ср. Wiþþ swillc **gretinnge** ‘with such greating’.

Следовательно, мы видим, что -ng форма получает атрибутивную функцию. Это свидетельствует, таким образом, о том, что отглагольное существительное расширяет функциональность и приобретает функции причастия, а не причастие получает суффикс отглагольного существительного. Это наблюдение подтверждается и рассуждениями В. Н. Ярцевой, о том, что именно отглагольное имя приобрело в процессе развития английского языка черты глагольности [Ярцева, 1978, с. 130].

Весьма интересным источником является перевод Джона Тревизы Полихроникона Ранульфа Хигдена (1402 г.) [Polychronicon, 1865]. Во-первых, текст изобилует отглагольными существительными:

(38) som vseþ strange **wlaffyng**, **chyteryng, harryng**, and **garryng grisbittyng**
‘Some use strange stammer, chattering, snarling and snarling gnashing of teeth’

(41) Al þe longage of þe Norþhumbres, ys so scharp, **slyttyng**, and **frotyng**, and vnschape
‘All the language of the Northumbrians is so sharp, harsh and strident and shapeless’.

Во всех примерах мы видим именно отглагольные существительные, хотя функции некоторых из них характерны для современного причастия. В этом выражается вторая особенность данного текста: формы, выполняющие

причастные (глагольные) функции, оканчиваются на -ing, а формы с субстантивными – на -yng. Формы на -yng встречаются в позициях, свойственных только для отглагольного существительного в древнеанглийском языке [Budna, 2014]. В тексте Джона Тревизы зафиксировано огромное количество форм на -yng, а вот форм на -ing значительно меньше.

Наиболее показательными в плане разделения функций существительного и причастия могут стать примеры, в которых употребляются существительные на -yng и причастия на -ing от одного корня:

(40) þe **leuynge** of mysbyleued men ‘the l**ove** of misbelieved man’ – fyue manere of **lyuing** ‘the manner of **loving**’

(41) he schal be in prayers and in **fastynge** fiftene dayes ‘he shall be in prayers and in **fasting** fifteen days’ – Men of religioun eteþ bernakes in **fasting** dayes ‘Men of religion eat barnacles in **fasting** days’

(42) þe **writynge** of mynde of hym þat lay þere, was suche ‘the **writing** of mind of him that lay there, was such’ – **Writinge** of poetes is more worthy to **preisynge** of emperoures ‘**Writing** of poets is more worthy to **praising** of emperors’ – it is worþy and semelich to preise þat lond wiþ large **preysinge** ‘it is worthy and semelich to praise that land with large **praising**’.

Из этих примеров следует, что существительные на -yng лишены всякой глагольности – способности указывать на активность субъекта, продолжающуюся определенное время, в отличие от формы на -ing.

Автор произведения строго следует данному разделению функций. Вряд ли здесь можно говорить о смешении форм автором. Об этом свидетельствует и тот факт, что форма на -ing не используется с артиклями и притяжательными местоимениями и не употребляется во множественном числе.

То же мы видим и в примерах со словами huntynge – hunting, в которых противопоставляется охота как занятие, факт (примеры 43, 44, 45) и охота как длящееся определённое время действие, в котором кто-то участвует, и что-то является результатом (примеры 46, 47):

(43) þey beeþ i-cloþed in wylde bestes skynnes and i-armed wiþ hir owne teeþ and

nayles, and lyueþ by **huntynge** and haukynge

‘they are dressed in skins of wild beasts and armed with their own teeth and nails and live by **hunting** and hawking’

(44) went an **huntynge**

‘went an **hunting**’

(45) so Beda seiþ þat þere is grete **huntynge** of roobukkes

‘so Beda says that there is great **hunting** of roebucks’

(46) leueþ more by fisshynge and **huntinge** þan by brede and corn

‘live more by fishing and **hunting** than by bread and corn’

(47) brouȝte wiþ hem suche bestes for loue of **hunting**

‘brought with them such beasts for love of **hunting**’.

Или слова seillynge – seillinge, где существительное «плаванье» как занятие, времяпровождение (примеры 48, 49, 50) противопоставляется ING-форме со значением «переплывая, переезжая» (пример 51):

(48) Paradys is longe **seillynge** out of erþe

‘Paradise is long **sailing** out of earth’

(49) þat were wery of **seillynge**

‘that were weary of **sailing**’

(50) is sixe dayes **seillynge** oute of Bretayne

‘is six days **sailing** out of Britain’

(51) oþere men **seillinge** into oþere londes brouȝte wiþ hem suche bestes for loue of hunting

‘other men **sailing** into other lands brought with them such beasts for love of hunting’.

Последний пример (51) демонстрирует явные отличия существительных на -yng и причастных форм на -ing в тексте Дж. Тревизы, когда последние употребляются только в предикативных функциях (в данном случае – в предикативно-аппозитивной).

Кроме функций, свойственных отглагольному существительному в древнеанглийских текстах, форма на -yng может использовать в качестве

атрибутивного или аппозитивного определения к существительному:

(52) **passyng** doynges ‘**passing** doings’

as a dwerf **sittynge** on a geauntis nekke ‘as a dwarf **sitting** on a giants neck’

Þe grete see **flowynge** oute of occean turneþ into þe souþ

‘the great see flowing out of ocean turns into the south’.

Таким образом, мы видим, что отглагольные существительные постепенно получают функции причастия. И если в тексте Орма зафиксирована только атрибутивная функция при существительном, то здесь наблюдается уже и аппозитивная. Однако в предикативных функциях данная форма пока не используется. Следовательно, примеры, казалось бы, предикативных функций, необходимо трактовать с точки зрения атрибутивности, наличия признака: to fiȝte aȝen hire olde lordes and housbondes þat were comyng home ‘to fight again their old lords and husbands that were coming home’ – здесь форма comyng не имеет значения действия ‘возвращались домой’, это описание ‘которые были возвращающимися’, но и в признаке уже прослеживается агентивность и продолжительность (континуальность) действия. То же самое мы видим в примере after hym Lethen regned and was kyng of Longobardes and was regnynge fourty ȝere ‘after him Liutprand reigned and was king of Longobards and was reigning forty years’ – ‘был правящим в течение 40 лет’.

Постепенно форма на -ng приобретает и глагольные функции.

Во второй группе среднеанглийских текстов фиксируется единая форма на -ng, которая стремительно расширяет глагольные функции. Однако стоит отметить, что отглагольные функции древнеанглийского причастия основывались на характеристике состояния субъекта – свойства (как ряда состояний) непрерывно и последовательно изменяться во времени. Подобное свойство именовалось процессуальностью. А отглагольные функции новой формы в среднеанглийский период связаны с ее происхождением от отглагольного существительного, которое называло действие с явно выраженной агентивностью. В данном случае будет более уместен термин континуальность, т.е. непрерывность.

В поздних среднеанглийских текстах современному исследователю сложно определить, являются ли окончания -yng / -ing простыми вариантами одной формы или все-таки имеют разную функциональную нагрузку.

В сборнике правил поведения XV в. «Fifteenth-century courtesy book» отмечается единая форма на -ng.

Далее в исследовании будет использоваться термин «причастие I» для обозначения NG-формы, которая получила глагольные функции.

Из 8 примеров в одном причастие I функционирует как определение к существительному: kervynge knyves ‘carving knives’, в двух – аппозитивно при существительном:

(53) All esquyres þen **awaytynge** to put in broken bred
all esquires.SUBST then **waiting.PRS.PART** to put in broken bread
‘all esquires waiting to put broken bread’

(54) straungers **syttyng** at þe lordes borde
strangers.SUBST **sitting.PRS.PART** at the lord’s table
‘strangers sitting at the lord’s table’.

В 5 примерах причастие I употребляется с глаголами. В двух из них – с глаголом «быть» (пример 55; Приложение Б пример 33) и в трех – после других глаголов (пример 56; Приложение Б пример 34-35):

(55) and þat none houndes **be abydyng** in þe halle from morne to evyn
and that none hounds **be.PRS.PL abiding.PRS.PART** in the hall from morning to evening
‘and that no hounds are abiding in the hall from morning to evening’

(56) þe marshall shall **take** ayen all þe coppis þat he brought hym selfe, **puttyng** þe wyne lefte in þem yef ony be, in a voyde potte
the marshal shall **take.INF** again all the cups that he brought himself, **putting.PRS.PART** the wine left in them if only be, in an empty pot
‘the marshal shall take again all the cups that he brought himself, putting the wine left in them if there is any in an empty pot’.

Еще в одном позднем среднеанглийском тексте «Treatise on The Astrolabe»

сосуществуют варианты на -ing / -yng. И представляется, что они неравнофункциональны. В ряде случаев отчетливо проявляется бóльшая глагольность формы на -ing. Под глагольностью понимается импликация указания на наличие субъекта, который непрерывно проявляет определенную активность, т.е. агентивность, и континуальность. В примере a lyne, þat cometh dessendinge fro the ryng down to…форма на -ing явно выполняет предикативную функцию, называя уже не состояние субъекта (как свойство, что было характерно для причастия на -nd), а действие. Во всех подобных примерах присутствуют обстоятельственные конструкции, которые указывают именно на совершение непрерывного действия: отходить от асцендента, висеть на линии выше чем…:

(57) they sein þat the planete is **failling** fro the assendent
they see that the planet be.PRS.SG **failing.PRS.PSRT** from the ascendant
'they see that the planet is failing from the ascendant'

(58) thow most haue a plomet **hanging** on a lyne heyer than…
you must have a plummet **hanging.PRS.PART** on a line higher than…
'you must have a plummet hanging on a line higher than…'

В примерах с однокоренными образованиями явно проявляется глагольность формы на -ing ('нашел ее находящейся' = 'он увидел, что она находилась') по отношению к форме на -yng, которая указывает на наличие признака и отсутствие отнесенности действия к его производителю (sitting = according):

(59) and fond hir **sitting** on the west side of the line of Midday
and found her **sitting.PRS.PART** on the west side of the line of Midday
'and found it [star] standing on the west side of the line of Midday'

(60) til thow fynde a degree of thi zodiak acording with the prikke, this is to seyn, **sittynge** on the prikke
till you find a degree of your zodiac according with the broach (point), this is to say, **sitting.YNG-FORM** on the broach
'till you find a degree of your zodiac on the broach (point), this is to say, placed on the broach'.

Форма на -yng обладает всеми характеристиками отглагольного существительного, отмеченными в древнеанглийский период – употребляется с артиклями, предлогом of и прилагательными:

(61) the grettre **knowyng** of thin owne instrument
the greater **knowing.SUBST** of your own instrument
'the greater knowledge of your own instrument'

(62) And yif thow wolt pleie this craft with the **arisyng** of the Mone, loke thow…
And if you would play this craft with the **arising.SUBST** of the Moon, look you…
'And if you would apply this craft to the arising of the Moon, you should look …'

А вот форма на -ing занимает некое промежуточное состояние между именем и глаголом. Исходя из этого, пример (63) трактуется как проявление номинативных свойств формы (как результат действия – 'восход'), а (пример 74) – как отглагольное действие, приравниваемое к глагольному ('солнце восходит', 'восхождение планет'):

(63) from the sonne **rising** til hit go to rest
from the sun **arising.SUBST** till it goes to rest
'from the sun rise till it goes to rest'

(64) as to knowe in owre orizonte with wych degree of the zodiac that the Mone **arisith** in any latitude / & the **arising** of any planete aftur his latitude fro the Ecliptik lyne
as to know in own horizon with which degree of the zodiac that the Moon **arises.VERB** in any latitude / & the **arising.ING-FORM** of any planet after his latitude from the Ecliptic line
'as to know in own horizon with which degree of the zodiac the Moon arises in any latitude / any of any planet arises after his latitude from the Ecliptic line'.

При таком подходе естественным образом можно трактовать подобные примеры (65) как 'восход – восхождение':

(65) þat thi sonne entreth at [h]is **arisyng** / & take ther the senyth of the **arising** of the sonne

that the sun enters at [h]is **arising.SUBST** / & take there the zenith of the **arising.ING-FORM** of the sun

‘that the sun enters its rise and takes there the zenith of the arising of the sun’.

В тратате «A Treatise on The Astrolabe» в 12 из 24 примеров форма на -ng употреблена аппозитивно при существительном. Но учитывая сказанное выше, необходимо подчеркнуть, что при наличии формы на -ing акцентируется агентивность (науки касаются чисел – имеют с ними дело), а форма на -yng указывает на атрибутивность (наличие признака – величины, характеризующиеся признаком продолжительности):

(66) ciencez **touchinge** noumbres

sciences.SUBST **touching.PRS.PART** numbers

‘sciences, touching numbers’

(67) I mene degrees **contenyng** 60 Minutes

I mean degrees.SUBST **continuing.PRS.PART** sixty minutes

‘I mean degrees lasting sixty minutes’.

В 2 примерах причастие I относится к финитному глаголу, выполняя функцию обстоятельства образа действия, то есть оно называет действие, протекающее во время осуществления основного действия (предикативно-предикативная или предикативно-обстоятельственная функция), т.е. действие субъекта, на фоне которого или из-за которого совершается основное действие, при этом причастное действие может быть в большей или меньшей степени соотнесено с агентивностью субъекта (‘проходит, опускаясь’ пример 68 / ‘проходит, показывая’ пример 69) и непрерывностью:

(68) þat **cometh dessendinge**

that **go.PRS.SG descending.PRS.PART**

‘that goes descending’

(69) so **goth** his nadir downere & downere, **techyng** by swych strikes the howres of planetes

so **go.PRS.SG** his nadir downer and downer, **marking.PRS.PART** by such strikes the hours of planets

‘so goes his nadir lower & lower, marking by such strikes the hours of planets’.

В 3 примерах причастие I употребляется после глагола «быть»:

(70) whiche bordure **is** euer-mo **answering** to the degrees of the equinoxial
which bordure **be.PRS.SG** evermore **answering.PRS.PART** to the degrees of the celestial equator
‘which bordure is evermore showing the degrees of the celestial equator’.

Зафиксировано три примера употребления конструкции «Accusativus cum Participio»:

(71) I **fond** the secounde **degree** of aries **sitting** vp-on myn est
I **find.PRS.SG** the second **degree.ACC** of Aries **sitting.PRS.PART** upon my East
‘I found the second degree of Aries sitting upon my East’.

Рассмотрим оставшиеся примеры:

(72) Vnderstond wel þat the latitude of any place in A Regioun is verreyly the space by-twixe the senythe of hem þat dwellen there & [the] equinoxial cerkle, north or sowthe, **takyng** the mesure in the Meridional lyne
Understand well that the latitude of any place in A Region is verily the space between the zenith of them that dwells there and [the] equinoxial circle, north or south, **taking.PRS.PART** the measure in the Meridional line
‘Understand well that the latitude of any place in A Region is actually the space between the zenith that resides there and the northen or southern equinoxial circle taking the measure in the Meridional line’.

В примере (72) причастие I (абсолютное) не зависит ни от существительного, ни от глагола.

(73) Ferther ouer they seyn, that in thilke cuntrey where as the senith of hem that dwellen there is in the equinoxial lyne and horisonte **passyng** by the poles of this worlde, thilke folke han this right cercle and the right orisonte; & euere mo the Arch of the day & the arch of the nyht is ther ylike long, & the sonne twyes euery yer **passinge** thorow the cenyth of her heued
Further over they say, that in such country where as the zenith of them that dwell

there is in the equinoxial line and horizon **passing.PRS.PART** by the poles of this world, such people have this right circle and the right horizons, and evermore the Arch of the day and the arch of the night is equally long, and the sun twice every year **passing.PRS.PART** through the zenith of the head

‘Further they say that in such country where the residing zenith is in the equinoxial line and the horizon passes by the poles of this world, such people have this right circle and the right horizons, evermore the Arch of the day and the arch of the night is equally long, and the sun twice every year passes through the zenith of the head’.

В обоих случаях в примере (73) мы видим абсолютное причастие, но, совершенно четко прослеживается различие форм на -ing и -yng: проходящая линия горизонта (признак) – солнце проходящее (действие). В примере (73) во втором случае причастие ‘passinge’ функционирует подобно глаголе в личной форме. Но в отличие от него причастие I указывает на непрерывно длящееся, континуальное действие.

В поздних среднеанглийских текстах формы на -ing (-yng) тесно переплетаются, ср.: The preste askyd wher was hys dwelling ‘The priest asked where was his dwelling’ – a man dwellyng in Dewchlond ‘a man dwelling in Germany’; than sche was ful joyful, thankyng God ful many timys for hys grace and hys goodness ‘than she was full joyful, thanking God full many times for his grace and his goodness’ – sche gaf thankyng and preysing to owr Lord Jhesu Crist for the hy grace ‘she gave thanking and praising to our Lord Jesus Crist for the his grace’. Естественно для носителя современного английского языка разделение форм совсем не очевидно. Но однозначно можно говорить о том, что форма на -yng лишена агентивности: ‘проживающий человек’ – признак, ‘место проживания’ – место, где он живет (агентивность и континуальность); ‘она была в состоянии радости и благодарности’ (как состояние), ‘она выражала благодарность’ (как факт), ‘воспевание’ (действие).

В среднеанглийских текстах наблюдаются многочисленные факты, свидетельствующие о смене функционально-синтаксического статуса

древнеанглийского отглагольного существительного на -ng:

1. Форма на -ng сочетается как с прямым дополнением, что характерно для глагола, так и с косвенным (с предлогом of): in fechyng voyde dyshes – in fechyng of sawce. Причем оба словосочетания употреблены в одном предложении: in fechyng voyde dyshes or wyne … in fechyng of sawce ‘in fetching voided dishes or wine … in fetching of sauce’; in fastyng bred and watyr ‘in fasting bred and water’; this lyfe plesyth me mor than weryng of the haburjon or of the hayr or fastyng of bred and watyr ‘this life pleases me more than wearying of the habergeon or of the hair or fasting of bread and water’.

2. Форма на -ng может употребляться с обстоятельством – save in puttyng out of þe howse ‘save in putting out of the house’ ср. puttyng þe wyne lefte in þem ‘putting the wine left from them’.

3. Форма на -ng может характеризоваться отсутствием грамматически выраженной притяжательности: from the sonne arisyng til hit go to reste ‘from the sun arising till it goes to rest’ Ср. thi sonne entreth at [h]is arisyng / & take ther the senyth of the arising of the sonne ‘the sun enters at its arising and takes there the zenith of the arising of the sun’.

В тексте The Book of Margery Kempe (конец 1430-х гг.) с 1 по 20 главу было зафиксировано более 150 примеров употребления причастия. Однако их численное распределение по функциям весьма неоднородно: отмечено значительное преобладание предикативных функций.

Зафиксирован лишь один пример, где причастие I выполняет непредикативно-атрибутивную функцию: brennyng lowys ‘burning flames’. Всего лишь в нескольких примерах причастие I встречается в конструкции «Accusativus cum Participio»:

(74) whan this creatur **saw Jerusalem, rydyng** on an asse
when this creature **see.PST.SG Jerusalem.ACC, riding.PRS.PART** on an ass
‘when this creature saw Jerusalem, riding on an ass’.

В непредикативно-аппозитивной функции причастие встречается также весьма редко. В этой функции причастие выражает свойство субъекта:

(75) And aftyr on the Twelfth Day, whan three kyngys comyn wyth her gyftys and worschepyd owyr Lord Jhesu Crist **being** in hys moderys lappe

And after on the Twelfth Day, when three kings came with their gifts and worshiped our Lord Jesus Crist.SUBST **being.PRS.PART** at his mother's bosom

'And after, on the Twelfth Day, when three kings came with their gifts and worshiped our Lord Jesus Crist lying at his mother's bosom'.

В ряде примеров сложно разграничить непредикативно-аппозитивную (при которой обозначается отглагольное свойство субъекта) и предикативно-обстоятельственную функцию, в которой причастие называет второстепенное действие:

(76) The creatur **beyng** in hir preyers **havyng** mende of this mater, Crist seyde unto hir spyrite

The creature.SUBST **being.PRS.PART** in her prayers **having.PRS.PART** mind of this mater, Crist say.PST.SG in her spirit'

'The creature in her prayers thinking of this mater, the Crist said to her'

В подавляющем большинстве примеров (более 80 %) причастие I функционирует как обстоятельство после личных глаголов. В подобных примерах причастие выражает континуальность, обозначая субъектно-активное непрерывное действие, на фоне которого осуществляется основное действие субъекта предложения (пример 77; Приложение Б примеры 36-38):

(77) Than sche, **consyderyng** this wondyrful chawngyng, **sekyng** socowr undyr the wengys of hyr gostly modyr, Holy Cherch, **went** and **obeyd** hyr to hyr gostly fadyr, **accusyng** hyrself of her mysdeds

Then she, **considering.PRS.PART** this wonderful changing, **seeking.PRS.PART** succour under the wings of her ghostly mother, Holy Church, **go.PST.SG** and **obey.PST.SG** to her ghostly father, **accusing.PRS.PART** herself of her misdeeds

'Then she, considering this wonderful changing, seeking succour under the wings of her ghostly mother, Holy Church, went and obeyed to her ghostly father, accusing herself of her misdeeds'.

Далее по частоте употребления следует группа примеров, в которых причастие используется самостоятельно без определяемых слов. Употребление причастия в данной конструкции сходно с предикативно-обстоятельственным функционированием причастия. Субъект причастного действия отличен от субъекта действия, выраженного личным глаголом, и его агентивность не играет важной роли – акцентируется именно смена субъекта и континуальность:

(78) Than sche went owt of the monastery, thei **folwyng** and **crying** upon hir

Then she went out of the monastery, they **following.PRS.PART** and **crying.PRS.PART** upon her

'Then she went out of the monastery, they following and crying upon her'

(79) He not **consentyng** but scharply **answering** ageyn, sche, sumdel mevyd wyth scharpnes of spiryt, seyde

He not **consenting.PRS.PART** but sharply **answering.PRS.PART** again, she, a bit moved with sharpness of spirit, said

'He not consenting but sharply answering again, she, a bit moved with sharpness of spirit, said'.

В подобных примерах причастие I очень близко функционально к финитному глаголу. Особенно, если перед самостоятельным причастным оборотом стоит союз «и», но причастие, в отличие от глагола в личной форме, акцентирует именно непрерывность действия, его внутреннюю перспективу, что есть не что иное, как непредельность:

(80) Whan tyme was comyn that thei schulde syttyn at mete, every man toke hys place as hym lyked, the worshepful legat and doctowr fyrst sett, and sythen other, **and** at the last the seyd creatur at the bordys ende **syttyng** and no word **spekyng** as sche was won to do whan the legate was not ther

When time came that they should sit at meal, every man took his place as he liked, the worshipful legate and doctor first sat, and set others, **and** at the last the said creature at the board's end **sitting.PRS.PART** and no word **speaking.PRS.PART** as she was won to do when the legate was not there

'When time came that they should sit at meal, every man took his place as he

liked, the worshipful legate and doctor first sat, and set others, and at the last the said creature at the board's end sitting and no word speaking as she wanting to do when the legate was not there'.

Если бы в фокусе внимания находилась агентивность субъекта и континуальность, то использовалась бы личная форма глагола, что и происходит в конструкции 'be + PRS.PART':

(81) Than was sche glad in hir consciens whan sche belevyd that sche **was entryng** the wey

Then was she glad in her conscience when she believed that she **be.PST.SG entering.PRS.PART** the way

'Then she became glad in her mindd when she believed that she was entering the right way'

(82) On a day long befor this tyme, whyl thys creatur **was beryng** chylder

On a day long before this time, while this creature **be.PST.SG bearing.PRS.PART** children

'On a day long before this time, while this creature was bearing children'.

Анализ функций и семантики причастия I в среднеанглийских текстах продемонстрировал сложный процесс развития нефинитной парадигмы глагола в части причастия I. В начале среднеанглийского периода фиксируется утрата функций древнеанглийского причастия на -nd и его постепенное исчезновение из текстов. В конце среднеанглийского периода новая форма причастия (от отглагольного существительного) активно функционирует – в поздних среднеанглийских текстах количество причастий в одном предложении может превышать количество личных форм глагола.

В переходный период наблюдается постепенное преобразование функций отглагольного существительного – от номинативных к глагольным. Функциональной однородности также не наблюдается. Так, в тексте The Book of Margery Kempe зафиксирован всего один пример атрибутивного употребления и подавляющее большинство предикативного. Также отмечается увеличение количества случаев самостоятельного употребления причастия I и его

функциональная близость к личной форме глагола со смещением акцента на континуальность (как разновидности непредельности).

В данном случае не представляется возможным приводить сравнительную характеристику причастия I в древнеанглийских и среднеанглийских текстах, так как они представляют собой абсолютно разные языковые явления. В древнеанглийский период это было подлинное причастие I (в традиционном понимании этого термина, пришедшем из латинской грамматики), сочетающее в себе черты прилагательного и глагола. В среднеанглийский период в нефинитную парадигму глагола вписывается отглагольное существительное, постепенно дополняющее свои номинативные функции глагольными. В среднеанглийский период мы видим единую ING-форму.

Это подтверждает и следующее наше наблюдение.

Как отмечалось в исследовании, в древнеанглийский период причастие I могло функционировать субстантивно. Явление субстантивации, описанное в предыдущей главе, было широко распространено. В древнеанглийских текстах засвидетельствованы обе формы – и отглагольное существительное, и субстантивированное причастие, различающиеся не только формально, но и семантически. Отглагольное существительное обозначало действие, а субстантивированное причастие называло деятеля. В среднеанглийский период в первой группе текстов мы еще находим субстантивированные причастия на -end(e) со значением деятеля: delende ‘partner’, sceppende (scyppend, schuppinde, shippend) ‘creator’, demend ‘judge’, dihtende ‘disposer, guider’, hælend ‘savior’, wel-willende ‘well-wisher, friend’.

Однако в поздних текстах встречаются уже только формы на -i(u)ng со значением действия: delinge ‘dealing’, scheppinge (sseppinge) ‘creation’, deminge ‘judgement’, diʒtinge ‘disposition’, hælung ‘healing’. Значение «деятель» получают слова, заимствованные из других языков, чаще всего старофранцуского и латинского. В этимологическом словаре английского языка [A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language, 1966] находим подтверждение этих фактов. Так, например, слово ‘savior’, произошедшее от старофранцузского

‘sauveour’ (от латинского salvatorem) вытеснило древнеанглийское ‘hælend’ – субстантивированное причастие от глагола ‘hælan’. Существительное ‘creator’ (от старофранцузского creator), вытеснило древнеанглийское ‘scieppend’– субстантивированное причастие от глагола ‘scieppan’.

В древнеанглийский период сосуществовали два разных класса слов, с разной формой, функциями и значением. В среднеанглийский период мы видим только одну -ing форму, лишенную значения «деятель». Если это разные классы слов – существительное и причастие, имеющие одну форму, то возникает закономерный вопрос, почему значение «деятель» не сохраняется у причастия: -ing форма со значением действия и -ing форма со значением деятеля. Вероятно, из-за отсутствия возможности дифференцировать значение в рамках одной формы. Если бы это были два разных класса, то значения процесса осталось бы за формой отглагольного существительного, а значение отглагольного признака и деятеля – за причастием. Но, мы видим, что значение деятеля предается абсолютно другой форме, что косвенно свидетельствует об унификации не только формы, но и значений -ing формы.

Валентностные характеристики единой формы естественным образом расширяются.

Причастие I по своей валентности характеризуется следующей сочетаемостью:

- атрибутивной – сочетаясь путем примыкания с существительными (wið a smorðrinde smoke ‘with a suffocating smoke’) и наречиями (so evel spekyng ‘so evilly speaking’)

- глагольной – сочетаясь с прямым дополнением (sechinde ower sawle heovenliche fode ‘seeking your soul's heavenly food’; expleyntyng the cawse of infortunyté ‘explaining the cause of unfortunate’)

- с косвенным дополнением (flikelinde on eni mon ‘gazind upon any man’ –; compleynyng to the preste of poverté and disese ‘complaining to the priest of poverty and disease’)

- с обстоятельством (ant sitteth singinde murie ‘and sit singing; þe, libbinde i

flesche, ouergað flesches lahe ‘whose who living in flesh overcame the law of the flesh’)

- обстоятельственной, сочетаясь с глаголом при выполнении функции обстоятельства.

К глагольным, атрибутивным и адвербиальным также добавляются прежние субстантивные функции и валентность. Это подтверждает и автор Сравнительной грамматики англосаксонского языка Ф. А. Марч, отмечая слияние форм: the present participle in -ende changed to -ing; and, in English, noun, participle, adjective, and infinitive (gerund) mix [March, 1877, p. 201].

Как показало проведенное исследование, в поздних среднеанглийских текстах причастие редко употребляется с именем существительным. Сокращение непредикативного употребления свидетельствует о сокращении способности причастия I указывать на признак и свойство субъекта и увеличении значения континуальности и агентивности. Причастие все чаще употребляется предикативно: обстоятельственно – с личной формой глагола и предикативно – с глаголом «быть».

Процесс грамматикализации конструкции ‘be + PRS.PART’ в истории английского языка широко исследован [Смирницкая, 1977; Ярцева, 1978; Bybee, Pagliuca, Perkins, 1994; Heine, 1994; Denison, 1993; Killie, 2015; Warner, 1993; Warner, 1995; Warner, 1997]. Общая точка зрения заключалась в том, что конструкция получила широкое распространение только в XVII веке, до этого времени она использовалась несистематически.

Не вдаваясь в споры о степени грамматикализации данной конструкции в среднеанглийском языке, стоит отметить, что в среднеанглийский период намечаются основные тенденции этого явления. Причастие I достаточно часто используется с глаголом «быть» именно в предикативном употреблении, обозначая действие, непрерывно продолжающееся длительное время:

(83) On a day as this creatur **was heryng** hir messe, a yong man and a good prest heldyng up the sacrament in hys handys ovyr hys hed, the sacrament schok and flekeryd to and fro as a dowe flekeryth wyth hir wengys

On a day as this creature **be.PST.SG hearing.PRS.PART** her mass, a young man and a good priest holding.PRS.PART up the sacrament in his hands over his head, the sacrament shook and flickered to and fro as a dove flickers with his wings

‘On a day as this creature was hearing her mass, a young man and a good priest holding up the sacrament in his hands over his head, the sacrament shook and flickered to and fro as a dove flickers with his wings’ (The Book of Margery Kempe)

(84) It befel upon a Fryday on Mydsomyr Evyn in rygth hot wedyr, as this creatur **was komyng** fro Yorkeward beryng a botel

It befell upon a Friday on Midsummer Even in right hot weather, as this creature **be.PST.SG coming.PRS.PART** from Yorkward bearing.PRS.PART a bottle

‘It befell upon a Friday on Midsummer Even in a very hot weather, as this creature was coming from Yorkward bearing a bottle’ (The Book of Margery Kempe).

Но наше исследование показало наличие позиционной изменчивости причастия I и семантической заменяемости – использование разных форм в одинаковых синтаксических конструкциях со значением ограниченного периода времени. В текстах, например, можно увидеть абсолютно равнозначные предложения, но уже с личной формой глагола:

(85) On a nygth, as this creatur **lay** in hir bedde wyth hir husbond, sche herd a sownd of melodye

On a night, as this creature **lie.PST.SG** in her bed with her husband, she heard a sound of melody

‘On a night, as this creature was lying in her bed with her husband, she heard a sound of melody’.

Основы процесса грамматикализации сочетания ‘be + PRS.PART’ бесспорно закладываются именно в среднеанглийский период. Однако до сих пор не решенным является вопрос о том, что легло в основу данной конструкции.

В современной лингвистике существует два основных подхода, которые описывают истоки грамматикализации данного сочетания. Первый относит

начало процесса грамматикализации конструкции (от словосочетания с лексическим локативным значением (X be at / on V-ing)) к среднеанглийскому периоду. Второй говорит о наличии предшественника данной конструкции в древнеанглийском языке. В его основе лежит представление об одной из шести возможных кросслингвистических моделей становления длительных форм, предложенных Б. Хайне: 1) the Location Schema (‘X is at Y’); 2) the Action Schema (‘X does Y’); 3) the Equation Schema (‘X is a Y’); 4) the Manner Schema (‘X stays in a Y manner’); 5) the Accompaniment Schema (‘X is with Y?); 5) the Sequence Schema (‘X V1 X V2’) [Heine, 1994, p. 269]. Именно первая схема, по мнению самого автора, выражающая отношение к расположению объекта в пространстве, послужила метафорой для передачи временных состояний, неопределенных ситуаций и длительности.

Согласно сторонникам первого подхода развитие конструкции ‘be + PRS.PART’ можно описать следующей схемой: сочетание глагола «быть» с предлогом и отглагольным существительным ‘He was at/on/ in hunting’ превращается в ‘He was a-hunting’ и затем в ‘He was hunting’. Подобное преобразование трудно считать доказательным, в виду малочисленности подобных конструкция в древнеанглийском [Scheffer, 1975, p. 244; Denison, 1993, p. 387; Visser, 1973, p. 1994]. Они действительно получают свое распространение в среднеанглийский период, но уже в измененном виде. Дж. Байби [Bybee, 1994, p. 136-137] утверждает, что первоначально конструкция указывала на нахождение субъекта в центре деятельности в определенное время. Позднее в процессе развития локутивность переходит в аспектуальность, так как, по мнению Дж. Байби, «быть вовлеченным пространственно в действие, значит вовлекаться в него во времени».

Однако современное аспектуальное значение конструкции ‘be + PRS.PART’ подразумевает указание не просто на нахождение субъекта в процессе действия, но и на активное действие субъекта. А сочетание ‘she is on fishing’ ничем не отличается от ‘she is on the floor’ и не подразумевает активности субъекта. Б. Стренг в своем исследовании на материале романов XVIII века отмечает, что

конструкция ‘be + V-ing’ не встречается после неодушевленных субъектов действия, что говорит об агентивности сочетания [Strang, 1982, p. 443].

Ряд ученых опровергает и возможность редуцирования предлогов на основании 1) бóльшей распространенности предлога ‘in’, который вряд ли мог редуцироваться до ‘a-’; 2) сосуществования форм ‘in’ и ‘a-’ вплоть до начала XX века [Denison, 1993, p. 404; Nehls, 1988, p. 181; Visser, 1973; Dal, 1952].

К тому же пространственное расположение, отмечаемое Дж. Байби, выражает состояние субъекта (как постоянное, так и временное) и теоретически требует, чтобы глагол, от которого было образовано существительное, использующееся в данной конструкции, был глаголом состояния. Однако глаголы действия преобладали в данной конструкции. Ф. Виссер приводит в своей работе таблицу, демонстрирующую распределение ing-форм по переходности / непереходности и статичности / событийности. Согласно его данным предложная конструкция с ing-формой чаще всего образуется от непереходных глаголов, называющих действие [Visser, 1973, p. 1998].

Что касается статуса ing-формы, употребляемой в субстантивных функциях в древнеанглийском языке, то она обладала только именными характеристиками и была лишена глагольности.

На основании подобных доводов Д. Зигелер делает вывод, что сочетание ‘be + PRS.PART’, имея глагольный характер и выраженную агентивность, этимологически не приравнивается к конструкции ‘be + on V-ing > be + a-V-ing’. Под агентивностью она понимает, основываясь на работах Д. Доути и И. Шлезингера, разновидность аспектуальности, в основе которой лежат такие понятия, как проявление воли, причинности, движения, изменения, способности ощущать [Dowty, 1989; Dowty, 1991; Schlesinger, 1995; Ziegeler, 1999].

Аспектуальное значение сочетания глагола «быть» с причастием настоящего времени не оспаривается лингвистами, однако его происхождение от словосочетания с лексическим локативным значением (X be at / on V-ing) затрудняет трактовку данной аналитической формы как аспектуальной.

Сторонники второго подхода прослеживают происхождение современных

длительных форм еще в древнеанглийском периоде, отмечая появление формы ‘be + V-ende’ задолго до распространения предложной конструкции с локальным значением ‘be + on V-ing > be + a-V-ing’ [Denison, 1993; Mitchell, 1976; Mitchell, 1985; Nehls, 1988; Nickel, 1966; Scheffer, 1975; Traugott, 1992; Warner, 1993]. В этом случае не ясно, какие исходные элементы подвергаются грамматикализации.

Э. Трауготт предполагает, что современная длительная форма глагола могла произойти из сочетания глагола «быть» с атрибутивным (a), аппозитивным (b) или субстантивированным (c) причастием, которые получили предикативную функцию. В доказательство этого она приводит эквивалентные конструкции:

(a) hie wæron blissiende = hie wæron bliðe ‘they were happy’

(b) he wæs on temple lærende his discipulas = he on temple wæs lærende his discipulas ‘he was in the temple, teaching his pupils’

(c) hie wæron ehtende cristenra monna ‘they were persecutors of Christianmen’ = ‘they were persecuting Christian men’ [Traugott, 1992, p. 188].

Действительно, в древнеанглийском языке причастие использовалось в этих функциях. Агентивность причастия прослеживается в примере (c); в примере (a) отмечается значение признака; значение процессуальности имеет причастие в примере (b). Но, как отмечалось выше, процессуальность древнеанглийского причастия носит лексический атрибутивный характер и представляет собой лишь указание на свойство субъекта.

Так как современная длительная форма английского глагола характеризуется двумя признаками – агентивностью и длительностью, для решения вопроса о происхождении данной формы, необходимо рассмотреть детально возможные источники каждого семантического компонента формы длительного действия.

По материалам нашего исследования семантики агентивности причастие на -nd практически лишилось еще в древнеанглийский период. Если в поэтических текстах причастие использовалось достаточно широко в субстантивной функции, то в прозаических памятниках это явление значительно сокращается. Так в тексте Беовульф можно увидеть достаточно большое количество субстантивированных

причастий на -end со значением «деятель»: hettend ‘hater’ от глагола hatian – ‘hate’, sceotend ‘archer, warrior’ от глагола sceotan ‘shoot’ и другие, в том числе:

rædend ‘ruler’

ridend ‘horseman, warrior’

agend ‘possessor’

bordhaebbend ‘shield-bearer’

brimliðend ‘seafarer’

ceasterbuend ‘town-dweller’

demend ‘judge’

ealodrincend ‘ale-drinker’

flettsittend ‘hall-sitter, retainer’

folcagend ‘lord, ruler’

helmberend ‘warrior’.

В тексте Homilies of Ælfric [Selected Homilies of Ælfric, 1922] зафиксировано всего 4 субстантивированных причастия на -end: Hælend ‘Saviour’, Scyppend ‘Creator’, Leohtberend ‘Lucifer, light-bearer’, Eorþbugigend ‘earth-dweller’.

А значение деятеля передается другими формами, например:

lareow ‘teacher’

wyrhta ‘ worker’

writere ‘writer’

þeowa ‘servant’

ærendraca ‘messenger’

slege, manslaga ‘murderer, slaughter’

gebed ‘rayer’

melda ‘informer, betrayer’

gefylsta ‘aider, helper’.

В более поздние периоды эти единицы полностью вытесняются заимствованной лексикой. Подобное явление было характерно для всего лексического состава английского языка. Как отмечает В. Н. Ярцева, на рубеже XII-XIII вв. в словарном составе английского языка произошли большие

изменения, выражающиеся не только в интенсивном пополнении лексики заимствованными словами и новообразованиями, но и в быстром исчезновении обширных пластов исконно английских слов [Ярцева, 1976, с. 47].

Значение агентивности могло этимологически присутствовать в семантике причастия, которое по своему происхождению являлось отглагольным прилагательным. Но, как показало исследование, в древнеанглийский период причастие образовывалось от глаголов активности, которые являются непредельными, и не подразумевают агентивности, например:

biernan ‘burn’

flitan ‘contend, compete’

geotan ‘pour, flow’

heofan ‘lament, grieve’

libban ‘live’

habban ‘have’

liðan ‘go, journey’

nipan ‘darken, grow dark’

secgan ‘say, utter’

slaepan ‘sleep’

wæccan ‘watch, be awake’

ymbsittan ‘sit round’ и др.

Д. Денисон также подтверждает в своем исследовании, что причастие не образовывалось от глаголов, имеющих префиксы a-, be-, for-, ofer-, of-, on-, or to-. Функция этих префиксов, по Л. Бринтону [Brinton, 1988, p. 202] – выражение предельности, которая ассоциируется с событийными глаголами (глаголами действий).

Второй необходимый семантический компонент будущей конструкции со значением длительности – процессуальность – существовал в древнеанглийский период. Значение процессуальности, хотя и носило лексический атрибутивный характер, могло бы, вероятно, преобразоваться в значение длительности.

Но, как было продемонстрировано в исследовании, в начале

среднеанглийского периода причастие на -nd утрачивает данное значение. Причастие употребляется редко и в основном атрибутивно, указывая только на признак субъекта. Следовательно, древнеанглийское причастие на -nd не могло стать компонентом будущего грамматикализированного сочетания со значением длительного действия.

Идеальным образом в данной ситуации в глагольную парадигму вместо утратившего свои глагольные функции причастия на -nd вписывается отглагольное существительное на -ng.

Стоит отметить значительный рост количества отглагольных существительных уже в древнеанглийский период. В поэтических текстах зафиксировано всего одно отглагольное существительное на -ing gemeting – ‘meeting’ (Beowulf). В прозаических памятниках ситуация меняется. Например, только в тексте Ælfric Homilies отмечено более 50 существительных на -ng:

leorninga ‘learning, study, meditation’

wilnung ‘desire’

geendung ‘ending’

costnung ‘temptation’

heorcnung ‘hearing’

boclung ‘preaching’

tæcung ‘teaching, instruction’

þenung ‘service’

lustfullung ‘desire, pleasure’

teolung ‘tilling, husbandry’.

Отглагольное существительное в древнеанглийском обозначает либо результат действия (соблазн, желание), либо действие как непрерывный процесс (окончание, слушание, мольба). Называние действия непосредственно подразумевает и его участников. Агентивность отглагольного существительного не подлежит сомнению.

Существительное на -ng значительно расширяет свои функции в среднеанглийский период. Помимо только субстантивных функций в

древнеанглийском, оно получает атрибутивные, а в дальнейшем и предикативные. Впоследствии форма на -ng полностью вытесняет причастие. И именно ING-форма, достаточно часто употребляющаяся с глаголом «быть» в поздних среднеанглийских текстах и не имеющая в этой функции в отличие от причастия на -end значения признака или свойства, грамматикализуется в компонент длительной формы английского глагола.

Подобный процесс преобразования вписывается в схему эволюции частей речи, предложенную Т. Гивоном. Он рассматривает исторический процесс преобразования ‘существительное – прилагательное – глагол’ как переход от сущности к действию: существительные описывают наиболее устойчивые во времени сущности, глаголы – наиболее неустойчивые сущности, способные к быстрым изменениям – действия и события. Между ними располагаются прилагательные [Givon, 1979, p. 320-322]. М. Хаспельмат также отмечает, что причастия (имеется в виду -ng формы) и прилагательные современного английского языка могут рассматриваться как занимающие промежуточные позиции по шкале непрерывного развития частеречных категорий между существительным и глаголом [Haspelmath, 1994, p. 171].

Именно таким образом развивается ING-форма в истории английского языка (рис. 4). От имени существительного в древнеанглийском языке через атрибутивные функции отглагольного существительного в начале среднеанглийского периода к глагольным функция подлинного причастия I:

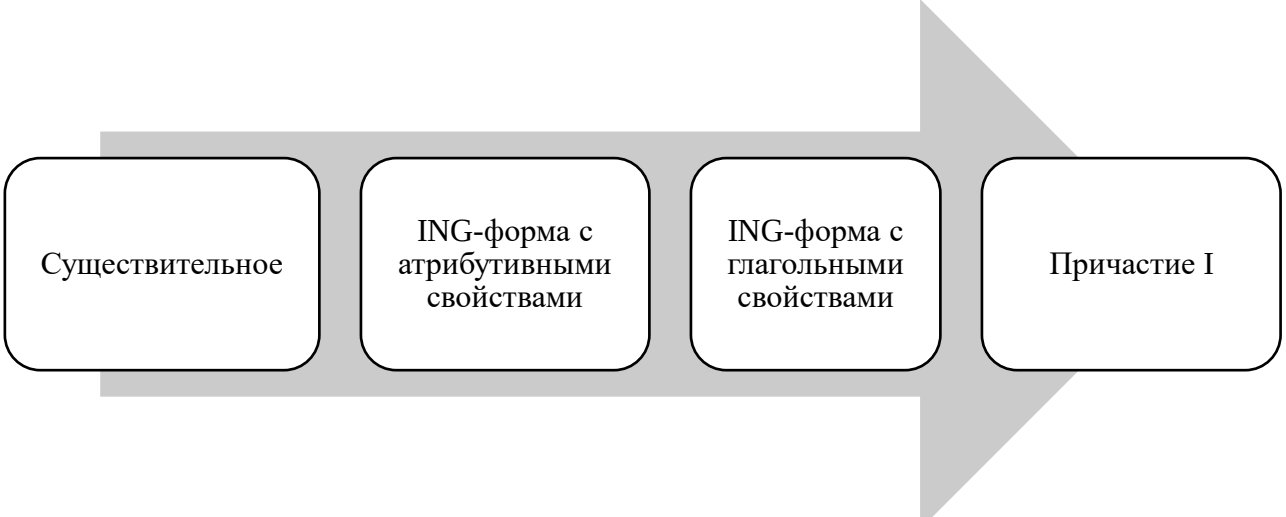

Рисунок 4 – Схема развития причастия I в истории английского языка

Как известно, грамматический аспект во многих языках развился из лексического аспекта; например, во многих языках лексическим исходным глаголом для обозначения прогрессивного аспекта является глагол с продолжительным значением «сидеть», «оставаться», «продолжать» или глагол движения, такой как «приходить» или «уходить» [Bybee, 1994, p. 128-129], которые сами по себе выражают непереходные действия. В английском языке таким глаголом стал глагол «быть», который сочетался с -ng формой.

Причастие современного английского языка, происходящее от существительного, привносит в характеристику действия указание на активность субъекта, протекающую во времени, что тоже есть проявление аспектуальности, ср. ‘he came as Ruler’ или ‘he sat as Flier’. С другой стороны, грамматическое аспектуальное значение континуальности, присущее причастию I в современном английском языке, в равной степени вытекает из лексического аспектуального значений процессуальности, отмечаемого в нашем исследовании у причастия I в древнеанглийский период.

В истории английского языка мы видим постепенное развитие аспектуальных функций причастия от существительного через атрибутивность и процессуальность как свойство субъекта непрерывно и последовательно изменяться во времени к длительности как продолжению существования (действия) во времени.

3.4 Становление аспектуальных функций причастия II

Функции причастия II в ранних среднеанглийских текстах достаточно однообразны. Зафиксированы одиночные примеры атрибутивного (примеры 1 - 2) и аппозитивного (примеры 3 - 4) причастия при существительном:

(1) Me dide **cnotted** strenges abuton here hæued

They did **knotted.PST.PART** strings.SUBST about their heads

‘They tied knotted strings around their heads’ (The Peterborough Chr, 1137)

(2) cwen **icrunet**

queen.SUBST **crowned.PST.PART**

‘the queen crowned’ (Hali Meiðenhad).

(3) Meiðhad is þet an ȝeoue **iȝettet** te of heouene

Maidenhood is that a grace.SUBST **given.PST.PART** to of heaven

‘Maidenhood is a grace given to you by the heaven’ (Hali Meiðhad)

(4) ant euchan bereð a gret boc al of sunnen **iwriten** wið swarte smeale leattres

and each-one carries a great book.SUBST all of sins **written.PST.PART** with black small letters

‘and everyone carries a great book full of sins written with black small letters’ (Sawles Warde).

Практически во всех примерах причастие II употребляется после глагола «быть». При этом причастие не обязательно непосредственно следует за личным глаголом (пример 5; приложение Б пример 39). Причастие может сочетаться с обстоятельствами (пример 6; приложение Б пример 40) и наречиями степени (9, 10), акцентирующими предикативно-атрибутивную функцию причастия:

(5) þe ȝates weren **vndone**

the gates be.PST.PL were **undone.PST.PART**

‘the gates were undone’ (King Horn 1246)

(6) Ant nis ha **witerliche akeaſt**, & in to **þeowdom idrahen**

And is-not she **really.ADV.MODIFIER cast-down.PST.PART**, in to **servitude.ADV.MODIFIER drawn.PST.PART**

‘And she is not really cast down and drawn into servitude’ (Hali Meiðenhad)

(7) Þa was al Engleland **styred mar** þan ær wæs

Then be.PST.SG all England **stirred.PST.PART more** than before was

‘Then was all England insited more than before’ (The Peterborough Chr, 1140)

(8) Þa was Engleland **suythe todeled**

Then be.PST.SG England **very much divided.PST.PART**

‘Then England was very much divided’ (The Peterborough Chr, 1140).

В сочетании с глаголом «быть» причастие указывает на нахождение субъекта в состоянии, обусловленном результатом какого-либо завершившегося

действия. При этом в большинстве примеров не указывается, кем или чем это действие было произведено.

Количество примеров употребления причастия II с глаголом hauen ‘to have’ в текстах раннего среднеанглийского периода постепенно увеличивается, начиная от четырех примеров в тексте хроники Петерборо (приложение Б примеры 41-42) до 85 в тексте Ancrene Wisse. Причастие II занимает и пост-, и препозицию относительно глагола ‘to have’ (примеры 9, 10; приложение Б пример 43):

(9) ant **haueſt ifunden** weane þrin
and **have.PRS.SG found.PST.PART** sorrow.ACC there
‘and (you) have found sorrow there’ (Hali Meiðenhad)

(10) the ten heastes the ich **i-broken habbe**
the ten commandments.ACC that I **broken.PST.PART have.PRS.SG**
‘the ten commandments which I have violated’ (Ancrene Wisse).

Между причастием II и глаголом ‘to have’ могут располагаться другие члены предложения:

(11) Ant ye, mine leove sustren**, habbeth** moni dei **i-cravet** on me efter riwle
And you, my dear sisters, **have.PRS.SG** many day **begged.PST.PART** on me after rule
‘And you, my dear sisters, have many a day begged for a rule from me’ (Ancrene Wisse)

(12) Þer hye **hauede** knyues **leyd**
There they **have.PST.PL** knives.ACC **laid.PST.PART**
‘There they had knives laid’ (King Horn).

В 2 примерах в тексте хроники Петерборо (приложение Б примеры 44-45) и в 1 примере из поэмы King Horn причастие зафиксировано после глагола worthen ‘to become’:

(13) hit **worÞ** him wel **yȝolde**
it **become.PRS.SG** him well **rewarded.PST.PART**
‘He becomes well-rewarded for it’ (King Horn 464).

Данный глагол, употреблявшийся достаточно широко с причастием в

древнеанглийский период в конструкции со значением «изменение состояние субъекта», постепенно выходит из употребления.

В тексте поэмы King Horn причастие II употребляется предикативно-обстоятельственно, например:

(14) Þe knyht him **lay** on slape / in armes wel **yshape**

The knight him **lie.PST.SG** on sleep / in arms well **attired**

'The knight him lay asleep in arms well attired' (King Horn 1316)

(14) doun heo **fel yswowe**

down he **fall.PST.SG fainted.PST.PART**

'Down he fell unconscious' (King Horn 432).

В нескольких примерах причастие II употребляется после глаголов finden 'to find' (пример 16) и seon 'to see' (пример 18):

(16) he **fond** by Þe stronde / **aryued** on is londe / shipes fyftene

He **find.PST.SG** by the shore / **ariived.PST.PART** in his land / ships.ACC fifteen

'He found by the shore fifteen ships arrived in his land' (King Horn 40).

Достаточно часто причастие употребляется в эквивалентных конструкциях с инфинитивом (пример 17). Сравним:

(17) Ich **iseo** a sonde **cumen**

I **see.PST.SG** a messenger.ACC **come.INF**

'I saw a messenger come'

(18) Þe iblescede Godd **iseh** ow **offruhte** ant sumdel drupnin of þet Fearlac talde of deað ant of helle

The blessed God **see.PST.SG** you.ACC **frightened.PST.PART** and somewhat droop.INF of that Fear told of death and of hell

'The blessed God saw you frightened and somewhat oppressed by what that Fear told you of the death and the hell' (Sawles warde).

В последнем примере мы видим именно причастную форму 'offruhte' и инфинитив 'drupnin', о чем свидетельствуют данные словаря [A Middle-English Dictionary, 1891]. Причастие обозначает состояние субъекта в результате

завершившегося действия – ‘видел тебя напуганным’, а инфинитив указывает на активность, вовлеченность субъекта в действие, называемое инфинитивом, придает характеристике действия, выраженного личным непредельным глаголом целостный вид, указывая на его предел – ‘наблюдал, что (как) он смирился’.

Необходимо обратить внимание на формальное совпадение причастия, инфинитива и личных форм глагола. Сравним:

(19) For swa muche þe hokerluker him þuncheð to beon **ouercumen**
for so much the odious seems him to be **overcome.PST.PART**
‘for it seems to him that the most horrible can be overcome’ (Hali Meiðenhad)
þu wult **ouercumen**
you will **overcome.INF**
‘you will overcome’ (Hali Meiðenhad)

(20) Ich habbe **bigunne** to tellen
I have **begun.PST.PART** to tell
‘I have begun to tell’ (Sawles Warde)
Ha seoð i Godd alle þing, ant witen of al þet is ant wes … ant hwerof hit **bigunne**
They see in God all things, and know of all that is and was …and whereof it **begin.PST.SG**
‘They see everything in the God and know about everything that is and was and what it is for and how it began’ (Sawles Warde).

Идентификация форм возможна только в сопоставлении с функциями современных эквивалентов.

В поздних среднеанглийских текстах тенденция использования причастия в основном после глагола ‘to be’ укрепляется, о чем свидетельствует численное превосходство подобных примеров – в тексте Fifteenth-century courtesy book 49 контекстов из 62; в тексте поэмыAthelston 74 из 80) (пример 21; приложение Б примеры 46-47):

(21) and as sone as it **is made** redy
and as soon as it **be.PRS.SG made.PST.PART** ready
‘As soon as it is made ready’ (Fifteenth-century courtesy book).

В этой функции причастие указывает на состояние субъекта в результате завершившегося действия.

Достаточно часто глагол «быть» может опускаться, и причастие употребляется самостоятельно. Данная конструкция состоит из причастия и существительного, называющего лицо или предмет, претерпевающее действие, названное причастием (пример 22; приложение Б примеры 48-49):

(22) Vor huanne þer is werre / betuene tuaye men: hit yualþ ofte / þet þer **byeþ** moche uolk**e dyade** / þet ne habbeþ nenne gelt. cherchen **tobroke**. tounes **uorbernd**. abbeyes. priories. bernes **destrud** / and men / and wyfmen / and children **deserited** / and **y-exiled**. and londes **destrud**

For when there is war / between two men: it befalls often / that there **be.PRS.PL** many people **died.PST.PART** / who not have no guilt, churches **broken.PST.PART**, towns **burnt.PST.PART**, abbeys, priories, barns **destroyed.PST.PART** / and men / and women / and children **disinherited.PST.PART** / and exiled, and lands **destroyed.PST.PART**

‘For when there is a war between two men, it often happens that there are many people dead who have no guilt, churches broken down, towns burnt up, abbeys, priories, barns destroyed, and men and women and children disinherited and exiled, and lands destroyed’ (Ayenbite of Inwyt).

На втором месте по количеству контекстов употребления в позднесреднеанглийских текстах – причастие после глагола ‘to have’:

(23) when þey **haue** all **dronken**

when they **have.PRS.PL** all **drunk.PST.PART**

‘when they have all drunk’ (Fifteenth-century courtesy book)

(24) I **haue perceiued** well by certeyne euidences thine abilite

I **have.PRS.SG perceived.PST.PART** well by certain evidence your ability.ACC

‘I have perceived your ability well by certain evidence’ (A Treatise on The Astrolabe).

Причастие может располагаться непосредственно сразу после финитных

глаголов или отделяться от них подлежащим (пример 27), дополнением (пример 25) или обстоятельством (пример 26):

(25) and **haue hit translated** in myn englissh

and **have.PRS.PL it.ACC translated.PST.PART** in my English

‘and have it translated in my English’ (A Treatise on The Astrolabe)

(26) thise conclusiouns **ben suffisantly lerned** & **tawht**

these conclusions **be.PRS.PL sufficiently.ADV learned.PST.PART** and **taught.PST.PART**

‘these conclusions are sufficiently learned and taught’ (A Treatise on The Astrolabe)

(27) And in the lettre yit **was it tolde**

And in the letter yet **be.PST.SG it told.PST.PART**

‘And in the letter yet was it told’ (Athelston 193).

В нескольких примерах из текстов Athelston и Ayenbite of Inwyt форма глагола ‘to be’ зафиксирована в постпозиции к причастию:

(28) And whanne this chyld **iborn was**

And when this child **born.PST.PART be.PST.SG**

‘And when this child was born’ (Athelston 651)

(29) Vor-zoþe ariʒt **acorsed** ssel **by**

Forsooth aright **accursed.PST.PART** shall **be.INF**

‘Without doubt really shall accursed be’ (Ayenbite of Inwyt).

Препозиция причастия относительно глагола ‘to have’ отмечена только в двух примерах в тексте Ayenbite of Inwyt:

(30) Vayre uader ych yelde þe þonkes and heriynges þet þise þinges **y-hed** / and **y-hole hest** to þe wyse and hise hest y-sseawed to þe milde

Fair father each gives the thanks and praises that these things.ACC **hidden.PST.PART** / and **concealed.PST.PART have.PRS.SG** to the wise and them has showed to the meek

‘Fair father gives the thanks and praises to everyone but for the wise [he] has hidden these things and for the meek has showed’

(31) þet to sterue **ylyerned** ne **heþ**

that to die **learned.PST.PART** not **have.PRS.SG**

‘that have not learned to die’.

Как показывает анализ примеров, в среднеанглийский период не представляется возможным выделить четких конструкций причастия II с глаголом Chr, «иметь». Однозначно стоит отметить отсутствие придаточных предложений после сочетания ‘have + PST.PART’, зафиксированных в древнеанглийском языке. Что касается употребления в ACC объекта, на которое оказывается действие, то подобное можно встретить, но не во всех примерах, при этом существительное или местоимение, называющее объект действия, стоит чаще всего после причастия, а не после глагола «иметь», как это отмечалось в древнеанглийских текстах. В тех примерах, где присутствует объект действия, причастие указывает наличие результата изменения состояния объекта действия, значения предшествования не отмечается. Особенно явно это прослеживается при употреблении глагола ‘to have’ в прошедшем времени:

(32) Þa the suikes undergæton ðat he milde man was &softe & god, & na iustise ne dideþa diden hi alle wunder. Hi **hadden** him manred **maked** & athes **suoren**

then the traitors understood.PST that he mild man was.PST and soft and good, and no justice not executed.PST, then did.PST they all wonder. They had.PST.PL him homage.ACC **done.PST.PART**, and oaths.ACC **sworn.PST.PART**

‘Then the traitors understood that he was a gentle and a temperate man, no justice executed, then did they a wonder. They had done him homage, and sworn oaths’ (The Peterborough Chr, 1137)

(33) On þis gær com Dauid king of Scotland mid ormete færd to þis land; wolde winnan þis land. & him com togænes Willelm eorl of Albamar, þe þe king **adde beteht** Euorwic, & te other æuez men mid fæu men; & fuhten wid heom, & flemden þe king æt te Standard, & sloghen suithe micel of his genge

On this year came.PST David King of Scotland with immense army to this land; wished.PST win this land.and him came.PST William Earl of Albemarle, that the king **had.PST.SG committed.PST.PART** York, and the other borderers, with

few men, and fought.PST with them

‘In this year came David, King of Scotland, with an immense army to this land. He was ambitious to win this land; and for him came William, Earl of Albemarle, to whom the king committed York, and other borderers, with few men, and fought against them’ (The Peterborough Chr, 1138).

В последнем примере конструкция ‘have.PST + PST.PART’ не указывает на предшествование, обозначая последовательное действие в прошлом, наряду с личными формами глагола. Это точно следует из исторических сведений, согласно которым в канун 1138 г. Давид I напал на Англию, главой шотландских военачальников был назначен племянник Давида Вильгельм Фиц-Дункан, который и взял Уорк.

С другой стороны, в примерах, где явно присутствует значение предшествования, может использоваться имперфект:

(34) &**wende** þe tun betere þan it **ær wæs**

and **made.PST** the town better than it **was.PST before**

‘And [he] made the town better than it was before’ (The Peterborough Chr.).

В примерах, действие которых происходит в настоящем времени, и отсутствует объект действия в ACC, сложно определить, идет ли речь о предшествующем действии или нет. Вероятнее всего, в среднеанглийских текстах глагол «иметь» используется наряду с другими глаголами в презенсе и имперфекте, обозначая только завершение изменения состояния объекта безотносительно к предшествующему и последующему действию.

(35) Ȝe ne schule nawt bihaten hit; ah **habbeð** hit on heorte and **doð** hit as þah Ȝe hit **hefden bihaten**

you no should not promise it; but **have.PRS** it on heart and **do.PRS** it as though you it **had.PST.SG promised.PST.PART**

‘you should not promise but have it in your heart and do it as though you had it promised’ (Ayenbite of Inwyt).

В древнеанглийском языке данная конструкция имела значение «иметь что-либо.ACC сделанным», подчеркивала наличие результата изменения состояния

объекта действия и постепенно приобретает в среднеанглийский период значение завершения действия (без указания на объект и его состояние).

Далее происходят семантические изменения от завершенности к предшествованию, при этом сама завершенность и наличие результата рассматриваются как ступень для осуществления последующего действия.

Многочисленные факты, продемонстрированные выше и указывающие на отсутствие цельнооформленности, неразложимости, относительной изоляции сочетаний, свидетельствуют о том, что конструкция ‘have + PRS.PART’, как и сочетание ‘be + PRS.PART’ находятся только на начальных этапах процесса грамматикализации.

В среднеанглийский период в подавляющем большинстве контекстов употребления причастия с глаголами, оно используется предикативно. Атрибутивная функция характерна для причастия лишь в нескольких примерах:

(36) how is it wyth the that thu **art so chongyd**?

how is it with you that you **be.PRS.SG so changed.PST.PART**?

‘how is it possible that you changed much?’ (The Book of Margery Kempe)

(37) he **is mest asayled** ine zuyche guod

he **be.PRS.SG most assailed.PST.PART** in such wealth

‘he is so criticized for such a wealth’ (Ayenbite of Inwyt).

Зафиксировано незначительное количество контекстов атрибутивного функционирования причастия II при существительном (чаще всего в препозиции, однако в тексте Ayenbite of Inwyt – все в постпозиции). В тексте Athelston в качестве определения употребляется всего одно причастие: weddyd (bretheryn) ‘sworn (brothers)’ (Athelston 10). В других текстах примеры также немногочисленны (пример 38-39; приложение Б примеры 50-51):

(38) take vp trenchoures and **broken breed**

take up trenchers and **broken .PST.PART breed.SUBST**

‘take up trenchers and broken breed’ (Fifteenth-century courtesy book)

(39) **naked words**

naked .PST.PART words.SUBST

‘simple words’ (A Treatise on The Astrolabe)

В нескольких контекстах причастие II обозначает состояние субъекта действия, употребляясь аппозитивно при существительном:

(40) as in subtil **tables calkuled** for a kawse

as in subtle **tables.SUBST calculated.PST.PART** for a case

‘as in precise tables made for a case’ (A Treatise on The Astrolabe)

(41) And þet is þet **bread** tuies **y-bake**

and that is that **bread.SUBST** twice **baked.PST.PART**

‘and that is that bread twice baked’ (Ayenbite of Inwyt).

Аппозитивно при глаголе причастие II функционирует в редких случаях, практически всегда выступая как обстоятельство образа действия и выражая состояние субъекта, в котором он совершает действие, выраженное финитным глаголом:

(42) **Guoþ** ye **acorsede** in-to þe greate uere eurelestinde ine helle

Go.PRS.SG you **accursed.PST.PART** in-to the great fire everlasting in hell

‘Go you accursed into the great fire everlasting in the hell’ (Ayenbite of Inwyt)

(43) lheuedyes / þet **comeþ** zuo **idiȝt** mid gold

Ladies / that **come.PRS.PL** so **decked.PST.PART** in gold

‘Ladies that come so adorned with gold’ (Ayenbite of Inwyt).

Как отмечалось выше, в среднеанглийский период распространено совпадение финитных и нефинитных форм (пример 44; приложение Б примеры 52-54):

(44) uor to **do harmi** oþren

for to **do.INF** harm others

‘to do harm to others’

yef he hit ne **do** al to his wylle

if he it not **do.PRS.SG** all to his wish

‘if he does not do it as he wished’

bote yef hit ne by **do** al to his wylle

but if it is not be **done.PST.PART** to his will

‘but if it is not done as he wished’ (Ayenbite of Inwyt).

Еще одно явление, которое свидетельствует о процессе преобразования нефинитных форм в среднеанглийский период, – использование разных форм причастия, одна из которых может совпадать с формой инфинитива:

(45) whych had **forsakyn** hym

which had **forsaken.PST.PART** him

‘which had forsaken him’

that God had **forsake** hir

that God had **forsaken.PST.PART** her

‘that God had forsaken her’ (The Book of Margery Kempe)

(46) Þis zenne ys **ydo** ine uele maneres

this sin is **done.PST.PART** in many ways

‘this sin is done in many ways’

(69) his wyl by **do**

his will is **done.PST.PART**

‘his will is done’(Ayenbite of Inwyt).

Особенно часто это явление фиксируется в поэме Athelston (приложение Б примеры 55-56).

Естественно, это можно объяснить стилистикой поэтического текста или неустоявшимися орфографическими нормами. Однако в русле проведенного исследования появляется иная трактовка. Подобное смешение форм вызвано перераспределением аспектуальных функций нефинитных форм, когда инфинитивная форма, выполнявшая в древнеанглийском языке аспектуальные функции (указание предела) в переходный период, с одной стороны, расценивается говорящими как единственная форма, указывающая на завершившееся предельное действие, но, с другой стороны, она лишается своего формального показателя в отличие от причастия, которое становится практически единственным средством выражения завершености.

Преобладание глагольного употребления причастия (преимущественно в

предикативной функции) в среднеанглийский период, существенное сокращение обстоятельственной и атрибутивной функций свидетельствуют об активном вовлечении причастия II в выражение аспектуальности. Это же подтверждается и значительным уменьшением количества примеров употребления причастия II с именем существительным как атрибутивно, так и аппозитивно. Следовательно, акцент с простого указания на признак, свойство субъекта в семантике причастия смещается на обозначение состояния субъекта или объекта, приобретенного в результате завершившегося действия.

Все эти факты, наряду с сужением валентностных характеристик причастия до предикативной валентности (сочетаемости только с глаголом-связкой) говорят о постепенном вхождении причастия в аспектуальную систему английского глагола.

Как показало проведенное исследование, функции всех нефинитных форм перераспределяются в среднеанглийский период. Они все более активно вовлекаются в реализацию значений глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность, способы выражения которого приведены в таблице 16.

Таблица 16 – Основные способы выражения значений глагольного комплекса АТМ в среднеанглийский период

Аспектуальность	**Темпоральность**	**Модальность**
• причастие I • причастие II • флективный инфинитив • нефлективный инфинитив	• личная форма глагола (противопоставление презенса и претерита)	• нефлективный инфинитив в сочетании с претерито-презентными глаголами • флективный инфинитив

В древнеанглийский период нефлективный инфинитив имеет аспектуальные функции, сочетаясь с непредельными глаголами и маркируя предел действия, выраженного финитным глаголом. Многие лингвисты склоняются к точке зрения,

что в древнеанглийском языке не существовало категории аспекта, на что указывает, например, наличие аблаута в системе сильных глаголов, которое является доказательством того, каким образом третичная аспектуальная категория индоевропейского праязыка эволюционировала в безаспектуальную двоичную систему древнеанглийского языка. Действительно, в древнеанглийском языке не существовало грамматически выраженной категории вида. Однако, несомненно, существовали иные способы выражения аспектуальности. Как уже было показано в исследовании, приставка ge- в древнеанглийском языке указывала не на завершённость действия, а на направление действия. Другие глагольные приставки также не выражали завершённость действия, но играли роль в обозначении предельности / непредельности глагольного действия. Так, В. Г. Шабаев подразделяет глагольные приставки древнеанглийского языка на десемантизированные и лексически значимые. Первые из них, по мнению автора, использовались как показатель достигнутого предела а, вторые служили для обозначения направленности к достижению предела [Шабаев, 2016, с. 163].

Использование приставок не было регулярным средством выражения предельности в древнеанглийском языке, как например, они функционируют в русском языке. К тому же и сами приставки не всегда содержали указание на сам предел. Эту функцию достаточно регулярно выполнял нефлективный инфинитив. Ср.: nacod niðdraca, nihtes fleogeð ‘голый змей ночью летает’ – culfre com fleogan of heofonum ‘голубь прилетел с небес’.

Нефлективный инфинитив в среднеанглийский период, теряя свои формальные признаки, употребляется только с явно выраженными глаголами состояния (претерито-презентными глаголами) и в конструкции «сложное дополнение». Именно данные синтаксические условия способствуют выражению прежнего аспектуального значения инфинитива. Функционирование инфинитива только с претерито-презентными глаголами, некоторые из которых постепенно эволюционируют в модальные, способствует его восприятию как компонента конструкции со значением базовой модальности.

Утраченная инфинитивом аспектуальная функция перенимается другими

нефинитными формами, аспектуальное значение которых уже зарождается в древнеанглийский период, и которые в среднеанглийский период, имея выраженные формальные показатели, значительно сужают свою синтагматическую сочетаемость и постепенно грамматикализуются в темпорально-аспектуальные конструкции.

Причастие I, являясь новообразованием среднеанглийского периода, благодаря своему происхождению от отглагольного существительного со значением действия, вписывается в развивающуюся конструкцию ‘be + PRS.PART’. Как отмечалось в исследовании, причастие указывало на агентивность и континуальность, то есть непрерывность, отсутствие, внутренней разделенности, то есть вид непредельности.

Причастие II в древнеанглийском языке образовывалось только от переходных предельных глаголов, что свидетельствует о его потенциальной семантике предельности или завершенности. Обозначая состояние субъекта (объекта) или завершение изменения этого состояния в результате завершившегося действия (результат), оно постепенно входит в состав глагольного сказуемого со значением пассива и перфекта. Формы причастий постепенно формируют новую аспектуальную систему английского языка, восполняя утраченные аспектуальные функции нефлективного инфинитива и личного глагола.

Отчетливо все свойства нефинитных форм можно увидеть в одинаковых синтаксических условиях, например в конструкции «сложное дополнение»:

(47) I **fond** o schup **rowe** / Mid watere al **byflowe**

[Y say a schip rove / Mid watere al byflowe]

I **find.PST.SG** a ship **row.ACC** / with water all **surrounded.PST.PART**

‘I found (saw) a row of ships surrounded by the water’ (King Horn) – «увидел корабли (в каком состоянии?) – окруженные водой»

(48) Many **knyghtes** they **sawe comynge**

Many **knightes.ACC** they **saw coming.PRS.PART**

‘They saw many knightes coming’ (Guy of Warwick) – «увидели рыцарей

(делающих что? в процессе чего?) идущих».

С этим же глаголом употребляется и нефлективный инфинитив, указывающий на предельность действия, обозначенного личным глаголом:

(49) And euermore as þou **findest þe mone passe** fro þe sonne so remeve þou …

And evermore as you **find.PRS.SG the moon.ACC pass.INF** from the sun so remove.IMP you…

‘And whenever you find that the moon passed from the sun you shoul remove…’ (A Treatise on The Astrolabe) – «луна прошла (предельное действие) от солнца».

Флективный инфинитив, сохранивший инфинитивный маркер, называет отдельное (от названного личной формой глагола) действие, указывая на предельность действия, обозначенного финитным глаголом (частица to выступает как маркер предела):

(50) Þulli þoht makeð mon te fleon

this thought **make.PRS.SG men.ACC to flee.INF**

‘this thought makes people flee’ (Sawles Warde).

В отличие от нефлективного инфинитива, который, употребляясь с непредельным личным глаголом, воспринимается с ним как одно целое:

(51) Hardi bileave **maketh stonden** up-riht

Stout belief **make.PRS.SG stand.INF** up-straight

‘Stout belief makes [one] stand up straight’ (Hali Meiðenhad).

Причастие II в подобной конструкции определяет состояние объекта:

(52) and **makeþ him dronke** of holy loue

and **make him.ACC drunk.PST.PART** of holy love

‘and make him drunk with holy love’ (Ayenbite of Inwyt).

Флективный инфинитив в большинстве случаев участвует в выражении оценочности:

(53) þe uurecce men ne hadden **nammore to gyuen**

the wretched men had **no more to give.INF**

‘the wretched men had no more to give’ (The Peterborough Chr, 1137)

(54) ant maketh him nesche ant **softe to hondlin**

and makes him tender and **soft to touch.INF**

‘and makes him tender and soft’ (Ancrene Wisse).

Все продемонстрированные примерами аспектульно-модальные значения нефинитных форм представлены в таблице 17.

Таблица 17 – Участие нефинитных форм в выражении значений глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность в среднеанглийский период

Нефинитные формы	Значение в рамках глагольного комплекса АТМ
Нефлективный инфинитив	предельность / базовая модальность в сочетании с претерито-презентными глаголами
Флективный инфинитив	предельность / базовая модальность
Причастие I	континуальность
Причастие II	завершенность / результативность / предшествование

Выводы по главе 3

1. В среднеанглийский период значительное влияние на развитие внутренних тенденций английского языка оказывают экстралингвистические факторы, которые ускорили наметившиеся ранее внутриязыковые изменения.

Наиболее значимым экстралингвистическим фактором в истории английского языка стало Нормандское завоевание. Языковая ситуация среднеанглийского периода проходит несколько стадий развития: от ситуации диглоссии, фиксируемой с XI по XIII вв., когда французский язык господствовал во всех высших коммуникативных сферах, а за английским языком были закреплены лишь сферы устного общения через двуязычие XIII – XIV вв. к полному превосходству английского языка, расширению сфер его применения. Языковая ситуация, сложившаяся в средние века в Англии, позволяет выделить две, наиболее релевантные для исследования функций и семантики нефинитных форм, группы текстов: 1) ранние письменные памятники XII - XIII вв., в которых

отражаются постепенные, еще не столь последовательные изменения языковой системы; 2) письменные памятники позднего периода (XIV - XV вв.), наглядно демонстрирующие результаты начавшихся ранее языковых преобразований.

2. Функции, позиция и валентность инфинитивов подвергаются значительному преобразованию. Инфинитив в среднеанглийский период занимает фиксированную постпозицию. Функции инфинитивов не пересекаются, при этом у нефлективного инфинитива они значительно сокращаются, а флективный инфинитив, наоборот, расширяет свои функции. У нефлективного инфинитива остается только глагольная валентность, в то время как флективный инфинитив расширяет свою валентность, добавляя к глагольной, субстантивную, атрибутивную и адвербиальную.

Нефлективный инфинитив, сочетаясь в древнеанглийский период с широким классом непредельных переходных глаголов, указывал на предельность действия в конструкции ‘V + INF’. В среднеанглийский период количество глаголов, после которых может употребляться нефлективный инфинитив, значительно сокращается. Нефлективный инфинитив утрачивает свою аспектуальную функцию. Преобразование видовой системы английского глагола было вызвано непосредственно процессом упрощения флексий и подпитано появлением в языке значительного числа заимствованных глаголов, в результате чего падежная форма существительного, как и не маркированный инфинитив перестают быть формальными маркерами предельности личного глагола.

В этой ситуации появляется необходимость новых средств выражения предельности. Одним из них становится частица to, которая осталась единственным формальным показателем инфинитива. Это произошло из-за того, что по ряду причин, среди которых ее употребление в древнеанглийском языке с одной из форм инфинитива, который выражал предельность, или использование флективного инфинитива только с предельными событийными глаголами, частица to ассоциировалась именно с предельностью, совершенностью и событийностью. Нефлективный инфинитив, утрачивая аспектуальную функцию и сочетаясь только с претерито-презентными глаголами, которые превращаются в

модальные, оставляет за собой функцию маркирования базовой (корневой) модальности личной формы (претерито-презентного) модального глагола. Сочетание нефлективного инфинитива с финитной формой претерито-презентного глагола имеет выраженные признаки аналитической конструкции.

Флективный инфинитив сочетался в древнеанглийский период только с событийными предельными глаголами, называя полноценные событийные действия, часто привнося оценочное или рекомендательное значение. Свои функции флективный инфинитив сохраняет. Однако, наряду с этими функциями, он начинает использоваться в конструкции «сложное дополнение». Функциональный статус флективного инфинитива в среднеанглийский период расширяется. Благодаря единственному сохранившемуся формальному маркеру инфинитивов частице to, которая становится еще и, своего рода, показателем предельности и событийности, флективный инфинитив вписывается в изменившийся порядок слов английского предложения, называя отдельное действие. Кроме этого флективный инфинитив сохраняет функцию выражения оценочности и рекомендательного значения, которую он приобретает еще в древнеанглийский период. Данное значение проявляется не только при сочетании с глаголом «быть», но и при уточнении существительных и прилагательных.

Утраченная инфинитивом аспектуальная функция перенимается и другими нефинитными формами, аспектуальное значение которых уже закладывается в древнеанглийский период, и которые в среднеанглийский период, имея выраженные формальные показатели, значительно сужают свою синтагматическую сочетаемость и постепенно грамматикализуются в темпорально-аспектуальные конструкции.

2. В самых ранних среднеанглийских текстах причастие на -nd употребляется редко. В значительной степени преобладают примеры непредикативно-атрибутивного функционирования причастия, называющего признак субъекта. В более поздних текстах форма на -nd полностью отсутствует. Проведенный анализ показывает, что в начале среднеанглийского периода причастие I на -nd существенно сужает свои функции и, следовательно,

употребляется очень редко. При этом функции причастия не выполняются формами на -ng, что не позволяет говорить о смешении форм или функциональном пересечении. Форма с окончанием -nd, выполняя атрибутивные функции, не ассоциируется больше с процессуальностью. Причастие постепенно исчезает из языка по ряду причин, к которым можно отнести, прежде всего, упрощение флексий и преобразование видовой системы древнеанглийского глагола. Как было показано в исследовании, причастие в предикативной функции, как и нефлективный инфинитив, употреблялось после непредельных глаголов. В связи с неразличением глаголов по предельности / непредельности немаркированное падежными флексиями причастие перестает использоваться предикативно, оставляя за собой только атрибутивные функции, которые в системе языка выполняются прилагательными.

Лакуна в глагольной парадигме заполняется иной формой – отглагольным существительным, которое постепенно расширяет свой функционал. В древнеанглийский период эти имена существительные были полностью лишены глагольных черт, имеют исключительно субстантивный характер.

Во второй группе среднеанглийских текстов отмечается единая форма на -ng, которая стремительно расширяет глагольные функции. Однако если отглагольные функции древнеанглийского причастия основывались на характеристике состояния субъекта – свойства (как ряда состояний) непрерывно и последовательно изменяться во времени, что именовалось процессуальностью, то отглагольные функции новой формы в среднеанглийский период связаны с ее происхождением от отглагольного существительного, которое называло действие. В данном случае будет более уместен термин континуальность, т.е. непрерывность.

В поздних среднеанглийских текстах отмечено значительное сокращение непредикативного употребления причастия, что свидетельствует о сокращении способности причастия I указывать на признак и свойство субъекта и увеличении значения континуальности и агентивности. ING-форма, лишенная исходного причастного значения признака или свойства, достаточно регулярно используется

в сочетании с глаголом «быть» в поздних среднеанглийских текстах. Постепенно именно эта форма грамматикализуется в компонент длительной (континуальной) формы английского глагола.

3. Причастие II в среднеанглийский период почти полностью сокращает свои атрибутивные функции, используясь исключительно в сочетаниях с глаголами, что свидетельствуют об активном вхождении причастия в аспектуальную систему английского глагола.

В конструкции с глаголом «быть» причастие указывает на нахождение субъекта в состоянии, возникшем в результате какого-либо завершившегося действия. При этом в большинстве примеров не указывается, кем или чем это действие было произведено. В сочетании с глаголом «иметь» в тех примерах, где присутствует объект действия, причастие указывает на наличие результата завершенного изменения состояния объекта, значения предшествования не отмечается. В примерах, действие которых происходит в настоящем времени, и отсутствует объект действия в АСС, сложно определить, идет ли речь о предшествующем действии или нет. В среднеанглийских текстах глагол «иметь» используется наряду с другими глаголами в презенсе и имперфекте, обозначая в сочетании с причастием только результат завершения изменения состояния объекта безотносительно к предшествующему и последующему действию. Значение завершенности становится переходной ступенью к развитию значения предшествования, которое характеризует темпорально-аспектуальные формы перфекта в английском языке.

Глава 4. Участие нефинитных форм в выражении значений глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность в новоанглийский период

В данной главе диссертационного исследования после описания языковой ситуации изучаемого периода, позволяющей определить критерии отбора новоанглийских текстов, анализируются функции, семантика и статус нефинитных форм в новоанглийский период. В процессе исследования отмечается укрепление ранее наметившихся тенденций, по которым осуществлялось преобразование нефинитной парадигмы глагола и формирование глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность в английском языке.

Основные результаты исследования, представленные в данной главе, отражены в работах автора [Соколова, 2016; Соколова, 2016b; Соколова, 2018e; Соколова, 2018c].

4.1 Языковая ситуация новоанглийского периода

Языковая ситуация новоанглийского периода характеризуется двумя глобальными преобразованиями. Английский язык, который начал постепенно расширять свой коммуникативный диапазон еще в конце среднеанглийского периода, практически полностью вытесняет французский язык из всех сфер общения. Это способствует дальнейшему развитию английского национального литературного языка [Смирницкий, 2000, с. 140]. В основе этих процессов лежат экстралингвистические предпосылки, связанные, прежде всего, с развитием общества. Английский язык начинает постепенно осваивать прежде недоступные ему коммуникативные сферы. Но уже через несколько столетий после вытеснения французского языка – в эпоху Возрождения – английский язык вновь подвергается иноязычному влиянию, на этот раз латинского языка. Исход соперничества английского языка с латынью нельзя было считать заведомо

предрешенным, так как престиж латинского языка оставался достаточно высоким. Языковая ситуация новоанглийского периода представляется как противопоставление «простонародного» ранненовоанглийского языка и «утонченного и изысканного» латинского языка. Постепенно английский язык наряду с латынью начинает использоваться в тех сферах общественной жизни, где раньше применялась исключительно латынь. Окончательный перелом в пользу английского языка происходит в конце XVI века, когда он значительно расширяет сферы своего употребления, превращаясь в подлинно национальный литературный язык [Салбиев, 1996, с. 41]. Следовательно, для бóльшей объективности анализа отбор текстов для исследования необходимо осуществлять с учетом основных характеристик литературного языка данного этапа развития: сравнительно высокая степень обработанности, тенденция к стандартизации, однородность, наддиалектность и многовалентность [Гухман, Семенюк, 1983, с. 5].

Эти характеристики позволяют сформулировать следующие критерии отбора языкового материала: различная жанрово-стилистическая разновидность текстов, сравнительно высокая степень их обработанности и регламентированности, наддиалектный характер текстов, отнесенность к разным последовательным этапам (векам) в рамках исследуемого периода.

В соответствии с перечисленными критериями, материал исследования в данной главе будет представлен следующими сочинениями новоанглийского периода:

Ascham, Roger The Scholemaster, 1570

Bacon, Francis New Atlantis, 1627

Colonel Norwood A Voyage to Virginia, 1649

Locke, John An essay concerning human understanding, 1690

Jonson, Ben Two Comedies (Volpone, or the Fox; Bartholomew Fair), 1605–1631

Defoe, Daniel Giving Alms, No Charity, 1704

Adams, Samuel The Rights of the Colonists, 1772

Darwin, Charles Origin of the Species, 1859

Draper, John William History of the Conflict between Religion and Science, 1881.

Расцвет английской поэзии и прозы начинается с конца 1570-х годов. Он сопровождался подъемом литературного творчества, который пришелся на XVII - XIX вв., характеризовавшиеся поразительной продуктивностью писателей всех убеждений и нравов. Основы английской литературы подкреплялись огромными успехами в сфере науки и образования, технологической зрелостью и ускорением производства.

4.2 Преобразование модальных функций инфинитивов

Нефлективный инфинитив в новоанглийских текстах употребляется после глаголов, имеющих модальное значение shall, should, will, would, may, might, must, can, could, выполняя предикативную функцию глагольной части составного глагольного сказуемого:

(1) if you **will follow** my advice, ther **shall** first **goe** with me some few of you, and see the place, and how it **may be** made conuenient for you; and then you **may send** for your Sick (Francis Bacon)

(2) the childe **must take** a paper booke, and sitting in some place, where no man **shall prompe** him, by him self, let him translate into Englishe his former lesson (Roger Ascham).

Эти глаголы в новоанглийский период становятся подлинными способами выражения модального значения. Процесс преобразования полнозначных претерито-презентных глаголов в современные вспомогательные модальные глаголы широко исследован и описан в работах лингвистов [Allen, 1974; Denison, 1990; Kemenad, 1992; Plank, 1984; Reese, 2007].

Статистическое распределение инфинитивов в новоанглийских текстах является приблизительно равным (1758 примеров с нефлективным инфинитивом и 1915 примеров с флективным). Но статистические данные в этот период не

могут являться показательными, так как оба инфинитива функционируют в основном в сфере модальности, выражение которой весьма субъективно и зависит от установок автора.

В самых ранних новоанглийских текстах (в трех из отобранных для исследования) нефлективный инфинитив можно встретить также после глагола do (doth, did) в отрицательных и в утвердительных предложениях (пример 3; приложение В примеры 1-5):

(3) When you **do come** to swim in golden lard (Ben Jonson Volpone)
wee were come into a Land of Angells, which **did appeare** to us daily (Francis Bacon).

При этом стоит отметить, что отрицательные предложения могут образовываться и без использования данного вспомогательного глагола (пример 4; приложение В примеры 6-8):

(4) the Master **careth not**, the Scholer **knoweth not** (Roger Ascham).

Вопросительных предложений с или без вспомогательных глаголов в текстах Roger Ascham и Colonel Norwood не зафиксировано. Они встречаются в комедии Бена Джонсона, и, так же как и отрицательные предложения, могут образовываться с / без do:

(5) **Knew** you not that, sir?
This fellow,
Does he **gull** me, trow? or is gull'd ?
Perjured yourself?
who **did send** for you?

Следовательно, говорить о глаголе do как вспомогательном элементе для образования вопросительных и отрицательных форм мы пока не можем. А. И. Смирницкий указывает на еще свободное, не обязательное потребление глагола «do» [Смирницкий, 2000, с. 197] как вспомогательной формы для постановки вопросов или отрицаний к предикативной части предложения, а не к какому-либо другому элементу.

Употребление инфинитива в подобной конструкции отмечалось и в

среднеанглийских текстах. Инфинитив при этом указывал на предельность действия, названного финитным глаголом. И в новоанглийских текстах подобные примеры показывают, что глагол do (doth, did) используется не как будущий, пока еще не обязательный вспомогательный грамматический элемент изъявительного наклонения, а как темпоральный компонент аналитической аспектуальной конструкции для выражения предела действия, маркером которого является нефлективный инфинитив. Ср.:

(6) This Childe vsing moche the companie of seruinge men, and geuing good eare to their taulke, **did** easelie **learne**, which he shall hardlie forget (Roger Ascham)

(7) After the childe **hath learned** perfitlie the eight partes of speach, let him then learne the right ioyning togither of substantiues with adiectiues (Roger Ascham)

(8) as those things which we **learned** when we were yong (Roger Ascham).

В примере (6) перифрастическая конструкция инфинитива с глаголом do обозначает предельное законченное действие – «выучил», а финитная форма глагола в (8) лишена аспектуальной характеристики – «учили». В примере (7) тот же глагол употреблен в перфектной форме и указывает на предшествующее действие. В примере (9) отмечается аспектуальное противопоставление форм в настоящем времени: «вы не трепальная машина, которая простоит с огромным молотилом перед кучей зерна и, испытывая голод, не позволит себе съесть и зернышка» – «если так, браните его; вот там он стоит»:

(9) You are not like a thresher that **doth stand** / With a huge flail, watching a heap of corn / And, hungry, dares not taste the smallest grain, – If there be, censure him; here he doubtful **stands** (Ben Jonson Volpone).

Сокращение количества глаголов, с которыми нефлективный инфинитив употребляется как маркер предельности, свидетельствует о дальнейшем сужении аспектуальных функций инфинитива.

Стоит отметить, что предельность / непредельность как характеристика действия наряду с определенностью / неопределенностью является субъективной в том смысле, что ее выбор осуществляется говорящим, который со своей позиции оценивает действие как стремящееся или нестремящееся к своему

пределу. Подобная субъективность ставит предельность / непредельность в один ряд с понятием модальность. В современном английском языке употребление инфинитива с глаголом do приобретает особую стилистическую окраску, выступая в качестве экспрессивных – эмфатических форм (Гавриленко 2002). Эти формы используются для выделения какого-либо значимого элемента высказывания, в данном случае глагольного действия, с целью выражения действительности / недействительности действия, уверенности / неуверенности говорящего в нем. Подобная акцентуализация в ряде случаев может пересекаться с модальностью.

Нефлективный инфинитив в новоанглийских текстах всегда постпозитивен. В подавляющем большинстве примеров инфинитив непосредственно примыкает к личному глаголу. Очень редко возможно употребление обстоятельств между ними (пример 10; приложение В примеры 9-10):

(10) **can never fail** to make trade Sourish (Daniel Defoe).

Нефлективный инфинитив также можно увидеть после глаголов let, make, bid, desire, see, hear, have в конструкции «сложное дополнение» (примеры 11-12; приложение В примеры 11-16):

(11) **Let anyone have** never so true a claim (John Locke)

(12) When he comes, **bid him stay** (Ben Jonson Bartholomew Fair).

Необходимо подчеркнуть, что количество глаголов, с которыми употребляется нефлективный инфинитив в конструкции «сложное дополнение», претерпевает существенное сокращение по сравнению с предшествующими периодами (в новоанглийском языке их остается всего 7). Все глаголы являются исконно непредельными.

Нефлективный инфинитив сочетается с прямым и косвенным дополнением (13, 14), с обстоятельством (15):

(13) he must **pay the referees for time** and trouble (Samuel Adams)

(14) I should **undervalue the bounty** of Heaven to England (Daniel Defoe)

(15) I wish to haue them **speake so** (Roger Ascham).

Флективный инфинитив также всегда постпозитивен. В большинстве

примеров инфинитив непосредственно следует за словом (группой слов), к которому он относиться.

Представляется уместным определить следующие группы функций флективного инфинитива.

1. Предикативное употребление, при котором инфинитив относится к личному глаголу. В рамках этой группы инфинитив может функционировать

- как составная часть сказуемого после глагола «быть», имеющая модальный оттенок значения «необходимость, долженствование» (пример 16; приложение В примеры 17-18):

(16) The natural liberty of man **is to be** free from any superior power on earth (Samuel Adams)

- как дополнение:

(17) who **chose to steer** their course for America (Colonel Norwood)

(18) I **doubt not / To bring** success to your desires (Ben Jonson Volpone)

- как элемент конструкции «сложное дополнение»:

(19) But what if the magistrate **believe such a law as this to be** for the public good? (John Locke)

(20) I haue now **wished**, twise or thrise, **this gentle nature**, **to be** in a Scholemaster (Roger Ascham)

- как обстоятельство (цели, причины, образа действия) (примеры 21-22; приложение В примеры 19-20):

(21) some one would be better fitted than the others **to bear** the diseases of the country (Charles Darwin)

(22) captain Tatam had sent his boats **to bring** us on board his ship (Colonel Norwood).

Во всех примерах инфинитив указывает на предел действия, обозначенного глаголом в личной форме.

Флективный инфинитив имеет следующую сочетаемость:

- с прямым и косвенным дополнением: Mr. Andrews invited me, with my two comrades, to refresh ourselves with fruit and meat (Colonel Norwood). Встречаются

примеры, где инфинитив демонстрирует несвойственную сочетаемость с косвенным дополнением с предлогом of – Wee also most humbly besought him, to accept of vs as his true seruants (Francis Bacon)

- с обстоятельством: foreigners came to take the bread out of our mouths. (Daniel Defoe).

2. Непредикативное употребление. В рамках этой группы инфинитив функционирует как подлежащее (пример 23); уточнение (определение) к прилагательному, существительному, реже числительному, причастию, наречию (отвечает на вопрос ‘какой?’) (примеры 24-26); дополнение к прилагательному, существительному, реже местоимению (отвечает на вопрос косвенного дополнения) (примеры 27, 28); обстоятельство цели к существительному, прилагательному, реже причастию (отвечает на вопрос ‘с какой целью?’) (пример 29). При непредикативном употреблении инфинитив называет действие, часто с оценочной коннотацией:

(23) on the other side, to find that the People had Languages, and were so full of Humanity, did comfort vs not a little (Francis Bacon)

(24) a tendency to pass into monotheism (John William Draper)

(25) we did well to aske pardon for this Question we now asked (Francis Bacon)

(26) were the first to be affected (John William Draper)

(27) And am content to coin them into profit (Ben Jonson Volpone)

(28) can have nothing to fear from an English Parliament (Daniel Defoe)

(29) had we wanted other arguments to engage us in the voyage (Colonel Norwood).

Почти во всех приведенных примерах инфинитив используется в сочетании с эмоционально-оценочной лексикой для выражения субъективной характеристики (оценки) действия: утешить, хотеть, довольный, хорошо и т.д.

Предельность личных глаголов, с которыми употребляется флективный инфинитив в приведенных примерах, или состояний, в случае использования инфинитива в качестве уточнения, может быть подтверждена применением ряда тестов, предложенных в теоретической главе: предельность характеризуется возможностью прерывания и продолжения действия, не возможностью трактовки

формы перфекта как результата действия длительной формы, одновероятным переходом субъекта в другое состояние (после прекращения действия) и др.

При выполнении непредикативных функций инфинитив имеет атрибутивную и номинативную валентности, сочетаясь с существительным (определяемым словом), с глагольной связкой, с обстоятельством, с прилагательным.

Особый интерес представляют примеры употребления инфинитивов в одинаковых синтаксических условиях. Это происходит в исследуемых текстах весьма редко – только при употреблении инфинитивов в конструкции «сложное дополнение» после двух глаголов – make (пример 30) и desire (пример 31). Рассмотрим их:

(30) He **desired vs have** patience a little, and to stay till he came back to vs (Francis Bacon)

we **desired his best language to make** our compliments (Colonel Norwood)

and **desired both father and mother to make** the mariage for him (Roger Ascham)

the whole party **desired me to be** as it were the father of this distressed family (Colonel Norwood)

(31) for yee shall find, we will not **make your Countenance to fall**, by the Answer ye shall receiue (Francis Bacon)

the interest of religion **makes them to be** extremely apprehensive – but oppression raises ferments and **makes men struggle** to cast off an uneasy and tyrannical yoke (John Locke)

we now were glad **to make our prey to feed** on (Colonel Norwood).

Подобные случаи двойного употребления уже встречались в среднеанглийских текстах. Они объяснялись с точки зрения предельности / непредельности финитного глагола. Говорящий всегда по-разному воспринимает действия, обозначенные личной формой глагола и флективным / нефлективным инфинитивом – либо как два разобщенных действия с косвенным влиянием субъекта предложения на действие, называемое флективным инфинитивом, либо

как целостное единое, находящееся в сфере влияния и контроля субъекта предложения. При использовании флективного инфинитива глагол ‘to make’ рассматривается как событийный, имеющий собственный объект действия, который, одновременно, является субъектом инфинитивного действия: заставляет их, они опасаются. С нефлективным инфинитивом глагол ‘to make’ воспринимается как непредельный, выражающий направление деятельности, не являющийся событийным, не имеющий объекта действия, сочетающийся с нефлективным инфинитивом, указывающим на предел этой деятельности: They make Christ and his Gospell onelie serue Ciuill pollicie (Roger Ascham).

С глаголом ‘to desire’ сложнее объяснить использование различных форм, так как в современном сознании трудно воспринять этот глагол как предельный «возжелал» или непредельный «желал». В конструкции «сложное дополнение» появляется два субъекта действия (субъект предиката и субъект дополнения). Нефлективный инфинитив употребляется, если субъект предиката имеет влияние на действие дополнения, при этом субъект дополнения – пассивен. Флективный инфинитив употребляется, когда отсутствует прямое влияние субъекта предиката на действие дополнения, а субъект дополнения – более активен. При этом значение флективного инфинитива будет приравниваться к придаточному предложению: He desired us have patience a little, and to stay till he came back to us – Он ждал от нас терпения, понимания (он в силах повлиять на этот процесс), и хотел, что бы мы его дождались (он не в состоянии заставить нас это сделать, только нам решать, ждать или нет).

Подобным образом можно объяснить и примеры, казалось бы, некорректного, неправильного с точки грамматики использования флективного инфинитива с модальнымии глаголами:

(32) And how the persecution and cruelty of the Spaniards, against religion should be directed by the secret overruling Hand, to be the foundation of a people, and a body that **should** in ages then **to come**, be one of the chief bulwarks of that very liberty and religion they sought to destroy (Daniel Defoe).

Флективного инфинитива в этом примере указывает на предел первого и

разобщенность двух действий – есть рекомендации к появлению, и он (орган) появится.

Способность нефлективного инфинитива в связи с выполнением аспектуальной функции выражения предельности указывать на целостность, неразобщенность действия и подчеркивать роль субъекта предложения и ее утрата связана еще с одним явлением, которое начинает развиваться в новоанглийский период, – преобразование категории модальности: от исконной базовой модальности, привязанной к субъекту высказывания, – к модальности, мотивированной отношением говорящего к содержанию предложения (пропозиции). Сложные процессы, лежащие в основе преобразования модальных зачений, рассмотрены в работах В. Абрахама, Э. Лайсс, М. Л. Котина [Covert Patterns of Modality, 2012; Kotin, 2011; Kotin, 2012].

Наше исследование показывает, что именно перераспределение функций инфинитивов приводит к иной трактовке модального глагола. Возможный механизм может быть представлен следующим образом.

В древнеанглийский и среднеанглийские периоды нефлективный инфинитив, являясь маркером предельности, содержал в своей семантике указание на внешнюю перспективу, при котором действие или событие воспринимается как единое целое, а говорящий находится вне этого события. Действие, называемое сочетанием претерито-презентного глагола с нефлективным инфинитивом, рассматривалось целостно с особым подчеркиванием роли субъекта предложения (рис. 5). Постепенно развивающееся значение модальности претерито-презентных (модальных) глаголов не могло, таким образом, выходить за пределы семантики высказывания.

Рисунок 5 – Структура предложения с базовой модальностью

Утрата инфинитивом аспектуального значения предельности привело к переосмыслению отражаемой перспективы, что дало возможность трактовать модальные значения в отрыве от субъекта предложения – с акцентом на позицию говорящего (рис. 6).

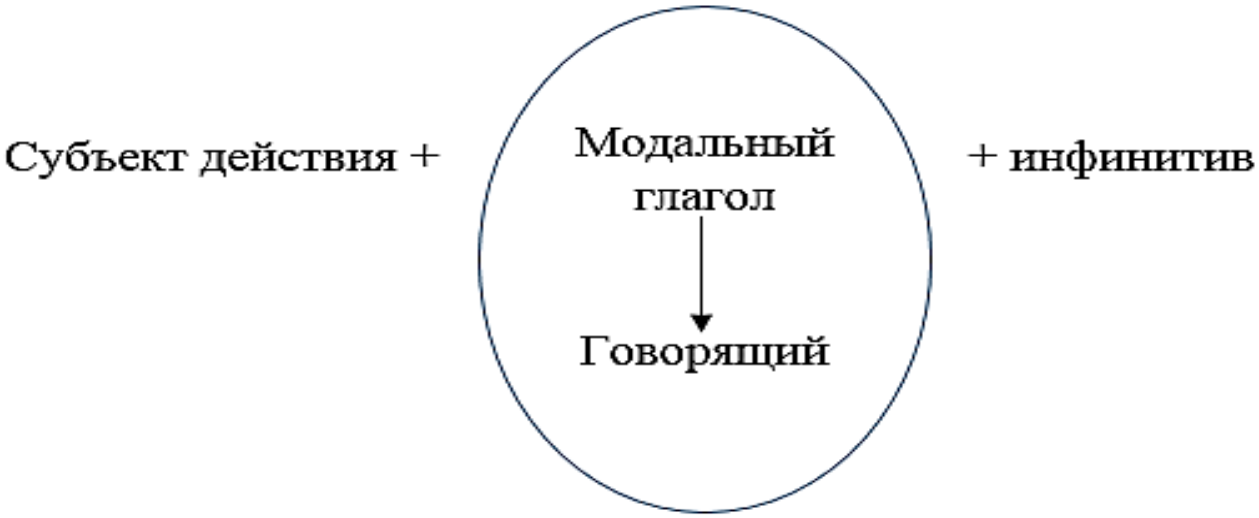

Рисунок 6 – Структура предложения с эпистемической модальностью

Как пояснялось в предыдущих главах, инфинитивы, сохраняя и перенимая значение предельности, участвовали в выражении модального значения. Сочетаясь с претерито-презентными глаголами или самостоятельно функционируя с глаголом «быть», а также с существительными и прилагательными (выражая необходимость или оценку), инфинитивы ассоциировались с базовой модальностью.

В новоанглийский период инфинитивы начинают употребляться в аналитической форме, так называемые пассивный и перфектный инфинитив (длительных форм не зафиксировано).

Сочетание инфинитива глагола «быть» с причастием II называет состояние объекта как результат завершившегося действия. Нефлективный инфинитив ‘be’ в данной конструкции не маркирует предельности состояния, в отличие от флективного инфинитива, который указывает на предельность личного глагола: What **shall be done** in the meanwhile? «что нужно делать (сделать) тем временем?» – If by these means the offenders will not be reclaimed… there remains nothing further **to be done** but… ‘если этими средствами виновники не будут наказаны

(исправлены), то ничего не остается сделать, как…' (John Locke). Инфинитивом «сделать» определяется предел для глагольного действия «оставаться».

Оба инфинитива могут употребляться и в перфектной форме (примеры 33-34; приложение В примеры 21-22):

(33) And surelie, if Varros bookes had remained to posteritie, as by Gods prouidence, the most part of Tullies did, than trewlie the Latin tong might **haue made** good comparison with the Greke (Roger Ascham)

(34) Erasmus, giuyng him selfe to read ouer all Authors Greke and Latin, seemeth **to haue prescribed** to him selfe this order of readyng (Roger Ascham).

Но в форме флективного инфинитива во всех примерах (34, 35) четко прослеживается конструкция 'have + ACC + PST.PART' со значением результата изменения состояния объекта действия, а не со значением предшествования:

(35) in a bloodie desire **to haue all taken away**, by sword or burning (Roger Ascham)

I wish'd I could **have taken** the thief of my goose **to have serv'd him** in the same kind (Colonel Norwood).

Нефлективный перфектный инфинитив (примеры 33, 35) имеет выраженное значение предшествования. Подобное аспектуальное значение формы инфинитива не позволяет рассматривать модальные глаголы, с которыми она употребляется, как имеющие базовое деонтическое значение, так как деонтическая модальность является «вневременным» универсальным явлением относительно понятий таксиса (предшествование, одновременность или следование). Грамматическая характеристика (временная отнесенность) сочетания претерито-презентного глагола с нефлективным инфинитивом, выражающего базовую деонтическую модальность в древнеанглийском и среднеанглийском языке, определялась формой претерито-презентного глагола (презенс / имперфект). Нефлективный инфинитив выражал только предельность. Утрата этой функции и появление у инфинитива перифрастических аспектуальных форм переложило на него функцию выражения грамматических характеристик сочетания. Модальные глаголы лишаются грамматической функции, приобретая эпистемические модальные значения, которые чувствительны к выражению

таксиса.

В приведенных примерах, следовательно, прослеживается уже не базовая модальность соответствия долгу, норме или возможности, а эпистемическая модальность, характеризующая степень достоверности знания. Эпистемическая модальность входит в структуру субъективной модальности и передает оценку знания говорящим возможности существования связи между объектом предикации и его состоянием или действием. Следовательно, кроме самого модального глагола в конструкцию со значением эпистемической модальности должно входить и указание на аспектуальные характеристики действия и состояния. Базовая модальность не подразумевает аспектуально-временную характеристику действия, она направлена лишь на характеристику действия с точки зрения установившейся системы норм и оценок.

Таким образом, простая форма нефлективного инфинитива, исторически ассоциируемая с аспектуальностью (предельностью), как и флективный инфинитив с частицей to, остаются маркерами базовой модальности, в то время как перифрастическая форма нефлективного инфинитива, явно лишенная значения предельности, – маркером развивающейся эпистемической.

Эпистемическая модальность – явление, которое только начинает развиваться в новоанглийский период. М. Л. Котин подчеркивает, что глагольная эпистемическая модальность всегда является производной от базовой модальности, деонтической [Котин, 2018, с. 140]. В качестве доказательства более позднего развития эпистемической модальности Э. Блум приводит тот факт, что дети в процессе освоения языка усваивают базовые модальные глаголы раньше, чем эпистемические [Blom, 2002, p. 101-103]. Она также отмечает, что дети в определенном возрасте используют нефлективные инфинитивы вместо личных глаголов для выражения событийных действий. Это подтверждает наш вывод об исторической способности инфинитива выражать аспектуальность (предельность) глагольного действия. В сознании детей именно инфинитив является маркером предельного действия. Нефлективный инфинитив, однако, постепенно утрачивает эту возможность, сохраняя ее только в нескольких сочетаниях. В

предшествующие периоды сочетание претерито-презентного глагола с нефлективным инфинитивом, маркирующим предельность, рассматривалось как передающее базовую модальность. Флективный инфинитив в ряде случаев тоже мог иметь базовое модальное значение. Позднее, когда происходит перераспределение аспектуальных функций между инфинитивами, флективный инфинитив, получая значение предельности, становится практически единственным маркером базовой модальности наряду с простой формой нефлективного инфинитива, которая сохраняет эту функцию лишь в ограниченном количестве сочетаний только по ассоциации. Перифрастические формы, получающие дополнительное аспектуальное значение, маркируют иную модальность. Это может быть еще одним объяснением разграничения функционирования инфинитивов в конструкции «сложное дополнение», согласно которому нефлективный инфинитив указывает на эпистемическую модальность, а флективный – на базовую. Последний вывод не вызывает сомнений. Вопрос заключается в том, можно ли рассматривать глаголы восприятия, после которых часто функционирует нефлективный инфинитив в указанной конструкции, как косвенные носители эпистемической модальности. На наш взгляд, эти глаголы обладают эвиденциальным значением (то есть значением отнесённости говорящим своего высказывания к лежащему вне его источнику информации), которое возможно рассматривать, как относящееся к сфере эпистемической модальности.

Исследователи также подтверждают отнесенность глаголов восприятия к категории эпистемической модальности [Gurajek, 2010; Viberg, 1984; Whitt, 2010]. Глаголы восприятия в английском языке подразделяются на субъектно-ориентированные и объектно-ориентированные. Субъектно-ориентированные глаголы описывают действие восприятия со стороны воспринимающего, который совершает активные действия с целью восприятия: Karen listened to music. Karen smelled the iris with delight [Whitt, 2010, p. 21]. Глаголы объективного восприятия субъектом восприятия делают сам воспринимаемый объект. Используя объектно-ориентированные глаголы восприятия, говорящий производит оценку объекта

восприятия. Следовательно, они имеют значение «доказательности». Доказательность – один из видов модальности. Так, Ф. Палмер проводит разделение между пропозициональной и событийной модальностью: propositional and event modality. Пропозициональная модальность затрагивает отношение говорящего типа «истина – ложь» к событиям, которые уже произошли [Palmer, 2001, p. 8]. В рамках пропозиционной модальности Ф. Палмер выделяет эпистемическую и доказательную модальность (epistemic modality and evidential modality), различие между которыми заключается в наличие суждений о событии или доказательств для вынесения этого суждения [Palmer, 2001, p. 24].

Принципы употребления инфинитивов в новоанглийский период можно сформулировать следующим образом. Нефлективный инфинитив используется только с модальными глаголами и глаголами восприятия. При этом инфинитив называет само действие и его аспектуальные характеристики, а личная форма глагола выражает модальность. Форма инфинитива указывает на то, какой тип модальности выражает личный глагол. Простая форма инфинитива (как исторический маркер предельности) чаще всего маркирует базовую модальность, перифрастические формы, обладающие такими аспектуальными характеристиками, как континуальность, предшествование (т.е. непредельные) – эпистемическую модальность.

Флективный инфинитив называет действие, не представляющее единства с действием, обозначенным личной формой глагола (это два разных действия, часто обладающих разными временными характеристиками – личная форма глагола – прямыми, инфинитив – относительными). Флективный инфинитив (с частицей to) всегда указывает на предельность действия, выраженного глаголом, и может участвовать в выражении модального значения.

Таким образом, проведенное исследование продемонстрировало перераспределение функций инфинитивов в истории английского языка (рис. 7), начиная от выражения аспектуальности в рамках категории вида глагола одной из форм инфинитива и заканчивая функционированием инфинитивов в рамках категории модальности и аспектуальности.

Рисунок 7 – Схема перераспределения аспектуальных и модальных функций инфинитива в истории английского языка

Отмеченные тенденции продолжают развиваться и в современном английском языке.

A. Oxea, например, в своих работах демонстрирует отчетливые доказательства того, что флективный инфинитив в современном английском языке имеет модальное значение, а частица to является маркером модальности и предельности [Ojea, 2005; Ojea, 2008]. Свои рассуждения она основывает на нескольких фактах. Прежде всего, это синтаксическое сходство частицы to с модальными глаголами. Этот факт отмечается в лингвистической литературе многими авторами, в том числе Г. Гездаром, Р. Хаддлстоном и Дж. Паллумом [Gazdar, 1982; Huddleston, Pullum, 2002]. Эта частица подобно модальным глаголам, может стоять в отделении от инфинитива, выступать в качестве носителя отрицания и употребляться самостоятельно без формы инфинитива:

To always complain about your luck will not help you much

I would like him not to go

I do not want to.

А. Охеа убедительно доказывает, что флективный инфинитив полностью перенял на себя функции сослагательного наклонения и в современном английском языке полностью вытеснил его:

They demanded to be heard = They demanded that they be heard

It is important not to be afraid = It is important that they not be afraid.

Автор приводит доказательные примеры, в которых прослеживается идентичность значения деонтической модальности, выражаемого флективным инфинитивом, сослагательным наклонением и модальными глаголами, например:

They begged that I help him = me to help him = that I should help him

I wish you to stay= I wish you were staying = you could stay.

Модальный характер частицы может также объяснить различие между флективным инфинитивом и -ing формой, как в следующих примерах, где –ing форма указывает на фактичность (реальность) события, а инфинитив – на потенциальность и возможность:

I'll remember to tell her about it – I remember telling her about it

She tried to bribe the jailor – She tried bribing the jailor.

В этих примерах особенно отчетливо проявляется функция флективного инфинитива как маркера предельности: действие личных глаголов непременно стремится к пределу, который обозначен флективным инфинитивом.

Таким образом, флективный и нефлективный инфинитивы обладают различной функциональной нагрузкой. Они практически не встречаются в одинаковых синтаксических условиях, а в тех случаях, где это возможно, они несут разную грамматическую нагрузку:

Will you help me wash up the dishes?

Will you help me to wash up the dishes?

Первое предложение подразумевает фактическое происходящее событие (в котором адресата просят принять активное участие), в то время как во втором примере событие понимается как потенциальное.

В предложениях They let him go / They allowed him to go в первом случае

событие понимается как реально реализованное, тогда как во втором его реализация может находиться в гипотетическом будущем.

Предложения типа I saw him run / I see this to be true объясняются изменением семантики личного глагола под влиянием инфинитива: видеть / понимать. Подобные примеры весьма однозначно трактуются с точки зрения аспектуально-модальных функций инфинитивов: нефлективный инфинитив употребляется с непредельными глаголами, привнося значение предельности и эпистемической модальности, флективный инфинитив указывает на базовую модальность и предельность.

4.3 Развитие аспектуально - темпоральных функций причастия I

Все случаи употребления причастия I в новоанглийских текстах можно разделить на 2 группы: непредикативное и предикативное.

1. Непредикативное употребление. Примеры данной группы подразделяются на

- субстантивное употребление
- атрибутивное употребление
- аппозитивное употребление.

На субстантивное употребление приходится 70 % примеров использования причастия. При субстантивном употреблении причастие I может определяться прилагательными, артиклями, притяжательными местоимениями, существительными в притяжательной форме, употребляться с предлогами (of, in), иметь форму множественного числа:

(1) At **his Comming** in, he did bend to vs a little, and put his Armes abroad (Francis Bacon)

by common **teachinge of** the common scholes in England (Roger Ascham)

a framing of sentences (Roger Ascham)

ther mens **doinges** (Roger Ascham).

Причастие в данном случае выполняет функции дополнения (пример 2;

приложение В примеры 23-24), обстоятельства (пример 3; приложение В пример 25), подлежащего (пример 4; приложение В примеры 26-27):

(2) let him then learne the right **ioyning** togither of substantiues with adiectiues (Roger Ascham)

(3) honoured me by **thinking** it advisable to publish (Charles Darwin)

(4) and our very **being** here makes us fit to be demanded (Ben Jonson Bartholomew Fair).

Причастие в субстантивной функции называет действие. Сочетаемость причастия с прямым или косвенным дополнением в этой функции говорит об усилении или ослаблении глагольного характера и, следовательно, выражения агентивности и процессуальности. С косвенным дополнением (с предлогом of) действие, называемое причастием, лишено всякой предикативности, то есть импликации субъектно-объектных отношений. Причем, одно и то же причастие может употребляться как с косвенным, так и с прямым дополнением:

(5) We also haue great variety of Composts and Soiles, for the **Making** of the Earth Fruitfull (Francis Bacon)

For first, hee hath preserued all points of Humanity, in taking Order, and **making** Prouision for the Relief of Strangers distressed (Francis Bacon)

the making of Paper – The Arts of **making** several sorts of Silks (Nicholas Barbon).

В данной функции причастие может сочетаться как с прилагательным, так и с наречием:

(6) something might perhaps be made out on this question by **patiently accumulating** and reflecting on all sorts of facts (Charles Darwin)

the **right enacting** of laws (John Locke).

Встречаются формально однотипные примеры, в которых, однако, причастие выполняет разные функции, иногда сложно различимые:

(6) The Denial of Landing, and Hasty **Warning** us away, troubled us much – непредикативное субстантивное употребление (Francis Bacon)

(7) But straightwayes we saw diuers of the People, with bastons in their Hands, (as it

were) forbidding vs to land: yet without any Cries or fiercenesse, but onely as **warning** us off, by Signs that they made (Francis Bacon) – непредикативное аппозитивное употребление или предикативно-глагольное.

(8) By the church minister's **refusing** him that bread and wine (John Locke) – в этом примере только наличие существительного в притяжательном падеже указывает на субстантивное употребление причастия.

(9) Besides you **seeing** what a curious nation / The Italians are, what will they say of me? (Ben Jonson Volpone) – отсутствие притяжательной формы местоимения позволяет говорить о предикативном употреблении причастия (вероятнее всего, абсолютном).

В ряде примеров субстантивного употребления причастие весьма близко функционально к предикативному употреблению:

(11) **Passing** over allusions to the subject in the classical writers, the first author who in modern times has treated it in a scientific spirit was Buffon (Charles Darwin)

In **passing** a small gullet we trod on an oyster bank (Colonel Norwood).

А иногда сложно определить функцию причастия – либо это субстантивное употребление, либо вхождение причастия в конструкцию «сложное дополнение», однако, различие при этом часто не столь существенно – действие как факт и действие как континуальность:

(12) we expected her **coming** there (Colonel Norwood)

I see him **coming** (Ben Jonson Bartholomew Fair).

Субстантивированное употребление весьма редко для причастия:

(13) The storm continued so fresh against us, that it confounded the most **knowing** of our ship's company in advising what course to take (Colonel Norwood).

При атрибутивном употреблении (весьма малочисленные примеры) причастие стоит в препозиции к определяемому существительному и обозначает признак предмета (пример 14; приложение В примеры 28-32):

(14) good and **lasting** store (Roger Ascham)

a wonderfull **pleasing** and **Refreshing** Drink (Francis Bacon).

Более многочисленны примеры непредикативного аппозитивного

употребления, в которых причастие с зависимыми словами определяет существительное (пример 15; приложение В примеры 33-38):

(15) our seamen frequently fell overboard, without any one **regarding** the loss of another (Colonel Norwood)

the Dutch **living** amongst the Water (Nicholas Barbon).

Во всех приведенных примерах причастие указывает на свойство субъекта, выраженного определяемым существительным, как характеристику, проявляющуюся в его действии, то есть отношении субъекта к объектам и обстоятельствам действия.

При непредикативном употреблении причастие всегда постпозитивно и имеет следующую сочетаемость:

- атрибутивную в сочетании с существительным
- глагольную при выполнении аппозитивной функции
- номинативную при выполнении субстантивной функции.

2. В предикативном употреблении причастие в большинстве примеров (74 %) используется аппозитивно в качестве обстоятельства, выражая континуальное действие, находящееся в причинно-следственной связи с действием, названным финитным глаголом. В связи с многочисленностью подобных примеров (более 2000) появляется возможность классифицировать их по выполняемой функции (по типу причинно-следственной связи):

– Обстоятельство образа действия (пример 16; приложение В примеры 39-42):

(16) Aristotle, **variing** from Isocrates in priuate affaires of life, but **agreing** with Isocrates in common iudgement of learning, for loue and labor in learning, is of the same opinion (Roger Ascham).

В поэтических текстах Б. Джонсона (Ben Jonson) причастие очень часто используется в данной функции особенно в ремарках: [Re-enter Mosca, introducing Voltore, with a piece of plate.] – (Ben Jonson Volpone).

– Обстоятельство причины или условия (пример 17; приложение В примеры 43-46):

(17) but the Nile, **having** to run up-hill, has necessarily a very slow current (John William Draper).

– Обстоятельство цели:

(18) we pursued our course for about twenty days, **desiring** to make the western islands (Colonel Norwood).

– Обстоятельство времени:

(19) **Referring** to such cases, he remarks (Charles Darwin)

All which I suffer, **playing** with their hopes (Ben Jonson Volpone).

Функционируя подобным образом, причастие I выражает предшествующее (пример 21) по отношению к действию, выраженному личной формой глагола, или протекающее одновременно с ним (пример 20) действие:

(20) and awhile after came the Notary to vs aboard our Ship; **Holding** in his hand a Fruit of that cuntry (Francis Bacon)

Consulting hereupon amongst our Selues, we were much perplexed (Francis Bacon)

(21) It so fell out that ther was in one of the Boates one of the Wise Men of the Society of Salomons House; which House, or Colledge (my good Brethren), is the very Eye of this Kingdome, Who **hauing** awhile attentiuely and deuoutly **viewed** and contemplated this Pillar and Crosse, fell downe upon his face; and then raysed himselfe upon his knees, and **lifting** up his Hands to Heaven, made his prayers in this manner (Francis Bacon)

And so hee left mee, **having** assigned a Valew of about two Thousand Duckets, for a Bounty to mee and my Fellows (Francis Bacon).

В примере (21) в первом случае причастие употреблено в перфектной форме, указывая формально на предшествующее действие. Во всех примерах причастие обозначает действие, которое противопоставляется по признаку континуальности действию, обозначенному личной формой глагола. В примерах предикативного употребления причастие можно заменить личным глаголом, превратив его в однородное сказуемое без значения континуальности, объединяемое с глаголом в личной форме союзом «и»: he brought vs back to the

Parlour, and **lifting** vp his Cane a little (as they doe when they giue any Charge or Commaund), said to vs (Francis Bacon) – приподнял трость и сказал; **having alluded** to the subject of reversion, I may here refer to a statement often made by naturalists (Charles Darwin) – упомянул и могу сослаться. Это подтверждает тот факт, что причастие используется только для передачи континуальности.

Причастие не имеет фиксированной позиции и может стоять как в пре- так и постпозиции к определяемому глаголу в предикативной обстоятельственной функции.

Весьма малочисленны (менее 20 %) примеры глагольного употребления причастия (после глагола «быть»):

(22) existing species **are** now **undergoing** modification (Charles Darwin)

The healths of the two kings were passing about with thundering peals of cannon (Colonel Norwood).

Однако количество таких примеров увеличивается в более поздних текстах (до 40 %). Причастие всегда постпозитивно относительно личной формы глагола, личная форма глагола может употребляться и в настоящем, и в прошедшем времени. Это указывает на постепенную грамматикализацию конструкции и вхождение причастия в темпорально-аспектуальную систему английского языка. Развитие употребления причастия в аналитической конструкции ‘be + PRS.PART’, исследованное в работах Д. Дэнисона [Denison, 1993], Б. Хайне [Heine, 1994], А. Ворнера [Warner, 1993, 1997], Д. Зигелер [Ziegeler, 1999], Б. Стренга [Strang, 1982], демонстрирует становление подлиных аспектуально-темпоральных функций причастия.

В ряде подобных примеров причастию можно приписать атрибутивную функцию (из-за наличия параллельных конструкций с прилагательными):

(23) kepe silence, sit, stand, or go, eate, drinke, be **merie**, or **sad**, **be sowyng, plaiyng**, **dauncing**, or **doing** anie thing els (Roger Ascham)

they are **too anthropomorphic**, and **wanting** in sublimity (John William Draper).

Малочисленны примеры (менее 20 %) употребления причастия после других глаголов в рамках конструкции «сложное дополнение», в которых

отчетливо проявляется континуальность (непрерывность) причастного действия (пример 23; приложение В примеры 47-52):

(24) I **founde her**, in her Chamber, **reading** Phædon Platonis in Greeke (Roger Ascham)

I **feel me going** (Ben Jonson Volpone).

Весьма распространены примеры самостоятельного употребления причастия в рамках абсолютного причастного оборота. Здесь причастие всегда занимает второе место после подлежащего. Так, в тексте Colonel Norwood количество подобных примеров более 20 % (пример 24; приложение В примеры 53-57):

(25) Under this confidence he made more sail, the day-light **confirming** him in what he thought was right (Colonel Norwood)

The Day **being** come he made his Entry (Francis Bacon)

They associated themselves on a principle of communism, each **throwing** into the common stock whatever property he possessed, and all his gains (John William Draper).

Зафиксирована и перфектная форма причастия I в данном обороте:

(26) The approaching night made us take leave sooner than our inclinations would have led us ashore, the merchants **having told** us, there was no safe walking the streets in the night (Colonel Norwood).

Абсолютное причастие, которое широко употребляется в новоанглийский период, отчетливо демонстрирует контраст выраженной континуальности причастной формы и невыраженной аспектуальности личной формы глагола.

При предикативном употреблении причастие имеет глагольную и обстоятельственную валентность.

В целом стоит отметить, что тенденции, наметившиеся в развитии единой -ing формы в среднеанглийский период, укрепляются. Функции причастия весьма разнообразны, во всех своих функциях причастие имеет аспектуальное значение, выражая агентивность и континуальность. Причастие I, как и флективный инфинитив, получает некий универсальный функционал и валентность, не имея

отношения к одной определенной части речи. Все более распространяющееся употребление причастия с глаголом «быть» постепенно позволяет ему развить аспектуально-темпоральные функции и вписаться в темпорально-аспектуальную систему английского языка. Под аспектуально-темпоральными функциями причастий понимается их вхождение в аналитические конструкции темпорально-аспектуальной системы английского глагола. Для причастия I – это глагольно-предикативная функция в сочетании с личной формой глагола «быть», в котором причастие указывает на континуальность, а личная форма глагола выражает темпоральность, то есть отнесенность действия к прошлому или настоящему.

Поэтапное становление функций причастия представлено на рисунке 8.

Рисунок 8 – Схема развития аспектуально-темпоральных функций причастия I в истории английского языка

4.4 Развитие аспектуально - темпоральных функций причастия II

В новоанглийских текстах зафиксировано значительное преобладание случаев употребления причастия II после глагола «быть» (более 50 % всех примеров). В некоторых текстах процент употребления причастия с глаголом «быть» возрастает до 75 % (John Locke) или почти 100 % (Nicholas Barbon).

Причастие почти всегда стоит в постпозиции, возможно дистантное расположение с включением других членов предложения (обстоятельство, подлежащее) (пример 1; приложение В примеры 58-59):

(1) A childe that is still, silent, constant, and somewhat hard of witte, **is** either neuer **chosen** by the father to **be made** a scholer, or else, when he commeth to the schole, he **is** smally **regarded**, little **looked** vnto (Roger Ascham)

And thus **was** this Land **saued** from Infidelity (Francis Bacon).

Постпозиция личной формы зафиксирована в поэтических текстах:

(2) How he should **worship'd be**, and reverenced (Ben Jonson: Volpone).

В тексте Д. Дефо многочисленны примеры, где личная форма глагола «быть» опускается. В данных примерах речь не идет об абсолютном причастном обороте, так как наблюдается явная параллель с полными предложениями или с использованием прилагательных:

(3) Their people **divided**, their councils **confus'**d, and their miseries innumerable.

Conscience **was** trampl'd under foot, religion and reformation **hunted** like a hare upon the mountains, the inquisition **threaten'd**, and foreign armies **introduc'd**.

The countrey **was ravag'd**, the towns **plunder'd**, the rich **confiscated**, the poor **starv'd**, trade **interrupted**, and the 10th penny **demanded**.

Вероятнее всего, в данных примерах речь может идти об иллюстрации перестройки аспектуальной системы английского языка, ее постепенного встраивания во временную парадигму, когда нефинитные формы, имеющие аспектуальное значение, рассматриваются говорящими как вполне самодостаточные. См. самостоятельное использование причастия I.

После глагола «быть» причастие II в основном употребляется в предикативно-глагольной функции, указывая на состояние субъекта в результате завершившегося действия. Также зафиксированы примеры глагольно-атрибутивного употребления причастия, в которых состояние субъекта мыслится как его признак (пример 4; приложение В примеры 60-62):

(4) respect that Land **was** so remote, and so **diuided** by vast and unknowne Seas (Francis Bacon)

Alas, those pleasures **be** stale and **forsaken**; / No, 'tis your fool wherewith I **am** so **taken** (Ben Jonson: Volpone).

Атрибутивные свойства причастия подтверждаются употреблением с ним обстоятельства степени «so» и параллелизмом с прилагательным.

Стоит также отметить часто встречаемые примеры с постпозицией подлежащего относительно конструкции ‘be + PAST.PART’:

(5) and on the topp of it **was seene a large Crosse** of Light (Francis Bacon)

there **were found** in it **a Booke and a Letter**, both written in fine Parchment, and wrapped in Sindons of Linnen (Francis Bacon)

for no sooner **was she fallen** from that breach (Colonel Norwood)

In her forces **were incorporated Greek mercenaries** (John William Draper).

В ряде примеров можно увидеть сочетание личной формы глагола «быть» с нефинитной формой «come» (пример 6; приложение В примеры 63-66):

(6) When he **was come** within a Flight shott of our Shipp, Signs were made to vs that we should send forth some to meet him (Francis Bacon)

Here's signior Voltore is come – / What say you? / Sir, signior Voltore **is come** this morning / To visit you (Ben Jonson: Volpone).

Схожие примеры встречались и ранние периоды. Как было показано в исследовании, данная конструкция была лишенная значения пассивности и предшествования, она указывала на состояние субъекта в результате совершенного (законченного) действия. Действительно, в подобных примерах отсутствует значение пассивного действия. Здесь именная форма глагола «быть» используется с причастием II глагола «come» для передачи значения завершенного действия, имеющего результат, в отличие от сочетания с глаголом «have», которое получает значение предшествования.

Подобное можно увидеть и с причастием глагола «go» (пример 7; приложение В примеры 67-68):

(7) When he **is gone**, I'll tell you more (Ben Jonson: Volpone).

На втором месте по количеству примеров находится употребление причастия после глагола «иметь» в глагольно-предикативной функции (причастие

всегда в постпозиции). Между личной формой глагола и причастием возможны другие члены предложения (обстоятельство, дополнение, подлежащее):

(8) I **haue** now **wished**, twise or thrise, this gentle nature, to be in a Scholemaster: And, that I **haue done** so, neither by chance, nor without some reason (Roger Ascham)

he **had** lately **received** command (Colonel Norwood)

And this consideration alone was enough to determine our choice for Virginia, **had** we **wanted** other arguments to engage us in the voyage (Colonel Norwood).

Данное сочетание, как показало исследование, получило значение предшествования, грамматикализуясь из конструкции ‘have (had) + существительное (местоимение).ACC + причастие II’, которая обозначала переход в иное состояние объекта, выраженного существительным или местоимением в аккузативе.

Конструкции в полном, не грамматикализированном виде встречаются и в новоанглийских текстах (пример 9; приложение В примеры 69-71):

(9) I would not **have you seen**, sir (Ben Jonson: Volpone)

to **haue children brought** to good perfitnes in learning: to all honestie in maners: to **haue all fautes** rightlie **amended**: to **haue euerie vice** seuerelie **corrected**: but for the order and waie that leadeth rightlie to these pointes, we somewhat differ (Roger Ascham).

В этих примерах конструкция не имеет значения предшествования, а причастие указывает на состояние объекта как результат завершившегося действия.

Подобные примеры стоит отличать от конструкции ‘have smth do’, где употребляется нефлективный инфинитив, маркируя базовую модальность:

(10) he was most earnest with me, to **haue me say** my mynde also (Roger Ascham)

if yow would **haue Goddes trothe take** roote in mens myndes. (Roger Ascham)

to **haue their children speake** latin: (Roger Ascham)

My lord would **have you know** (Francis Bacon).

В текстах можно увидеть употребление причастия и после других глаголов

как в глагольно-предикативной функции (глагол в личной форме функционально равен глаголу «быть») (пример 11), так и в причастном обороте «причастие соединенное» (participium conjunctum) (пример 12; приложение В примеры 72-75):

(11) that we **grew acquainted** on the Royal-Exchange with Capt. John Locker (Colonel Norwood)

they **become improved** in the course of modification (Charles Darwin)

(12) But lett it not trouble you, nor doe not **think your selues restrained**, but rather left to your Rest and Ease (Francis Bacon)

then we **observed the water changed** (Colonel Norwood)

I **heard** last night a most strange **thing reported** (Ben Jonson: Volpone).

Во всех примерах причастие имеет аспектуальное значение, обозначая состояние субъекта как результат завершившегося действия, кем или чем произведено действие не указывается.

В некоторых случаях причастие употребляется самостоятельно (абсолютное причастие) пример 13; приложение В примеры 76-78):

(13) **This done** thus, let the childe, by and by, both construe and parse it ouer againe (Roger Ascham)

Tackle fixed to that mast, we had reason to expect greater ruins to follow, than what had already befallen us (Colonel Norwood).

В примере (14) можно увидеть оба причастия в абсолютном причастном обороте:

(14) This shock **being** past, the ship about, and our fore-sail **handled**, we now lay trying with our mizzen (Colonel Norwood).

Причастие I указывает на непрерывность (континуальность) действия ‘шок проходил’, причастие II – на состояние как результат завершенного действия ‘фок (парус) поправлен’.

Весьма малочисленны (менее 10 %) примеры, в которых наблюдается причастие в глагольно-аппозитивной (обстоятельственной) функции (пример 15; приложение В примеры 79-80):

(15) Signior Corvino! **Come** most **wish'd** for! (Ben Jonson: Volpone).

Ряд примеров в вышеприведенном списке может вызывать сомнения по поводу отнесенности к данной функции. Иногда причастие можно трактовать как абсолютное (абсолютное употребление причастия). Однако во всех этих примерах причастие обозначает состояние субъекта предложения, следовательно, причастие является зависимым.

На третьем месте по частоте употребления находится причастие в аппозитивной функции к существительному (пример 16; приложение В примеры 81-83):

(16) any **learning learned** by compulsion (Roger Ascham)

the method chiefly **proposed** for the employment of our poor (Daniel Defoe).

В данной функции причастие, называющее свойство субъекта предложения, не всегда постпозитивно:

(17) **Abandon'd** in this manner to the fury of the raging sea, **tossed** up and down without any rigging to keep the ship steady, **our seamen** frequently fell overboard, without any one regarding the loss of another, every man expecting the same fate, tho' in a different manner (Colonel Norwood).

В атрибутивной функции при существительном (или иных субстантивированных частях речи) с указанием на признак предмета причастие встречается реже всего (1,5 % примеров). Причастие может располагаться как в пре-, так и постпозиции (пример 18; приложение В примеры 84-87):

(18) three faire and well formed both mynde and bodie, **the fourth, wretched**, lame, and **deformed** (Roger Ascham)

a **continu'd study** (Daniel Defoe)

at the **proposed** and **stipulated price** (Samuel Adams).

Зафиксированы единичные примеры субстантивированных причастий:

(19) In Athens, some of the more advanced classes had reached such a pass that they not only denied **the unseen**, the supernatural, they even affirmed that the world is only a day-dream, a phantasm, and that nothing at all exists. (John William Draper).

Необходимо заметить, что согласно проведенному исследованию, в более

поздних текстах (с конца XVII века) случаи употребления причастия весьма однородны и неразнообразны.

Так в текстах Джона Локка (John Locke) и Николаса Барбона (Nicholas Barbon), как и в более поздних произведениях, причастие всегда следует непосредственно за личной формой глагола, и только в редких случаях причастие и личная форма разделены обстоятельством, что позволяет говорить о высокой степени грамматикализации конструкций с причастием II:

(20) men cannot **be forced** to **be saved** whether they will or not
things **are nearlier related** to the government
that **had worshipped** Baal upon the command of his king **have been** in any better condition because somebody **had told** (все примеры – John Locke)
are most naturally inclined to Fishing (Nicholas Barbon).

Стоит отметить также, что причастие употребляется в этих текстах практически только в глагольно-предикативной функции. При существительном – редко – аппозитивно в постпозиции или атрибутивно в препозиции. Иных конструкций с глаголом «иметь» или другими глаголами не зафиксировано или зафиксированы лишь единичные случаи. Подобное сокращение функций причастия, неразложимость сочетания, его предсказуемость, основанная на регулярности образования, и относительная изоляция конструкций ‘be / have + PST.PART’ свидетельствует о становлении аспектуально-темпоральных функций причастия II.

Семантические изменения в аспектуальной характеристике состояния, которое обозначало причастие, проиллюстрированные на рисунке 9 – от завершенности и результативности к предшествованию, с указанием на неактивность субъекта действия – позволяют рассматривать причастие II всецело в рамках категории аспектуальности и не разделять функционирование причастия в сочетаниях с глаголом «быть» и с глаголом «иметь» по разным глагольным категориям.

Рисунок 9 – Схема развития аспектуально-темпоральных значений причастия II

Причастие II в новоанглийский период сохраняет свою валентность, позиция причастия в предложении становиться все более фиксированной. Как и в среднеанглийский период явно выраженными и преобладающими являются предикативные функции и валентность, однако примеры непредикативного употребления становятся чуть более многочисленными. Причастие II, в отличие от -ing формы и флективного инфинитива, не приобретает функциональную универсальность. Оно сохраняет явное значение состояния субъекта в результате завершившегося действия, которое позволяет ему вписаться в развивающиеся темпорально-аспектуальные аналитические конструкции со значением предшествования и завершенности (перфект) и результативности (пассив) (рис. 10).

Рисунок 10 – Схема развития аспектуально-темпоральных функций причастия II в истории английского языка

В развитии нефинитной парадигмы глагола в новоанглийский период отмечается еще одно значимое явление – широкое использование аналитических форм нефинитных единиц. Одиночные случаи, встречавшиеся в среднеанглийский период, получают широкое распространение в новоанглийских текстах.

Аналитические конструкции с инфинитивами, а также с -ing формой наделяются аспектуальными характеристиками:

(21) it **could be shown** how the innumerable species…(Charles Darwin)

(22) the scholer, is commonlie beat for the making, when the master were more worthie **to be beat** for the mending (Roger Ascham)

(23) he **would haue ended** the sentence with this verbe (Roger Ascham)

(24) the master shall teach without all error, and the scholer shall learne without great paine: the master **being led** by so sure a guide, and the scholer **being brought** into so plaine and easie a waie (Roger Ascham)

(25) **Having** thus at length **freed** men from all dominion over one another in matters of religion, let us now consider what they are to do (John Locke).

В приведенных примерах аспектуальные характеристики нефинитных форм совмещаются в рамках развивающихся перифрастических сочетаний. Предельность и модальность инфинитивов и континуальность причастия I

совмещается с аспектуальными значениями причастия II – указанием на состояние объекта в результате завершившегося действия (примеры 21, 22, 24) или завершившееся изменение состояния объекта (предшествование) (примеры 23, 25).

В данном случае мы видим двойное проявление тенденции к аналитичности: с одной стороны, сами нефинитные формы становятся аналитическими, а с другой стороны, они входят в состав темпорально-аспектуальных аналитических личных форм глагола (инфинитив, -ing форма, причастие II) и аналитических неличных форм (причастие II).

4.5 Основные структурные принципы организации нефинитной парадигмы глагола и формирования глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность в новоанглийский период

Проанализированные в работе изменения положили начало новым структурным принципам организации парадигмы глагола в ее нефинитной части в новоанглийский период. В древнеанглийский период она была представлена тремя нефинитными формами, ориентированными на именные части речи (рис. 11):

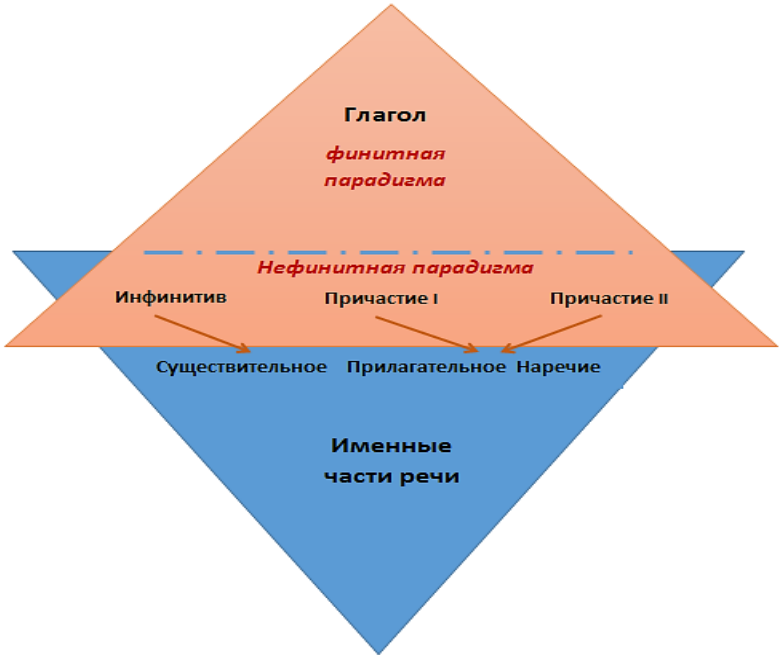

Рисунок 11 – Нефинитная парадигма глагола в древнеанглийском языке

В среднеанглийский период в нефинитной парадигме начался процесс преобразований, связанный с развертыванием диахронической типологической константы аналитичности. В результате чего нефинитная парадигма претерпела значительные изменения (рис. 12).

Рисунок 12 – Нефинитная парадигма глагола в новоанглийском языке

Как отмечает В. Н. Ярцева, происходит все большее и большее объединение личных и неличных форм глагола в плане категориальных и формальных признаков, а также существенно возрастает удельный вес отглагольных имен в функциональном плане [Ярцева, 1978, с. 108]. Две нефинитные формы – флективный инфинитив и причастие I (единая -ing форма) получили универсальный функционал и валентность, теряя ориентацию на определенные части речи. Нефлективный инфинитив сузил свои функции, лишился субстантивных признаков, тем самым практически (за исключением случаев весьма ограниченного использования в конструкции «сложное дополнение») превратившись в финитную форму, участвующую только в аналитической конструкции с претерито-презентными глаголами, противопоставляемой всем

личным формам глагола в рамках категории модальности.

Подобное сужение функционирования было замечено и у причастия II. Однако это было зафиксировано в среднеанглийский период, когда причастие II, в отличие от причастия I и флективного инфинитива, не только не укрепило и расширило свои именные функции, а свело их к минимуму, выступая преимущественно в роли компонента развивающихся темпорально-аспектуальных аналитических форм. Но в противоположность нефлективному инфинитиву, все более сужающему свои функции, причастие II постепенно вновь приобретает атрибутивно-адвербиальные функции и валентность.

Глагольная парадигма имеет следующие структурные принципы организации. На грамматической периферии глагола выделяются несколько ступеней близости к ядру глагольной парадигмы – финитному глаголу. Ближайшая периферия — полуфинитная форма – нефлективный инфинитив. Случаи употребления нефлективного инфинитива в конструкции «сложное дополнение» не позволяют его полностью исключить из разряда нефинитных форм. Однако мы видели, что и в данной конструкции нефлективный инфинитив участвует в выражении категории модальности, превратившись полностью в элемент грамматикализованной аналитической конструкции.

На второй ступени – нефинитные формы причастий, которые также участвуют в аналитических конструкциях. Причастие I, как и форма флективного инфинитива, находящаяся на самой отдаленной от ядра глагольной парадигмы ступени, функционально приближаются к прочим частям речи, но не проявляют никаких признаков сближения с конкретными из них.

Причастие II, по все видимости, еще находится на промежуточном этапе эволюции. С одной стороны, оно шире, чем все другие нефинитные формы употребляется в составе аналитических сочетаний (в среднеанглийский период – практически исключительно в этой функции). С другой стороны, в новоанглийский период функционал причастия расширяется, и даже можно увидеть субстантивное употребление причастия – что указывает, на его возможную функциональную универсальность.

Причастие II остается на границе полуфинитной парадигмы и нефинитной парадигмы глагола, ориентированной на такие именные части речи, как прилагательное и наречие. Можно предположить, что в этой двойственности заложен потенциал дальнейшего развития причастия, которое может направляться по двум, не противоречащим реализации диахронической типологической константы аналитичности, направлениям. С одной стороны, причастие II теряет ориентацию на определенные части речи, приобретая семантико-синтаксическую универсальность. С другой стороны, причастие II, подобно нефлективному инфинитиву, сужает свои функции до употребления только в рамках аналитических конструкций. В пользу второго пути развития говорит тот факт, что не все глаголы могут иметь непредикативно употребляющуюся нефинитную форму причастия II. К тому же, как и нефлективный инфинитив, причастие II формально совпадает с некоторыми личными формами глагола. В поддержку первого направления свидетельствует весьма сложная ситуация с финитным функционированием причастия. В рамках аналитической формы перфекта причастие утрачивает свою изначальную семантико-синтаксическую сущность – определять имя, являющееся объектом его действия, подвергаясь полной десемантизации и десинтактизации. В перфектной конструкции причастие связано с именем, выступающим субъектом действия, называемого причастием. Таким образом, в принципе, можно говорить о расширении семантики причастия II. В рамках перфектного сочетания, вероятно, можно отметить и функциональную многозначность причастия. Как известно, синтаксическая природа глагола «have» характеризуется значительной степенью переходности и способностью наделять любое правостороннее восполнение сходством с именем. Это предполагает наличие условий для сближения причастия II с существительным: He has a lot of experience – He has experienced a lot.

Преобразование нефинитной парадигмы глагола, как показало наше исследование, протекало в тесной взаимосвязи с перестройкой глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность в истории английского языка.

Превращение нефинитных форм в базовые элементы данного комплекса в английском языке абсолютно точно подтверждает теорию категориальной конвергенции, согласно которой темпоральные и модальные категории грамматикализируются именно из аспектуальных.

Дж. Байби было показано, что это происходит, поскольку именно аспект способен отличать завершенное действие от незавершенного действия, а завершение действия подразумевает отсылку к прошедшему действию [Bybee, 1994]. Исходя из этой логики, можно добавить, что незавершенное действие не подразумевает прошедшего времени. Д. Зигелер, рассматривая происхождение модальных значений из категорий аспектов [Ziegeler, 2006], указывает, что завершение действия не только отмечает его как происходящее в прошлом времени (как правило), но также обозначает его как факт. Таким образом, факт может восприниматься как синоним совершенности или предельности. Незавершенность, с другой стороны, подразумевает нефактическую (субъективную) модальность. С. Флайшмен показывает, что во многих случаях несовершенная аспектуальная среда порождает значение нереальности «irrealis» [Fleischman, 1995].

В истории английского языка изначально именно преобразование аспектуальной системы положило начало изменениям модального и темпорального компонентов глагольного комплекса (рис. 13).

Морфосемантическая категория вида глагола, в которой функционировала и одна из форм инфинитива, в силу ряда причин, рассмотренных в работе, подвергается разрушению. Необходимость новых средств выражения аспектуальных отношений способствует развитию аспектуальных функций причастий, которые, имея явно выраженные морфологические показатели, постепенно входят в темпорально-аспектуальную систему английского языка. Инфинитив же, практически утрачивая свою аспектуальную функцию, начинает функционировать в области выражения модальных значений, отчасти, по исторической традиции, сохраняя способность маркировать предельность и употребляясь с претерито-презентными глаголами.

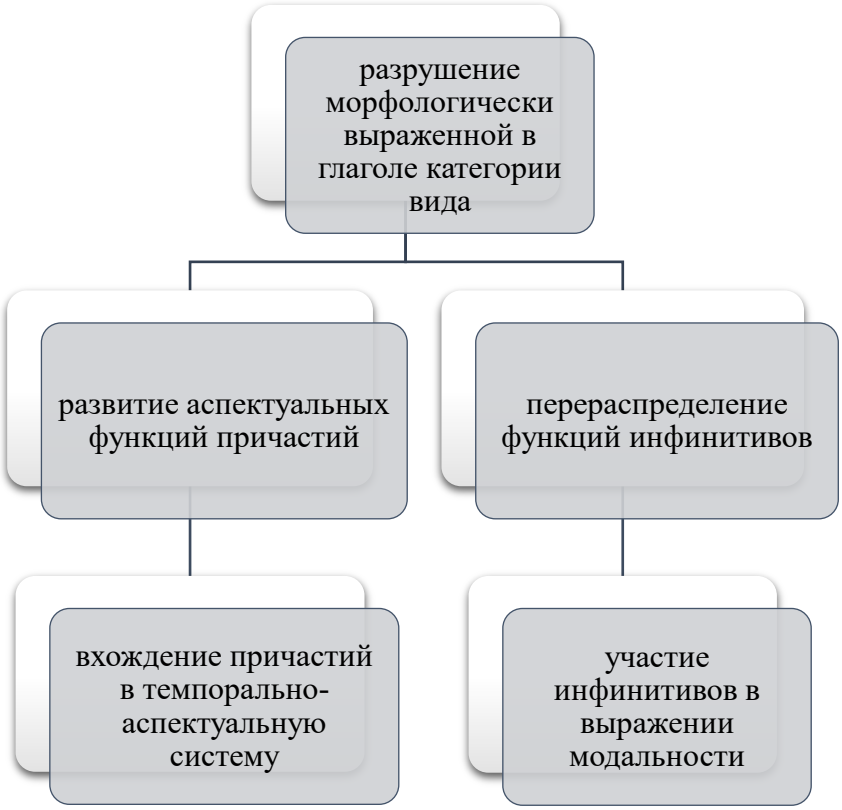

Рисунок 13 – Схема преобразования глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность в английском языке

Процесс преобразования нефинитной парадигмы глагола был инициирован распадом морфологически и семантически выраженной в глаголе категории вида и имел результатом не только значительное преобразование нефинитной парадигмы глагола, но полную перестройку принципов организации глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность и появление новых темпорально-аспектуальных и модальных форм английского глагола.

Если в древнеанглийский период аспектуальные, темпоральные и модальные значения практически полностью выражались в личной форме глагола, имеющей морфологические показатели времени, наклонения и вида, то в новоанглийском языке эти значения выражаются в сочетании личной формы глагола с одной из нефинитных форм.

Нефинитные формы, благодаря своим сложившимся в истории английского языка аспектуально-модальным значениям, образуют новую аналитическую темпорально-аспектуальную и модальную систему английского языка.

Аспектуальная семантика причастий позволила им вписаться в

темпоральную систему английского языка, имеющую два исторически сложившихся времени: настоящее и прошедшее.

Инфинитивы подверглись значительным преобразованиям в истории английского языка, превратившись в компоненты модальной системы глагола, основную роль в которой в древнеанглийском языке играло наклонение, постепенно выходящее из употребления, лишившись формально выраженных морфологических показателей.

Нефлективный инфинитив в новоанглийском языке является маркером деонтической (корневой, базовой) и эпистемической модальности. В простой форме он сохраняет историческое значение предельности, употребляется исключительно в сочетании с модальными глаголами, указывая на их базовое модальное значение. В аналитических формах инфинитив маркируют эпистемическую модальность. Например, инфинитив глагола do в первом случае указывает на базовое модальное значение глагола may ‘суждение о возможности чего-либо’: But man can and does select the variations given to him by nature …He may do this methodically, or he may do it unconsciously. А во втором примере – на эпистемическую модальность со значением ‘суждения, которые нельзя считать достоверными в силу их недостаточной обоснованности’: Professor Owen admitted that natural selection may have done something in the formation of a new species; but this it appears is inaccurate and without evidence (Charles Darwin).

Наличие значения предельности у инфинитива указывает на базовую модальность, отсутствие – другие виды: He must arrive – если глагол arrive рассматривать как предельный ‘прибыть’, значение модального глагола будет деонтическим ‘он должен прибыть’. Если же глагол рассматривать как непредельный ‘прибывать’, то сочетание будет иметь эпистемическое модальное значение и трактоваться как ‘должно быть, он прибывает’.

Флективный инфинитив является маркером базовой модальности, указывая на предельность действия, названного личной формой глагола или состояния, обозначенного существительным или прилагательным, а также сам в ряде сочетаний может передавать модальное значение.

Анализ фактического материала, свидетельствующий о перераспределении аспектуально-темпоральных и модальных функций нефинитных форм глагола в истории английского языка, наглядно свидетельствует о тесной взаимосвязи и взаимозависимости всех составляющих глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность - модальность в английском языке.

Выводы по главе 4

1. Языковая ситуация новоанглийского периода характеризуется постепенным расширением английским языком своего коммуникативного диапазона и освоением прежде недоступных ему сфер общения. Английский язык завоевывает право функциональной универсальности, превращаясь в подлинно национальный литературный язык. Для бóльшей объективности анализа отбор текстов для исследования необходимо осуществлять с учетом основных характеристик литературного языка данного этапа развития.

2. Внутриязыковые тенденции, наметившиеся в развитии нефинитной парадигмы глагола в среднеанглийский период и ускоренные экстралингвистическими факторами, укрепляются в новоанглийский период. Функции и валентность нефлективного инфинитива сужаются. Функции и валентность флективного инфинитива расширяются. Теперь он может выполнять функции любой части речи. Отчетливо противопоставляются два отдельных инфинитива, один из которых близок формально и функционально к личным формам глагола и входит в состав аналитической формы с модальным значением, второй – самостоятельная грамматическая единица, обладающая широким функционалом не только глагольно-субстантивного характера.

Нефлективный инфинитив употребляется после модальных глаголов и после нескольких непредельных глаголов в конструкции «сложное дополнение». Исследование показало, что простая форма нефлективного инфинитива остается маркером базовой модальности, в то время как перифрастическая форма, наделенная аспектуальными характеристика континуального, завершившегося

или предшествующего действия, становится маркером развивающейся эпистемической модальности.

Флективный инфинитив функционирует как составная часть сказуемого после глагола «быть», имеющая модальный оттенок значения «необходимость, долженствование», а также как дополнение, обстоятельство, уточнение, указывая на предельность действия, названного личным глаголом или состояния. В непредикативном употреблении инфинитив обозначает действие часто с оценочной коннотацией.

3. Функции причастия I весьма разнообразны. Оно, как и флективный инфинитив, получает некий универсальный функционал и валентность, теряя ориентацию на определенные части речи. Причастие I, достаточно широко распространенное в новоанглийский период, отчетливо демонстрирует аспектуальное значение континуальности, которое противопоставляется невыраженной аспектуальности личной формы глагола. При этом под континуальностью понимается непрерывность действия, его внутренняя дискретность, которая может трактоваться как непредельность. Именно с этим аспектуальным значением причастие постепенно вписывается в темпорально-аспектуальную систему английского языка.

4. Причастие II, в отличие от -ing формы и флективного инфинитива, не приобретает функциональную универсальность, в подавляющем большинстве примеров используясь в сочетаниях с глаголами «быть» и «иметь». В первом случае причастие II указывает на состояние субъекта в результате завершившегося действия. Второе сочетание, как показало исследование, получает постепенно значение предшествования, грамматикализуясь из конструкции ‘have (had) + существительное (местоимение).ACC + причастие II’, которая обозначала завершенное изменение состояния объекта, выраженного существительным или местоимением в аккузативе.

Причастие сохраняет явное значение состояния субъекта как результата завершившегося действия, которое позволяет ему вписаться в развивающиеся темпорально-аспектуальные аналитические конструкции со значением

предшествования (перфект) и результативности (пассив).

4. Проанализированные в работе изменения положили начало новым структурным принципам организации парадигмы глагола в ее нефинитной части, процесс преобразования которой протекал в тесной взаимосвязи с перестройкой глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность.

Глава 5. Причины перераспределения функций нефинитных форм глагола в истории английского языка: экстралингвистические факторы как катализатор внутриязыковых изменений

В предлагаемой главе диссертационного исследования устанавливаются причины перераспределения функций нефинитных форм глагола в истории английского языка. Анализируются нефинитные парадигмы глагола в языках, контактировавших с английским; определяются возможные области влияния на нефинитную парадигму английского глагола со стороны контактирующих языков. Разрабатывается схема взаимодействия экстралингвистических и интралингвистических факторов в процессе преобразования нефинитной парадигмы глагола.

Основные результаты исследования, представленные в данной главе, отражены в работах автора [Соколова, 2015; Соколова, 2015а; Соколова, 2017а; Соколова, 2018е].

Одной из вероятных причин столь значительного преобразования грамматического строя английского языка многие лингвисты считают влияние внешних факторов, а именно многочисленных контактов с другими языками. Одним из самых спорных моментов диахронического изучения английского языка является вопрос о том, подвергался ли английский язык пиджинизации или нет.

Разрешить этот вопрос, скорее всего, не представляется возможным, поскольку, как отмечалось выше, не существует определенных критериев, которые могли бы определить язык как контактный. Такой вывод можно сделать только на основании исторических свидетельств наличия необходимых условий пиджинизации. А такие условия действительно имели место в истории английского языка.

Вопрос о возможной пиджинизации английского языка детально рассматривается Ч. Бэйли и К. Марольдтом, которые отмечают абсолютную несхожесть среднеанглийского языка с древнеанглийским язык и утверждают, что

причины этого кроются в смешении языков [Bailey, Maroldt, 1977, p. 21].

М. Гёрлах полагает, что упрощение, характерное для среднеанглийского языка в период масштабных языковых контактов не является весомым доказательством пиджинизации английского языка [Görlach, 1986, p. 331]. Дж. Милрой и П. Пуасса, приводя определенные признаки пиджинизации, такие как существенное упрощение морфологии, отсутствие фонологических различий, замена бóльшей части лексического состава, становление фиксированного порядка слов в предложении, утверждают, что все они в той или иной мере отмечаются в среднеанглийском языке [Milroy, 1984, p. 11; Poussa, 1982, p. 7]. А. Данчев, являясь сторонником теории пиджинизации английского языка, дополняет и расширяет список принаков [Danchev, 1997, p. 96]. Приведем их в таблице и сравним среднеанглийский язык с другими пиджинами и креолами (табл. 18).

Таблица 18 – Признаки креолизации в среднеанглийском и других креольских языках

Признак	Среднеанглийский язык	Креольские языки
Упрощенная сегментная фонология	+	+
Превалирование открытых слогов	-	+
Отсутствие (значительное сокращение) морфологических именных категорий	+	+
Отсутствие родовых маркеров	+	+
Фиксированный порядок слов SVO	+	+
Морфо-синтаксически маркированный пассив	+	-
Превербальные маркеры времени, наклонения и аспекта	+	+
Глагольная сериализация	+/-	+
Глагольные перифразы	+	+
Сокращение использование глагола-связки «быть»	-	+
Употребление одних и тех же глаголов для выражения значения принадлежности и существования	+/-	+
Широкое использование неличных форм глагола	+	-
Релексификация	+	+
Лексическая парафраза	-	+
Аналитичность	+	+

Присутствие в среднеанглийском языке большого количества упомянутых признаков позволяет говорить о его сходстве с креольскими языками.

Не вдаваясь в подробности споров о возможной пиджинизации английского языка, стоит согласиться с тем, что тенденции, схожие с механизмом процесса креолизации, действительно наблюдались в развитии английского языка.

Это подтверждается, например, обнаружением в современном английском языке черт, характерных для категории глагола в разных, основанных не только на базе английского языка, креолах[Holm, 2000, p. 174-205]. К таковым относятся:

- наличие немаркированной личной формы глагола, которая называет действие, совершаемое в настоящем или совершенное в прошедшем времени;

- противопоставление немаркированной личной формы формам предшествующего времени, формам аспектов длительности, обычного (привычного), завершенного, нереального действия;

- образование временных и аспектуальных форм глагола с помощью превербальных маркеров;

- наличие дополнительных маркеров (complementizers), по функции приближенных к функции маркера «to» флективного инфинитива в английском языке;

- образование отрицаний использованием отрицательной частицы в глагольной фразе (чаще всего перед глаголом);

- возможное опущение глагола-связки (эквивалента английского глагола ‘be’) при выполнении определенных функций (см. опущение личных форм глагола перед нефинитными формами в среднеанглийский и новоанглийский периоды);

- синтаксическая отнесенность к категории глагола слов, семантически равнозначных европейскому прилагательному. Так называемые «адъективные глаголы» (adjectival verbs) не употребляются с глаголом-связкой, располагаются между превербальным маркером и глаголом и могут сами употребляться с превербальными маркерами времени и аспекта (см. сужение атрибутивных функций причастия II в среднеанглийский период).

В данном исследовании мы исходим из того, что существуют очевидные доказательства того, что грамматический строй среднеанглийского языка в

значительной степени отличается от строя англосаксонского. В этом, на самом деле, и кроется причина появления самой теории пиджинизации как попытки объяснить столь существенное преобразование строя языка.

Большинство разногласий среди сторонников теории пиджинизации английского языка связано с определением языка, под влиянием которого и произошла пиджинизация английского языка. П. Шелли, Ф. Сайкс, Ч. Бэйли и К. Марольдт считают таким языком французский. Они выделяют два периода влияния французского языка на английский: основное воздействие старофранцузского языка до 1200 года и второстепенное влияние французского языка в XIII и XIV веках. Их выводы основаны на результатах исследования, прежде всего, процента лексических заимствований из французского языка, сложных слов, представляющих собой комбинацию французских и англо-саксонских корней и аффиксов [Bailey, Maroldt, 1977; Shelly, 1921; Sykes 1899]. Энтони Уорнер, поддерживая теорию креолизации, на первый план выдвигает влияние латинского языка, Патрисия Пуасса – скандинавских языков [Warner, 1982; Poussa, 1982].

Отто Есперсон, не используя социолингвистических терминов «пиджинизация» и «креолизация», выделяет три значимых фактора (волны влияния) в истории английского языка: скандинавское, французское и латинское [Jespersen, 1912, p. 59]. О. Есперсен уделяет внимание, прежде всего, лексическим заимствованиям, не отрицая, впрочем, и влияния на грамматический строй, связанное с исчезновением и выравнивание некоторых грамматических форм [Jespersen, 1894, p. 81].

Действительно, английский язык подвергался иноязычному воздействию гораздо чаще, чем другие германские языки в процессе своей истории. Изменения в английском языке, вызванные языковыми контактами, исследуются с различных сторон в работах С. Томасона [Thomason, 2003; Thomason, Kaufman, 1991], Р. Либера [Lieber, 2015], А. ван Кутсема [van Coetsem, 1988], Э. ван Гельдерена [van Gelderen, 2006], Б. Райана [Ryan, 2005], Дж. Физиака [Fisiak, 2000].

В процессе нашего исследования был проведен обзор литературы с целью

проанализировать нефинитные парадигмы глаголов в различных языках в период их контактирования с английским:

- в кельтском [Coates R., 2004; Filppula, 2006; Lewis, Pedersen, 1937; Molyneux, 1987; O'Connell, 1912; Tristram, 2002a; Tristram, 2002b];

- в латинском [Fisher, van Kemenade, Koopman, van Der Wurff, 2000] и французском языках [Bauer, Slocum; Baugh, Cable, 2002; Ellegard, 1953; Fisher, 2013; Vising, 1923];

- в скандинавских языках [Bayldon, 1870; Barnes, 2008; Dasent, 1843; Emonds, Faarlund, 2014; Freeborn, 2006; Gordon, 1957; Kirch, 1959; Lightfoot, 1979; Pyles, 1971; Townend, 2002; Visser, 1973].

В процессе анализа были установлены возможные области влияния на нефинитную парадигму английского глагола со стороны контактирующих с ним языков.

Под влиянием кельтских языков наиболее вероятные преобразования в английском языке в части нефинитной парадигмы глагола заключались в следующем.

1. Использование глагола do.

Отмечаемое нами эмфатическое (в современном понимании функции этого глагола) использование глагола do в среднеанглийских и ранненовоанглийских текстах прослеживается во всех известных кельтских языках:

Breton: Karoud a rann ‘I do love’ [Poppe, 2001, p. 313]

Welsh: (mi) (w)na i ddarllen I (optional) do.1Sg.Pres ‘I’ll read’ [Tristram, 1997, p. 406]

Middle Welsh: ymdidian a wnaethont ‘converse (is) what they did’ [German, 2001, p. 132].

В отличие от среднеанглийского использования данного глагола в кельтских языках речь не идет о маркировании аспектуальности. Функция глагола do в подобных примерах – акцентуализация, выделение информации. Глагол позволяет подчеркнуть фактичность ситуации, скрытый план высказывания. В данном случае, следовательно, можно говорить об эпистемической модальности.

При этом стоит отметить, что конструкция с do в своем развитии в валлийском языке, по мнению исследователей, несет явный след аналитизации. Она широко использовалась в средневаллийском в сочетании с элементом Sef, происходящим от сокращения глагола-связки и местоимения 3 лица: YS + EF → SEF. Уже в средневаллийском было утрачено семантическое значение sef, субъект действия переместился, и в таком виде конструкция была, возможно, заимствована в английском языке [German, 2001, p. 132-133]. По всей видимости, данная форма позволяет маркировать определенность субъекта, позиция которого находится там, где должна быть рема, то есть новая, до конца не определенная информация. Следовательно, грамматическая семантика данной формы – выражение определенности, которая тесно связана с аспектуальностью.

2. Использования причастия I с глаголом «быть».

Как известно, в древнеанглийский период причастие I употреблялось с глаголом «быть»:

þæt scip wæs ealne weg yrnende under segle

that ship be.PST.SG all way running.PRS.PART under sail

‘that ship was all the way running under sail’ (The voyages of Ohthere).

Эта конструкция с причастием I использовалась в древнеанглийских текстах не часто и, как показало наше исследование, не имела современного значения длительности. Как отмечалось выше в сочетании с глаголом «быть» причастие I не выражало агентивность, лишь иногда процессуальность, то есть свойство субъекта непрерывно и последовательно изменяться во времени.

В среднеанглийский период произошла замена формы причастия отглагольным существительным. В поздний среднеанглийский период эта конструкция широко используется в текстах. Она не имеет формального сходства с конструкциями в других германских языках, так как в них чаще всего для выражения длительного действия используется инфинитив [Poppe, 2003, p. 3-10]:

Исландский: ég er að lesa ‘I am reading’

Голландский: Ze is aan het koken ‘She is cooking’

Немецкий: Ich bin die Zeitung am lesen ‘I am reading the paper’.

Влияние латинского и французского языков в этой области маловероятно, как исходя из общих представлений о влиянии этих языков, так и из того факта, что причастия в этих языках оканчиваются на -ns, -(e)nd (в латинском) или -ant (во французском), что скорее бы привело к сохранению древнеанглийского окончания -ende/-ande, а не появлению формы на -ing. А вот в кельтских языках имеются подобные конструкции, состоящие из глагола «быть», предлога и отглагольного существительного [Mittendorf, Poppe, 2000, p. 118].

Исследование роли кельтских языков в эволюции грамматики английского языка можно найти у П. Траджилла [Trudgill, 2010], который отмечает, что именно кельтское влияние способствовало изменению (упрощению с целью осуществления коммуникации) древнеанглийского языка. Отмечено, что дальнейший контакт английского с древнескандинавским языком (Old Norse), возможно, сыграл роль в продолжение этого процесса.

Оба приведенных явления, возможно, калькированные в среднеанглийском языке из кельтского, являются аналитическими формами, передающими два типа грамматической семантики: (1) модальную (эпистемическая семантика) (2) видовую (длительный вид). Возможно, именно это явление повлияло на становление в английском языке аналитически выраженных категорий аспекта и модальности.

Влияние латинского языка в истории английского языка было весьма значительным и обширным. После принятия англосаксами христианства латинский язык стал языком богослужения и церковных книг, науки и права, но был мало доступен простому народу. Несмотря на превосходство латыни, как уже упоминалось в практической главе, посвященной древнеанглийскому периоду, древнеанглийский язык не вышел из уотребления. Тексты на латинском языке часто имели предисловия на древнеанглийском или подстрочные переводы.

«Имитационное» влияние латинского языка вряд ли напрямую могло затронуть грамматику английского. К тому же латинский язык обладал весьма богатой развернутой грамматической структурой, особенно в области нефинитных форм.

В отличие от других языков, вступавших в контакт с английским, латинский язык был объектом исследования древних авторов. Как упоминалось ранее, Эльфрик создал первую латинскую грамматику на древнеанглийском языке, из которой можно увидеть, что все неличные формы латинских глаголов предаются собственными средствами древнеанглийского языка. Наличие подобных данных еще раз подтверждает отсутствие непосредственного воздействия латинского языка на грамматический строй английского.

Значительного влияния на грамматику языка не оказал и еще один контактный язык – французский. В основном его роль связывают с изменениями в лексическом составе и орфографии. А. Боуф и Т. Кэйбл [Baugh, Cable, 2002, p. 167] утверждают, что единственное влияние, которое нормандское завоевание оказало на значительные изменения в среднеанглийском, – это создание благоприятных условий для этих преобразований.

Грамматически французский язык оказал незначительное влияние на английский язык. Одним из наиболее значимых преобразований является изменение порядка слов в конструкции ‘определение - определяемое’, примеры которого можно увидеть в современных словосочетаниях attorney general, heir apparent, court martial. Однако можно оспорить и этот факт, учитывая, что данные изменения произошли в синтаксисе, скорее всего, под влиянием лексических заимствований. Действительно, в современном английском языке использование подобных устойчивых словосочетаний ограничено сферой юридической документации. К тому же не стоит забывать, что в древнеанглийских текстах следование определения за определяемым было нормальным явлением.

Одним из возможных влияний французского языка в области нефинитной парадигмы, по предположению ряда ученых, является употребление в среднеанглийском языке глагола do с нефлективным инфинитивом в значении «заставлять». А. Эллегард соотносит это употребление с использованием французского глагола faire:

Vor he deþ ech þing praysi ase hit is be riʒte worþ

(car il fet chascune chose prisier selom sa droite value)

‘For he causes praise each thing [each thing to be praised], as it is according to its right value’ [Ellegard, 1953, p. 90].

В большинстве случаев эти примеры можно увидеть в переводных текстах. Однако данное употребление не распространилось в английском языке.

Вопрос о скандинавском влиянии достаточно широко обсуждается в иноязычной литературе.

Научная мысль по истории английского языка единодушна во мнении, что современный английский язык возникает из официального языка Лондона [Pyles, 1971, p. 155-158]. Этот язык, в свою очередь, основан на диалекте Восточного Мидленда XIV века, зафиксированном в трудах Чосера. Все имеющиеся доказательства указывают на то, что предок стандартного современного английского – это среднеанглийский язык той области, которая до нормандского завоевание (1066 г.) называлась Данелаг (Danelaw). Эта «область датского права» была специально отведена оставшимся на территории Британских островов скандинавским захватчикам (викингам) – выходцам из северогерманских народов с территории современной Норвегии и Дании, которых англосаксы именовали «данами» (Danes) и которые в VIII – IX веках начали свои набеги на Англию.

Наличие условий для контакта между англосаксами и скандинавами не оспаривается учеными. Например, М. Тауненд [Townend, 2002, p. 3] подчеркивает, что можно найти подтверждения многих «мирных встреч между англоязычными и норвежскими носителями» в англосаксонских текстах с девятого по одиннадцатый века.

Согласно Д. Фриборну [Freeborn, 2006, p. 52], древнескандинавский и древнеанглийский были достаточно похожи в области лексики, и их носители могли легко общаться.

Рассмотрим основные области возможного влияния скандинавских языков на грамматику среднеанглийского языка.

1. Одним из доказательств синтаксического преобразования среднеанглийского языка под воздействием древнескандинавского Дж. Эмбли и Я. Т. Фаарлунд считают распространение в среднеанглийских текстах

конструкций «сложное подлежащее» и «сложное дополнение» – subject-to-subject raising / subject-to-object raising [Emonds, Faarlund, 2014, p. 72], которые были весьма распространены в древнескандинавском языке (a normal and unmarked construction). Но, как показало наше исследование, данные конструкции широко употреблялись уже в древнеанглийском языке.

2. Развитие аналитизма в среднеанглийском языке не подвергается сомнению. Многие ученые пытаются обнаружить в древнеанглийском некие предвестники аналитических конструкций, а в среднеанглийском – остатки синтетических, мотивированные, по-видимому, убеждением того, что внутри единого языка, должен был быть некоторый «постепенный переход» от одной типология к другой, ограниченный периодом первых десятилетий нормандского правления, когда не создавались письменные тексты на английском языке. Как отмечают Дж. Эмбли и Я. Т. Фаарлунд, изменение типологии имеет другое объяснение: языковые контакты носителей древнескандинавского в области Датского права и Вессекса с носителями древнеанглийского. Именно со скандинавским влиянием связывают авторы распространение вспомогательных глаголов в английском языке. Например, использование вспомогательных глаголах sculan и willan для образования форм будущего времени в среднеанглийском и munu и skulu в древнескандинавском. М. Кирч указывает, что в одной из версий перевода с латинского Устава Бенедикта (Benedictine Rules) первой половины XII века для передачи латинского будущего используются формы настоящего времени, а в более поздней версии – они заменяются формами shall и will [Kirch, 1959, p. 503-510].

С нашей точки зрения, подобное явление вполне возможно в истории английского языка. Но речь, скорее всего, нужно вести о параллельно развивающейся тенденции в английском языке, возможно поддержанной внешним воздействием. Будущее время, как известно, тесно соприкасается с категорией модальности. Следовательно, представляется абсолютно логичным использование модальных глаголов для образования форм будущего времени на фоне отсутствия в языке собственных специфичных средств выражения. Не стоит,

впрочем, забыть и о том, что модальные глаголы являются не единственным способом выражения будущего времени в английском языке.

3. Еще одна особенность, которая, кажется, объединяет скандинавские языки и среднеанглийский – возможность соединять модальные глаголы. Как известно, древнеанглийский (как и стандартный современный английский) не позволяет употреблять два модальных глагола подряд. Напротив, такие сочетания можно увидеть в среднеанглийском языке, начиная с XII века: mannkinn shollde muȝhenn wel upp cumenn ‘mankind should be able well up to go’ (Ormulum, 3944).

Наличие подобных конструкций в древнескандинавском подтверждается исследованиями Ф. Т. Виссера [Visser, 1973] и Д. Лайтфута [Lightfoot, 1979].

На наш взгляд, подобное распространенное явление в скандинавских языках начинает появляться в среднеанглийском из-за перестройки категории модальности. Как отмечалось в настоящем исследовании, в древнеанглийском языке существовала только базовая или деонтическая модальность. Другие типы модальности (например, эпистемическая) являются более поздним явлением, получающим свое распространение только начиная с конца среднеанглийского периода. Сочетание модальных глаголов с разным типом модальности, возможно, демонстрирует переходный момент. После полного становления категории модальности и появления разных средств выражения различных типов модальных значений подобные примеры исчезают.

4. В древнескандинавских текстах отмечается употребление перфектных инфинитивов, особенно после вспомогательных глаголов и инфинитивной частицы at [Emonds, Faarlund, 2014, p. 82].

В позднесреднеанглийском языке, в отличие от предшествующих периодов, такие примеры действительно встречаются. Но наше исследование показало, что данные случаи не стоит рассматривать как примеры регулярного употребления перфектного инфинитива. Они демонстрируют лишь преобразующуюся аспектуальную систему английского языка. Инфинитив теряет свою способность маркировать предельность, и для этого используются другие средства, например, причастие II, которое обозначало состояние объекта в результате завершившегося

действия (что подразумевает предельность).

5. Наличие в обоих языках разделенного (расщепленного) инфинитива.

Явление расщепленного инфинитива (split infinitive) достаточно широко исследовано. Но ни один из аспектов данного образования не имеет однозначного объяснения. Вопросы возникают о статусе данного явления, функциях, о происхождении. Одни ученые говорят об экстралингвистическом влиянии (скандинавских или романских языков) [Calle-Martin, 2015; Emonds, Faarlund, 2014; Gaaf, 1933], другие о самостоятельном развитии явления [Gelderen, 2016]. Некоторые лингвисты склонны видеть в употреблении расщепленного инфинитива лишь стилистическую функцию, подтверждая свою точку зрения тем фактом, что данное языковое явление встречается не у всех авторов среднеанглийских текстов [Mustanoja, 1960, p. 515]. Другие говорят о влиянии ритмического построение предложения на данную конструкцию [Fischer, 1995, p. 1; Fischer, 1997, p. 109; Fanego, 1994, p. 191; Schlüter, 2005, p. 150-236]. Не оспаривается лингвистами лишь факт достаточно позднего появления этого явления в английском языке – XIV-XV вв.

Как отмечает Я. Т. Фаарлунд, явление расщепленного инфинитива тесно связано со статусом частицы at. Он указывает, что в древнескандинавском отмечается связь между использованием частицы at и нулевым местоименным субъектом, контролирующим действие инфинитива [Faarlund, 2004, p. 271-279]. At – комплементатор, специальная позиция (начальная) в структуре зависимого предложения, в которую помещается информация о способе оформления синтаксической зависимости этого предложения от главного (союзы и союзные слова, etc.). Функция и семантика частицы приравнивается к союзу ‘that’. То есть с инфинитивом она функционирует так же, как и при введении придаточного предложения, т.е. служит маркером нефинитного оборота.

Структуру фразы, в которой используется частица at, Я. Т. Фаарлунд представляет следующим образом: at - Pro Subject - infinitive, где Pro Subject – логически известный субъект действия – a phonologically empty pronoun, фонологически пустое местоимение, обозначаемое как PRO в общепринятой

генеративной грамматике.

Невыраженный субъект PRO инфинитивных конструкций схож с местоимением в том, что он получает свою интерпретацию из контекста. Элемент, который имеет тот же референт, что и PRO, управляет PRO, является его контроллером. Им может быть субъект предложения, если финитный глагол имеет только одно дополнение, выраженное инфинитивом или дополнение в дативе, если глагол имеет несколько субстантивно выраженных дополнений. Частица at используется в том случае, если инфинитивная конструкция по смыслу равна придаточному предложению, употребление обстоятельства перед глаголом в котором является обычным явлением.

Действительно, наблюдается явное сходство древнескандинавской частицы at и английского to. Принципы их функционирования весьма сходны. Отличия, вероятно, кроются в статусе самого элемента. В древнескандинавском – это союз (союзное слово), он(о) может вводить как придаточные предложения, так и инфинитивные или причастные конструкции. В английском языке частица to таких функций никогда не имела. Однако дальнейшее развитие приближает английскую частицу to к скандинавскому аналогу.

В настоящем исследовании появляется возможность предложить еще один возможный вариант появления данного употребления.

Как отмечалось выше, нефлективный инфинитив утрачивает способность обозначать предельность глагольного действия. Его функции в среднеанглийский период перенимают на себя другие нефинитные формы, в том числе и флективный инфинитив, который стал в силу ряда причин всегда указывать на предельность действия личного глагола, а его формальный показатель – частица to – ассоциировалась именно с предельностью, совершенностью и событийностью. Но, не стоит забывать, что в древнеанглийский период флективный инфинитив имеет модальное значение, которое он сохраняет и в среднеанглийском языке. Именно в этот период происходит наложение функций инфинитива (предельность + модальность), и для подчеркивания, выделения одной из функций и используется конструкция «split infinitive». Акцентируемая

функция определяется лексическим значением слова, которое употребляется между to и инфинитивом.

Расщепленный инфинитив не встречается в текстах, выбранных для исследования в данной работе. В работах других лингвистов, посвященных изучению этого явления, примеры весьма ограничены. Наибольшее количество примеров можно увидеть в исследовании Хавьера Калле-Мартина (Javier Calle-Martín). Автор провел обширную выборку с помощью электронных баз данных и обнаружил во всех зафиксированных среднеанглийских текстах 252 примера употребления расщепленного инфинитива. Для нашего исследования значимым были статус и семантика элемента, который располагался между частицей to и инфинитивом. Согласно статистике Х. Калле-Мартина в 49 примерах этим элементом было личное местоимение, в 176 – наречие, в 27 – обстоятельственное словосочетание [Calle-Martin, 2015].

Х. Калле-Мартин приводит статистику наречий, использующихся в качестве разделяющего элемента. К наиболее частотным он относит наречия образа действия: swiþe, þus, litel, anymore, wel. В дальнейшем к этому перечню добавляются французские заимствования: fruytefully, gladlich, maliciously, trewely. На втором месте – наречия времени и места: fully, soone, here, there.

Эти данные подтверждают наше предположение о необходимости лексического подкрепления функций флективного инфинитива. Наречия образа действия, которые явно преобладали, однозначно указывают на участие инфинитива в выражении модальной функции (оценочности):

(a) hit walde to swiðe hurten ower heorte
he wanted to much hurt our heart
‘he wanted to hurt our heart much’

(b) he schal not be able to fruytefully preie
He shall not be able to profitably pray
‘He shall not be able to profitably pray’ [Calle-Martin, 2015, p. 238].

Обстоятельственные словосочетания представляют собой также обстоятельства образа действия: forto bi miracle make.

Наречия времени и места действия указывали на аспектуальную функцию инфинитива:

(c) that fro that tyme hit shold be wele lawfull to the forsaid abbesse and Couent, and to ther successours, or to ther procuratour, to agayne entre into the said shoppe with the solar, and to agayn holde to them, and to put out the forsaid Iohn Siluestre and Alice his wyf fro them, and to agayn hold hit as in ther olde astate

‘that from that time it should be well lawful to the foresaid abbess and the assembly, and to their successors, or to their attorney, to again enter into the said shop with the garret, and to again hold to them, and to put out the forsaid John Silvestre and his wife Alice from them, and to again hold it as in their old position [Calle-Martin, 2015, p. 234].

Предельность подчёркивается и с помощью использования личных местоимений. Ср.:

(d) þei be cherid forto þerinne contynue, and þat oþire take ensample forto hem folewe

they are encouraged for to therein continue, and that other takes the example for to follow them

‘They are encouraged to continue therein, and that other takes the example to follow them’ [Calle-Martin, 2015, p. 235].

Употребление наречий и местоимений придает определенность процессу протекания действия. Как отмечалось выше, существует тесная взаимосвязь между определенностью и предельностью, неопределённостью и непредельностью.

Данные различных исследований лексических единиц, употребляющихся между частицей to и инфинитивом в современном английском языке, согласно которым в тройку самых распространённых лексем входят слова «actually», «just» и «really» [Phoocharoensil, 2013, p. 26], подтверждают предлагаемый нами статус разделителя расщепленного инфинитива.

Как показал анализ нефинитных форм глагола в языках, контактировавших с английским, во всех языках имеются как сходные, так и различные элементы и

конструкции. Говорить о прямых заимствованиях нефинитных форм, с сохранением формы и функций, не представляется возможным. Во всех языках нефинитные формы формально различны. Однако представленная в данной работе теория перераспределения функций нефинитных форм в рамках глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность позволяет объяснить большинство спорных вопросов, возникающих в области функционирования нефинитных форм в истории английского языка при традиционном подходе и находящих слабо доказательное объяснение в работах лингвистов, в связи с отсутствием иных оснований, за счет иноязычного влияния.

Необходимо помнить, что влияние контактных языков друг на друга в целом и на отдельные уровни языковой структуры в частности, естественно, не одинаково по своей степени и возможности напрямую их отследить. Так, влияние на лексический состав увидеть просто, однако воздействие на грамматику и синтаксис выявить значительно сложнее. Лексические единицы чаще всего заимствуются напрямую, целиком, формой и содержанием. На морфологическом и синтаксическом уровнях такое явление весьма редко. Синтаксис и грамматика при языковых контактах затрагиваются опосредованно, чаще через влияние и изменения лексики и фонетики [Meillet, 1921, p. 87].

Важнейшим явлением, повлекшим за собой разрушение прежней видовой системы древнеанглийского глагола и перераспределение функций нефинитных форм, стала редукция окончаний и упрощение падежной системы. Учитывая, что редукция является частым результатом языковых контактов, неудивительно, что потерю окончаний многие лингвисты приписывают именно скандинавскому влиянию на севере [Bradley, 1904, p. 32; Poussa, 1982, p. 84; Thomason, 1991, p. 275-304; Kroch, 2000; Townend, 2002, p. 201; McWhorter, 2007, p. 90-103]. Но некоторые отмечают, что процесс упрощения флексий начался еще при контактах с кельтами [Miller, 2012, p. 128]. Ч. Барбер и соавторы отмечают, что одной из причин упрощения флективной системы английского языка является смешение древнеанглийского с древнескандинавским. Зачастую английские и скандинавские слова были достаточно похожи, чтобы их можно было узнать, но у

них явно были разные способы словоизменения. В таких обстоятельствах во избежание сомнений и путаницы относительно правильной формы окончания говорящие в ситуации двуязычия склонны редуцировать флексии и использовать иные средства выражения [Barber, 2009, p. 167-171].

Однако С. Аллен также замечает, что значительное упрощение падежных флексий отмечается в некоторых диалектах Вэст-Мидленда, которые не могли быть непосредственно затронуты контактами со скандинавами [Allen, 1997; Allen, 1995]. Она указывает, что нет однозначных подтверждений того, что упрощение флексий произошло раньше всего в районах наибольшего скандинавского влияния. С. Аллен показывает в своем исследовании, что некоторые фонологические изменения, которые привели к синкретизму падежных окончаний, можно найти даже в самых древних текстах Нортумбрии VIII - VIX вв., написанных до того, как скандинавское влияние могло быть значительным. Не исключено, что контакт со скандинавами мог ускорить процесс, который уже начался, но нет оснований полагать, что именно он инициировал его. Автор объясняет это явление следующим образом. В языке всегда есть различия между более инновационными и более консервативными формами, и каждое поколение изучающих язык пытается сделать язык более регулярным (например, английские дети часто образуют прошедшее время всех глаголов по модели правильных глаголов). В стабильных социальных условиях инновации обычно быстро не набирают силу, потому что они не принимаются старшими членами сообщества. Но инновации распространяются быстрее во времена социальных потрясений в целом.

При этом действительно не столь обязательно говорить именно о французском, латинском или скандинавском влиянии. На протяжении нескольких веков английский язык плотно контактировал с другими языками. В данном случае явно выделяется антиномия говорящего и слушающего, о которой шла речь в теоретической главе. Эта антиномия лежит в основе противопоставления типологически разных языков: языка говорящего – языка синтетического строя предназначенного для синтеза речи – и языка слушающего для анализа речи,

характеризующегося аналитизмом.

Внимание говорящего сосредоточено на парадигматику языка. Язык говорящего характеризуется функциональной важностью всех элементов, парадигматической сложностью и экономной организацией, использованием эллипсиса и ассимиляции. В противоположность языку слушающего, в основе которого лежит синтагматика, отсутствие функционально равноценных элементов и наличие плеоназмов, диссимиляция. Для говорящего характерен регрессивный порядок синтаксического построения (определяемое перед определением), для слушающего – прогрессивные (определение следует за определяемым), с фиксированным порядком элементов. Формальные признаки языка говорящего и слушающего Б. А. Успенский сопоставляет с признаками морфологической классификации языков, указывая на совпадения характеристик языка говорящего с языками флективного и синтетического типа, а языка слушающего – с языками агглютинативного и аналитического. При языковых контактах, как отмечает автор, превалируют всегда интересы слушающего [Успенский, 1967, с. 2103]. Следовательно, языковые контакты способствуют развитию аналитичности.

Стоит особо подчеркнуть, что именно способствуют, но ни коем образом не являются основной причиной. М. Л. Котин приводит достаточно большое количество примеров, которые доказывают тот факт, что языковые контакты не могут пониматься иначе как лишь известные ‘ускорители’ тех глубинных тенденций развития, которые присущи языку независимо от его контактов с другими языками [Котин, 2018, с. 177-199]. Другими словами, любое языковое изменение не может являться прямым следствием языковых контактов, но его развитие может быть спровоцировано и ускорено скрытыми системными тенденциями, которые проявляются и реализуются именно в ситуации языкового контактирования.

То, что изменения должны подкрепляться внутренними, глубокими и заблаговременными преобразованиями языковой системы, и демонстрирует наглядно история английского языка.

Экстенсивные языковые контакты английского языка, кроме возникающего

при общении упрощения форм, приводят к появлению большого количества заимствованной лексики. Новая лексика имеет иную 1) акцентную систему, 2) систему словоизменения. Но эти факторы не приводят напрямую к изменениям фонетической и словоизменительной систем английского языка, а лишь ускоряют ранее начавшиеся внутренние преобразования.

Как известно, в индоевропейском языке и протогерманском ударение было «свободным»: оно могло падать на любой слог полисиллабического корня или – при определенных условиях – на префикс или суффикс [Lass, 1992, p. 84-89].

Одним из главных протогерманских нововведений был сдвиг ударения, который разрушил старую систему. По новому германскому правилу ударение падало на первый слог корня и не могло ставиться на суффиксы и большинство префиксов.

В древнеанглийском был ряд ударных префиксов, часто имеющих безударные дублеты. Например, and-, соответствующий безударному on-. Ударные префиксы принадлежали только существительным. Глагольные, в том числе и видовые префиксы, становятся безударными, что способствует их фонологической редукции и, следовательно, утрате функции.

Появление большого количества французских и латинских заимствований также способствует дальнейшему изменению акцентной системы английского языка. Как известно, в латинском языке ударение никогда не ставится на последний слог.

Происходит закрепление силового ударения за корневым слогом. Это приводит к ослаблению, редукции, и отпадению конечных слогов. В подобную систему вписываются новые существительные и глаголы, структурно чуждые старым грамматическим схемам английского языка, изменения которых уже назревали в языковой системе.

Неустойчивость грамматической системы, типологию и направление процессов дальнейшего преобразования обусловили внутренние антиномии общегерманского строя, к которым, как отмечает М. М. Гухман [Гухман, 1981], относятся такие древние индоевропейские черты, как:

1. Наличие множества, часто весьма дробных, подвидов именной и глагольной парадигм.

2. Лабильность лексической основы в именных и глагольных парадигмах, обусловившая продуктивность сложных цельнооформленных и раздельнооформленных маркеров.

3. Наслоение в словоизменительном маркере нескольких разноструктурных морфов, ослаблявшее знаковую функцию отдельного морфа и вызывавшее избыточность маркирования.

4. Отсутствие изоморфности как в простом, так и в сложном маркере формального состава и состава единиц плана содержания.

В результате ускорения всех вышеперечисленных латентных процессов, падежные значения и категории личного глагола в среднеанглийском языке становятся невыраженными в форме слова. Для передачи падежных значений необходим фиксированный порядок слов, для выражения глагольных категорий – аналитические формы.

Это и наблюдается в развитии глагольного комплекса английского языка, характеризующемся появлением аналитических видовременных форм с использованием нефинитных форм глагола, которые вписываются в изменившийся порядок слов.

Последнее утверждение подтверждается уникальностью и своеобразием нефинитной парадигмы в английском языке. А именно – наличием двух инфинитивов (точнее будет говорить – полуфинитива и инфинитива – дабы не сравнивать их с шестью формами в латинском языке) и абсолютно не схожего по форме и функциям с другими языками причастия I.

Перераспределение функций инфинитивов, приводящее к расширению использования флективного инфинитива и сокращению функциональной нагрузки нефлективного инфинитива, было в значительной степени подкреплено становлением фиксированного порядка слов в английском языке.

Зарождающаяся еще в древнеанглийский период способность флективного инфинитива обозначать действие, не связанное с субъектом предложения

позволила ему вписаться в синтаксическую структуру с измененным порядком слов.

Наиболее показательными в этом отношении являются примеры функционирования инфинитивов в конструкции «сложное дополнение». Именно в этой конструкции могут функционировать оба инфинитива, и именно эта конструкция претерпела значительные преобразования в истории английского языка.

Рассмотрим предложения современного английского языка:

1. I saw you cross the road

2. I believe you to win the game

3. I expect him to cross the road

Первое предложение может быть представлено следующим образом:

I	saw	you			
		you	cross	the road	

Абсолютно точно структура предложения будет следующей:

S	V	O [S]	V	O

Местоимение you является объектом действия первого предложения. Первое предложение по смыслу идентично предложению I saw you. Одновременно you является субъектом действия, выражаемого инфинитивом.

Обе части предложения соответствуют порядку слов в английском языке: SVO.

Два других предложения имеют абсолютно другую структуру. Совершенно точно, что местоимения в объектном падеже здесь не являются объектами действия, названного финитным глаголом. Данные предложения не равны по смыслу конструкциям I believe you или I expect him. Они аналогичны сложным предложениям

I	believe		you	to win	the game
I	believe	that	you	win	the game

Структура этих предложений следующая

I	expect	him	to cross	the road
I	believe	you	to win	
S	V	S	V	O
S	V		[O]	

При фиксированном порядке слов, когда функция каждого слова определяется его местом в предложении, флективный инфинитив указывает на то, что слово, стоящее перед ним – это его субъект, а не объект действия, выраженного личным глаголом.

Таким образом, можно утверждать, что флективный инфинитив обладает предикативностью. Под предикативностью в данном случае понимается свойство языковой единицы соотносить содержание высказывания с действительностью через указание на логический субъект и предикат. Флективный инфинитив называет действие, субъект которого подразумевается (при этом он может совпадать или не совпадать с формальным субъектом предложения). Семантика флективного инфинитива всегда равна [*S]V.

I	planned	my vocation
S	V	O

I	planned	[*I]	to visit	you
S	V	[*S]	V	O

Традиционно объект действия определяется как предмет или категория, на которую направлено действие субъекта. Действительно, действие «планирования» может быть направлено на такие субъекты, как «отпуск», «проект», «встреча» и т.д. Вряд ли можно предположить, что планирование как-то воздействует (оказывает влияние) на желание (возможность, намерение) посетить кого-либо.

Следовательно, значение, выражаемое инфинитивом, не является объектом действия в чистом виде.

В древнеанглийский период, когда порядок слов был свободным, и определение субъекта и объекта действия не вызывало затруднений благодаря развитой системе флексий, использование флективного инфинитива в конструкции «сложное дополнение» не отмечалось. В среднеанглийский период порядок слов стремится к фиксированной модели, в которой субъект предшествует действию, а объект следует за ним. В это время именно флективный инфинитив, раскрывая свои зарождающиеся еще в древнеанглийский

период свойства, все чаще используется в конструкции «сложное дополнение», указывая на наличие субъекта своего действия и отсутствие объекта глагольного действия.

Именно фиксированный порядок слов SVO может быть причиной того, что, начиная со среднеанглийского, после большинства глаголов используется флективный инфинитив для указания на то, что языковая единица, следующая за глаголом, не является объектом глагольного действия.

Флективный инфинитив называет действие, на которое субъект предложения не имеет прямого воздействия, так как сам инфинитив несет в себе указание на логический (скрытый) субъект. При необходимости четко следовать порядку SVO нефлективный инфинитив указывал на непосредственное влияние субъекта действия на само действие и наличие объекта этого действия: в среднеанглийском – He made belle rynge ant prestes masse synge ‘He made bell ring and priests mass sing’ – он заставил (сделала) их – они звонили и пели. Конструкция имеет вид ‘SVO(SV)’.

Флективный же инфинитив преобразует конструкцию в ‘SV[S]toV’, где объект глагольного действия не очевиден, субъект предложения не имеет контроля над действием, выраженным флективным инфинитивом, субъект инфинитивного действия известен: в среднеанглийском thu makest me to wleatien ‘you make me gag (or, feel disgusted)’ – ты делаешь что-то, от чего мне плохо или Þulli þoht makeð mon te fleon ‘this thought makes people flee’ – мысли оказывают влияние на людей – делают так, что люди блаженствуют.

Известно, в современном английском нельзя сказать *‘I allow to smoke here’. В таком предложении, во-первых, курение не является объектом разрешения или запрещения. Действие «разрешить» или «запретить» направлено на объект, то есть, того, кто будет что-либо делать. Во-вторых, флективный инфинитив подразумевает логический субъект своего действия, и если он не выражен, то он равен формальному субъекту предложения. Корректный вариант – they allow us to smoke here – где после личного глагола следует объект его действия, а субъекты действий различны.

Наиболее значимое изменение, связанное со следующей нефинитной формой – причастием I – это исчезновение старой причастной атрибутивной формы и появление новой, и, как следствие, расширение функций и потеря частеречной принадлежности причастия.

Как отмечалось выше, окончание современного английского причастия абсолютно не схоже с окончаниями причастий в других германских языках, являющимися отголосками окончания индоевропейского отглагольного прилагательного *nt. В среднеанглийском языке причастие на -nd заменяется формой отглагольного существительного. Во всех контактирующих с английским языках причастие I имеет отличное от -ing окончание. В латинском, французском и даже древнескандинавском языках причастное окончание схоже фонетически с древнеанглийским вариантом. Единственное, что можно отметить, это наличие в древнескандинавском отглагольных существительных с суффиксом -ing: refsing ‘beating’, bygging ‘building’, sigling ‘sailing’, обозначающих действия.

Д. Г. Миллер приводит примеры из ранних среднеанглийских текстов, где авторы используют кальки скандинавского отглагольного существительного с предлогами a(n)/i(n) sken(m)ting (a) [Miller, 2012, p. 130-131]:

(a) þatt nass ȝho nohht tær úte / I skemmtinng 7 inn idelleȝȝc, / Inn ægæde 7 i leȝȝkess
‘that she was not abroad / in amusement and in idleness, / in luxury and in sport’

(b) þis iherde þe king þer he læi an skenting
this heard the king where he lay in amusing
‘this the king heard where he lay amusing himself’

(c) þer wunede þe king al þene winter a skenting
there dwelt the king all the winter a-reveling
‘there dwelt the king all the winter a-reveling’.

Как видно из примеров (b, c) ing-форма выполняет функцию, свойственную причастию. Стоит обратить внимание и на редуцированный предлог в примере (c).

Однако традиционно скандинавское влияние связывают с распространением окончания -and у причастий в северных диалектах. Этот факт вряд ли позволит

объяснить появление абсолютно несозвучного окончания у причастия в среднеанглийском языке.

Появление новой формы с окончанием -ing является внутренним преобразованием в истории английского языка.

В практической части исследования было показано, что отглагольное существительное расширяет функциональность и приобретает функции причастия, а не причастие получает суффикс отглагольного существительного. Остается вопрос, почему отглагольное существительное в сложившихся условиях расширяет функции и вытесняет причастие.

Можно предположить, что в новых условиях фиксированного порядка слов SVO причастие на -nd, являющееся исторически отглагольным прилагательным, теряет свои позиции из-за невозможности указания на скрытый субъект действия. Как было продемонстрировано в исследовании причастие на -nd утрачивает субстантивную функцию, причастия, называющие «деятеля» в древнеанглийском языке вытесняются заимствованной лексикой.

В языке с фиксированным порядком слов необходимы были языковые единицы, обладающие предикативностью, то есть возможностью называть действие и указывать на подразумеваемый субъект действия. При порядке слов SVO и отсутствии флексий, чтобы указать на то, что третья с начала предложения единица не является объектом глагольного действия, это место должно заниматься единицей имеющей внутреннюю структуру [*SV].

Указывать на скрытый субъект действия может именно отглагольное существительное, субъектность которого заложена существительным.

Таким образом, -ing форма распространяется в английском языке благодаря своей этимологической способности выражать агентивность. Эта способность оказывается весьма значимой в условиях редукции окончаний и фиксации порядка слов в английском языке. То есть, появление -ing формы – это есть развитие внутренних тенденций языка под влиянием внешних факторов.

О значительном влиянии изменения порядка слов в английском языке нельзя не сказать и в связи с развитием функций еще одной нефинитной формы –

причастия II. Именно преобразование порядка слов из SOV в SVO и исчезновение флексий способствовало переосмыслению конструкции ‘have + OBJ.ACC + PST.PART’, которая широко использовалась в древнеанглийский период в значении «завершение изменения состояния субъекта», в сочетание со значением завершенного предшествующего действия ‘have + PST.PART + OBJ.ACC’.

Исследование развития английской нефинитной парадигмы доказывает тот факт, что значительные трансформации грамматического строя английского языка были вызваны развитием внутренних тенденций самого языка под влиянием внешних факторов – последствий языковых контактов (рис. 14).

Рисунок 14 – Схема взаимодействия экстралингвистических и интралингвистических факторов

в процессе преобразования нефинитной парадигмы глагола

К наиболее значимым внутренним преобразованиям, которые накладываются на противоречия общегерманского грамматического строя, относится изменение акцентной структуры слова: закрепление силового ударения за корневым слогом, вызывающее ослабление, редукцию и отпадение конечных слогов. Упрощение флексий, в свою очередь, привело к развитию морфологической неизменяемости слов и невыраженности их синтаксических функций. Это способствовало появлению внеконтекстуальной асемантичности, практически полному отсутствию частеречной дифференциации и расширению синтаксической валентности разных классов слов. Изменение в морфологической системе повлекло за собой изменение синтаксических связей. Все это, в свою очередь, вызывает необходимость фиксации порядка слов в предложении и появления аналитических средств выражения грамматических значений. Подобные изменения есть реализация в языке диахронической типологической константы аналитичности.

Распад флективной морфологии в истории английского языка был значительно активизирован рядом внешних факторов, к которым, также необходимо отнести, во-первых, сравнительно длительный период бесписьменного существования языка (1000 г. датируется самая последняя из сохранившихся рукописей «Беовульфа», 1150 г. – самые ранние сохранившиеся рукописи на среднеанглийском языке). Отсутствие письменной фиксации тоже способствовало редукции окончаний. Дэвид Кристалл [Crystal, 2018, p. 32] объясняет это тем, что германское ударение первого слога создавало определенные трудности для устного восприятия окончаний, особенно фонетически созвучных -en, -on и -an. Во-вторых, появление значительного объема лексических заимствований, которые не могли вписаться в старые словообразовательные модели. Этому способствовали, естественно, многочисленные контакты английского языка с другими языками. Следовательно, диахроническая типологическая константа аналитичности развивается в языке под влиянием внешних факторов, являясь некой закономерностью

взаимодействия и перехода экстралингвистических факторов в интралингвистические. Закономерность, как известно, выражает существующую, повторяющуюся, существенную связь явлений, которая является результатом воздействия целого ряда законов (константных тенденций), среди которых только один выступает важнейшим, первостепенным, основополагающим для данного процесса. Именно этим и определяется разная степень глубины реализации константы в разных языках. Общие тенденции подвергаются влиянию различного количества факторов, ведущим из которых в каждом отдельном языке является свой собственный.

Выводы по главе 5

1. Одной из вероятных причин столь значительного преобразования грамматического строя английского языка лингвисты считают влияние внешних факторов. Разрешить вопрос о том, подвергался ли английский язык пиджинизации или нет, не представляется возможным, поскольку не существует определенных критериев, которые могли бы определить язык как контактный. Однако необходимо отметить, что необходимые внешние условия пиджинизации действительно существовали в истории английского языка, а тенденции, схожие с механизмом процесса креолизации, имели место в развитии английского языка. В данном исследовании мы исходим из того, что существуют очевидные доказательства того, что грамматический строй среднеанглийского языка в значительной степени отличается от строя англосаксонского. В этом, на самом деле, и кроется причина появления самой теории пиджинизации как попытки объяснить столь существенное преобразование структуры языка.

Как показало исследование, английский язык контактировал со многими языками в средние века. Все типы активности контактных языков имели место в истории английского языка.

2. В результате анализа нефинитных форм глагола в языках, контактировавших с английским, было установлено, что во всех языках имеются

как сходные, так и различные элементы и конструкции. Говорить о прямых или косвенных заимствованиях нефинитных форм не представляется возможным. Это подтверждает тот факт, что синтаксис и грамматика при языковых контактах затрагиваются опосредованно, чаще через влияние и изменения лексики и фонетики.

Изучение английской нефинитной парадигмы доказывает тот факт, что значительные изменения грамматического строя английского языка были вызваны развитием внутренних тенденций самого языка под влиянием внешних факторов.

К наиболее значимым внутренним преобразованиям относятся фонетические процессы, результатом которых стало упрощение флексий, которое, в свою очередь, привело к реализации в языке диахронической типологической константы аналитичности. Распад флективной морфологии в истории английского языка в большей степени был ускорен рядом внешних факторов, к которым, прежде всего, необходимо отнести сравнительно длительный период бесписьменного существования языка и появление значительного объема лексических заимствований, которые не могли вписаться в старые словообразовательные модели. Этому способствовали, естественно, многочисленные контакты английского языка с другими языками. Следовательно, диахроническая типологическая константа аналитичности развивается в языке под влиянием внешних факторов, являясь закономерностью взаимодействия и перехода экстралингвистических факторов в интралингвистические.

Заключение

Проведенное исследование с целью системоцентрического диахронического описания нефинитных форм в различные периоды истории английского языка с учетом историко-культурных обстоятельств и языковой ситуации позволило установить, что нефинитные формы глагола в процессе развития претерпели значительное преобразование.

Все компоненты нефинитной парадигмы глагола современного английского языка в значительной степени отличаются (формально, функционально и семантически) от нефинитных форм, зафиксированных в древнеанглийских текстах. При этом отмечаемые изменения по большей части не являются продолжением тенденций, которые были зафиксированы в древнеанглийский период. Нефинитные формы английского глагола из языковых единиц, ориентированных на именные части речи (существительное, прилагательное, наречие) и практически, за исключением одной из форм инфинитива, лишенных глагольных (аспектуальных) функций, превращаются в базовые элементы темпорально-аспектуальной и модальной систем английского глагола.

Анализ фактического языкового материала с применением основных принципов функционально стилистического диахронического исследования, разработанных лично автором, позволил в ходе исследования сделать выводы, являющиеся подлинными научными достижениями в истории английского языка и германском языкознании.

1. Исследование показало, что значительные изменения системы нефинитных форм в истории английского языка были вызваны внутриязыковыми изменениями (изменение акцентной структуры слова, упрощение флексий, изменение падежной системы), которые проявились, реализовались и были ускорены под воздействием экстралингвистических факторов (языковых контактов). Внутренние потенциалы развития языка, реализующиеся под влиянием совокупности внешних факторов, описаны в виде диахронической типологической константы, включающей в себя постепенное упрощение

флективных и синтетических парадигм и развитие аналитических, корнеизолирующих и агглютинативных тенденций.

2. Начальными моментами разворачивания диахронической типологической константы аналитичности стали два внутренних языковых явления: фонетические (акцентные) изменения и редукция флексий. Распад флективной морфологии в истории английского языка был значительно активизирован рядом внешних факторов, к которым относится сравнительно длительный период бесписьменного существования языка и появление значительного объема лексических заимствований, которые не могли вписаться в старые словообразовательные модели. Этому способствовали, естественно, многочисленные контакты английского языка с другими языками. Упрощение флексий привело к развитию морфологической неизменяемости слов и невыраженности их синтаксических функций. Все это, в свою очередь, вызывает необходимость фиксации порядка слов в предложении и появления аналитических средств выражения грамматических значений.

Исследование, ход и результаты которого изложены в настоящей диссертации, выполнено в русле теории категориальной конвергенции, в основе которой лежит тезис о взаимосвязи грамматических категорий.

Подобный подход позволил впервые в науке о языке на примере развития нефинитной парадигмы глагола проследить перераспределение грамматических значений в процессе диахронических изменений языка на разных уровнях его функционирования.

В работе установлено, что утрата флексий в результате внутренних фонетических процессов (изменения акцентной системы) и языковых контактов приводит к реорганизации падежной системы английского языка. Лишенная морфологических показателей падежная форма существительного (ACC), как и не маркированный нефлективный инфинитив, более не могут являться формальными маркерами видовой системы английского глагола, что вызывает ее полное преобразование и привлечение новых средств выражения. Аспектуальная система древнеанглийского языка, представленная противопоставлением предельных и

непредельных глаголов, постепенно превращается в видовую оппозицию «континуальность – предшествование – результативность» современного английского языка, базовым компонентами которой являются нефинитные формы.

3. В настоящем исследовании на примере развития нефинитной парадигмы глагола продемонстрировано, что постепенное исчезновение одной категории и появление других в истории языка сопровождается перераспределением функциональной нагрузки категориальных форм. Так, исчезновение морфологически и семантически выраженной в глаголе категории вида привело к значительному преобразованию функций нефинитных форм глагола. На ранних этапах развития английского языка они выполняли в основном функции именных частей речи, и не участвовали в выражении значений глагольного комплекса Аспектуальность – Темпоральность – Модальность. Преобразование видовой категории древнеанглийского глагола приводит к постепенному вовлечению нефинитных форм в аналитические конструкции темпорально-аспектуальных и модальных категорий английского глагола.

Таким образом, распад морфологически и семантически выраженной в глаголе категории вида приводит к развитию новых аспектуальных и модальных категорий английского глагола. Эти процессы тесно связаны с преобразованием нефинитной парадигмы глагола и перераспределением функций нефинитных форм, которые обусловливают изменение способов выражения значений взаимосвязанного и взаимозависимого глагольного комплекса аспектуальность – темпоральность – модальность и возникновение эпистемической модальности в английском языке.

4. В древнеанглийском языке одна из форм инфинитива (нефлективный инфинитив) функционирует в видовой системе глагола, являясь маркером предельности. Эта форма употребляется с глаголами активности и состояния, придавая характеристике действия целостный вид, указывая на некий предел.

В среднеанглийский период нефлективный инфинитив, практически утрачивая аспектуальную функцию и сочетаясь только с непредельными

несобытийными претерито-презентными глаголами, которые постепенно превращаются в модальные, оставляет за собой функцию маркирования деонтической (базовой, корневой) модальности личной формы глагола. Сочетание нефлективного инфинитива с личной формой претерито-презентных глаголов достаточно отчетливо проявляет признаки развивающейся аналитичности.

В новоанглийский период простая форма нефлективного инфинитива в сочетании с модальными глаголами остается маркером базовой модальности, в то время как перифрастическая форма, наделенная аспектуальными характеристика завершившегося или предшествующего действия, становится показателем развивающихся эпистемических значений.

5. Флективный инфинитив сочетался в древнеанглийский период только с событийными предельными глаголами, называя полноценные событийные действия, часто способствуя выражению оценочного или рекомендательного значения. Флективный инфинитив в среднеанглийский и новоанглийский периоды расширяет свои функции. Благодаря единственному сохранившемуся формальному маркеру инфинитивов частице to, которая становится еще и, своего рода, показателем предельности и событийности, флективный инфинитив вписывается в изменившийся порядок слов английского предложения, называя самостоятельное действие, выходящее из зоны непосредственного влияния субъекта предложения и совершающееся неодновременно с действием, обозначенным личной формой глагола. Флективный инфинитив может иметь базовое модальное значение или участвовать в его выражении.

Таким образом, проведенное исследование продемонстрировало перераспределение функций инфинитивов в истории английского языка, начиная от выражения аспектуальности в рамках категории вида глагола одной из форм инфинитива и заканчивая функционированием инфинитивов в рамках категории модальности и аспектуальности.

6. Утраченная инфинитивом аспектуальная функция перенимается другими нефинитными формами, аспектуальное значение которых уже зарождается в древнеанглийский период, и которые в среднеанглийский период, имея

выраженные формальные показатели, значительно сужают свою синтагматическую сочетаемость и постепенно грамматикализуются в элементы темпорально-аспектуальных конструкций.

Причастие I на -nd в древнеанглийском языке в ряде сочетаний получает аспектуальное значение процессуальности. Но это – лексическая аспектуальность, обозначающая аспектуальное значение, присущее слову объективно, еще не столь регулярно выражаемое в форме слова и не определяемое контекстом.

В среднеанглийский период причастная форма на -nd постепенно выходит из употребления при преобразовании видовой системы глагола. Лакуна в глагольной парадигме заполняется формой отглагольного существительного, которое постепенно преобразует и расширяет свои функции от именных до глагольных, и становится одним из базовых элементов темпорально-аспектуальной системы английского языка, выражающих континуальность.

Ing-форма претерпевает значительное преобразование в истории английского языка – от имени существительного в древнеанглийском языке через атрибутивные функции отглагольного существительного в начале среднеанглийского периода к глагольным функция подлинного причастия I в новоанглийском языке.

7. Причастие II в древнеанглийских текстах в сочетании с существительным выражает признак или свойство объекта, названного существительным. В предикативной функции причастие II обозначает состояние субъекта как результат завершившегося действия с неуточненным деятелем, перемену состояния субъекта или наличие результата изменения состояния объекта действия. Аспектуальная семантика состояния (завершенности) является в большей степени проявлением лексического (исходного) значения причастия.

В среднеанглийский и новоанглийский периоды причастие II почти полностью сокращает свои атрибутивные функции, в подавляющем большинстве примеров используясь в сочетаниях с глаголами «быть» и «иметь». В первом случае причастие II указывает на состояние субъекта в результате завершившегося действия. Второе сочетание, как показало исследование,

получает постепенно значение предшествования, грамматикализуясь из конструкции ‘have (had) + существительное (местоимение).ACC + причастие II’, которая обозначала завершенное изменение состояния объекта, выраженного существительным или местоимением в аккузативе.

Все указанные в исследовании факты свидетельствуют об активном вхождении причастия в темпорально-аспектуальную систему глагола. Значение завершенности становится переходной ступенью к развитию значения предшествования, которое характеризует развивающиеся темпорально-аспектуальные формы перфекта в английском языке, а исходное значение состояния субъекта как результата завершившегося действия, делает причастие компонентом темпорально-аспектуальной аналитической конструкции со значением результативности (пассив).

8. В диссертационном исследовании не только описаны сущность и проявления произошедших преобразований в рамках нефинитной парадигмы глагола, но и определены их причины. Комплексный авторский подход, в рамках которого успешно совмещены системоцентрический метод и теория категориальной конвергенции, позволил системно описать экстра- и интралингвистические факторы, повлиявшие на становление аналитической системы английского языка, определить механизмы, лежащие в основе перехода экстралингвистических факторов в интралингвистические и представить развитие грамматического строя английского языка как результат сложного взаимодействия экстралингвистических и интралингвистических факторов, реализующихся в виде диахронической типологической константы аналитичности, которая представляет собой реализация внутренних потенций отдельно взятого языка, триггером которых становятся внешние факторы языкового развития (рис. 15).

Рисунок 15 – Диахроническая типологическая константа аналитичности как закономерность взаимодействия внутриязыковых изменений и экстралингвистических факторов

Полученные лично автором результаты существенно преобразуют распространённые в отечественной лингвистической традиции научные представления об истории становления темпорально-аспектуальных и модальных форм английского глагола, а также видоизменяют подход к грамматическому строю английского языка как к самодостаточному явлению, не уподобляющемуся аналогам прочих германских языков в целом.

Сделанные автором выводы вносят значительный вклад в историю английского языка и в германское языкознание, а именно в развитие теории категориальной конвергенции. Взаимосвязи грамматических категорий, в частности именных и глагольных, их пересечения часто упоминаются в литературе по грамматике различных языков, но практически не выявляются и не описываются. До настоящего времени мало изучены сущность, конкретные проявления и механизмы категориально-грамматической интеграции, особенно в типологическом и диахроническом плане. Проведенное исследование значительно содействуют дальнейшей разработке проблем, связанных с

вариантами перераспределения грамматических значений в истории развития языков.

Основная перспектива данного исследования видится в развитии теории категориальной конвергенции на материале английского языка. Перспективное направление исследования может быть связано с изучением закономерностей проявления функционального перераспределения глагольных значений аспектуальности, темпоральности и модальности в сферу именных категорий и синтаксических конструкций в истории английского языка.

Список литературы

1. Аверина, А. В. Взаимопересечение категорий казуальности и модальности в современном немецком языке / А. В. Аверина // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. – Санк-Петербург, 2013. – С. 8–13.

2. Аверина, А. В. Модальный синтаксис немецкого языка / А. В. Аверина. – Москва : МГОУ, 2019. – 141 с.

3. Аверина, А. В. О грамматизации глаголов в конструкциях с семантикой предположения в немецком языке / А. В. Аверина // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – № 3, 2009a. – С. 27–30.

4. Аверина, А. В. О роли конструкций с семантикой эпистемической модальности в передаче некоторых значений вида и времени (на материале немецкого языка) / А. В. Аверина // Вестник Томского государственного университета. – № 326. – Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2009b. – С. 7–11.

5. Аверина, А. В. Эпистемическая модальность как языковой феномен: на материале немецкого языка / А. В. Аверина. – Москва : КРАСАНД, 2010. – 190 с.

6. Аврорин, В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка / В. А. Аврорин. – Ленинград : Наука, 1975. – 276 с.

7. Адмони, В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони. – Ленинград : Наука, Ленинград. отделение, 1988. – 104 с.

8. Алисова, Т. Б. Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений / Т. Б. Алисова // Вопросы языкознания – 1970 – № 2. – Москва : Наука. – С. 91–98.

9. Аристотель. Метафизика / перевод и примечания А. В. Кубицкого.– Москва - Ленинград : СОЦЭКГИЗ, 1934 – 352 с.

10. Балин, Б. М. Сравнительная аспектология русского и немецкого

языков / Б. М. Балин, Л. А. Бурмистрова. – Калинин : КГУ, 1979. – 86 с.

11. Балли, Ш. Общая лингвистка и вопросы французского языка / вступительная статья Р. А. Будагова. – Москва : Издательство иностранной литературы, 2001. – 416 с.

12. Барашева, Д. Е. Категория модальности в свете современного языкознания: объективная и субъективная модальность / Д. Е. Барашева, А. Н. Петрова // Ученые записки ульяновского государственного университета. Актуальные проблемы теории языка и лингводидактики. Сер. "Лингвистика" / под редакцией А. И. Фефилова А.И.– Ульяновск : Ульяновский государственный университет, 2018. – С. 182–187.

13. Бархударов, Л. С. Очерки по морфологии современного английского языка / Л. С. Бархударов. – Москва : Высшая школа, 1975. – 156 с.

14. Белошапкова, Т. В. Когнитивно-дискурсивное описание категории аспектуальности в современном русском языке / Т. В. Белошапкова. – Москва : КомКнига, 2007. – 336 с.

15. Блох, М. Я. Вопросы изучения грамматического строя языка / М. Я. Блох. – Москва : МГПИ, 1976. – 108 с.

16. Блох, М. Я. Теоретическая грамматика английского языка / М. Я. Блох. – Москва : Высшая школа, 2000. – 381 с.

17. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. Т. I. – Москва : Изд–во АН СССР, 1963. – 385 с.

18. Бойко, А. А. Употребление видов глагола в форме инфинитива в современном русском языке : специальность 10.02.01 : Автореф. дис. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук / Анна Андреевна Бойко / Ленингр. гос.ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград, 1982. – 31 с.

19. Бондарко, А. В. Актуализационные семантические признаки высказывания: (Роль признака временной локализованности; ситуативно актуализированная или неактуализированная речь) / А. В. Бондарко // Otazky slovanské syntaxe. – Brno : Univerzita J.E. Purkyně, 1979. – IV/1. – С. 135–139.

20. Бондарко, А. В. Анализ глагольных категорий в системе

функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2015. – 1 том XI. С. 25–40.

21. Бондарко, А. В. Аспекты анализа глагольных категорий в системе функциональной грамматики / А. В. Бондарко // Глагольные и именные категории в системе функциональной грамматики. – Санкт-Петербург, 2013. – С. 22–26.

22. Бондарко, А. В. Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко. – Ленинград: Наука, Ленингр. отделение, 1971. – 115 с.

23. Бондарко, А. В. Категория временного порядка и функции глагольных форм вида и времени в высказывании (на материале русского языка) / А. В. Бондарко // Межкатегориальные связи в грамматик / Отв. ред. А. В. Бондарко. – Санкт-Петербург : "Дмитрий Буланин", 1996. – С. 6–21.

24. Бондарко, А. В. Основы функциональной грамматики / А. В. Бондарко. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2001. – 260 с.

25. Бондарко, А. В. Содержание и типы аспектуальных отношений // Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / под ред. А. В Бондарко. Ленинград : Наука, 1987. – С. 40–45.

26. Бондарко, А. В. Теория морфологических категорий / А. В. Бондарко. – Ленинград : Наука, Ленингр. отделение, 1976. – 255 с.

27. Бонч-Осмоловская, А. А. Подлежащее в дативе, сказуемое в инфинитиве: опыт корпусного анализа одной русской конструкции / А. А. Бонч-Осмоловская // Вестник Московского университета: Сер.9: Филология. – 11/2003. – N6. – С. 92–103.

28. Бочарова, М. Н. Функционально-семантические категории темпоральности и аспектуальности в русском и французском языках: На материале претеритальных форм глагола: специальность 10.02.01, 10. 02. 05 : дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / Марина Наколаевна Бочарова / Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2004. – 198 с.

29. Бруннер, К. История английского языка. Т.1 / Пер. с нем. С. Х. Васильевой / под ред. и с предисл. Б.А. Ильиша.– Москва : Издательство

иностранной литературы, 1955. – 323 с.

30. Бруннер, К. История английского языка: в двух томах / Пер. с нем. С. Х. Васильевой / под ред. и с предисл. Б. А. Ильиша.– Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 720 с.

31. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д Шмелев. – Москва : Языки русской культуры, 1997. – 576 с.

32. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике – 1972 – Вып. VI.– Москва: Прогресс. – С.25–60.

33. Введение в германскую филологию: Учебник для филологических факультетов / М. Г. Арсеньева, С. П. Балашова, В. П. Берков, Л. Н. Соловьева. – Москва : ГИС, 2000. – 314 с.

34. Вейхман, Г. А. Новое в грамматике современного английского языка / Г. А. Вейхман. – Москва : Астрель–АСТ, 2006. – 542 с.

35. Виноградов, В. А. Социолингвистическая типология. Западная Африка / В. А. Виноградов, А. И. Коваль, В. Я. Порхомовский.– Москва : Наука, 1984. – 128 с.

36. Виноградов, В. А. Языковая ситуация / В. А. Виноградов // Лингвистический Энциклопедический словарь.– Москва : Советская Энциклопедия, 1990. – С. 616–617.

37. Виноградов, В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1975. – 560 с.

38. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // В. В. Виноградов. Избранные труды. Исследование по русской грамматике. – Москва : Наука, 1975. – С. 53–87.

39. Виноградов, В. В. Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания / В. В. Виноградов // Вопросы языкознания – 1952 – № 2. – Москва : Наука. – С. 3–43.

40. Виноградов, В. В. Учение А. А. Потебни о стадиальности развития синтаксического строя в славянских языках / В. В. Виноградов // Вестник

московского университета / Bulletin of Moscow University – 1946 – № 3–4. – С. 3–27.

41. Воробьева, Е. В. Время как семантический компонент субстантивной лексики в норвежском языке : специальность 10.02.04 : Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / Евгения Валентиновна Воробьева / С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2011. – 15 с.

42. Гавриленко, Н. Г. Перифрастические конструкции с глаголом do в современном английском языке : специальность 10.02.04 : Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / Наталья Григорьевна Гавриленко / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.– Москва, 2002. – 22 с.

43. Гак, В. Г. Пространство вне пространства / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств. – Москва : Наука, 2000. – С. 127–134.

44. Гак, В. Г. Пространство времени / Г. В. Гак ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык и время. – Москва : Индрик, 1997. – С. 122–130.

45. Гао Мин-кай. Проблемы частей речи в китайском языке / Гао Мин-кай // Вопросы языкознания – 1955 –№3.– Москва : Наука. – С. 48–57.

46. Гвоздецкая, Н. Ю. Проблемы семантического описания древнеанглийского поэтического слова : специальность 10.02.04 : Дис. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук / Наталья Юрьевна Гвоздецкая / Иван. гос. ун-т.– Иваново, 2000. – 390 с.

47. Гвоздецкая, Н. Ю. Язык и стиль древнеанглийской поэзии / Н. Ю. Гвоздецкая.– Иваново: ИвГУ, 1995. – 151 с.

48. Горбова, Е. В. Грамматическая категория аспекта и контекст (на материале испанского и русского языков) : специальность 10.02.19 : Автореф. дис. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук / Елена Викторовна Горбова / С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2011. – 44 с.

49. Горгониев, Ю. А. Общие черты в строе китайско–тибетских и типологически близких к ним языков Юго–Восточной Азии (К проблеме моносиллабизма) / Ю. А Горгониев, Ю. Я. Плам, Ю. В. Рождественский, Г. П.

Сердюченко, В. М.Солнцев.– Москва : Изд–во вост. лит., 1960–1961. – 16 с.

50. Гузев, В. Г. Общие строевые особенности языков / В. Г. Гузев, А. А. Бурыкин // Acta linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – Т. 3. – Ч. 1. – Санкт-Петербург : ИЛИ РАН, 2007. – С. 109–117.

51. Гумбольдт, В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества (1835) / В. Фон Гумбольдт // Избранные труды по языкознанию / В. Фон Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 1984. – С. 37–297.

52. Гухман, М. М. Глагольные аналитические конструкции как особый тип сочетаний частичного и полного слова (На материале истории немецкого языка) / М. М. Гухман // Вопросы грамматического строя.– Москва : Изд–во АН СССР, 1955. – С. 322–362.

53. Гухман, М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант / М. М. Гухман. – Москва : Наука, 1981. – 249 с.

54. Гухман, М. М. История немецкого литературного языка IX–XV вв / М. М. Гухман, Н. Н. Семенюк / АН СССР. Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1983. – 200 с.

55. Драгунов, А. А. Исследования по грамматике современного китайскоко языка / А. А. Драгунов.– Москва, Ленинград : Изд-во АН СССР, 1952. – 231 с.

56. Дьячков, М. В. Креольские языки / М. В. Дьячков.– Москва : Наука, 1987. – 106 с.

57. Дьячков, М. В. Специфика процессов пиджинизации и креолизации языков / М. В. Дьячков // Вопросы языкознания – 1988 – №5. – Москва : Наука. – С. 122–132.

58. Едличка, А. Литературный язык в современной коммуникации / А. Едличка // Новое в зарубежной лингвистике.– Вып.20. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР.– Москва :Прогресс, 1988. – С. 38–135.

59. Жирмунский, В. М. Национальный язык и социальные диалекты / В. М. Жирмунский. – Ленинград : Гослитиздат, 1936. – 297 с.

60. Жлуктенко, Ю. А. Введение в германское языкознание / Ю. А. Жлуктенко, Т. А. Яворская. – Киев : Вища школа, 1986. – 228 с.

61. Журавлев, В. К. Диахроническая морфология / В. К. Журавлев. – Москва : Эдиториал УРСС, 2004.– 208 с.

62. Звегинцев, В. А. Теоретические аспекты причинности языковых изменений / В. А. Звегинцев // Новое в лингвистике – 1963 – вып. 3. – Москва : Издательство иностранной литературы. – С. 125–143.

63. Золотова, Г. А. Категории времени и вида с точки зрения текста / Г. А. Золотова // Вопросы языкознания. – 2002. – № 3. – Москва : Наука. – С. 8–29.

64. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – Москва : КомКнига, 2005. – 350 с.

65. Зуммер, С. М. Функционально-семантические взаимосвязи глагольных категорий в русском и английском языках (Футуральность, аспектуальность, таксис, модальность.) : специальность 10.02.20 : Автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / Светлана Моисеевна Зуммер / Воен. ин-т. – Москва, 1989. – 20 с.

66. Иванова, И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – Москва : Высшая школа, 1981. – 285 с.

67. Ильиш, Б. А. История английского языка / Б. А. Ильиш. – Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 419 с.

68. Иофик, Л. Л. Хрестоматия по теоретической грамматике английского языка / Л. Л. Иофик, Л. П. Чахоян, А. Г.Поспелова.– Ленинград : Просвещение, 1981. – 223 с.

69. Исламова А. И. Сущность категории модальности / А. И. Исламова // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. Номер: 2 (11) −Киров : Общество с ограниченной ответственностью "Научно-редакционная группа "Университет-Плюс", 2018. – С. 147–150.

70. Кацнельсон, С. Д. Общее и типологическое языкознание / С. Д. Кацнельсон. – Ленинград : Наука, 1986. – 297 с.

71. Кацнельсон, С. Д. Прогресс языка в концепциях индоевропеистики / С. Д. Кацнельсон // Известия академии наук – 1940 – Вып.3. – Москва : Издательство академии наук СССР. – С. 62–78.

72. Клейнер, Ю. А. Латинская грамматическая традиция в Англии VII – XI вв. (Беда, Алкуин, Эльфрик) / Ю. А. Клейнер // История лингвистических учений. Средневековая Европа // под ред. И.А. Перельмутер. – Ленинград : Наука, 1985. – С. 62–77.

73. Климонов, В. Д. Взаимодействие модальности и аспектуальности в современном русском языке / В. Д. Климонов // Вестник Нижегородского университете им. Лобачевского. – 2011. – № 6 (2). – С. 262–265.

74. Клонова, О. Ю. Упрощённые языковые системы и формирование пиджина (на материале русско-норвежских языковых контактов) : специальность 10.02.19 : дис на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / Ольга Юрьевна Клонова / С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2007. – 27 с.

75. Козаржевский, А. Ч. Учебник латинского языка / А. Ч. Козаржевский. – Москва : Изд-во Моск.ун-та, 1981. – 312 с.

76. Козинцева, Н. А. Временная локализованность действия и ее связи с аспектными, модальными и таксисными значениями / Н. А. Козинцева. — Ленинград : Наука, 1991. – 142 с.

77. Кокарева, Е. А. Аспектуальность и способы ее выражения в именных связочных предложениях : специальность 10.02.01 : Дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / Елена Алексеевна Кокарева / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2003. – 212 с.

78. Колесов, В. В. История русского языка: Учеб. пособие для студ. филол. фак-тов высш. учеб. заведений. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ; Москва : Издательский центр «Академия», 2005. – 672 с.

79. Колшанский, К. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности / К. В. Колшанский // Вопросы языкознания. – 1961. – №1. – Москва : Наука. – С. 94–98.

80. Корсаков, А. К. Категория вида в современном английском языке :

специальность 10.00.00 : Дис. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук / Андрей Константинович Корсаков. – Львов / Львовск. гос. ун-т, 1967. – 737 с.

81. Котин, М. Л. Коррелирующие категориальные сигналы в синхронии, диахронии и типологии / М. Л. Котин // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе / Коллективная монография / под ред. Д.Б. Никуличевой. – Москва : Изд-во «Канцлер», 2017. – С. 9–16.

82. Котин, М. Л. Язык и время / М. Л. Котин. – Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. – 224 с.

83. Краснова, Т. И. Субъективность — модальность (материалы активной грамматики) / Т. И. Краснова. – Санкт-Петербург : Издательство СПбГУЭИФ, 2002. – 189 с.

84. Красухин, К. Г. Аспекты индоевропейской реконструкции: акцентология. Морфология. Синтаксис / К. Г. Краснухин. – Москва : Яз. Славян. Культуры, 2004. – 456 с.

85. Кузьменко, Ю. К. Фонологическая эволюция германских языков / Ю. . Кузьменко. – Ленинград : Наука, 1991. – 284 с.

86. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз; пер. с англ. под ред. и с предисл. В. А. Звегинцева. – Москва : Прогресс, 1978. – 543 с.

87. Леманн, Ф. Альтернации акциональных функций русского глагола // Семантика и структура славянского вида / под ред. С. Кароляк. – Kraków : Wydaw. Naukowe WSP, 1995. – С. 113–130.

88. Логутенкова, Т. Г. Историко-типологическое исследование германских языков донационального периода: Монография / Т. Г. Логутенкова. – Тверь : Тверской государственный университет, 1993. – 170 с.

89. Логутенкова, Т. Г. Историко-типологическое исследование древних германских литературных языков (древнеанглийского, древневерхненемецгого, древнеисландского) : специальность 10.02.04 : дис. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук / Татьяна Геннадьевна Логутенкова. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова – Москва, 1996. – 673 с.

90. Логутенкова, Т. Г. Книжная культура в германоязычных странах средневековья / Т. Г. Логутенкова // Вестник Самарского Государственного Университета.–1999. – № 3(13). – С. 131–136.

91. Ломтев, Т. П. Структура предложения в современном русском языке / Т. П. Ломтев. – Москва : МГУ, 1979. – 198 с.

92. Мазон, А. Вид в славянских языках (принципы и проблемы) / А. Мазон. – Москва : АН СССР, 1958. – 64 с.

93. Майоров, Г. Г. Формирование средневековой философии: Латинская патристика / Г. Г. Майоров. – Москва : Мысль, 1979. – 431 с.

94. Маслов, Ю. С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке / Ю. С. Маслов // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – С. 157–312.

95. Маслов, Ю. С. Из истории второго причастия германских языков / Ю. С. Маслов // Язык и мышление. – Вып.XI. – Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1948. – С. 194–207.

96. Маслов, Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии / Ю. С. Маслов // Вопросы сопоставительной аспектологии. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1978. – С. 4–44.

97. Маслов, Ю. С. Очерки по аспектологии / Ю.С. Маслов. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1984. – 263 с.

98. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе. – Москва; Ленинград : Государственное социально-экономическое издание, 1938. – 510 с.

99. Мельников, Г. П. Принципы системной лингвистики в применении к проблемам тюркологии / Г. П. Мельников // Структура и история тюркских языков. – Москва : Наука, 1971.– С. 121–137.

100. Мечковская, Н. Б. История языка и история коммуникации: от клинописи до интернета / Н. Б. Мечковская. – Москва : Флинта, Наука, 2009. – 582 с.

101. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. –

Москва : Аспект Пресс, 2000. – 207 с.

102. Миколайчик, В. И. Функционально-семантические категории аспектуальности и темпоральности: на материале языка дари : специальность 10.02.19 : Автореф. дис. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук / Владимир Иосифович Миколайчик / Воен. ун-т. – Москва, 2002. – 43 с.

103. Моисеева, С. А., Аналитические средства выражения предельности / непредельности глагольного действия (на материале французского языка) / С. А Моисеева, М. Ю.Никитина // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2010. – № 12 (83). – Выпуск 6. – С. 76–85.

104. Москальская, О. И. Грамматика теста / О. И. Москальская. – Москва : Высшая школа, 1981. – 183 с.

105. Мурясов, Р. З. Некоторые проблемы контрастивной аспектологии / Р. З. Мурясов // Вопросы языкознания – 2001 –. № 5. – Москва : Наука. – С. 86–111.

106. Николаева, Т. М. Коммуникативно-дискурсивный подход к интерпретации языковой эволюции / Т. М. Николаева // Вопросы языкознания – 1984 – № 3. – Москва : Наука. – С. 111–119.

107. Николаенко, Е. М. Аспектуальная семантика высказываний с инфинитивом в выражении категории «временного порядка» (на материале романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» и его англоязычных переводов) : специальность 10.02.01, 10.02.19 : дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / Елена Михайловна Николаенко / Брянск. гос. ун-т. – Брянск, 2001. – 204 с.

108. Никольский, Л. Б. Синхронная социолингвистика / Л. Б. Никольский. – Москва : Наука, 1976. – 168 с.

109. Никуличева, Д. Б. Датское композитное словообразование в свете структурной типологии датского языка / Д. Б. Никуличева // Скандинавская филология – 2007 – Вып. IX.– Санкт–Петербург: Санкт–Петербургский государственный университет.– С. 187–196.

110. Панфилов, В. З. Категория модальности и ее роль в конституировании структуры предложения и суждения / В. З. Панфилов // Вопросы языкознания – 1977 – №4. – Москва : Наука. – С. 37–48.

111. Пауль, Г. Принципы истории языка / Пер. с нем. / Г. Пауль ; Под ред. А. А. Холодовича ; Вступ. статья С. Д. Кацнельсона. – Москва : Изд–во иностр. литературы, 1960. – 499 с.

112. Перельмутер, И. А. К становлению категории времени в системе индоевропейского глагола / И.А. Перельмутер // Вопросы языкознания – 1969 – № 5. – Москва : Наука. – С. 11–21.

113. Перехвальская, Е. В. Сибирский пиджин (дальневосточный вариант) формирование. История. Структура : специальность 10.02.19 : дис. на соик. уч. степ. докт. филол.наук / Елена Всеволодовна Перехвальская / С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-петербург, 2006. – 283 с.

114. Пешковский, А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – изд. 7-е. – Москва : Учпедгиз, 1956. – 511 с.

115. Плоткин, В. Я. Строй английского языка / В. Я. Плоткин. – Москва : Высшая школа, 1989. – 239 с.

116. Плоткин, В. Я. Типологическая перестройка системы нефинитных форм английского глагола / В. Я. Плоткин // Новые тенденции в изучении грамматики романских и германских языков / Общ. ред. Е.Н.Старикова. – Киев: Вища школа, 1981. – С. 14–31.

117. Плунгян, В. А. Общая морфология: Введение в проблематику / В.А. Плунгян.– 2-е изд., испр. – Москва : Едиториал УРСС, 2003. – 384 с.

118. Поливанов, Е. Д. Статьи по общему языкознанию / Е. Д. Поливанов. – Москва : Наука, 1968. – 376 с.

119. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – Т. IV. Глагол. Местоимение. Числительное. Предлог.– Ленинград : Изд–во Академии Наук СССР, 1941. – 318 с.

120. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. – Москва : Просвещение, 1968. – 551 с.

121. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – Т. I–II. / Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз. ; [общ. ред., предисл. и вступит. ст. чл.-

корр. АН СССР В. И. Борковского]. – Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР (Учпедгиз), 1958. – 534 с.

122. Распопов, А. М. Основы русской грамматики. Морфология и синтаксис / А. М. Распопов, А. М. Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 351 с.

123. Рахилина, Е. В. О старом: аспектуальные характеристики предметных имен / Е. В. Рахилина ; отв. ред. Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык и время. – Москва : Индрик, 1997. – С. 201–217.

124. Реформатский, А. А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова / А. А. Реформатский // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. – Москва : Наука, 1987. – С. 52–76.

125. Родионов, В. А. «Тип языка», «типовой признак» (Эволюция понятий лингвистической типологии) / В. А. Родионов // Известия АНСССР. Серия литературы и языка.– 1987. – №3. – Москва : Наука. – С. 208–220.

126. Родионов, В. А. «Цельносистемная типология» vs. «частная типология» / В. А. Родионов // Вопросы языкознания –1989– №1 – Москва : Наука. – С. 16–30.

127. Русский язык и советское общество. Книга I. Лексика современного русского литературного языка / под ред. М.В. Панова / Авт. И. П. Мучник, М. В. Панов, Д. Н. Шмелев и др. – Москва : Наука, 1968. – 184 с.

128. Русяцкене, Р. А. Функционально-семантический анализ лексики, связанной с понятиями ‘жизнь’ и ‘смерть’ в языке древнеанглийской поэзии : специальность 10.02.04 : дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / Раса Антановна Русяцкене / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1990. – 210 с.

129. Рянская, Э. М. Категория проспективности: специфика, вербализация: Монография / Э. М. Рянская, Р. В. Федорова. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2015. – 166 с.

130. Салбиев, Т. К. Перифрастические конструкции с do в

ранненовоанглийском языке : специальность 10.02.04 : дис. на соиск. уч. степ. канд. филол. наук / Тамерлан Казбекович Салбиев / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 1996. – 154 с.

131. Сафаревич, Я. Развитие формативов времени в индоевропейской глагольной системе / Я. Сафаревич // Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. – Москва : Наука, 1964. – С. 13–40.

132. Семереньи, О. Введение в сравнительное языкознание / О. Семереньи / Пер. с нем. – Изд. 3 – Москва : УРСС, 2002. – 400 с.

133. Серебренников, Б. А. Об относительной самостоятельности развития системы языка / Б. А. Серебренников. – Москва : Наука, 1968. – 127 с.

134. Серебренников, Б. А. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / Б. А. Серебренников. – Москва : Наука, 1970. – 602 с.

135. Скаличка В. Типология и сопоставительная лингвистика / О. Скаличка / Пер. с чешск. Н. Н. Попова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 27–31.

136. Скаличка, В. О современном состоянии типологии / О. Скаличка // Новое в лингвистике – 1963. – Вып.3. – Москва : Издательство литературы на иностранных языках. – С. 19–35.

137. Смирницкая, О.А. Эволюция видо-временной системы в германских языках / О. А. Смирницкая // Историко-типологическая морфология германских языков : Категория глагола / под ред. В. Н. Ярцевой. – Москва : Наука, 1977. – 296 с. – С. 5–127.

138. Смирницкая, О. А. Поэтическое искусство англосаксов / О. А. Смирницкая // Древнеанглийская поэзия. – Москва : Наука, 1982. – С. 171-232.

139. Смирницкая, О. А. Стих и язык древнегерманской поэзии / О. А. Смирницкая. – Т.1-2. – Москва : Филология, 1994. – 712 с.

140. Смирницкий, А. И. Аналитические формы / А. И. Смирницкий // Вопросы языкознания – 1956. – №2. – Москва: Изд–во Академии Наук СССР.– С. 41–52.

141. Смирницкий, А. И. Древнеанглийский язык / А. И. Смирницкий. – Москва : Изд-во литературы на иностранных языках, 1955. – 319 с.

142. Смирницкий, А. И. Древнеанглийский язык / А. И. Смирницкий. – Москва : МГУ, 1998. – 318 с.

143. Смирницкий, А. И Лекции по истории английского языка / А. И. Смирницкий. – Москва : Добросвет, 2000. – 238 с.

144. Смирницкий, А. И. Морфология английского языка / А. И. Смирницкий. – Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. – 440 с.

145. Смирницкий, А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий. – Москва : Издательство литературы на иностранных языках, 1957. – 288 с.

146. Соболевский, С. И. Грамматика латинского языка / С. И. Соболевский. – Фототипическое издание. – Санкт–Петербург: Издательство Олега Абышко, Университетская книга–СПб, 2009. – 432 с.

147. Соколова, А. Ю. Development of contact language grammar / А. Ю. Соколова // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной памяти С.Г. Стерлигова (Нижний Новгород, 26–27 апреля 2019 г.) / отв. ред. Н.А. Воскресенская. – Н. Новгород : Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2019. – С. 157–160.

148. Соколова, А. Ю. Main trends in the development of contact language grammar / А. Ю. Соколова // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты: сборник тезисов по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной памяти С.Г. Стерлигова (Нижний Новгород, 26-27 апреля 2019 г.) / отв. ред. Н.А. Воскресенская. – Н. Новгород : Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2019а. – С. 84.

149. Соколова, А. Ю. Влияние экстралингвистических факторов на развитие языка (на примере изменения языковой ситуации в Англии в X-XV вв.) /

А. Ю. Соколова // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: сборник статей по материалам ежегодной международной конференции. – Ч.I. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2018a. – С. 41-45.

150. Соколова, А. Ю. Вопросы нефинитной парадигмы английского глагола / А. Ю. Соколова // Формирование языковых и речевых компетенций при информационно-технологической поддержке. – Москва : МЭСИ, 2009. – С. 112–119.

151. Соколова, А. Ю. Диахроническая типологическая константа аналитичности / А. Ю. Соколова // Культура и цивилизация. – Том 7. № 5A. – Ногинск : Издательство «Аналитика Родис», 2017. – С. 230–238.

152. Соколова, А. Ю. Изменчивость языка: факторы, влияющие на развитие грамматического строя / А. Ю. Соколова // Вестник Московского Государственного Областного Университета. Серия Лингвистика. – № 2. – Москва : ИИУ МГОУ, 2019b. – С. 24-31. DOI: 10.18384/2310-712X-2019-2-24-31.

153. Соколова, А. Ю. К вопросу о грамматикализации сочетания «be + participle I» в истории английского языка / А. Ю. Соколова // Современные исследования социальных проблем. – Том 12, № 1, – Красноярск : Научно-Инновационный Центр, 2020. – С. 252–265.

154. Соколова, А. Ю. К вопросу о нефинитной парадигме глагола / А. Ю. Соколова // Ученые записки кафедры иностранных языков: Сборник трудов. – Вып.3. – Тверь : Тверской филиал МЭСИ, 2009a. – С. 28–34.

155. Соколова, А. Ю. К вопросу о пиджинизации английского языка / А. Ю. Соколова // Теория и история германских и романских языков в современной высшей школе России. Сборник научных трудов. – Калуга : КГУ им.К.Э. Циолковского, 2015. – С. 50–54.

156. Соколова, А. Ю. К вопросу о противопоставлении двух форм инфинитивов в среднеанглийский период / А. Ю. Соколова // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – № 4, том 1. – Тольятти : типография ВУиТ, 2018b. – С. 90–97.

157. Соколова, А. Ю. К вопросу о противопоставлении двух форм инфинитивов в среднеанглийский период / А. Ю. Соколова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – №2 (135). – Волгоград : «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», 2019c. – С. 169–175.

158. Соколова, А. Ю. К вопросу о функциях инфинитива в древнеанглийском языке / А. Ю. Соколова // Вестник Орловского государственного университета. – Серия : новые гуманитарные исследования. – №1(21), 2012. – С. 194–198.

159. Соколова, А. Ю. К вопросу о функциях нефинитных форм в английском языке / А. Ю. Соколова // Научный диалог. — № 5. – Екатеринбург : Центр научных и образовательных проектов, 2018c. – С. 93–102.

160. Соколова, А. Ю. К вопросу об изменении статуса нефинитных форм в истории английского языка / А. Ю. Соколова // Общественные науки. – №3 (2016). – Москва : МИИ Наука, 2016. – С. 208–221.

161. Соколова, А. Ю. К вопросу об изменении функций причастия I в среднеанглийских текстах / А. Ю. Соколова // Филologos. – Выпуск 2(29). – Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2016a. – С. 54–62.

162. Соколова, А. Ю. К вопросу об истории -ing формы в английском языке / А. Ю. Соколова // Гуманитарный вектор. – Т.13. №1. – Чита : ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет», 2018d. – С. 18–24.

163. Соколова, А. Ю. Нефинитная парадигма английского глагола: диахроническое исследование в проспективной грамматике / А. Ю. Соколова. – Ставрополь : Центр научного знания "Логос", 2018e. – 165 с.

164. Соколова, А. Ю. Нефинитные формы в современном английском языке: основные проблемы и перспективы исследования / А. Ю. Соколова // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия Гуманитарные науки. – № 6/2. – Москва : ООО «Научные технологии», 2018f. – С. 176–181.

165. Соколова, А. Ю. О пиджинизации английского языка / А. Ю. Соколова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – Тверь : Издательство Тверской государственной сельскохозяйственной академии, 2015a. – С. 113–118.

166. Соколова, А. Ю. Об изменении грамматических характеристик причастия II в среднеанглийский период / А. Ю. Соколова // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. – №2 (66). – Астрахань : Астраханский государственный университет, 2018g. – С. 19–25.

167. Соколова, А. Ю. Об изменении функций нефинитных форм в истории английского языка / А. Ю. Соколова // Балтийский гуманитарный журнал. – Т. 5. № 2(15). – Калининград : НП ОДПО «ИНПО», 2016b. – С. 88–92.

168. Соколова, А. Ю. Основные принципы функционально-стилистического диахронического исследования / А. Ю. Соколова // Балтийский гуманитарный журнал. – Т. 7. № 4(25). – Тольятти : Типография «Полиар», 2018j. – С. 117–120.

169. Соколова, А. Ю. Особенности языковой ситуации в раннесредневековой Англии / А. Ю. Соколова // Филология: научные исследования. – № 3. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "НБ-Медиа", 2018k. – С. 266-272. DOI: 10.7256/2454-0749.2018.3.26657.

170. Соколова, А. Ю. Пиджинизация как процесс преобразования строя языка в сторону изоляции / А. Ю. Соколова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 12. Ч. 3. – Тамбов : Грамота, 2017a. – С. 162–164.

171. Соколова, А. Ю. Развитие семантики единичности у неопределенного артикля в истории английского языка : специальность 10.02.04 : Дис. на соиск. степ. канд. филол. наук / Алина Юрьевна Соколова / Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2006. – 215 с.

172. Соколова, А. Ю. Развитие семантики единичности у неопределенного артикля в истории английского языка специальность 10.02.04 : Автореф. дис. на соиск. степ. канд. филол. наук / Алина Юрьевна Соколова / Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2006a. – 18 с.

173. Солнцев, В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы / В. М. Солнцев // Вопросы языкознания – 1984. – №2. – Москва : Наука. – С. 31–42.

174. Солнцев, В. М. Введение в теорию изолирующих языков : В связи с общ. особенностями человеч. яз. / В. М. Солнцев. – Москва : Издательская фирма «Восточная Jлитература» РАН, 1995. – 352 с.

175. Солнцев, В. М. О соотношении слова и предложения в китайском языке / В. М. Солнцев // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. – Т. V. – Москва : Институт востоковедения РАН Москва, 1963. – С. 132–138.

176. Солнцев, В. М. Типологические свойства изолирующих языков (на материале китайского и вьетнамского языков) / В. М. Солнцев // Языки Юго–Восточной Азии. Проблемы морфологии, фонетики и фонологии. – Москва : Наука, 1970. – С. 11–19.

177. Сравнительная грамматика германских языков. – Том IV Морфология / ред. М. М. Гухман, В. М. Журмунский, Э. А. Макаев, В. Н Ярцева.– Москва : Издательство «Наука», 1966. – 496 с.

178. Степанов, Г. В. Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи / Г. В. Степанов. – Москва : Наука, 1976. –224 с.

179. Степанов, Ю. С. Имена, предикаты, предложения. Семиологическая грамматика / Ю. С. Степанов. – Москва : Наука, 1981. – 361 с.

180. Степкина, Т. Н. Аспектуальные средства английского языка (функциональный подход) / Т. Н. Степкина // уч. пособие. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1980. – 55 с.

181. Татевосов, С. Г. Акциональность в лексике и грамматике : специальность 10.02.20 : Автореф. дис. на соиск. уч. степ. докт. филол. наук / Сергей Георгиевич Татевосов / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2010. – 44 с.

182. Телецкая, Т. В. Предметная модальность и модальность достоверности в языке и речи (на материале украинского, русского, французского и английского языков) : специальность 10.02.15 : Дис. на соиск. степ. канд. филол.

наук / Татьяна Владимировна Телецкая / Одесс. нац. ун-т им. И. И. Мечникова. – Одесса, 2005. – 184 с.

183. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер / Пер. с фр.; ред. кол.: Г.В.Степанов (пред.) и др.; вступ. ст. и общ. ред. В.Г.Гака. – Москва : Прогресс, 1988. – 654 с.

184. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко, Е. И. Беляева, Л. А. Бирюлин и др.; Редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др. – Ленинград: Наука, 1990. – 262 с.

185. Теория функциональной грамматики: введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис / редкол.: А. В. Бондарко (отв. ред.) и др. – Москва : URSS : Либроком, 2014. – 347 с.

186. Титаренко, Е. Я. Аспектуальная категория фазовости и грамматическая семантика вида глагола в современном русском языке : специальность 10.02.02 : Дис. на соиск. степ. докт. филол. наук / Елена Яковлевна Титаренко / Тавр. нац. ун-т им. В.И. Вернадского. – Симферополь, 2012. – 418 с.

187. Туровская, С. Н. Употребление вида глагола в высказываниях с модальным смыслом необходимости (К вопросу о доле участия вида в формировании модального значения) / С. Н. Туровская // Типология вида: проблемы, поиски, решения / отв.ред. М.Ю. Черткова. – Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 477–485.

188. Успенский, Б. А. История русского литературного языка (XI–XVIIвв.) / Б. А. Успенский. – Москва : Аспект Пресс, 2002. – 559 с.

189. Успенский, Б. А. Проблемы лингвистической типологии в аспекте различения «говорящего» (адресанта) и слушающего (адресата) // To Honor Roman Jakobson: Essays on the occasion of his seventieth birthday.– Vol.II.–The Hague, Paris : Mouton, 1967. – С. 2087–2108.

190. Холод, С. И. Предельность / непредельность глаголов движения в современном русском языке : специальность 10.02.01 : Дис. на соиск. степ. канд. филол. наук / Светлана Ивановна Холод / Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2004. – 202 с.

191. Холодович, А. А. Проблемы грамматической теории / А. А. Холодович. – Ленинград : Наука, 1979. – 304 с.

192. Худяков, А. А. Теоретическая грамматика английского языка / А. А. Худяков. – Москва : издательский центр «Академия», 2005. – 253 с.

193. Чупрына, О. Г. Семасиологическое исследование темпоральной лексики древнеанглийского языка : специальность 10.02.04 : дис. на соиск. уч. степ. док. филол. наук / Ольга Геннадьевна Чупрына / Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2001. – 341 с.

194. Шабаев, В. Г. Концептуальное описание древнеанглийских глагольных приставок: словообразовательные и грамматические аспекты / В. Г. Шабаев // Филологические науки. Вопросы теории и практики.– Тамбов: Грамота, 2016. – № 6(60): в 3-х ч. – Ч. 3. – С. 160–165.

195. Шапошникова, И. В. История английского языка / И. В. Шапошникова. – Москва : Флинта, 2011. – 506 с.

196. Шапошникова, И. В. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингво-этническом аспекте : специальность 10.02.04 : дис. на соиск. уч. степ. док. филол. наук / Ирина Владимировна Шапошникова / Иркутск. гос. лингв. ун-т. – Иркутск,1999. – 367 с.

197. Швейцер, А. Д. Введение в социолингвистику / А. Д. Швейцер, Л. Б. Никольский. – Москва : Высшая школа, 1978.– 216 с.

198. Швейцер, А. Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы / А. Д. Швейцер. – Москва : Наука, 1976, – 174 с.

199. Шелякин, М. А. Категория вида и способы действия русского глагола / М. А. Шелякин. – Таллин: Валгус, 1983. – 216 с.

200. Шелякин, М. А. Справочник по русской грамматике / М. А. Шелякин. – 2-е изд., испр. – Москва : Русский язык, 2000. – 355 с.

201. Шлык, Е. В. Зона пересечения категории модальности, темпоральности, персональности и аспектуальности в русском и английском языках / Е. В. Шлык // Вестник Брянского государственного университета, 2012. – №2-2. – С. 333–338.

202. Якобсон, Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол / Р. О. Якобсон // Принципы типологического анализа языков различного строя / ред. Б. А. Успенский. – Москва : Наука, 1972. – С. 95–113.

203. Ярцева, В. Н. Роль традиций и инноваций в типологической характеристике английского литературного языка / В. Н. Ярцева // Типология германских литературных языков / под ред. В.Н. Ярцевой. – Москва : Наука, 1976. – С. 42–60.

204. Ярцева, В. Н. Именные формы глагола / В. Н. Ярцева // Историко-типологическая морфология германских языков : Именные формы глагола. Категория наречия. Монофлексия / В. Г. Адмони, В. Н. Ярцева / под ред. М. М. Гухман и др. – Москва : Наука, 1978. – С. 92–145.

205. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language / ed.by Dr. Ernest Klein.– Amsterdam, London, Newyork : Elsevier Publishing Company, 1966. – 844 p.

206. A Middle-English Dictionary / Francis Henry Stratmann and Henry Bradley. – Oxford: Clarendon Press, 1891. – 740 p.

207. Abraham, W. Epistemic creationism: myths vs. profunda facie explanatory irrefutables on modal verbs in German and in general / Werner Abraham // Grammatik in focus. Festskrift till Christer Platzack 18 november 2003. Dept. of Scandinavian Languages, Lund University. Vol. 2 / ed. by Lars-Olof Delsing, Cecilia Falk, Gunlög Jossefsson & Halldór A. Sigurdsson. – Lund : Wallin & Dalholm, 2003. – P. 1–8.

208. Abraham, W. Modal verbs. Epistemics in German and English / Werner Abraham // Modality and its Interaction with the Verbal System / Edited by Sjef Barbiers. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2002. – P. 19–50.

209. Abraham, W. Modalitäts-Aspekt-Generalisierungen: Interaktionen und deren Brüche. Wo kommen die epistemischen Lesarten t-her? / Werner Abraham // Modalität / Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht. Danziger Beiträge zur Germanistik. Bd. 30. – Frankfurt am Main, 2010. – S. 13–28.

210. Abraham, W. On the logic of generalizations about cross-linguistic aspect-

modality links / Werner Abraham // Modality-aspect interfaces: implications and typological solutions. – Amsterdam, 2008. – P. 3–14.

211. Abraham, W. Über Unhintergehbarkeiten in der modernen Modalitätsforschung / Werner Abraham // Modalität und Evidentialität. Focus 37. – Trier : Wissenschaftlicher Verlag, 2011. – S. 125–147.

212. Ælfrics Grammatik und Glossar // Sammlung englische Denkmäler / ed. by Julius Zupitza. Abt. I. – Berlin : Weidman, 1880. – 336 S.

213. Allen C. L. Middle English case loss and the ‘creolization’ hypothesis / Cynthia L. Allen // English Language and Linguistics 1 (1). – May, 1997.– P. 63–69. DOI: 10.1017/S1360674300000368.

214. Allen, C. L. Case Marking and Reanalysis: Grammatical Relations from Old to Early Modern English / Cynthia L. Allen. – Oxford : Oxford University Press, 1995. – 509 p.

215. Allen, C. L. Old English modals / Cynthia L. Allen // UMass Occasional papers in linguistics 1. – Massachusetts : University of Massachusetts, 1974. – P. 99-106.

216. An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collection of Joseph Bosworth / edited and enlarged by T.N. Toller. – Oxford : Clarendon Press, 1882–1898. – 782 p.

217. An Anglo-Saxon Reader in Prose and Verse / ed. by H. Sweet. – Oxford : The Clarendon Press, 1894. – 413 p.

218. Arends, J. Pidgins and Creoles. An Introduction / J. Arends, P. Muysken, N. Smith. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 1994. – 412 p.

219. Armstrong, J. L. The Gerund in Nineteenth-Century English / J. L. Armstrong // PMLA, vol. 7, No.4. – Modern Language Association, 1892. – P. 200-211.

220. Attenborough, F. L. The Laws of Earliest English Kings / Frederick Levi Attenborough. – Cambridge : At the University Press, 1922. – 256 p.

221. Averina, A. Phorik bei den Epistemizitätsmarkern im Deutschen / Anna Averina // Die Sprache in Aktion: Pragmatik - Sprechakte - Diskurs. – Heidelberg : Winter Verlag, 2012. – S. 33–45.

222. Bache, C. The study of aspect, tense, and action: towards a theory of the semantics of grammatical categories / Carl Bache / 2., rev. ed. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien : Lang, 1997. – 350 p.

223. Bailey, Ch. J. The French lineage of English / Charles J.Bailey, K. Maroldt // Langues en contact – Pidgins – Creoles // ed. by Jürgen M. Meisel.–Tübingen: Narr, 1977. – P. 21–53.

224. Bakker, P. Pidgins / Peter Bakker // Pidgins and Creoles. An Introduction / ed/ by J. Arends, P. Muysken, N. Smith. – Amsterdam, Philadelphia : Benjamins, 1995.– P. 25–39.

225. Barber C. The English Language: A Historical Introduction / Charles Barber, Joan C. Beal, Philip A. Shaw. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 306 p.

226. Barbiers, S. Current issues in modality. An introduction to modality and its interaction with the verbal system / Sjef Barbiers // Modality and its Interaction with the Verbal System /ed. by Sjef Barbiers, Frits Beukema,Wim van der Wurff. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2002. – P. 1–18.

227. Barnes, M. A New Introduction To Old Norse Part I: Grammar / Michael Barnes. – London : Viking Society For Northern Research – University College London, 2008.– 282 p.

228. Bauer, B. L. M. Old French Online / B. L. M. Bauer, J. Slocum // The University of Texas. Linguistic Research Centre [Электронный ресурс]. – URL : https://lrc.la.utexas.edu/eieol/ofrol (дата обращения 12.01.2018).

229. Baugh, A. C. A History of the English Language / Albert C. Baugh, Thomas Cable. – 5th ed. – London : Routledge, 2002. – 447 p.

230. Bayldon, G. An Elementary Grammar of The Old Norse or Icelandic Language / George Bayldon. – London : Williams And Norgate, 1870. –117 p.

231. Beedham, Ch. The English passive as an aspect / Christopher Beedham // Word – 38:1, 1987. – P.1–12. DOI: 10.1080/00437956.1987.11435876.

232. Beekes, R. S. P. Comparative Indo-European linguistics: an introduction / Robert S.P. Beekes. – Amsterdam - Philadelphia : John Benjamin’s Publishing

Company, 2011. – 415 p.

233. Behaghel, O. Deutsche Syntax. Eine geschichtliche Darstellung. Bd II B. Adverbium. C. Verbum / Otto Behaghel. – Heidlberg : Carl Winters Universitatsbuchhandlung, 1924. – 444 S.

234. Bernhardt, E. Die Partikle Ga als Hilfsmittel bei der Gotischen Conjugation / E. Bernhardt // Zeitschrift für deutsche Philologie. – Vol. 2 (1870). – S. 158–166.

235. Bickerton, D. Creolization, linguistic universals, natural semantax and the brain / Derek Bickerton // Working Papers in Linguistics 6(3). – University of Hawaii, 1974. – P. 124–141.

236. Bickerton, D. The language bioprogram hypothesis / Derek Bickerton // Behavioral and Brain Sciences. – No 7. – Cambridge : Cambridge University Press, 1984. – P. 173–188.

237. Bičovský, J. Vademecum starými indoevropskými jazyky / Jan Bičovský. – Praha : Nakladatelství Univerzity Karlovy, 2009. – 278 s.

238. Blansitt, E. L. Progressive aspect / Edward L. Blansitt // Working Papers on Language Universale 18, 1975. – P. 1–34.

239. Blom, E. On the use and interpretation of root infinitives in early child Dutch / Elma Blom // Modality and its Interaction with the Verbal System /ed. by Sjef Barbiers, Frits Beukema,Wim van der Wurff. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2002. – P. 103–132.

240. Bloomfield, L. Notes on the Preverb ge- in Alfredian English / Leonard Bloomfield // Studies in English Philology: A Miscellany in Honor of Frederick Klaeber. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1929. – P. 79–102.

241. Boretzky, N. Kreolsprachen, Substrate und Sprachwandel / Norbert Boretzky.– Wiesbaden : Harrassowitz, 1983. – 316 S.

242. Bradley, H. The Making of English / Henry Bradley. – London : Macmillan, 1904. – 245 p.

243. Braune, W. Gotische Grammatik Grammar of Gothic. With text examples and a word index. Mit Lesestücken und Wörterverzeichnis / Wilhelm Braune / 20th ed, rev. by Frank Heidermanns. – Tübingen : De Gruyter, 2004. – 275 S.

244. Bright, J. W. The Gospel of Saint Luke in West-Saxon / J. W. Bright. – Oxford : At the Clarendon Press, 1893. – 158 p.

245. Bright, J. W. The Gospel of Saint Mark in West-Saxon / J. W. Bright. – Boston and London : D. C. Heath & co., 1905. – 84 p.

246. Bright, J. W. The Gospel of Saint Matthew in West-Saxon / J. W. Bright. – Boston and London : D. C. Heath & co., 1910. – 158 p.

247. Brinton, L. J. The Development of English Aspectual Systems / Laurel J. Brinton. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – 307 p.

248. Brugmann, K. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen / Karl Brugmann. – Strassburg : Verlag von Karl J. Trübner, 1904. – 777 S.

249. Budna, A. The present participle mark-ing in east midland Middle English: a corpus study / Anna Budna // Anglica. An International Journal of English Studies. – Tom 23. Numer 2 (2014). – Warsaw : Institute of English Studies, University of Warsaw, 2014. – P. 42–51.

250. Burn, D. Lexis and Semantics / David Burn // The Cambridge History of The English Language.– Volume II 1066-1476 / ed. by Norman Blake. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – P. 409–499.

251. Burnley, D. The History of the English Language: A Source Book / David Burnley. – London-New York : Routledge, 2000. – 440 p.

252. Bybee, J. Cross-linguistic comparison and the development of grammatical meaning / Joan L. Bybee, William Pagliuca // Historical semantics, historical word formation / ed. by Fisiak J. – Berlin : Mouton, 1985. – P. 59–83.

253. Bybee, J. Morphology: A study of the relation between meaning and form / Joan L. Bybee. – Amsterdam : Benjamins, 1985. – 235 p.

254. Bybee, J. The evolution of future meaning / Joan L. Bybee, William Pagliuca // Papers from the 7th International Conference on Historical Linguistics / ed. by Anna Giacalone Ramat, Onofrio Carruba, Giuliano Bernini. – Amsterdam : Benjamins, 1987. – P. 109–122.

255. Bybee, J. The evolution of grammar. Tense, aspect and modality in the language of the world / Joan Bybee, Revere Perkins, William Pagliuca. – The

University of Chicago Press : Chicago, London, 1994. – 415 p.

256. Callaway, M. The Absolute Participle in Anglo-Saxon / Morgan Callaway // The American Journal of Philology. – Vol. 10. – No. 3.– Baltimore : The Johns Hopkins University Press, 1889. – P. 316–45.

257. Callaway, M. The Appositive Participle in Anglo-Saxon / Morgan Callaway. – Baltimore : The Modern Language Association Of America, 1901. – 360 p.

258. Callaway, M. The infinitive in Anglo-Saxon / Morgan Callaway. – Washington : Carnegie Institution, 1913. – 339 p.

259. Calle-Martin, J. The Split Infinitive in Middle English / Javier Calle-Martin // NOWELE. North-Western European Language Evolution. – Volume 68. – Issue 2, Jan 2015. – P. 227–250.

260. Clackson, J. Indo-European Linguistics: An Introduction / James Clackson. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. 260 p.

261. Claiborne, R. The Life and Times of the English Language: the history of our marvellous native tongue / Robert Clairborne. – London : Bloomsbury, 1990. – 339 p.

262. Coates, J. The semantics of the modal auxiliaries / Jennifer Coates. – London : Croom Helm, 1983. – 259 p.

263. Coates, R. Invisible Britons: the view from linguistics / Richard Coates // Britons in Anglo-Saxon England / ed. by N. Higham. – Manchester : Manchester University Press, 2004. – P. 1–29.

264. Coetsem van, F. Loan Phonology and the Two Transfer Types in Language Contact / Frans van Coetsem. – Dordrecht : Foris, 1988. – 207 p.

265. Coetsem van, F. Toward a Grammar of Proto-Germanic / F. van Coetsem, H. L. Kufner. – Tubingen : Max Niemeyer, 1972. – 325 p.

266. Comrie, B. Aspect: An Introduction to the Study of Verbal Aspect and Related Problems / Bernard Comrie – Cambridg e: Cambridge University Press, 1976. – 142 p.

267. Comrie, B. Tense / Bernard Comrie. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – 139 p.

268. Cook, A. S. Biblical Quotations in Old English Prose Writers / Albert S. Cook. – London : Macmillan and Co., limited; New York, The Macmillan Company, 1898. – 331 p.

269. Cook, A. S. Biblical Quotations in Old English Prose Writers / Albert S. Cook. – London : C. Scribner's sons, 1903. – 396 p.

270. Corder, S. P. Language Continua and the Interlanguage Hypothesis / S. P. Corder // The notions of simplification, interlanguages and pidgins, and their relation to second language pedagogy / Corder S. P., Roulet E. (eds.). – Geneva : Droz, 1977. – P. 11–17.

271. Covert Patterns of Modality / edited by W. Abraham, E. Leiss. – Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2012. – 450 p.

272. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language / David Crystal. – Cambridge : Cambridge University Press, 2018. – 500 p.

273. Dalton-Puffer, Ch. Middle English is a creole and its opposite: On the value of plausible speculation / Christiane Dalton-Puffer // Linguistic Change Under Contact Conditions / ed. by Jacek Fisiak. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1995.– P. 35–50.

274. Danchev, A. The middle English Crelization Hypothesis revisited / Andrei Danchev // Studies in Middle English Linguistics / ed. by JasekFisiak. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 1997. – P. 79–109.

275. Dasent, G. W. A Grammar of The Icelandic or Old Norse Tongue / George Webbe Dasent / translated from the Swedish of Erasmus Rusk. – London : Williams & Morgate, 1843. – 274 p.

276. Davis, N. Margaret Paston’s uses of do / Norman Davis // Neuphilologische Mitteilungen 73 (1), 1972. – P. 55–62.

277. Delbrück, B. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen / Berthold Delbrück / Teil I. – Strassburg : Karl .E. Trubner, 1893. – 795 S.

278. Denison, D. English Historical Syntax: Verbal Constructions. / David Danison. – London : Longman, 1993. – 520 p.

279. Denison, D. The origins of periphrastic do: Ellegård and Vissser

reconsidered / David Danison // Papers from the 4th International Conference on English Historical Linguistics / ed. by Roger Eaton, Olga Fischer, Willem Koopman and Frederike van der Leek. – Amsterdam : John Benjamins, 1985. – P. 45–60.

280. Denison, D. Auxiliary + impersonal in OE / David Denison // Folia Linguistica Historica IX.1.−Vienna : Mouton de Gruyter 1990. – P. 139–166.

281. Deth, R. Modalität / Rüdiger Deth // Russisch im Spiegel des Deutschen: Eine Einführung in den russisch-deutschen und deutsch-russischen Sprachvergleich /ed. by Wolfgang Gladrow. – Frankfurt : Lang. 1998. – S. 91–125.

282. Diewald, G. A basic semantic template for lexical and grammaticalized uses of the German modals / Gabriele Diewald // Modal verbs in Germanic and Romance languages / ed. by Johan Van der Auwera & Patrick Dendale. – Amsterdam : John Benjamins, 2001. – P. 23–41.

283. Diewald, G. Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polifunktionalität / Gabriele Diewald. – Tübingen : Niemeyer Verlag, 1999. – 464 S.

284. Dowty, D. R. On the semantic content of the notion of ‘thematic role’ / David R. Dowty // Properties, Types and Meaning. – Vol. III. Semantic Issues / ed. by Gennaro Cherchia, Barbara H. Partee, Raymond Turner. – Dordrecht : Kluwer, 1989. – P. 69–129.

285. Dowty, D. R. Thematic proto-roles and argument selection / David R. Dowty // Language 67/3, 1991. – P. 547–619.

286. Duffley, P. J. The English gerund - participle: a comparison with the infinitive / Patrick J. Duffley. – New York : Lang, 2006. – 188 p.

287. Duffley, P. J. The English infinitive / Patrick J. Duffley. – London, New York : Longman, 1992. – 168 p.

288. Ellegård, A. The Auxiliary Do: The establishment and regulation of its use in English / Henrik Alvar Ellegård // Gothenburg Studies in English 2. – Stockholm : Almqvist and Wiksell, 1953. – 320 p.

289. Emonds, J. E. English: The Language of the Vikings / J. E. Emonds, J. T. Faarlund. – Olomouc : Palacký University, 2014. – 180 p.

290. Engblom, V. On the Origin and Early Development of the Auxiliary do /

Victor Engblom // Lund Studies in English 6. – Lund : Gleerup, 1938. – 169 p.

291. Faarlund, J. T. The Syntax of Old Norse: With a survey of the inflectional morphology and a complete bibliography / J. T Faarlund. – Oxford : Oxford University Press, 2004. – 318 p.

292. Fanego T. Infinitive Marking in Early Modern English / Teresa Fanego // English Historical Linguistics 1992: Papers from the 7th International Conference on English Historical Linguistics, Valencia, 22-26 September 1992 / ed. by Francisco Fernández, Miguel Fuster Márquez and Juan Jose Calvo, 1994. – P. 191–203.

293. Ferguson Ch. A. Diglossia / Charles Ferguson // Word, 1959. – Vol.15. – No 4. – P. 325–340.

294. Ferguson Ch. A. Language structure and language use / Charles Ferguson.– Stanford : Stanford University Press, 1971b. – 328 p.

295. Ferguson, Ch. A. Absence of copula and the notion of simplicity: a study of normal speech, baby talk, foreigner talk, and pidgins / Charles Ferguson // Pidginization and creolization of languages / ed. by Hymes D. – Cambridge : Cambridge University Press, 1971a. – P. 141–150.

296. Filppula, M. What's Celtic and What's English in the 'British Isles Englishes'? / Markku Filppula // The Celtic Englishes IV / ed. By Tristram, Hildegard L.C. – Heidelberg : Winter, 2006. – P. 1–39.

297. Fischer, O. Principles of grammaticalization and linguistic reality / Olga Fischer // Determinants of Grammatical Variation in English / ed. by Günter Rohdenburg and Britta Mondorf. – Berlin, New York : De Gruyter Mouton, 2003. – P. 445–478.

298. Fischer, O. Syntax / Olga Fischer // The Cambridge History of the English Language. Middle English / ed. by Blake N.– Vol. 2. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – P. 207–408.

299. Fischer, O. The Distinction Between To and Bare Infinitival Complements in Late Middle English / Olga Fischer // Diachronica. – Vol. 12. – No. 1. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing, 1995. – P. 1–30.

300. Fischer, O. Verbal Complementation in Early ME: How Do the Infinitives

Fit In? / Olga Fischer // English Historical Linguistics 1994: Papers from the 8th International Conference on English Historical Linguistics (8 ICEHL, Edinburgh, 19 23 September 1994) / ed. by Derek Britton. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing, 1996. – P. 248–270.

301. Fisher, O. Infinitive marking in Late Middle English: Transitivity and changes in the English system of case / Olga Fischer // Studies in Middle English Linguistics / ed. by Jacek Fisiak. – Berlin, New York : De Gruyter Mouton, 1997.– P. 109–134.

302. Fisher, O. The fortunes of the Latin-type accusative and infinitive construction in Dutch and English compared / Olga Fischer // Language Change and Language Structure. Older Germanic Languages in a Comparative Perspective / ed. by Swan Toril, Mørck Endre, Jansen Olaf. – Berlin, New York : De Gruyter Mouton, 2011. – P. 91–134.

303. Fisher, O. The role of contact in English syntactic change in the Old and Middle English periods / Olga Fischer // English as a Contact Language. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – P.18–41.

304. Fisher, O. The Syntax of Early English / O.Fisher, A. Van Kemenade, W. Koopman, W. Van Der Wurff. – Cambridge : Cambridge University Press, 2000.– 324 p.

305. Fisiak, J. An Outline History of English. Vol. I: External History / Jacek Fisiak. – Poznań : Kantor Wydawniczy Saww, 2000. – 176 p.

306. Fitneva, S. A. Epistemic marking and reliability judgements: Evidence from Bulgarian / Stanka A. Fitneva // Journal of Pragmatics – 33, 2001. – P. 401–420.

307. Fleischhauer, J. Perfectivity and atelicity: the role of Perfective Aspect in Aspectual Composition / Jens Fleischhauer, Ekaterina Gabrovska // Cross-Linguistic Perspectives on the Semantics of Grammatical Aspect / ed. by Adeline Patard, Rea Peltola, Emmanuelle Roussel. – Leide - Boston : Brill Rodopi, 2019. – P. 97–128.

308. Fleischman, S. Imperfective and irrealis / S. Fleischman // Modality in Grammar and Discourse / ed. by Bybee J., Fleischman S. – Amsterdam : John Benjamins,1995. – P. 519–551.

309. Fortson, B. Indo-European Language and Culture: An Introduction / Benjamin Fortson. – Malden, MA : Blackwell, 2004. – 488 p.

310. Fowler, H.W. The King's English / Henry Watson Fowler, Francis George Fowler. – Oxford : The Clarendon Press, 1908. – 370 p.

311. Freeborn, D. From Old English to Standard English: A Course Book in Language Variation across Time / Dennis Freeborn / third edition. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 1992. – 446 p.

312. Fulk, R. D. A Comparative Grammar of the Early Germanic Languages / R. D. Fulk. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2018. – 420 p.

313. Gaaf,van der W. The split infinitive in Middle English / W.van der Gaaf // English Studies 15, 1933. – P. 15–20.

314. Garey, H. B. Verbal aspects in French / Howard B. Garey // Language. – Vol. 33. – No 2, 1957. – P. 91–110.

315. Gazdar G. Auxiliaries and Related Phenomena in a Restrictive Theory of Grammar / Gerald Gazdar, Geoffrey K Pullum, Ivan A. Sag // Language. – Vol. 58. – No. 3, 1982. – P. 591–638.

316. Gelderen, van E. A history of the English language / Elly van Gelderen. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2006.– 335 p.

317. Gelderen, van E. Split Infinitives in Early Middle English / Elly van Gelderen // Language Dynamics and Change 6 (2016). – Lleiden: Koninklijke Brill nv, 2016. – P. 18–20.

318. German, G. The genesis of analytic structure in English: the case for a Brittonic substratum / Gary German // Travaux de diachronie 2.– Tours : Presses universitaires François-Rabelais, 2001. – P. 125–141.

319. Gillingham, J. The Early Middle Ages / J. Gillingham // The Oxford Popular History of Britain / ed. by K. O. Morgan – Oxford : Oxford University Press, 1984. – P. 120–191.

320. Givôn T. On understanding grammar / Talmy Givôn / Revised edition. – Amsterdam : Benjamins, 2018. – 299 p.

321. Givon T. Prolegomena to any sane creology / Talmy Givôn // Readings in creole studies / ed. by Hancock I. F., Polome E., Goodman M., B. Heine. – Ghent : Story–Scientia, 1979. – P. 3–36.

322. Givôn T. The pragmatics of de-transitive voice: functional and typological aspects of inversion / Talmy Givôn // Voice and inversion / ed. by T. Givôn. – Amsterdam: Benjamins, 1994. – P. 3–44.

323. Gordon, E. V. An introduction to Old Norse / E. V. Gordon / second edition revisited by A. R. Taylor. – Oxford : Clarendon Press, 1957. – 419 p.

324. Görlach, M. Introduction to Early Modern English / Manfred Görlach. – Cambridge : Cambridge University Press, 1991. – 478 p.

325. Görlach, M. Middle English – a creole? / Manfred Görlach // Linguistics Across Historical and Geographical Boundaries / ed. by Dieter Kastovsky and Aleksander Szwedek. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1986. – P. 329–344.

326. Grimm, J. Deutche Grammatik. Zweiter Theil / Jacob Grimm Berlin : Gütersloh, C. Bertelsmann, 1887. – 991 S.

327. Gurajek, B. Evidentiality in English and Polish / Beata Gurajek // MSc by Research Linguistics. – The University of Edinburgh, 2010. – 146 p.

328. Hall, R. A. Pidgin and Creole languages / Robert Anderson Hall. – Ithaca : Cornell University, 1966. – 188 p.

329. Hall, R. A. The life cycle of pidgin languages / Robert A. Hall Jr. // Lingua. – No 11.– Elsevier, 1962. – P. 151–156.

330. Hammerich, L. L. Über die Modalverben der neugermanischen Sprachen / L. L. Hammerich // Zeitschrift für deutsche Wortforschung, 16, 1960. – S. 47–70.

331. Hancock, I. F. Gullah and Barbadian – origins and relationships / Ian F. Hancock // American Speech. – Vol. 55. – American Dialect Society : Duke University Press, 1980. – P. 17–35.

332. Hancock, I. F. Recovering Pidgin Genesis: Approaches and Problems / Ian F. Hancock // Pidgin and Creole Linguistics / ed. by A. Valdman.– Bloomington : Indiana University Press, 1977. – P. 277–294.

333. Haspelmath, M. From purposive to infinitive – a universal path of

grammaticization / Martin Haspelmath // Folia Linguistica Historica. – 10, 1989. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter. – P. 287–310.

334. Haspelmath, M. Passive participles across languages / Martin Haspelmath // Voice. Form and Function / ed. by Fox Barbara, Hopper Paul J. – Amsterdam / Philadelphia : Benjamins, 1994. – P. 151–177.

335. Heinamaki, O. Aspect in Finnish / Orvokki Heinamaki // Aspect bound. A voyage into the realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian aspectology / ed. by Casper de Groot, Hannu Tommola. – Foris: Dordrecht. – 1984. – P. 153–177.

336. Heine, B. Grammaticalization and reanalysis in African languages / Bernd Heine, Mechthild Reh. – Hamburg : Buske, 1984. – 308 p.

337. Heine, B. Grammaticalization as an explanatory parameter / Bernd Heine // Perspectives on Grammaticalization / ed. by William Pagliuca. – Amsterdam / Philadelphia : Benjamins, 1994. – P. 255–287.

338. Hesseling, D. C. Het Afrikaansch: bijdrage tot de geschiedenis der nederlandsetaal in Zuid-Afrika. – Leiden : Brill, 1899. – 156 S.

339. Hogg, R. A History of the English Language / Richard Hogg, David Denison. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 478 p.

340. Hogg, R. An Introduction to Old English / Richard Hogg.– Edinburgh : Edinburgh University Press, 2002 – 174 p.

341. Holm, J. An Introduction to pidgins and creoles / John Holm. – Cambridge:Cambridge University Press, 2000. – 282 p.

342. Hopper, P. J. Grammaticalisation / Paul J. Hopper, Elizabeth Closs Traugott. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – 276 p.

343. Hopper, P. J. Transitivity in Grammar and Discourse / P. J. Hopper, S. A. Thompson // Language. – Vol. 56. – No.2. – Linguistic Society of America, 1980. – P. 251–299.

344. Houston, A. The English gerund: syntactic change and discourse function / A. Houston // Language change and variation / ed. by Ralph W. Fasold and Deborah Schiffrin. – Amsterdam : Benjamins, 1989. – P. 173–196.

345. Huddleston, R. The Cambridge Grammar of the English Language /

Rodney Huddleston, Geoffrey K. Pullum. – Cambridge : Cambridge University Press, 2002. – 1842 p.

346. Hundt, M. Zum Verhältnis von epistemischer und nicht-epistemischer Modalität im Deutschen. Forschungspositionen und Vorschlag zur Neuorientierung / Markus Hundt // Zeitschrift für Germanistische Linguistik. – 31(3), 2003. – S. 343–381.

347. Huumo, T. Nominal aspect, quantity, and time: The case of the Finnish object / Tuomas Huumo // Journal of Linguistics. –Volume 46, Issue 1, 2010. – P. 83–125.

348. Hymes, D. Pidginization and creolization of languages / Dell Hymes. – Cambridge : Cambridge University Press, 1971. – 530 p.

349. Jakobson, R. Shifters, verbal categories, and the Russian verb / Roman Jakobson // Russian language project. – Dep. of Slavic languages and literatures. – Harvard university, 1957 – 14 p.

350. Jedlička, A. K stylovému rozvrtvení dnešní spisovné češtiny / A. Jedlička // Jazykovedné štúdie. – VII. – Bratislava, 1963. – S.133–143.

351. Jespersen, O. A Modern English Grammar on Historical Principles / Otto Jespersen. – Volume 3. – Copenhagen : Munksgaard, 1927. – 428 p.

352. Jespersen, O. Growth and structure of the English language / Otto Jespersen. – Leipzig : pulished by B. G. Teubner, 1912. – 259 p.

353. Jespersen, O. Language, Its Nature, Development and Origin / Otto Jespersen. – New-York : Henry Holt & Company, 1922. – 448 p.

354. Jespersen, O. Progress In Language With Special Reference To English / Otto Jespersen. – London: S. Sonnenschein & co.; New York, Macmillan & co., 1894. – 370 p.

355. Joos, M. The English Verb: Form and Meanings / Martin Joos. – Madison & Milwaukee : Wiskonsin University of Press, 1964. – 251 p.

356. Joseph, B. Linguistic universals and syntactic change / Brian Joseph // Language. – Vol.56. – No 2. – Linguistic Society of America (United States), 1980. – P. 345–370. DOI: 10.2307/413760.

357. Kaartinen A. The use of the infinitive in A Book of London English 1384–

1425 / A.Kaartinen, T. F.Mustanoja // Neuphilologische Mitteilungen. – 59. – Helsinki : Neuphilologischer Verein, 1958. – P. 179–192.

358. Kangasniemi, H. Modal expressions in Finnish / Heikki Kangasniemi. – Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden, 1992. – 418 p.

359. Kay, P. A language-universals approach to pidgins and creoles / P. Kay, G. Sankoff // Pidgins and creoles: current trends and prospects / ed. by D. DeCamp, I.F. Hancock. – Washington : Georgetown University Press, 1974. – P. 61–72.

360. Kaye A. Pidgin and Creole Languages: A Basic Introduction / Alan S. Kaye, Mauro Tosco. – München : Lincom Europa, 2003. – 113 p.

361. Kemenad, van Ans. The history of English modals; a reanalysis / Ans Van Kemenad // Folia Linguistica Historica 13 (Historica vol. 13, 1-2).−Vienna : Mouton de Gruyter, 1992. – P. 143–166. DOI: 10.1515/flih.1992.13.1-2.143.

362. Kenny, A. Action, emotion, and will / Anthony Kenny. – London / New-York : Routledge & Kegan Paul, 2003 – 174 p.

363. Killie K. The grammaticalization of progressive constructions with a focus on the English progressive / Kristin Killie // Historical Linguistics 2013: Selected papers from the 21st International Conference on Historical Linguistics, Oslo, 5-9 August 2013 / ed. by Dag T.T. Haug [Current Issues in Linguistic Theory 334], 2015. – P. 213–232.

364. Kiparsky, P. Partitive Case and Aspect / Paul Kiparsky // The projection of arguments: lexical and compositional factors (CSLI Lecture Notes 83) / ed. by Miriam Butt & Wilhelm Geuder. – Stanford: CSLI Publications, 1998. – P. 265–307.

365. Kirch, M. Scandinavian Influence on English Syntax / Max Kirch // Publications of the Modern Language Association of America. – 74. – № 5. – Baltimore : J.H.Furst Company, 1959. – P. 503–510.

366. Klemola, J. Semantics of DO in souwthwestern dialects of English English / J. Klemola // DO in English, Dutch and German: history and present-day variation / ed. by Tieken-Boon van Ostade I., van der Wal M., van Leuvensteijn A. – Amsterdam : Stichting Neerlandistiek VU & Münster: Nodus Publikationen, 1998. – P. 25–64.

367. Klimonov, V. D. The connections between modality, aspectuality, and

temporality in Modern Russian / Vladimir D. Klimonov, Gerda Klimonov // Modality-aspect interfaces. Implications and typological solutions. – John Benjamins Publishing Company, 2008. – P. 147–174.

368. Kortmann, B. The triad Tense-Aspect-Aktionsart problems and possible solutions: Perspectives on aspect and Aktionsart / Bernd Kortmann // Perspectives on Aspect and Aktionsart / ed. by Carl Vetters and Willy Vandeweghe [Belgian Journal of Linguistics 6], 1991. – P. 9–30.

369. Kotin, M. L. Ik gihôrta đat seggen… Modalität, Evidentialität, Sprachwandel und das Problem der grammatischen Kategorisierung // Modalität und Evidentialität / Modality and Evidentiality / edited by G. Diewald, E. Smirnova. – Trier : Wissenschaftlicher Verlag FOKUS, 2011. – S. 35–48.

370. Kotin, M. L. Zum Verhältnis von Epistemizität und Evidentialität im Deutschen aus diachroner und typologischer Sicht / M. L. Kotin, M. Schönherr // Zeitschrift für deutsche Philologie. 2012. № 131/3. – S. 393–416.

371. Kotin, M. Zur referentiellen Identität von Tempus- und Modusformen / Michail L. Kotin // Modalität / Temporalität in kontrastiver und typologischer Sicht / Danziger Beiträge zur Germanistik. – Bd. 30. – Frankfurt am Main, 2010. – S. 29–38.

372. Kovács, É. The Subjunctive in Old English and Middle English / É. Kovács // Eger Journal of English Studies X. – EGER : Eger University Press, 2010. – P. 57–69.

373. Krapp, G. P. An Anglo-Saxon reader / George Philip Krapp, Arthur Garfield Kennedy. – New-York : Henry Holt and company, 1929. – 359 p.

374. Krifka, M. Thematic Relations as Links between Nominal Reference and Temporal Constitution / Manfred Krifka // Lexical Matters / ed. by Ivan Sag, Anna Szabolsci. – Stanford University Press, 1992. – P. 29–53.

375. Kroch, A. Verb Movement in Old and Middle English: dialect variation and language contact / Anthony Kroch, Ann Taylor // Parameters of Morphosyntactic Change / ed. by Ans van Kemenade, Vincent Nigel. – Cambridge : Cambridge University Press, 1997. – P. 45–68.

376. Kroch, A., The Middle English Verb-Second Constraint: A Case Study in Language Contact and Language Change / Anthony Kroch, Ann Taylor, Don Ringe //

Textual Parameters in Older Languages / ed. by Herring Susan C., Pieter Van Reenen, Lene Schøsler. – Amsterdam : John Benjamins, 2000. – P. 353–391.

377. Krygier, M. The Disintegration of the English Strong Verb System / Marcin Krygier. – Bamberger 26 Beiträge zur englischen Sprachwissenschaft, Bd. 34. – Frankfurt am Main; New York : P. Lang, 1994 – 271 p.

378. Kuryłowicz, J. The inflectional categories of Indo-European / J. Kuryłowicz – Heidelbrg : Carl Winter, 1964. – 246 p.

379. Lass, R. Phonology and morphology/ Roger Lass // The Cambridge history of the English language. – Vol. 2: 1066–1476. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – P. 23–155.

380. Leech, G. A Communicative Grammar of English / Geoffrey Leech, Jan Svartvik. – Moscow : Prosvecheniye, 1983. – 304 p.

381. Lefebvre, C. Creole Genesis and the Acquisition of Grammar. The Case of Haitian Creole / Claire Lefebvre. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 480 p.

382. Lehmann, Chr. Thoughts on Grammaticalization / Christian Lehmann / Second, revised edition. – Arbeitspapiere des Seminars für Sprachwissenschaft der Universität Erfurt. – Erfurt, 2002. – 183 p.

383. Lehmann, W. P. A Grammar of Proto-Germanic / Winfred P. Lehmann The University of Texas. Linguistic Research Centre [Электронный ресурс]. – URL : https://web.archive.org/web/20071108232818/http://www.utexas.edu/cola/centers/lrc/books/pgmc00.html (дата обращения 30.09.2019).

384. Leiss, E. Artikel und Aspekt. Die grammatischen Muster von Definitheit / Elisabeth Leiss. – Berlin : Walter de Gruyter, 2000. – 309 S.

385. Leiss, E. Die Verbalkategorien des Deutschen / Elisabeth Leiss. – Berlin, New York: Walter de Gruyter,1992. – 341 S.

386. Leiss, E. The silent and aspect-driven patterns of deonticity and epistemicity / Elisabeth Leiss // Modality-Aspect Interfaces. Implications and typological solutions / ed. by Abraham Werner and Elisabeth Leiss. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2008. – P. 15–41.

387. Leiss, E. Verbalaspekt und die Herausbildung epistemischer Modalverben / Elisabeth Leiss // Germanistische Linguistik. – 154 : Aspekte der Verbalgrammatik / ed. by L. M. Eichinger, O. Leirbukt. – Hildesheim ; Zürich ; New York : Georg Olms Verlag, 2000a. – S. 63–83.

388. Leith, D. The Origins of English / D. Leith // English: History, Diversity and Change / ed. by Graddol D., Leith D. and Swann J. – Oxon : Routledge, 1996. – P. 95–135.

389. Leith, M. Aspect and Interval Tense Logic / Miguel Leith, Jim Cunningham // Linguistics and Philosophy. – Vol. 24. – № 3/ Springer Science & Business Media B.V., Formerly Kluwer Academic Publishers B.V., 2001. – P. 331–381.

390. Lewis, H. A concise comparative Celtic grammar / Lewis Henry, Pedersen Holger. – Gottingen : Vandenhoeck&Ruprecht, 1937. – 443 p.

391. Lieber, R. Introducing Morphology / Rochelle Lieber. – Cambridge : Cambridge University Press, 2015. – 255 p.

392. Lightfoot, D. Principles of Diachronic Syntax / David W. Lightfoot. – Cambridge : Cambridge University Press, 1979. – 429 p.

393. Lindemann, J. W. R. Old English Preverbal ‘Ge-’: Its Meaning. / J. W. Richard Lindemann. – Charlottesville : University Press of Virginia, 1970. – 71 p.

394. Lorz, A. Aktionsarten des Verbums im Beowulf / Anton Lorz. – Würzburg : C. J. Becker, 1908. – 86 S.

395. Los, B. Infinitival Complementation in Old and Middle English / Betty Louise (Bettelou) Johanna Los. – The Hague : Holland Academic Graphics (Theseus), 1999. – 382 p.

396. Lyons, J. Semantics / John Lyons / Vol. 2. – Cambridge : Cambridge University Press, 1977. – 897 p.

397. MacDonald J. E. The Aspectual Influence of the Noun: (A)telicity, (A)symmetry, Incrementality and Universality / Jonathan E. MacDonald // Language and Linguistics Compass 4/9, 2010. – P. 831–845.

398. Manabe, K. The Syntactic and Stylistic Development of the Infinitive in Middle English / K. Manabe. – Fukuoka : Kyushu University Press, 1989. – 206 p.

399. March, F. A. A comparative grammar of the Anglo-Saxon language / Francis Andrew March. – New York : Harpaer&brothers, 1877. – 254 p.

400. Mätzner, E. Englische Grammatik: Vol. 3: Die Lehre von der Wort-und Satzfugung, Zweite Halfte / Eduard Mätzner. – Berlin : Weidmannsche Buchhandlung, 1860. – 504 S.

401. McMahon, A. M. S. Understanding Language Change / April M. S. McMahon. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 376 p.

402. McWhorter, J. H. Language Interrupted: Signs of Non-native Acquisition in Standard Language Grammars / John H. McWhorter. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 323 p.

403. McWhorter, J. Identifying the creole prototype: vindicating a typological class / John McWhorter // Language – 74(4) – 1998 : Linguistic Society of America.– P. 788–818.

404. Meier-Brügger, M. Indo-European Linguistics / Michael Meier-Brügger. – Berlin - New York : Walter de Gruyter, 2003. – 384 p.

405. Meillet, A. Le problem de la parente des langues / Antoine Meillet // Linguistique historique et linquistique generale. – Paris : Champion, 1921. – P. 76–101.

406. Menger, L. E. The Anglo-Norman Dialect: A Manual of its Phonology and Morphology / Louis Emil Menger. – New York : Columbia University Press, 1904. – 167 p.

407. Michael, I. English grammatical categories and the tradition to 1800 / Ian Michael. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 640 p.

408. Miller, D. G. External Influences on English. From its Beginnings to the Renaissance / D. Gary Miller. – Oxford : Oxford University Press, 2012 – 317 p.

409. Milroy J. The history of English in the British Isles // Language in the British Isles / ed. by Trudgill P.– Cambridge: Cambridge University Press, 1984.– P. 5–31.

410. Mitchell, B. A Guide to Old English / eighth edition / Bruce Mitchell, Fred C. Robinson. – Oxford : Blackwell, 2012. – 448 p.

411. Mitchell, B. An Old English Syntax, Vol. I. / Bruce Mitchell. – Oxford :

Clarendon, 1985. – 820 p.

412. Mitchell, B. Some problems involving Old English periphrases with beon/wesan and the present participle / Bruce Mitchell. – Neuphilologische Mitteilungen. – 77, 1976. – P. 478–491.

413. Mittendorf, I. Celtic Contacts of the English Progressive? / I. Mittendorf, E. Poppe // The Celtic Englishes II / ed. By Tristram, Hildegard L. C. – Heidelberg : Winter, 2000. – P. 115–145.

414. Modality and its Interaction with the Verbal System / ed. by Sjef Barbiers. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2002. – 301 p.

415. Modality-aspect interfaces. Implications and typological solutions / ed. by Werner Abraham and Elisabeth Leiss. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2008. – 449 p.

416. Molyneux, C. Some Ideas on English-British Celtic Language Contact / Cyril Molyneux // Grazer Linguistische Studien. – 28, 1987. – P. 81–89.

417. Momma, H. A Companion to the History of the English Language / Haruko Momma, Michael Matto. – Chichester : Wiley-Blackwell, 2008. – 728 p.

418. Moskalskaja, O. I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / Москальская О. И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка. – Москва : Академия, 2004. – 352 S.

419. Mühlhäusler, P. Pidgin and Creole linguistics / Peter Mühlhäusler. – Oxford : Blackwell,1986. – 320 p.

420. Mustanoja, T.F. A Middle English Syntax / Tauno F. Mustanoja. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2016. – 702 p.

421. Nehls, D. On the development of the grammatical category of aspect in English / Dietrich Nehls // Essays on the English Language and Applied Linguistics on the Occasion of Gerhard Nickel's 60th Birthday / ed. by Josef Klegraf and Dietrich Nehls. – Heidelberg : Julius Groos, 1988. – P. 173–198.

422. Nevalainen, T. Do you support the do-support? Emphatic andnon-emphatic do in affirmative statements in present-day spoken English / T. Nevalainen, M. Rissanen // Papers from the 3rd Scandinavian Symposium on Syntactic Variation / ed.

by Sven Jacobson. – Stockholm : Almqvist and Wikell International, 1986. – P. 35–50.

423. Nickel, G. Die expanded Form in Altenglischen. Vorkommen, Funktion und Herkunft den Umschreibung ‘beon/wesan + Partizip Presens’/ Gerhard Nickel / (Kieler Beiträge zur Anglistik und Amerikanistik, 3.). – Neumünster : Wachholtz, 1966. – 400 S.

424. Ojea, A. A Feature Analysis of to-Infinitive Sentences / Ana Ojea // Atlantis. – Vol. 30. – No. 1, 2008. – P. 69–83.

425. Ojea, A. A Syntactic Approach to Logical Modality / Ana Ojea //Atlantis. – Vol. 27. – No. 1, 2005. – P. 53–64.

426. O'Connell, F. W. A Grammar Of Old Irish / Frederick William O'Connell. – Belfast : Mayne, Boyd & Son, 1912. – 191 p.

427. Palmer, F. R. Modality and the English Modals / F. R. Palmer. – New-York and London : Routledge, 2014. – 256 p.

428. Palmer, F. R. Mood and modality / F. R. Palmer. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 236 p.

429. Penhallurick, R. Studying the English Language / Rob Penhallurick. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2010. – 296 p.

430. Phoocharoensil, S. The English split infinitive: A comparative study of learner corpora / S. Phoocharoensil // International Journal of Research Studies in Language Learning. – Volume 2. – Number 4, 2013. – P. 21–32.

431. Plank, F. The modals story retold / Frans Plank // Studies in Language 8.3.− Amsterdam : John Benjamins Publishing, 1984. – P. 305–364.

432. Polychronicon Ranulphi Higden monachi Cestrensis; together with the English translations of John Trevisa and of an unknown writer of the fifteenth century/ ed. by Babington Churchill. – London : Longman, 1965. – 552 p.

433. Poppe, E. Progress on the Progressive? A Report / Erich Poppe // The Celtic Englishes III / ed. By Tristram, Hildegard L. C. – Heidelberg : Winter, 2003. – P. 65–84.

434. Poppe, E. Review of Davies, Daniel R. (ed.). ‘Celtic Linguistics, 1700-1850’ / Erich Poppe // Beiträge zur Geschichte der Sprachwissenschaft. – Vol. 11, 2001.

– P. 302–317.

435. Porzig, W. Zur Aktionsart indogermanischer Priisensbildungen / W. Porzig // Indogermanische Forschungen. – 45, 1927. – S. 152–167.

436. Poussa, P. A contact-universals origin for periphrastic do, with special consideration of OE-Celtic contact / Patricia Poussa // Papers from the 5th International Conference on English Historical Linguistics / ed. by Sylvia Adamson, Vivien Law, Nigel Vincent, Susan Wright. – Amsterdam : John Benjamins, 1990. – P. 407–434.

437. Poussa, P. The Evolution of Early Standard English: The Creolization Hypothesis / Patricia Poussa // Studia Anglica Posnaniensia. – No 14.– Poznan : Adam Mickiewicz University, 1982. – P. 69–85.

438. Poutsma, H. A Grammar of Late Modern English. Part II. The Parts of Speech. Section II. The Verb and the Particles / H. Poutsma. – Groningen : P. Noordhoff, 1926. – 908 p.

439. Pullum, G. K. Gerund participles and head-complement inflection conditions in The Clause in English / G. K. Pullum, A. M. Zwicky // In Honour of Rodney Huddleston / ed. by Peter Collins and David Lee. – Amsterdam : John Benjamins, 1999. – P. 251–271.

440. Pyles, T. The Origins and Development of the English Language / Thomas Pyles. – New York : Harcourt Brace Jovanovich, 1971. – 413 p.

441. Quantifying the evolutionary dynamics of language / Erez Lieberman, Jean-Baptiste Michel, Joe Jackson, Tina Tang, Martin Nowak // Nature. – 449 (7163), 2007. – P. 713–716.– DOI 10.1038/nature06137.

442. Quirk, R. A University Grammar of English / Randolph Quirk, Sidney Greenbaum, Geoffrey Leech, Jan Svartvik. – Moscow : ‘Vyssaja skola’, 1982. – 391 p.

443. Quirk, R. An old English Grammar / Randolph Quirk, Charles Leslie Wrenn. – London : Methuen and Co, Ltd., 1960. – 166 p.

444. Quirk, R. The comprehensive grammar of the English language / Randolph Quirk, Sidney Greenbaum, Geoffrey Leech, Jan Svartvik. – London, New York : Longman, 1985. – 1791 p.

445. Reese, K. The Development of the English Modals / Katharina Reese.–

Munich : GRIN Verlag, 2007. – 13 p.

446. Ringe, D. From Proto-Indo-European to Proto-Germanic. A Linguistic History of English. Vol. 1 / Don Ringe. – Oxford : Oxford University Press, 2006. – 368 p.

447. Ringe, D. The Development of Old English / Don Ringe, Ann Taylor. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 545 p.

448. Rissanen, M. Spoken language and the history of do-periphrasis / M. Rissanen // Historical English Syntax / ed. by Dieter Kastovsky. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1991. – P. 321–342.

449. Robinson, O. W. Old English and its Closest Relatives: A Survey of the Earliest Germanic Languages / Orrin W. Robinson. – Stanford : Stanford University Press, 1992. – 290 p.

450. Romaine, S. Germanic Creoles / Suzanne Romaine // The Germanic Languages / ed. by E. Konig and J. van der Auwera. – London : Routledge, 1994. P. 566–603.

451. Romaine, S. Pidgin and Creole Languages / Suzanne Romaine. – London, New York : Longman, 1988. – 373 p.

452. Ross, J. R. Auxiliaries as main verbs / Ross, J. R. // Studies in Philosophical Linguistics / ed. by W. Todd. – Series 1. – Evanston : Great Expectations, 1969. – P. 77–102.

453. Ryan, B. Middle English as Creole: Still trying not to refer to you lot as ‘bloody colonials’ / Brandy Ryan. – University of Toronto, 2005. [Электронный ресурс]. – URL : http://homes.chass.utoronto.ca/~cpercy/courses/6361ryan.htm (дата обращения 30.09.2019).

454. Salkie, R. Modality in English and French: A corpus based approach / Raphael Salkie // Language Sciences. – 18, 1996. – P. 381–392.

455. Samuels, M. L. The ge- prefix in the old English gloss to the Lindisfakne gospels / M. L. Samuels // Transactions of the Philological Society. – Vol. 48. – London, 1949. – P. 62–116.

456. Scheffer, J. The Progressive in English / Johannes Scheffer. – Amsterdam :

North Holland Publishing Co., 1975. – 397 p.

457. Schlesinger, I. M. Cognitive Space and Linguistic Case. Semantic and Syntactic Categories in English / Izchak M. Schlesinger. – Cambridge : University Press, 1995. – 239 p.

458. Schlüter, J. Rhythmic Grammar: The Influence of Rhythm on Grammatical Variation and Change in English / Julia Schlüter. – Berlin, New York : De Gruyter Mouton, 2005 – 425 p.

459. Schmeleva, A. A. Aspect? modality? and closely-related categories: the case of Russian /A. Schmeleva, A. Zalizniak // Societas Linguistica Europaea: 39th Annual Meeting. – University of Bremen, 2006. – P. 81.

460. Schmidt, J. Die Verwandtschaftverhältnisse der indogermanischen Sprachen / Schmidt, J.. – Weimar : H. Böhlau, 1872. – 68 S.

461. Sebba, M. Contact Languages: Pidgins and Creoles / Mark Sebba. – London : Macmillan Press, Ltd., 1997. –314 p.

462. Shelly, P. English and French in England, 1066–1100 / Percy Van Dyke Shelly. – University of Pennsylvania : Philadelphia, 1921. – 97 p.

463. Siegel J. Morphological simplicity in pidgins and creoles / Jeff Siegel // Journal of Pidgin and Creole languages. – Vol. 19. – Issue 1 – John Benjamins Publishing Company, 2004. – P. 139–162.

464. Siegel, J. Substrate Influence in Creoles and the Role of Transfer in Second Language Acquisition / Jeff Siegel // Studies in Second Language Acquisition. – Vol. 25. – No 2. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – P. 185–209.

465. Sievers, E. An old English Grammar / Edward Sievers. – Boston : Ginn and company, 1903. – 442 p.

466. Smith, C. S. The Parameter of Aspect / Carlota S. Smith. – Dordrecht, Boston, London : Kluwer, 1991. – 486 p.

467. Sokolova, A.Yu. Functional-semantic analyses of participle I in old English texts // Russian linguistic bulletin. – 1 (17). – Yekaterinburg : "A-Print" typography, 2019. – P. 12–14.

468. Sokolova, A.Y. To the problem of participle I in Old English texts // Rivers of Language, Rivers of Learning : Proceedings of the 18th NATE-Russia Annual Conference. Yaroslavl, May 24–26, 2012 : материалы 18-ой ежегодной междунар. конференции Национальной ассоциации преподавателей англ. языка, Ярославль, 24-26 мая 2012 г. / Yaroslavl State University .– Ярославль : ЯрГУ, 2012 .– 218 с. – P. 134–135.

469. Sokolova, Alina Yu. Development of The English Grammar Tradition of The New English Period (on The Example of Non-Finite Forms) // Opcion, Año 35. – Especial Nº 22. – Venezuela : Universidad del Zulia, 2019a. – P. 2899-2921. ISSN 1012-1587/ISSNe: 2477-9385.

470. Sonderegger, S. Grundzüge deutscher Sprachgeschichte / Stefan Sonderegger. – Berlin : de Gruyter, 1979. – 353 S.

471. Spears, A. K. Pidgeons and creoles: structure and status / Arthur K. Spears, Donald Winford. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins, 1997. – 461 p.

472. Steele, S. Is it possible? / Susan Steele // Stanford Working Papers in Language Universal. – 18, 1975. – P. 35–58.

473. Stein, D. The Semantics of Syntactic Change: Aspects of the evolution of do in English / Dieter Stein. – Berlin : Mouton de Gruyter, 1990. – 444 p.

474. Strang, B. M. H. Modern English Structure / Barbara M. H. Strang. – 2nd ed. – London : Arnold, 1969. – 264 p.

475. Strang, B. Some aspects of the history of the be + ing construction / Barbara Strang // Language Form and Linguistic Variation. Papers dedicated to Angus McIntosh / ed. by John Anderson. – Amsterdam : Benjamins, 1982. – P. 427–474.

476. Swan, M. Practical English Usage / Michael Swan. – 2nd ed. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 654 p.

477. Sweet, H. A New English Grammar. Part I. Introduction, phonology, and accidence / Henry Sweet. – Oxford : At the Claredon Press, 1892. – 499 p.

478. Sweet, H. A New English Grammar. Part II Syntax / Henry Sweet. – Oxford : At the Claredon Press, 1898. – 137 p.

479. Sykes, F. H. French elements in Middle English: chapters illustrative of the

origin and growth of romance influence on the phrasal power of standard English in its formative period / Frederick Henry Sykes. – Oxford : Horace Hart, printer to the University, 1899. – 64 p.

480. Tenny, C. Aspectual Roles and the Syntax-Semantics Interface / Carol L. Tenny. – Kluwer : Dordrecht Academic Publishers, 1994. – 245 p.

481. The American Heritage® Book of English Usage. A Practical and Authoritative Guide to Contemporary English. – Boston : Houghton Mifflin, 1996 [Электронный ресурс]. – URL : http://web.archive.org/web/20060316061722/http://www.bartleby.com/64/1.html (дата обращения 31.10.2017).

482. The Cambridge history of English and American literature: An encyclopedia in eighteen volumes / edited by A.W. Ward, A.R. Waller, W.P. Trent, J. Erskine, S.P. Sherman, and C. Van Doren. – New York : G.P. Putnam's Sons; Cambridge, England : University Press, 1907–21 [Электронный ресурс]. – URL : http://www.bartleby.com/cambridge/ (дата обращения 15.03.2005).

483. The Cambridge History of the English Language: Vol. I. The beginnings to 1066 / ed by Richard M. Hogg. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – 640 p.

484. The Cambridge History of the English Language: Vol. II. 1066 –1476 / ed by Norman Blake. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 703 p.

485. The Cambridge History of the English Language: Vol. III. 1476 – 1776 / ed by Goger Lass. – Cambridge : Cambridge University Press, 1992. – 796 p.

486. The only English proclamation of Henry III., 18 October 1258 // ed. by Alexander John Ellis. – London : Asher and co, 1868. – 135 p.

487. The Ormulum with the notes and glossary, of R. M. White / ed. by Rev. Robert Holt, M. A. – Vol. I. – Oxford : Oxford Clarendon Press, 1878. – 357 p.

488. The Ormulum with the notes and glossary, of R. M. White / ed. by Rev. Robert Holt, M. A. – Vol. II. – Oxford : Oxford Clarendon Press, 1878. – 597 p.

489. The Oxford Illustrated History of Britain / ed. by Kenneth O. Morgan. – Oxford, New-York : Oxford Univiversity Press, 2000. – 646 p.

490. Thomason, S. G. Contact as a source of language change / Sarah Grey Thomason // The Handbook of Historical Linguistics / ed. by Joseph Brian D., Janda Richard D. – Oxford : Blackwell, 2003. – P. 687–712.

491. Thomason, S. G. Language Contact. An introduction / Sarah Grey Thomason. – Edinburgh : Edinburgh Univiversity Press, 2001. – 310 p.

492. Thomason, T.G. Language Contact, Creolization, and Genetic Linguistics / Sarah Grey Thomason and Terrence Kaufman. – Berkeley, Los Angeles & London : University of California, 1991. – 417 p.

493. Thorpe, B. Analecta Anglo-Saxonica: a selection in prose and verse from Anglo-Saxon authors of various ages, with a glossary / Benjamin Thorpe. – London : J. R. Smith, 1868. – 303 p.

494. Tieken-Boon van O. I., van der Wal M., van Leuvensteijn A. Do in English, Dutch and German. History and Present-Day Variation / J.A. van Leuvensteijn, I. Tieken-Boon van Ostade, M. van der Wal. – Amsterdam : Stichting Neerlandistiek VU & Münster: Nodus Publikationen, 1998. – 170 p.

495. Todd, L. Modern Englishes: Pidgins and creoles / Loreto Todd. – Oxford : Basil Blackwell, 1984. – 286 p.

496. Todd, L. Pidgines and creoles / Loreto Todd. – London, Boston : Routledge and Kegan Paul, 1974. – 106 p.

497. Townend, M. Language and history in Viking Age England: linguistic relations between speakers of Old Norse and Old English / Matthew Townend. – Turnhout : Brepols, 2002. – 248 p.

498. Traugott, E. C. A History of English Syntax / Elizabeth C. Traugott. – New York : Holt, Reinhart and Winston, Inc., 1972. – 232 p.

499. Traugott, E. C. Syntax / Elizabeth C. Traugott // The Cambridge History of the English Language. – Vol. 1 / ed. by R. Hogg. – Cambridge : University Press, 1992. – P. 168–289.

500. Tristram, H. Attrition of inflections in English and Welsh / Hildegard Tristram // Studies in Language. – Vol. 37. The Celtic Roots of English / ed.by M. Filppula, J. Klemola, H. Pitkänen. – Joensuu : University of Joensuu, Faculty of the

Humanities, 2002a. – P. 111–149.

501. Tristram, H. L. C. DO-Periphrasis in Contact? / Hildegard Tristram // Language in Time and Space. – Studies in Honour of Wolfgang Viereck on the Occasion of his 60th Birthday / ed. by H. Ramisch, K.Wynne. – Stuttgart : Franz Steiner, 1997. – P. 401–417.

502. Tristram, H. L. C. The Politics of Language: Links between Modern Welsh and English / Hildegard Tristram // Of dyuersitie & chaunge of langage. – Essays presented to Manfred Görlach on the Occasion of his 65th Birthday / ed. by K. Lenz, R. Möhlig. – Heidelberg : Winter, 2002b. – P. 257–275.

503. Trudgill, P. Dual-source pidgins and reverse creoloids: northern perspectives on language contact / Peter Trudgill // Language contact in the Arctic. Northern pidgins and contact languages / ed. by E. H. Jahr, I. Broch. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 1996. – P. 5–14.

504. Trudgill, P. Investigations in sociohistorical linguistics: stories of colonisation and contact / Peter Trudgill. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 218 p.

505. Valdman, A. Pidgin and Creole Linguistics / Albert Valdman. – Bloomington : Indiana University Press, 1977. – 399 p.

506. Verkuyl, H. J. A Theory of Aspectuality: the interaction between temporal and atemporal structure / H. J. Verkuyl / Cambridge Studies in Linguistics 64. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – 412 p.

507. Vet, C. Tense and Aspect in Discourse / Co Vet, Carl Vetters. – New-York : de Gruyter, 1994. – 295 p.

508. Viberg, A. The verbs of perception: a typological study / Ake Viberg // Linguistics. – 21. – Antwerp, Belgium : Mouton de Gruyter, 1984. – P. 123–162.

509. Vising, J. Anglo-Norman language and literature / Johan Vising. – London : Oxford Uniersity Press, 1923. – 120 p.

510. Visser, F. Th. An Historical Syntax of the English Language. Part III Second half. Syntactical units with two and with more verbs / Fredericus Theodorus Visser. – Leiden : Brill, 1973. – P. 1862–2470.

511. Voyles, J. B. Early Germanic Grammar: Pre-, Proto-, and Post-Germanic Languages / Joseph B. Voyles. – San Diego : Academic Press, 1992. – 302 p.

512. Wagner, L. Inferring Meaning from Syntactic Structures in Acquisition: The Case of Transitivity and Telicity / Laura Wagner // Language and cognitive processes, 2010 – 25. – P. 1354–1379. DOI 10.1080/01690960903488375.

513. Warner, A. R. Complementation in Middle English and the Methodology of Historical Syntax / Anthony R. Warner. – London : Croom Helm, 1982. – 266 p.

514. Warner, A. R. English Auxiliaries. Structure and History / Anthony R. Warner / Cambridge Studies in Linguistics 66. – Cambridge : University Press, 1993. – 291 p.

515. Warner, A. R. Extending the paradigm: an interpretation of the historical development of auxiliary sequences in English / Anthony R. Warner // English Studies 2, 1997. – P. 162–189.

516. Warner, A. R. Predicting the progressive passive: parametric change within a lexicalist framework / Anthony R. Warner // Language 71/3, 1995.– P. 533–557.

517. Wayne, H. The Germanic Languages / Harbert Wayne. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 510 p.

518. Weyhe, H. Zu den Altenglischen Verbalabstrakten auf -nes und -ing -ung / Hans Moritz Karl Weyhe. – Halle : Verlag von Max Niemeyer, 1911. – 49 S.

519. Whitt, R. J. Evidentiality and Perception Verbs in English and German / Richard J. Whitt / German linguistic and cultural studies. – Vol. 26. – Bern : Peter Lang, 2010. – 235 p.

520. Wiemer, B. Aspect choice in modal contexts: Russian and the other Slavic languages / B. Wiemer // Societas Linguistica Europaea: 39th Annual Meeting. University of Bremen, 2006. – P. 142–144.

521. Wright J. An old English Grammar/ Joseph Wright, Elithabeth Mary Wright. – London : Oxford University Press, 1908. – 351 p.

522. Wright, J. An Elementary Middle English Grammar / Joseph Wright, Elithabeth Mary Wright. – London : Oxford University Press, 1923. – 214 p.

523. Zandvoort, R. W. Is ‘aspect’ an English verb category / R. W. Zandvoort //

Gothenburg studies in English. – Vol. XIV. – № 14, 1962. – P. 1–20.

524. Ziegeler, D. Agentivity and the history of the English progressive / Debra Ziegeler // Transactions of the Philological Society. – Vol. 97:1. – Oxford - Malden : The Blackwell Publishers, 1999. – P. 51–101.

525. Ziegeler, D. Interfaces with English Aspect: Diachronic and empirical studies / Debra Ziegeler. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2006. – 345 p.

526. Ziegeler, D. Propositional aspect and the development of modal inferences in English / Debra Ziegeler // Modality-aspect interfaces. Implications and typological solutions / ed. by Werner Abraham and Elisabeth Leiss. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2008. – P. 43–81.

527. Zupitza J. The Romance of Guy of Warwick: the second or 15th century version / Dr. Julius Zupitza. – London: published for the Early English Text Society by N. Trubner & Co., 1875-1876. – 467 p.

528. Zupitza, J. The romance of Guy of Warwick. The first or 14th-century version. Part 1 / Julius Zupitza. – London : published for the Early English Text Society by N. Trubner & Co., 1883. – 224 p.

529. Zupitza, J. The romance of Guy of Warwick. The first or 14th-century version. Part 2 / Julius Zupitza. – London : published for the Early English Text Society by N. Trubner & Co., 1887. – 464 p.

530. Zupitza, J. The romance of Guy of Warwick. The first or 14th-century version. Part 3 / Julius Zupitza. – London : published for the Early English Text Society by N. Trubner & Co., 1891. – 674 p.

Источники языкового материала

Древнеанглийский период

1. Ælfric's Colloquy: Ælfric's Colloquy / Exeter medieval English texts and studies / Aelfric (Abbot of Eynsham) / ed. by George Norman Garmonsway. – University of Exeter Press, 1991. – 64 p.

2. Ælfric's Lives of Saints: Ælfric's Lives of Saints /ed. by W.W. Skeat. – Vol. 1–2. – London : N. Trübner & Co., 1881. – 481 p.

3. Bede's Ecclesiastical History: The Old English Version of Bede's Ecclesiastical History of the English People / ed. by Miller Thomas. – Vol. 1–2. – London : N. Trübner & Co., 1890. – 488 p.

4. Beowulf: Beowulf / ed. by W. J. Sedgefield. – Manchester : The University Press, 1910. – 300 p.

5. Bl. Hom.: The Blickling Homilies of the Tenth Century. – London : Pub. for the Early English Text Society by N. Trübner & Co., 1880. – 392 p.

6. Cura Pastoralis: King Alfred's West-Saxon Version of Gregory's Pastoral Care / ed.by H. Sweet. – London : Trübner & CO., 1871. – 509 p.

7. Homilies of Ælfric: Selected Homilies of Ælfric / ed. by Henry Sweet, M. A. – Second Edition. – Oxford : At The Clarendon Press, 1922. – 80 p.

8. King Alfred's Preface: King Alfred's West-Saxon Version of Gregory's Pastoral Care / ed.by Henry Sweet. – London : Trübner & CO., 1871. – 509 p. – P. 1-8.

9. Orosius: King Alfred's Orosius . Part I / Ed. by Henry Sweet. – London : Pub. for the Early English Text Society by N. Trübner & Co., 1883. – 299 p.

10. Selection from the O.E. Bede: Selections From The Old English Bede / ed. by W. J. Sedgefield – London, New York, Bombay : The University Press, 1917. – 109 p.

11. The Anglo Saxon Chronicle: Two Of The Saxon Chronicles (787—1001 a.d.) / edited by Charles Plummer. – Oxford : The Clarendon Press, 1889. – 136 p.

12. The Gospel of Saint Matthew: The Gospel of Saint Matthew in West-

Saxon / ed. by James Wilson Bright. – Boston, U.S.A. and London : D.C. Heath and Co, 1904. – 147 p.

13. The Husband's Message: Three Old English Elegies / The Wife‘s Lament. The Husband‘s Message. The Ruin / ed. by Roy F. Leslie. – University of Exeter, 1988. – 86p. – P. 49–50.

14. The Ruin: Three Old English Elegies / The Wife‘s Lament. The Husband‘s Message. The Ruin / ed. by Roy F. Leslie. – University of Exeter, 1988. – 86p. – P. 49–50.

15. The Voyage of Ohthere: Old and Middle English c.890–c.1450 / ed.by Elanie Threharne. – London : Blackwell Publishing Ltd, 2010. – P. 24–31.

16. The Wanderer – The Wanderer / ed. by Roy F. Leslie .– University of Exeter, 1985. – 103 p.

17. The Wife's Lament: Three Old English Elegies / The Wife‘s Lament. The Husband‘s Message. The Ruin / ed. by Roy F. Leslie. – University of Exeter, 1988. – 86p. – P. 47–48

18. Wulfstan: Sammlung Englischer Denkmäler in Kritischen Ausgaben. Vierter Band: Wulfstan / ed. by Arthur Napier / Erste Abteilung: Text und Varianten. – Berlin : Weidmann, 1883. – 318 p.

Среднеанглийский период

1. A Chaucer Glossary: A Chaucer Glossary / Comp. by Norman Davis, Douglas Gray, Patricia Ingham and Anne Wallace-Hadrill. – Oxford : Clarendon Press, 1979. – 185 p.

2. A Treatise on The Astrolabe: A Treatise on The Astrolabe: addressed to his son Lowys by Geoffrey Chaucer / ed. by Walter W. Skeat. – London : Early English Text Society, 1872. – 119 p.

3. Ancrene Wisse: Ancrene Wisse / ed. by Robert Hasenfratz. – Kalamazoo, Michigan : Medieval Institute Publications, 2000. – [Электронный ресурс]. – URL : https://d.lib.rochester.edu/teams/publication/hasenfratz-ancrene-wisse (дата обращения

12.01.2015).

4. Athelston: Athelston // Middle English Verse Romances / ed. by Donald B. Sands. – University of Exeter, 1986. – P. 130–153.

5. Ayenbite of Inwyt: Dan Michel's Ayenbite of Inwyt or Remorse of conscience / ed. by Richard Morris. – London : Published for the Early English Text Society, 1866. – 359 p.

6. Fifteenth-century courtesy book: Fifteenth-century courtesy book and Two fifteenth–century franciscan rules / ed. by R. W. Chambers, Walter W. Seton. – London : Early English Text Society, 1914. – 127 p.

7. Fifty earliest English wills : Fifty earliest English wills in the Court of Probate, London: A. D. 1387-1439: with a priest's of 1454 / Edited by Frederik J. Furnivall. – London, New York, Toronto : Oxford University Press, 1964. – 200 p.

8. Hali Meiðenhad: Hali Meiðenhad. An alliterative homily of the thirteenth century: From MS. Bodley 34, Oxford, and Cotton MS. Titus D. 18, British Museum / ed. by Frederick James Furnivall, Thomas Oswald Cockayne. – Greenwood Press, 1969. – 116 p.

9. King Horn: King Horn, Floriz and Blauncheflur, the Assumption of Our Lady / first ed. by J. R.Lumby and now re-edited by George H. McKnight. – London Pub. for the Early English Text Society by K. Paul, Trench, Trübner& Co., 1901. – 171 p.

King Horn // Four Romances of England / ed. by Ronald B. Herzman, Graham Drake, Eve Salisbury.– Kalamazoo, Michigan : Medieval Institute Publications, 1999. – 387 p.

King Horn // Middle English Verse Romances / ed. by Donald B. Sands. – University of Exeter, 1986. – P. 15–54.

King Horn: a Middle-English romance / ed. by Joseph Hall. – Oxford: At the Claredon Press, 1901. – 238 p.

10. Ormulum: The Ormulum with the notes and glossary, of R. M. White / ed. by Rev. Robert Holt, M. A. – Vol. I. – Oxford : Oxford Clarendon Press, 1878. – 357 p.

The Ormulum with the notes and glossary, of R. M. White / ed.

by Rev. Robert Holt, M. A. – Vol. II. – Oxford : Oxford Clarendon Press, 1878. – 597 p.

11. Paston letters and papers of the fifteenth century: Paston letters and papers of the fifteenth century Part I (Early English Text Society Supplementary Series) / ed. by Norman Davis. – Oxford : Clarendon Press, 1971. – 759 p.

12. Sawles Warde: Old English homilies and homiletic treatises (Sawles warde, and þe wohunge of Ure Lauerd: Ureisuns of Ure Louerd and of Ure Lefdi, &c.) of the twelfth and thirteenth centuries / ed. by Richard Morris. – London : Pub for the Early English Text Society, by N. Trubner & Co., 1868. – P. 244–267.

13. The Book of Margery Kempe: The Book of Margery Kempe / ed. by Lynn Staley. – Kalamazoo, Michigan : Medieval Institute Publications, 1996. – [Электронный ресурс]. – URL : https://d.lib.rochester.edu/teams/publication/staley-the-book-of-margery-kempe (дата обращения 12.01.2015).

14. The Peterborough Chr.: The Peterborough chronicle 1070–1154 / ed. by Cecily Clarks. – Oxford university press, 1958. – 120 p.

Новоанглийский период

1. Ascham Roger: Ascham Roger The scholemaster / ed. by Edward Arber. – Boston : D. C. Heath & co.,1898. – 317 p.

2. Francis Bacon: New Atlantis. A work unfinished // Sylva sylvarvm : or, A naturall historie, in ten centuries written by the Right Honorouble Francis Lo. Verulam. Published after the authors death, by William Rawley. – London : Printed by J. H for William Lee, 1627. – 47 p.

3. Nicholas Barbon: Discourse of Trade / by Nicholas Barbon. – London : By Tho. Milbourn for the Author, 1690. – 43 p.

4. Colonel Norwood: A Voyage to Virginia / by Colonel Norwood. – Published: 1649 // Tracts and Other Paper Relating Principally to the Origin, Settlement, and Progress of the Colonies in North America From the Discovery of the Country to the Year 1776. – Vol. III. – No. 10. – Washington : Printed by P. Force,

1844. – 52 p.

5. Locke John: An essay concerning human understanding / by John Locke / collated and annotated by Alexander Campbell Fraser. – Vol.I. – Oxford : Clarendon Press, 1894. – 535 p.

6. Ben Jonson (Volpone; Bartholomew Fair): Jonson B. Two Comedies (Volpone, or the Fox, Bartholomew Fair) / Ben Jonson. – Moscow : Higher School, 1978. – 304 p.

7. Defoe Daniel: Giving Alms, No Charity , and employing the poor a grievance to the nation, : being an essay upon this great question, whether work-houses, corporations, and houses of correction for employing the poor, as now practis'd in England; or parish-stocks, as propos'd in a late pamphlet, entituled, A bill for the better relief, imployment and settlement of the poor, &c. are not mischievous to the nation, tending to the destruction of our trade, and to encrease the number and misery of the poor / by Daniel Defoe. – London : Printed, and sold by the Booksellers of London and Westminster, 1704. – 28 p.

8. Adams Samuel: Adams Samuel. Published: 1772. The Rights of the Colonists. –The Directors of the Old South Work Boston, Mass., 1772 [Электронный ресурс]. – URL : http://etext.lib.virginia.edu/toc/modeng/public/AdaRigh.html (дата обращения 26.04.2004).

9. Darwin Charles: On the origin of species by means of natural selection, or, the preservation of favoured races in the struggle for life / by Charles Darwin. – London: John Murray, 1859. – 502 p.

10. Draper John William: History of the Conflict Religion between religion and science / by John William Draper. – New York : D. Appleton and Co.,1875. – 373 p.

Приложение А

Примеры употребления нефинитных форм в древнеанглийский период

(1) Oft ic sceolde ana uhtna gehwylce / mine ceare cwiþan
often I must.3SG. PST alone in a period before dawn every / my sorrow speak.INF
‘Often at every dawn I alone must lament my sorrows’ (The Wanderer, 8)

(2) ac he me habban wile / dreore fahne,
but he me have.INF will.3SG.PRS / [in] gore stained with
‘but rather he will have me fiercely stained with gore’ (Beowulf, 446-447)

(3) Ic gehatan dear
I promise.INF dare.1SG.PRS
‘I dare promise’ (The Husband's Message, 11)

(4) ic wepan mæg mine wræcsiþas
I weep.INF may. 1.SG.PRS my miseries
‘I can weep about my exile’ (The Wife's Lament, 38)

(5) forþon ne mæg weorþan wis
therefore not may.3SG.PRS become.INF wise
‘Therefore may not become wise’ (The Wanderer, 64)

(6) ic æfre ne mæg / þære modceare minre gerestan
I over not may.1.SG.PRS / this grief of heart my rest.INF
‘I can not this grief endure’ (The Wife's Lament, 40)

(7) þa se goda com / leoda dugoðe on last faran
then the good-man come.SG.PST / people’s old warriors on the path go.INF
‘then the good man came, with the tribe's veteran warriors travelling on the path’ (Beowulf, 2944-2945)

(8) Uton nu efstan oðre siðe
let’s. HORTATORY VERB now hasten.INF other time
‘Let us now hasten another time’ (Beowulf, 3101)

(9) uton raþe feran

let's. HORTATORY VERB quickly go.INF

'let us go quickly' (Beowulf, 1390).

(10) þæt ða liðende land gesawon, / brimclifu blican

that the travelling land see.3PL.PST / see-cliffs.PL.ACC shine.INF

'so that the sailors sighted land sea-cliffs shine' (Beowulf, 221-222)

(11) Het mec hlaford min her eard niman

order.3SG.PST me lord my hier abode.SG.ACC take.INF

'Ordered my lord to me to take up a dwelling here' (The Wife's Lament, 15)

(12) Leton þonne geotan / ofer harne stan hate streamas

let.3PL.PST they pour.INF / over grey stone hot streams.PL.ACC

'They let hot streams pour over the grey stone' (The Ruin, 42-43)

(13) se æt Heorote fand / wæccendne wer wiges bidan

that at Heorot find.3SG.PST / watching man.SG.ACC [for] battle wait.INF

'who found at Heorot a watching man biding for battle' (Beowulf, 1267-1268)

(14) Ic ðær furðum cwom / to ðam hringsele Hroðgar gretan

I there first come.1SG.PST / to that ring-hall Hrothgar greet.INF

'I first came there to that ring-hall to greet Hrothgar' (Beowulf, 2010)

(15) Gewat him on naca / drefan deop wæter

depart.3SG.PST them on boat / chirn.INF deep water

'Departed them on the ship to trouble deep water' (Beowulf, 1903-1904)

(16) ða com beorht scacan

then come.3SG.PST bright hasten.INF

'Then came bright hurrying' (Beowulf, 1802)

(17) Gewitaþ forð beran / wæpen ond gewædu

go.IMPER.PL forth bear.INF / weapons and armour

'go forth bearing weapons and armour' (Beowulf, 291- 292).

(18) Het ða Hildeburh æt Hnæfes ade / hire selfre sunu sweoloðe befæstan / banfatu bærnan

order.3SG.PST then Hildeburh at Hnaef's pier / her own son.SG.ACC [in] flame

commit.INF / body.PL.ACC burn.INF

‘then Hildeburh ordered at Hnaef's pier her own son committed to the fire the body-vessel burned’ (Beowulf, 1114-1116)

(19) Ne mæg werig mod wyrde wiðstondan / ne se hreo hyge helpe gefremman

not can.3SG.PRS weary mind fate.SG.ACC withstand.INF / not that sad mind help.SG.ACC find.INF

‘nor can the weary mind withstand fate, nor the turbulent mind help find’ (The Wanderer, 15-16)

(20) wenian mid wynnum

entertain.INF with joys.PL.DAT

‘entertain with joys’ (The Wanderer, 29)

(21) ond þone ænne heht / golde forgyldan

and the one order.3SG.PST / gold.SG.DAT pay.INF

‘and the one man asked to pay in gold’ (Beowulf, 1053-1054)

(22) het hine wel brucan

order.3SG.PST him well.ADV use.INF

‘ordered him to use (them) well’ (Beowulf, 1045)

(23) Him ða Scyld gewat to gescæphwile / felahror feran on frean wære

himself that Scyld depart.3SG.PST to fated hour / warlike.ADV go.INF on lord’s protection

‘Then Scyld departed at the destined time still in his full-strength, to fare in the protection of the Lord’ (Beowulf, 26- 27)

(24) Eal þæt his man aþer oððe ettan oððe erian mæg

all that his man either or eat.INF or plough.INF can.3SG.PRS

‘All that his man either graze or plough can’ (The Voyage of Ohthere)

(25) We wyllaþ beon bylewite butan licetunge

we will.1PL.PRS be.INF kind without deceit

‘we want to be kind without deceit’ (Ælfric's Colloquy)

(26) Þa cwæð he: "Hwæt sceal ic singan?"

then said he: what shall.1SG.PRES I sing.INF?

‘then he said: what must I sing?’ (Bede's Ecclesiastical History)

(27) Forþam ic nelle fedan hig on sumera

because I not-will.1SG.PRS feed.INF them in summer

‘Because I do not want to feed them in summer and because they eat too much’ (Ælfric's Colloquy)

(28) Ne canst þu huntian buton mid nettum?

not can.2SG.PRS you hunt.INF but with nets?

‘Can’t you hunt without nets?’ (Ælfric's Colloquy)

(29) Ic ne dear yppan þe digla ure

I not dare.1S.PRS betray.INF that secret our

‘I dare not to betray our secret’ (Ælfric's Colloquy)

(30) Þæt hīe mōsten Crīstes geēafan bodian and læran

that they may.3PL.PST Christ’s belief preach.INF and learn.INF

‘that they must Christ’s belief preach and learn’ (Selection from the O.E. Bede)

(31) Her mon mæg giet gesion hiora swæð, ac we him ne cunnon æfter spyrigean

here man can.1SG.PRS yet see.INF their track, but we him not can.1PL.PRS follow.INF

‘here man can yet see their track but we after him can not follow’ (King Alfred's Preface)

(32) swæ swæ ic hie forstod ond swæ ic hie andgitfullicost areccean meahte

just as I them understood and as I them clearliest translate.INF can.1SG.PST

‘just as I them understood and as I them clearliest translate could’ (King Alfred's Preface)

(33) ond hu we hie nu sceoldon ute begietan, gif we hie habban sceoldon

and how we them now must.PL.PST.SBJV outside get.INF, if we them have.INF must.PL.PST.SBJV

‘and how we them now must get from abroad if we them must have’ (King Alfred's Preface)

(34) ond furþon litlincgas nellaþ forbigean me

and even children not-will.3PL.PRS despise.INF me

‘and even a child is unwilling to despise me’ (Ælfric's Colloquy)

(35) for þæm hie ne dorston forþ bi þære ea siglan for unfriþe

for that they not dare.PL.PST further by that river sail.INF for hostilities

‘because they dared not sail beyond that river because of hostilities’ (The Voyage of Ohthere)

(36) to singanne on ciricean mē simle swēte and wynsum wæs

to sing.INF in church me.DAT always sweet.ADJ and agreeable.ADJ be.SG.PST

‘to sing in church for me always sweet was and agreeable’ (Selection from the O.E. Bede)

(37) nu is tima us of slæpe to arisenne

now is time us.DAT of sleep to rise.INF

‘now is time for us from sleep to rise’ (Homilies of Ælfric)

(38) wado weallende, wedera cealdost, / nipende niht, ond norþanwind / heaðogrim ondhwearf

water. SUBST.NOM.PL welling.PRS.PART.NOM.PL, weather coldest, / darkening. PRS.PART.NOM.SG night. SUBST.NOM.SG, and northern-wind / fierce walked over

‘the water welling, the coldest of weathers, the darkening night and the north wind fierce turned against us’ (Beowulf, 546-548)

(39) þæt ðu ne alæte be ðe lifigendum / dom gedreosan

that you not allow with you.DAT.SG living PRS.PART.DAT.SG / glory fail

‘that you would not allow, with you still living, glory to fail’ (Beowulf, 2665-2666).

(40) ne ge leafnesword guðfremmendra gearwe ne wisson

nor you password [of] war-makers.GEN certainly not know

‘you the password of our war-makers certainly don't know’ (Beowulf, 246)

(41) Fleotendra ferð

sailors.GEN spirits

‘the sailors’ spirits’ (The Wanderer, 54)

(42) Se mon se ðe his gefan hamsittendne wite

the man that his adversary.ACC home-residing.PRS.PART know.PRS.SG

'The man that knows his adversary to be at home residing' (Homilies of Ælfric).

(43) Ic hine cuðe cnihtwesende

I him.ACC know.PST.SG boy-being.PRS.PART

''I knew him when he was a youth' (Beowulf, 372)

(44) þa geseah heo þære foresprecenan Godes þeowe sawle Hilde þære abbudissan in þæm seolfan leohte, engla weorodum gelædendum, to heofonum up borenne beon

then saw she the aforesaid God's servant's soul Hild the abbess in this own light, angels host.DAT escorting.PRS.PART.DAT, to heaven up born be

'she saw the soul of the aforesaid servant of God, the abbess Hild, in this light escorted by hosts of angels was born up to heaven' (Bede's Ecclesiastical History)

(45) & þa him swa sittendum, ða com þær semninga ure Drihten

and while they.DAT thus sitting.PRS.PART.DAT, then came there suddenly our Lord

'while they were thus sitting suddenly our Lord came there' (Bl. Hom.)

(46) Me ætstondendum he þis eal dyde

me.DAT standing.PRS.PART.DAT he this all did

'before me standing here, he did this all' (Bl. Hom.)

(47) And ymb seofon hund wintra 7 xxxi þære Drihtenlican menniscnesse in þæs Drihtnes þæm ecean rice gefeoð eal eorþe;7 efenblissiendre Breotone in his geleafan 7 monig ealond blissiað 7 ondettað gemynde his halignesse

And about 731 years the Rule's incarnation of the Lord that eternal kingdom rejoys all earth; rejoicing.PRS.PART Britain.ACC in his faith and many islands rejoice and acknowledge memory [of] his holiness

'And now 731 years after our Lord's incarnation the whole earth is rejoicing in the eternal kingdom of the Lord; and while Britain shares the joy in his faith, many islands also rejoice and acknowledge the memory of his holiness' (Bede's Ecclesiastical History)

(48) morþor hycgendne

crime.ACC considering.PRS.PART

‘crime considering’ (The Wife’s Lament, 20)

(49) mid hine sprecende wæs

with him.ACC speaking.PRS.PART be.PST.SG

‘with him speaking was’ (Bede's Ecclesiastical History)

(50) Hwilum flitende

sometimes.ADV.MODIFIER racing.PRS.PART

‘Now and then racing’ (Beowulf, 916)

(51) ond ic þær togeanes standende færlice ofstikode hine

and I there opposite.ADV.MODIFIER standing.PRS.PART suddenly stabbed him

‘And I there opposite standing stabbed it’ (Ælfric's Colloquy)

(52) And ure drihten is to cweðenne ðonne he to ðam dome cymð

and our Lord be.PRS.SG to tell.INF when he to that doom comes

‘and our Lord will tell us when he to the judgment comes’ (Homilies of Ælfric)

(53) Eall ðis wæs God mid to gremienne, 7 ðas arme leode mid to tregienne.

all this be.PST.SG God with to irritate.INF and that miserable people with to trouble

‘All this was done to the displeasure of God, and to the vexation of this unhappy people’ (The Anglo Saxon Chronicle, 1104)

(54) Her syndon geferede, feorran cumene / ofer geofenes begang Geata leode

Here be.PRS.PL brought.PST.PART, far come.PST.PART / over sea’s region Geats men

‘Here are ventured, come from far away over the expanse of the sea, men of the Geats’ (Beowulf, 361-362)

(55) is his eafora nu / heard her cumen

be.PRS.SG his son now / fierce here come.PST.PART

‘now his heir is come here bravely’ (Beowulf, 376)

(56) Nu is se dæg cumen

now be.PRS.SG that day come.PST.PART

‘Now the day is come’ (Beowulf, 2646)

(57) Ðonne he forð scile, / of lichaman lysed weorðan

then he away he must.SBJV.PRS.SG, / of body released.PST.PART become.INF

'when hence he goes from life in the body forlorn away' (Beowulf, 3177-3178)

(58) Denum eallum wearð / æfter þam wælræse willa gelumpen

Danes.DAT all become.SBJV.PST.SG / after that slaughter-storm wishes happened.PST.PART

'For the Danes were all after that slaughter-storm, wishes come to pass' (Beowulf, 823-824)

(59) from þæm foresprecenan biscope

from that mentioned.PST.PART.DAT bishop.SUBST.DAT

'from the mentioned bishop' (Bede's Ecclesiastical History)

(60) Þæs acendan engles

this begotten.PST.PART.GEN angle.SUBST.GEN

'Begotten messenger' (Bl. Hom.)

(61) mid þy heo þær longe gebegdum cneom hire gebæd sona geearnode þæt hire bene geherde wæron

with that she that long bended.PST.PART.DAT knees her prayed soon earned that her prayers heard were

'and remaining there a long time in prayer with bended knees, she soon earned a hearing for her prayers' (Bede's Ecclesiastical History)

(62) Ic me wille nu onhwyrfan to þisse bære, & þonne gegripan þæt palmtwig & hit þonne to eorþan afyllan, & forsearedum him begen dæles forbreacan & forbærnan

I me will now turn this bier, and then seize that palm twig and it then to ground cast, and dried-up.PST.PART.DAT them both parts break and burn

'I will now turn me to this bier, and then will seize the palm twig and cast it to the ground, and being dried up, I will break both parts in pieces and burn them up' (Bl. Hom.)

(63) Swæ clæne heo wæs oðfeallenu

So pure she.NOM.SG.FEM be.PST.SG declined.PST.PART.NOM.SG.FEM

'So entirely she was declined' (King Alfred's Preface)

(64) for ðæm ðe hie næron on hiora agen geðiode awritene

because that they.PL be.PST.PL not on their own language written.PST.PART.PL

‘Because they were not on their own language written’ (King Alfred’s Preface)

(65) Forþon he wæs se mon swiþe æfæst & regollecum þeodscipum eaðmodlice underþeoded

Because he be.PST.SG that man very pious and regular disciplines.DAT humbly devoted.PST.PART

‘Because he was the man very pious and to regular disciplines humbly devoted’ (Bede’s Ecclesiastical History)

(66) ne bið hrinen mid þy storme þæs winters

not be.PRS.SG touched.PST.PART with the storms [of] this winter

‘is not touched with the storms of the winter’ (Bede's Ecclesiastical History)

(67) Þæt giet todæg is mid Peohtum healden

that still today be.PRS.SG with Picts observed.PST.PART

‘that (tradition) is today with Picts observed’ (Selection from Bede)

(68) he was on Pannania þære mægðe ærest on woruld cumen

he be.PST.PART on Pannonia that country first on world come.PST.PART into the first world

‘He first was come into the world in the land of Pannonia’ (Bl. Hom.)

(69) under hwelcum cyninge þæt þonne geworden wæs

under which king that then become.PST.PART be.PST.SG

‘under which king that then become was’ (Selection from Bede)

Приложение Б

Примеры употребления нефинитных форм в среднеанглийский период

(1) alle mahen ant ahen halden a riwle
all can.PRS.PL and ought.PRS.PL keep.INF a rule
‘all can and ought to keep one rule’ (Ancrene Wisse)

(2) thet ye mahen honden putten ther-under
that you can.PRS.PL hands put.INF there-under
‘that you can put [your] hands under it’ (Ancrene Wisse)

(3) for ne mahte in eorðe na cwic þing hit þolien
for not can.PST.SG in earth no living thing it endure.INF
‘for no living thing on earth could endure it’ (Sawles Warde)

(4) I ne can ne i ne mai tellen alle þe wunder
I not can.PRS.SG nor I not mai.PRS.SG tell.INF all the wounds
‘I neither can, nor may I tell all the wounds’ (Peterborough Chr, 1137)

(5) dide him gyuen up ðat abbotrice of Burch & faren ut of lande
do.PST.SG him.ACC give.INF up that Abbey of Peterborough and go.INF out of land
‘and made him give up the Abbey of Peterborough, and go out of the land’ (Peterborough Chr, 1132)

(6) the maketh feasten, wakien, calde ant hearde werien – swucche othre heardschipes thet moni fles mei tholien, moni ne mei nawt
which make.PRS.SG fast.INF, awake.INF, cold and rough wear.INF – such other hardships which many flesh can suffer, many no can not
‘which causes [people] to fast, hold vigils, wear cold and rough [clothes] – [and to undertake] such other hardships which many [a person's] flesh (or, body) can suffer, many [a person's] cannot’ (Ancrene Wisse)

(7) Ich iseo a sonde cumen
I see.PRS.SG a messenger.ACC come.INF

‘I see a messenger coming’ (Sawles Warde)

(8) He fond o schup stonde

He find.PST.SG a ship.ACC stand.INF

‘He found a ship to stand’ (King Horn 596)

(9) benam him al ðat he ahte to hauen

deprive him all that he ought.PST.SG to have.INF

‘took away from him all that he ought to have’ (Peterborough Chr, 1140)

(10) þe uurecce men ne hadden nammore to gyuen

the wretched men not had no-more.ADV to give.INF

‘the wretched men had no more to give’ (Peterborough Chr, 1137)

(11) ye bihaten ham as heaste to halden

you promise.PRS.PL them as commands to hold.INF

‘you promise them as commands to hold’ (Ancrene Wisse)

(12) ant is monnes fundles, for na thing elles i-stald bute to servi the inre

and be.PRS.SG man's invention, for no thing else establish.PST.PART but to serve.INF the inner

‘and is man's invention, established for nothing else but to serve the inner [rule]’ (Ancrene Wisse)

(13) the tospreat swa his earmes toward ow, ant buheth, as to beoden cos

the spreads so his arms towards you, and bend.PRS.SG as to offer.INF a kiss

‘so spreads out His arms towards you, and bends as if to offer a kiss’ (Ancrene Wisse)

(14) ant hwi ha beoth swithe to heatien ant to schunien

and why they be.PRS.PL very to hate.INF and to avoid.INF

‘and why they are intensely hated and avoided’ (Ancrene Wisse)

(15) makie to cwakien heouene ba ant eorðe

make.INF to tremble.INF heaven.ACC both and earth.ACC

‘to make both heaven and earth tremble’ (Sawles Warde)

(16) He made belle rynge / ant prestes masse synge

He make.PST.SG bell.ACC ring.INF / and priests.ACC messe sing.INF

‘He made bell ring and priests mass sing’ (King Horn)

(17) þet hi / ne dorre naȝt zigge

what he / not dare.PRS not say.INF

‘what he (they) dare not say’ (Ayenbite of Inwyt)

(18) if he cowd redyn it he wolde copyn it owt and wrytyn it betyr wyth good wylle

If he could.PST read.INF it he would.PST copy.INF it out and write.INF it better with good will

‘If he could read it he would copy it out and write it better with good will’ (Margery Kempe)

(19) Þou ne sselt habbe / uele godes

you no shall.PRS have.INF/ many Gods.ACC

‘you shall not have many Gods’ (Ayenbite of Inwyt)

(20) The towell muste be layed vppon his shulder

The towel must.PRS be.INF laid upon his shoulder.ADV.MODIFIER

‘The towel must be laid upon his shoulder’ (Fifteenth-century courtesy book)

(21) þou ne sselt naȝt consenti / to do zenne / mid þine bodye

You no shall not consent.INF/ to do.INF sin / with your body

‘You shall not consent to do sin with your body’ (Ayenbite of Inwyt)

(22) He thoughte al for here sake / False lesyngys on hem to make

He thought.PST.SG all for their sake / False leis on them to make.INF

‘He thought all for their sake / false lies on them to make’ (Athelston)

(23) Ine non oþre manyere / ne is no riȝt to zuerie

In no other manner / no is not right.ADJ to swear.INF

‘In no other manner is it not right to swear’ (Ayenbite of Inwyt)

(24) And yzeȝ saint Ion þet þe ilke kueade best / hedde miȝte / of him-zelve / to viȝte / wyþ þe halȝen / an his to ouercome / and to ouermaistri

and saw St. John that the same evil beast / had power.SUBST / of himself / to fight.INF / with the saints / and them to overcome.INF/ and to overmaster.INF

‘and St. John saw that the same evil beast had power of himself to fight with the saints, and to overcome and to overmaster them’ (Ayenbite of Inwyt)

(25) shall commond the sewer to awayte

shall command.INF the sewer.ACC to await.INF

‘shall command the sewer to await’ (Fifteenth-century courtesy book)

(26) when it lyketh þe lorde to axe water

when it like.PRS.SG the lord.ACC to axe.INF water

‘when it likes the lord to axe water’ (Fifteenth-century courtesy book)

(27) Unto Londone wolde he fare / To speke with the kynge

In London wished he go.INF / to speak.INF with the king

‘In London wished he go to speak with the king’ (Athelston)

(28) Now I have power and dignyté / For to asoyle thee as clene

Now I have power and dignity.SUBST / for to absolve.INF you as guiltless

‘Now I have power and dignity to absolve you as guiltless’ (Athelston)

(29) At all tymes þe towelles to be dubble

At all times the towels to be.INF doubled

‘At all times the towels to be doubled’ (Fifteenth-century courtesy book)

(30) Then all þe esquyres to make a salutacoun at onys and go bake to þe ewry

Then all the esquires to make.INF a salutation at once and go.INF back to all

‘Then all the esquires to make a salutation at once and go back to all’ (Fifteenth-century courtesy book)

(31) zuo moche ich am yeldinde be riȝte riȝtuolnesse

so much I be.PRS.SG yielding.PRS.PART for right rightfulness

‘so much I am yielding for right rightfulness’ (Ayenbite of Inwyt)

(32) and to huet vice he ys mest bouȝinde

and to what vice he be.PRS.SG most bending.PRS.PART

‘and to what vice he is most prone’ (Ayenbite of Inwyt)

(33) A generall Rule to teche euery man that is willynge for to lerne to serve a lorde or mayster in euery thyng to his pleasure

A general Rule to teach every man that be.PRS.SG willing.PRS.PART for to learn to serve a lord or master in every thing to his pleasure

‘A general Rule to teach every man that is willing for to learn to serve a lord or

master in every thing to his pleasure' (Fifteenth-century courtesy book)

(34) and þat no gromys hede be coueryd seruyng at meles yeman
and that no servant's head be.INF covered.PST.PART serving.PRS.PART yeoman at meal
'and that no servant's head be covered serving yeoman at meal' (Fifteenth-century courtesy book)

(35) and þe marshall bygynnynge at þe lowere ende and after at þe higher ende shall bryng all þat leythe vppon þe borde
and the marshal beginning.PRS.PART at the lower end and after at the higher end shall bring.INF all that lay upon the table
'and the marshal beginning at the lower end and after at the higher end shall bring all that lay upon the table' (Fifteenth-century courtesy book)

(36) sche lay in Seynt Marcellys Chirche in Rome, thynkyng and studying wher…
she lie.PST.SG in Saint Marcel's Church in Rome, thinking.PRS.PART and studying.PRS.PART where…
'she lay in Saint Marcel's Church in Rome, thinking and studying where…' (The Book of Margery Kempe)

(37) Than the good preyste cam to hir, seying
Then the good priest come.PST.SG to her, saying.PRS.PART
'Then the good priest came to her, saying' (The Book of Margery Kempe)

(38) ower mercyfulle Lord Cryst Jhesu havyng pety and compassyon of hys handwerke and hys creatur turnyd helth into sekenesse
our merciful Lord Crist Jesus having.PRS.PART pity and compassion of his handwork and his creature turn.PST.SG health into sickness
'our merciful Lord Crist Jesus having pity and compassion of his handwork and his creature turned health into sickness' (The Book of Margery Kempe)

(39) for hi uueron al forcursæd &forsuoren & forloren
'for they be.PST.PL all accursed.PST.PART and forsworn.PST.PART, and abandoned.PST.PART' (The Peterborough Chr, 1137)

(40) for þe land was al fordon mid suilce dædes

for the land be.PST.SG all wasted.PST.PART with such deeds.ADV.MODIFIER

'for the land was all laid waste by such deeds' (The Peterborough Chr., 1137)

(41) Hi hadden him manred maked & athes suoren

They have.PST.PL him tribute.ACC made.PST.PART and oaths.ACC sworn.PST.PART

'They had paid him tribute, and sworn oaths' (The Peterborough Chr, 1137)

(42) þe þe king adde beteht Euorwic

whom the king have.PST.SG committed.PST.PART York

'to whom the king had committed York' (The Peterborough Chr, 1138)

(43) þet ha forſaken habbeð

that.ACC they forsaken.PST.PART have.PRS.PL

'which they have forsaken' (Hali Meiðenhad)

(44) Wurþen men suiðe ofuundred & ofdred

become.PST.PL men very much astonished.PST.PART and terrified.PST.PART

'Men were very much astonished and terrified' (The Peterborough Chr, 1135).

(45) hi togædere comen, & wurðe sæhte, þoþ it litel forstode

they together came, and become.PRS.PL settled, but it little availed.PST.PART

'and they came together, and were settled, but it availed little' (The Peterborough Chr, 1135)

(46) þer asketh hym howe his bord shall be set

there asks him how his board shall be.INF set.PST.PART

'there asks him how his board shall be set' (Fifteenth-century courtesy book)

(47) þat is taken by thy rewle

that be.PRS.PART taken by the rule

'that is taken by the rule' (A Treatise on The Astrolabe)

(48) as þey ben asked, and þe bokes made

as they be.PST.PL asked.PST.PART, and the books made.PST.PART

'as they were asked, and the books were made' (Fifteenth-century courtesy book)

(49) þe stolis trestelles or elles formys yef ony be, þat þey be set in ther owne places at melis at þe bordes, and afore and aftur melis in corners farthest from

encombraunce: and all þe hallynges and costers dressed in þer kynde places and shaken or betyn wyth Roddes

the stool's trestles or other forms if any be, that they be.PRS.SUBJV set.PST.PART in their own places at meals at the boards, and before and after meals in corners farthest from encumbrance: and all the covers and curtains dressed.PST.PART in their places and shaken.PST.PART or beaten.PST.PART with rods

'the stool's trestles or other forms if any, that they are set in their own places at meal at the boards, and before and after meal in corners farthest from encumbrance: and all the covers and curtains dressed in their places and shaken or beaten with rods' (Fifteenth-century courtesy book)

(50) so blyssyd a chere

so blessed .PST.PART a cheer.SUBST

'so blessed a cheer' (The Book of Margery Kempe)

(51) ne come naȝt beuore god / mid zuorde adraȝe / and mid blodi honden

no come not before God / with sword.SUBST drawn .PST.PART / and with bloody hands

'do not come before God with sword drawn and with bloody hands' (Ayenbite of Inwyt)

(52) þat shall wesshe

that shall wash.INF

'that shall wash'

till þe lorde haue wesshe

till the lord have washed.PST.PART

'till the lord have washed' (Fifteenth-century courtesy book)

(53) Vnder the compas of thilke degres ben writen the names of the 12 signes

Under the compass of such degrees are written.PST.PART the names of the 12 signs

'Under the compass of such degrees are written the names of the 12 signs' (A Treatise on The Astrolabe)

þat sothly me semeth betre to writen vn-to a child twies a good sentence
that truly me seems better to write.INF to a child twice a good sentence
'that truly me seems better to write to a child twice a good sentence' (A Treatise on The Astrolabe)

(54) or it was twenty yer and mor fro tym this creatur had forsake the world
or it was twenty years and more from time this creature had forsaken.PST.PART the world
'or it was twenty years and more from time this creature had forsaken the world'
sche schuld forsake hir Crystendam
she should forsake.INF her Christendom
'she should forsake her Christendom' (The Book of Margery Kempe)

(55) It hath gete me this eerldome
It has got.PST.PART me this earldom
'It has given me this earldom' (Athelston, 725)
And I schal wende in uncouthe lond, / And gete me stronge men of hond
And I schall go in unknown land, / And get.INF me strong men of hand
'And I schall go to an unknown land, / And get me strong men of hand' (Athelston, 485-486)

(56) Now schal the chyldryn gon the way / That the fadyr yede
Now shall the children go.INF the way / that the father went
'Now the children shal go the way / that the father went' (Athelston, 598-599)
When my lyf hadde ben gon
When my life had been gon. PST.PART
'When my life had been gone' (Athelston, 764)

Приложение В

Примеры употребления нефинитных форм в новоанглийский период

(1) As I did urge him to it for your good (Ben Jonson Volpone)

(2) yet God doth order (Roger Ascham)

(3) The remedie of this, doth not stand one lie (Roger Ascham).

(4) The light of the day (which now broke forth) did discover our condition to be altogether as perillous as possible (Colonel Norwood)

(5) we do not so much respect Beauty, as Variety of Ground and Soyle (Francis Bacon)

(6) We offred some Reward in Pistoletts unto the Servant, and a piece of Crimson Veluett to be presented to the Officer: But the Seruant tooke them not, nor would scarce looke upon them (Francis Bacon)

(7) who wanted not money or credit to balance the expence (Colonel Norwood)

(8) But I come not here to discourse of that matter (Ben Jonson Volpone)

(9) He would now discover Land to us, that we mought not perish (Francis Bacon)

(10) He should also be willing to pay his just quota (Samuel Adams)

(11) The approaching night made us take leave sooner than our inclinations would have led us ashore (Colonel Norwood)

(12) He thanks you, and desires you see him often (Ben Jonson Volpone)

(13) My lord would haue you know that it is not of Pride, or Greatnes, that he cometh not aboard your Shipp (Francis Bacon)

(14) wee heard him speake (Francis Bacon)

(15) Other would haue them speake at all aduentures (Roger Ascham)

(16) when I shall see them persecute with fire and sword the members of their own communion (John Locke)

(17) Thy modesty / Is not to know it (Ben Jonson Volpone)

(18) Enough, talk no more on’t: your friendship, masters, is not now to begin (Ben Jonson Bartholomew Fair)

(19) it is so planted as to go thro' as many hands (Daniel Defoe)

(20) there are sixe of our People appointed to attend you, for any Busines you may haue abroad (Francis Bacon)

(21) Wherein hee saw so farre, that now in so many Ages since the Prohibition, wee haue memory not of one Shipp that euer returned, and but of thirteene Persons only, at severall times, that chose to returne in our Bottomes. What those few that returned may haue reported abroad, I know not (Francis Bacon)

(22) These considerations, to omit many others that might have been urged to the same purpose (John Locke)

(23) I much regret that want of space prevents my having the satisfaction of acknowledging the generous assistance (Charles Darwin)

(24) The Scriptures make known two comings of the Son of God (John William Draper)

(25) by sending it unto vs (Francis Bacon)

(26) The remembrance of soch a common welthe, vsing soch discipline and order for yougthe, and thereby bringing forth to their praise, and leauing to vs for our example, …., is pleasant for me to recite (Roger Ascham)

(27) that the drooping is due to the disuse of the muscles of the ear (Charles Darwin)

(28) an ouerstaring frounced hed (Roger Ascham)

(29) The approaching night (Colonel Norwood)

(30) by promulgated, standing, and known laws (Samuel Adams)

(31) representing power of the nation (Daniel Defoe)

(32) A juggling, tooth-drawing, prating mountebank! (Ben Jonson Volpone)

(33) it were but a small grammaticall controuersie, neither belonging to heresie nor treason, nor greatly touching God nor the Prince (Roger Ascham)

(34) These faultes, taking once roote in yougthe, be neuer, or hardlie, pluckt away in age (Roger Ascham)

(35) and we, being some 10. of us, (the rest were of the meaner sort or else gone abroad), sate down with him (Francis Bacon)

(36) a wise Man and a great Warrier, Knowing well both his owne strength (Francis Bacon)

(37) every man living in or out of a state of civil society has a right peaceably and quietly to worship God according to the dictates of his conscience (Samuel Adams)

(38) she saw the vast throngs of the poor, flocking to see and bless her (Daniel Defoe)

(39) rely on his goodness, hoping, that the same providence which had hitherto so miraculously preserved us (Colonel Norwood)

(40) smiling she answered me (Roger Ascham)

(41) and the Women only stand about him, leaning against the wall (Francis Bacon)

(42) when it does act under confinement, acting not quite regularly, and producing offspring not perfectly like their parents or variable (Charles Darwin)

(43) For the poore Remnant of Human Seed which remained in their Mountaines, Peopled the countrey againe slowly, by little and little, and being simple and a sauage People (not like Noah and his Sonnes, which was the chiefe Family of the earth), they were not able to leaue Letters, Arts, and Ciuillity to their Posterity (Francis Bacon)

(44) And hee perceiuing that wee were willing to say somewhat, but had it not ready, in great Courtesie tooke vs off (Francis Bacon)

(45) Tom Reasin, seeing the ship go a-head in the likeliest water for a channel, and ordering the helm accordingly, heaved the lead (Colonel Norwood)

(46) and uses an Argument, from a Simile, supposing a Man to have 1000 l. per annum (Nicholas Barbon)

(47) O, sir, the better: for that colour / Shall make it much more taking. (Ben Jonson Volpone)

(48) I do feel conceits coming upon me (Ben Jonson Bartholomew Fair)

(49) I feel myself dropping already as fast as I can (Ben Jonson Bartholomew Fair)

(50) it was a heavy spectacle to see our selves running at a round rate from it (Colonel Norwood)

(51) who kept the pump always going (Colonel Norwood)

(52) that think me turning carcase (Ben Jonson Volpone)

(53) hee calleth for them againe, and saith, laying his Arme over their shoulders, they

standing (Francis Bacon)

(54) When hee is sett, the Roome being alwaies full of Company, but well kept and without Disorder, after some pause there commeth in from the lower ende of the Roome, a Taratan (Francis Bacon)

(55) These things being thus determined, let us inquire, in the next place (John Locke)
The right to freedom being the gift of God Almighty, it is not in the power of man to alienate this gift and voluntarily become a slave (Samuel Adams)

(56) And this on the other hand makes the people of our northern countries spread themselves so much to the south, where trade, war and the sea carrying off so many, there is a greater want of hands (Daniel Defoe)

(57) They associated themselves on a principle of communism, each throwing into the common stock whatever property he possessed, and all his gains (John William Draper)

(58) Whereupon being not a little discomfited (Francis Bacon)

(59) which was many times frustrated (Colonel Norwood)

(60) The seas were much appeas'd the seventeenth day (Colonel Norwood)

(61) they are so warmed and inflamed (John Locke)

(62) should be so base, so meanly spirited (Daniel Defoe)

(63) When we were come within sixe yards of their Boate, they called to vs to stay, and not to approach farther, which we did (Francis Bacon)

(64) we are come here among a Christian people (Francis Bacon)

(65) I am a Christian Priest, and therefore am come to you to offer you my seruice (Francis Bacon)

(66) All hands were summon'd up with loud cries, that the fore-topmast was come by the board, not alone, but in conjunction with the fore-mast head broken short off, just under the cap (Colonel Norwood)

(67) The vulture's gone, and the old raven's come! (Ben Jonson: Volpone)

(68) What, is her husband gone? (Ben Jonson: Bartholomew Fair)

(69) When will you have your inventory brought, sir? (Ben Jonson: Volpone)

(70) the employer wants to have his business done (Daniel Defoe)

(71) He managed to have himself appointed captain-general (John William Draper)

(72) and left vs also confused with Joy and Kindnesse (Francis Bacon)

(73) we esteemed our selves honoured with her presence (Colonel Norwood)

(74) she saw herself environed with a company of strange faces (Colonel Norwood)

(75) See all your coffers and your caskets lock'd (Ben Jonson: Volpone)

(76) After salutation, and dewtie done, with som other taulke (Roger Ascham)

(77) After the three Concordances learned, as I touched before, let the master read vnto hym the Epistles of Cicero (Roger Ascham)

(78) Which done, another of the Attendants of the Great Person, which was with him in the same Boate, after his Lord had spoken a little to him, said aloud (Francis Bacon)

(79) I am to affirm what is above; and shall always be ready, when call'd to it, to make such a proposal to this Honourable House (Daniel Defoe)

(80) Assassinated while his preparations were incomplete, he was succeeded by his son Alexander (John William Draper)

(81) There was a handsome plenty of fish and fowl, several ways cooked (Colonel Norwood)

(82) with your name inscribed, / And arms engraven (Ben Jonson: Volpone)

(83) a long black hair, kemb’d out of the tail of Antichrist. (Ben Jonson: Bartholomew Fair)

(84) with your name inscribed, / And arms engraven (Ben Jonson: Volpone)

(85) a long black hair, kemb’d out of the tail of Antichrist. (Ben Jonson: Bartholomew Fair)

(86) forced action (Ben Jonson: Volpone)

(87) an uninterrupted succession (John Locke)